МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

16+

Вестник славянских культур

Научный журнал

Издается с 2000 г.

Том 81
Сентябрь 2026

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–68467 от 27 января 2017 г.
ISSN 2073-9567

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий
для публикации трудов соискателей ученых степеней

E-mail: vsk_gask@mail.ru
Сайт: www.vestnik-sk.ru

Москва
2026

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

"A.N. KOSYGIN RUSSIAN STATE UNIVERSITY
(TECHNOLOGIES. DESIGN. ART)"

THE INSTITUTE OF HUMANITIES EDUCATION AND CULTURE

16+

VESTNIK SLAVIANSKIKH KULTUR [BULLETIN OF SLAVIC CULTURES]

Scientific journal

Published since 2000

Volume 81
September 2026

The journal is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ПИ № ФС77–68467 of January, 27, 2017

ISSN 2073-9567

The Bulletin is included in the list of the periodicals, the publications in which are accepted for the consideration by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation when defending the thesis for PhD and DSc degrees

E-mail: vsk_gask@mail.ru
www.vestnik-sk.ru

Moscow
2026

Вестник славянских культур. — 2026. — Т.81. — 366 с.; ил. — ISSN 2073-9567

Главный редактор
О.А. Запека (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
О.А. Туфанова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Ответственный секретарь
К.К. Маслова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Редактор
М.В. Рудаков (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия)
Д.А. Завельская (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Громов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *С. Елушич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), *И.И. Калиганов* (Институт славяноведения РАН Москва, Россия), *В.Ф. Козлов* (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Москва, Россия), *М. Костова-Панайотова* (Юго-западный университет им. Неофита Рыльского, Благоевград, Болгария), *К.В. Никифоров* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. Спак* (Университет INALKO — Институт восточных языков и восточных культур, Париж, Франция), *М.С. Киселева* (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *М. Яхьяпур* (Тегеранский университет, Тегеран, Иран), *Е.Н. Ковтун* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *А.К. Флорковская* (НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия), *И.В. Бугаева* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.И. Бажов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *В. Вилимек* (Философский факультет Остравского университета, Острава, Чешская Республика), *Х. Ковальска-Стус* (Ягеллонский университет, Краков, Польша), *А.К. Коненкова* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия), *М.А. Дударева* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия), *В.Н. Матонин* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия), *Г.П. Мельников* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г.А. Пожидаева* (ВТУ им. М.С. Щепкина при ГАМТ России, Москва, Россия), *М.А. Пузина* (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия), *Т.И. Радомская* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия), *Е.В. Сальникова* (Государственный институт искусствознания, Москва, Россия), *С.С. Степанова* (Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия), *Н.В. Трофимова* (ФГБОУ ВО «МПГУ», Москва, Россия), *Е.С. Узенева* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *А.В. Белов* (Институт российской истории РАН, Москва, Россия), *Е.В. Склизкова* (РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт гуманитарного образования и культуры, Москва, Россия)

Адрес редакции: 129337 г. Москва, Хибинский проезд, д. 6
Телефон: +7 (499) 188-72-01
E-mail: vsk_gask@mail.ru
Сайт: www.vestnik-sk.ru

Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. — 2026. — Volume 80. — 366 p.; il. — ISSN 2073-9567

Editor-in-Chief
Oksana A. Zapeka (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia)
Deputy Editor-in-Chief
Olga A. Tufanova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
Managing Editor
Ksenia K. Maslova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
Editor
Mikhail V. Rudakov (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia)
Darya A. Zaveljskaya (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Mikhail N. Gromov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Sinisa Jelusic* (University of Montenegro, Podgorica, Montenegro), *Igor I. Kaliganov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vladimir F. Kozlov* (D.S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, Moscow, Russia), *Magdalena Kostova-Panayotova* (Neofit Rilski South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria), *Konstantin V. Nikiforov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Gaiane Spach* (University INALKO — The Institute of Eastern Languages and Cultures, Paris, France), *Marina S. Kiseleva* (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marzieh Yahyapour* (University of Tehran, Tehran, Iran), *Elena N. Kovtun* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Anna F. Florkovskaya* (Scientific Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia), *Irina V. Bugaeva* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD

Sergey I. Bazhov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vitezslav Vilimek* (Philosophical department, Ostrava University, Ostrava, Česká republika), *Hannah Kowalska-Stus* (Jagiellonian university, Krakow, Poland), *Alla K. Konenkova* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia), *Marianna A. Dudareva* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia), *Vasiliy N. Matonin* (Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia), *Georgiy P. Melnikov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Galina A. Pozhidaeva* (Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Moscow, Russia), *Maria A. Puzina* (V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Tat'iana I. Radomskaia* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Salnikova* (The State Institute for Art Studies, Moscow Russia), *Svetlana S. Stepanova* (The State Tretyakov gallery, Moscow, Russia), *Nina V. Trofimova* (Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, Russia), *Elena S. Uzeneva* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Aleksey V. Belov* (The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Sklizkova* (A.N. Kosygin Russian State University, The Institute of Humanities Education and Culture, Moscow, Russia)

Address: Khibinsky proezd 6, Moscow 129337
Telephone: +7 (499) 188-72-01
E-mail: vsk_gask@mail.ru
Website: www.vestnik-sk.ru

© РГУ им. А.Н. Косыгина, 2026
© Вестник славянских культур, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

ИЩЕНКО А.В., МИТИНА Е.Г. Концептуальные основания представлений о природе в русской образовательной традиции……9
БРЕДИХИН А.В., ШАЙХИСЛАМОВ Р.Б., МЕХДИЕВ Э.Т. Сферы попечительства в деятельности институтов власти России в первой половине XIX в…22
САРПОВА О.В., КАСИМОВ Р.Х. Истоки толерантности: поиски по произведениям древнерусских философов XI–XII веков……33
БЕЛОВ А.В. Традиции повседневного питания городского обывателя и хозяйственный потенциал среднерусского города конца XVIII – первой половины XIX в…47
ТКАЧЕНКО Т.Ю. Этапы становления и развития краеведческих музеев в России: от собирания коллекций к научно-просветительским центрам (XIX–XXI вв.)……60
КАЗИН А.Л., ЖДАНОВА Е.В. Произведения А.С. Пушкина в советской книжной гравюре……77
СПЕРАНСКАЯ Н.И., ЯЦЕВИЧ О.Е. Традиционные ценности как основа этнокультурного диалога……86
НЕДОСТУПОВА Л.В. Обрядовая традиция в диалектном дискурсе Воронежской области……103
СОКОЛОВА О.М. Мемориальные паттерны в контексте месторазвития городов на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX в……119
ЧЕРНЕНЬКАЯ С.В. Образ патриота в представлении современной студенческой молодежи……141
ДЕНИСОВ Р.А., ИОНЦЕВА М.В., КАЩЕЕВ О.В. Кросс-культурные барьеры в условиях онлайн-коммуникации: невербальные сигналы и эффективность виртуального эмпатического тренинга……153
БУРТАСЕНКОВ А.Н. Культурные интересы женщин как проблема обыденного и теоретического сознания……168

Филологические науки

БАЙДАЛОВА Е.В. «Экспериментальная лаборатория»: Поэтика ранних романов В.К. Винниченко («Честность с собой», «На весах жизни», «Заветы отцов»)…178
РАСТОРГУЕВА М.Б. Онимы повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы»…193
КОТОВА М.Ю. Вступительная статья к избранным материалам Международной научной конференции Санкт-Петербургского государственного университета «XXIV Славистические чтения памяти профессора Петра Андреевича Дмитриева и профессора Германа Ивановича Сафронова» (09.09.2026 – 12.09.2026)…204
БАБАНОВ А.В., КУСТОДИЕВ М.А. Участие славистов Ленинградского университета в славистических переводческих проектах 1950-1960-х гг……206
ГУСЕВА О.В. Путевой очерк в ранней польской детской литературе: к истокам жанра……218
ТОИЧКИНА А.В. Образ Н.В. Гоголя в творчестве П.А. Кулиша……227
МУЩИНСКАЯ В.В. Славяне в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в……236

КОТОВА М.Ю., РАИНА О.В. О рецепции русской литературы в культурном пространстве западнославянских стран……247
СТАРИКОВА Н.Н. Словенский художественный перевод в диахронии и синхронии: о концепции одного национального проекта……261
СЕРГИЕНКО О.С. Особенности идиостиля Либора Дворжака как переводчика русской художественной литературы……272

Искусствоведение

САЛИМОВ А.М., САЛИМОВА М.А. О возможности локализации утраченных храмов на примере Успенской церкви в селе Ульяново (Ульяновское) Зубцовского района Тверской области……288
ТРЕНИХИН М.М. «Он был искренним другом России». Савва Груич — сербский посланник в Санкт-Петербурге. Атрибуция портрета……302
КОСЕНКО В.С. «Верещагинский код» на театральной сцене……323
КОВАЛЕВА О.В., АРЕФЬЕВА С.М., КАРПОВИЧ Н.Н. Духовные основания художественной традиции: сакральное содержание лиможских эмалей Средневековья……337
СОЛЯНКИН А.В. Повышение образовательного потенциала художественных выставок посредством интерактивных технологий: от пассивного созерцания к активному исследованию……352

От редакции……363

CONTENTS

Theory and history of culture

ISHCHENKO A.V., MITINA E.G. Conceptual Foundations of Perceptions of Nature in the Russian Educational Tradition……9

BREDIKHIN A.V., SHAIKHISLAMOV R.B, MEKHDIEV E.T. Spheres of Patronage in the Activities of Russian Government Institutions of the first Half of the 19th Century……22

SARPOVA O.V., KASIMOV R.KH. The Origins of Tolerance: A Search through the Works of Old Russian Philosophers of the 11th – 12th……33

BELOV A.V. Everyday Table of the City Inhabitant in the Late 18th – First Half of the 19th Century……47

TKACHENKO T.YU. Stages of the Formation and Development of Local Lore Museums in Russia: from Building Collections to Scientific and Educational Centers (19th–21st Centuries)……60

KAZIN A.L., ZHDANOVA E.V. The Works of A.S. Pushkin in Soviet Book Engravings……77

SPERANSKAYA N.I., IATSEVICH O.E. I.I. Traditional Values as the Basis of Ethnocultural Dialogue……86

NEDOSTUPOVA L.V. Ritual Tradition in the Dialectic Discourse of the Voronezh Region……103

SOKOLOVA O.M. Memorial Patterns in the Context of Urban Development on the Territory of Belarus in the late 18th – Early 20th Centuries……119

CHERNENKAYA S.V. The Image of a Patriot in the Mind of Modern Students……141

DENISOV R.A., IONTSEVA M.V., KASHCHEEV O.V. Cross-Cultural Barriers in Online Communication: Non-Verbal Signals and the Effectiveness of Virtual Empathic Training……153

BURTASENKOV A.N. Cultural Interests of Women as a Problem of Ordinary and Theoretical Consciousness……168

Philological sciences

BAYDALOVA E.V. "Experimental Laboratory": The Poetics of V.K. Vinnichenko's Early Novels ('Honesty with Oneself', 'On the Scales of Life', 'The Testaments of the Fathers')……178

RASTORGUEVA M.B. Onyms in I. Grekova's Novel "The Hotel Owner"…193

KOTOVA M.YU. Introductory Article to the Selected Papers of the International Scientific Conference of Saint Petersburg State University "XXIV Slavic Readings in Memory of Professor Petr Andreevich Dmitriev and Professor German Ivanovich Safronov" (September 9–12, 2026)…204

BABANOV A.V. KUSTODIEV M.A. The Participation of Leningrad University's Slavists in Slavistic Translation Projects of the 1950s and 1960s……206

GUSEVA O.V. Travel Essay in Early Polish Children's Literature: To the Origins of the Genre……218

TOICHKINA A.V. The Image of N.V. Gogol in the Works of P.A. Kulish……227
MUSHCHINSKAIA, V.V. Slavs in the Cultural Space of St. Petersburg in the 18th Century – the First Third of the 19th Century……236
KOTOVA M.YU., RAINA O.V. On the Reception of Russian Literature in the Cultural Space of West Slavic Countries……247
STARIKOVA N.N. Slovenian Literary Translation of Diachrony and Synchrony: On the Concept of One National Project……261
SERGIENKO O.S. Features of Libor Dvořák's Idiostyle as a Translator of Russian Literary Fiction……272

History of Arts

SALIMOV A.M., SALIMOVA M.A. On the Possibility of Localizing Lost Churches Using the Example of the Assumption Church in the Village of Ulianovskoye (Ulianovo) in the Zubtsovsky District of the Tver Region……288
TRENIKHIN M.M. "He was a Sincere Friend of Russia". Savva Gruich was the Serbian Ambassador in St. Petersburg. Portrait Attribution……302
KOSENKO V.S. "The Vereshchagin Code" on the Theater Stage……323
KOVALEVA O.V., AREFIEVA S.M., KARPOVICH N.N. Spiritual Foundations of the Artistic Tradition: Sacred Content of Medieval Limoges Enamels…337
SOLYANKIN A.V. Enhancing Educational Potential of Art Exhibitions through Interactive Technologies: From Passive Contemplation to Active Inquiry……352

Editorial note……363

Теория и история культуры
Theory and history of culture

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-9-21
УДК 394.011
ББК 71.11
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Ищенко
г. Апатиты, Россия

© 2026 г. Е.Г. Митина
г. Мурманск, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ В РУССКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: Авторы статьи исследуют развитие представлений о природе в отечественной образовательной традиции и раскрывают их духовно-нравственные аспекты — на примерах памятников древнерусской и русской литературы. В статье освещаются результаты анализа отдельных текстов Древней Руси и Русского царства на предмет содержания в них описаний природы и ее явлений. Ключевые для народного образования Российской империи учебные пособия и образовательные программы по естествознанию исследуются в контексте религиозно-философских взглядов, распространенных в русском обществе Нового времени. Ретроспектива конфликта образовательных традиций в условиях естественнонаучного образования рассматривается в контексте поиска компромисса между идеалистическим и материалистическим восприятием природы. В ходе проведенного исследования определены концептуальные основания природной картины мира, характерные для русского образования до начала XX в.: библейский концепт, натурфилософский концепт, христианский нравоучительный концепт, материалистический концепт. Авторы рассматривают идеалистические взгляды Дмитрия Никифоровича Кайгородова на обучение естествознанию как поле для компромисса между уровнем развития научной мысли в начале XX в. и задачами духовно-нравственного воспитания. На основе проведенных авторами исследований утверждается мысль о неравномерности освещения духовных начал природы при изучении естественных наук в школе в разные исторические периоды.

Ключевые слова: русская образовательная традиция представления о природе, история образования, человек и природа, древнерусская литература, образование в Российской Империи

Информация об авторах:
Анастасия Владимировна Ищенко — младший научный сотрудник, Лаборатория адаптации человека в Арктике НЦ медико-биологических исследований ФИЦ «Кольский научный центр РАН», ул. Ферсмана, д. 14, 184209 г. Апатиты, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3087-9960
E-mail: anestezia_zhirova@mail.ru
Елена Гарисоновна Митина — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, Мурманский арктический университет, ул. Капитана Егорова, д. 15, 183038 г. Мурманск, Россия.
Профессор кафедры водных биоресурсов и аквакультуры Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, г. Пушкин, Петербургское шоссе 2, 196601 г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2640-5092
E-mail: elena_mitina08@mail.ru
Дата поступления статьи: 23.09.2025
Дата одобрения рецензентами: 12.05.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Ищенко А.В., Митина Е.Г.* Концептуальные основания представлений о природе в русской образовательной традиции // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 9–21. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-9-21

Природная картина мира как целостное, субъективно осмысленное и культурно обоснованное видение окружающего мира отражает фундаментальные представления человека о мироздании, аккумулирует набор его мировоззренческих установок и проявляет духовно-нравственные ориентации в отношении как окружающей среды, так и самого себя. Еще несколько веков назад здание классического естествознания укоренилось на методах рационально-чувственного познания природы как исследовательского объекта. Однако попытки объяснить обнаруженные процессы и явления неизбежно погружают исследователя на тот уровень гипотез и условностей, где так или иначе начинают проявлять себя сакральные представления о мире, исторически сложившиеся в общественном сознании. В этой связи исследование представлений о природе актуально в контексте национальной культуры. Наиболее обобщенное их проявление в социокультурном контексте обнаруживается при изучении традиций народного образования — области, систематизирующей культуру, ее поддерживающей и утверждающей.

Отличительная черта наиболее глубокого культурного перелома в истории Руси — перехода от язычества к христианству — заключается в приобретении народом письменности и литературы [15, т. 2, с. 6]. После 988 г., по указу святого равноапостольного князя Владимира, на Руси начинается распространение «научения книжного» [15, т. 1, с. 162], в связи с чем знания о природе начинают транслироваться в библейском контексте. Пономарева И.Н. указывает на то, что в Христианской Руси начиная с X–XI вв. проводниками естественных представлений являлись преимущественно Евангелие и Псалтирь [12, с. 192]. По нашему мнению, для этой цели могли рассматриваться и другие книги Священного Писания.

В Псалтири природа упоминается больше в символическом значении. Например, растения: финиковая пальма, кедр ливанский — «Праведник яко финикс процветет: яко кедр, иже в Ливане, умножится» (Пс. 91: 13). Животные: «я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах» (Пс. 101: 7). Что касается Евангелия, то в книгах Нового Завета также встречаются названия растений и животных Святой земли. Но эти природные образы представлены скорее в аллегорически-притчевом значении и далеки от естественных толкований: *«Иисус сказал ему: лисицы имеют норы,*

и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58). Можно, однако, предположить, что в определенных случаях притчевая паремия могла обладать некоторым естественным потенциалом, но таких примеров в Евангелии совсем немного. Можно, в частности, привести притчу о сеятеле, параллельно изложенную у евангелистов Матфея, Марка и Луки: «…вот, вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос» (Мф. 13: 3–8; Мк. 4: 3–8; Лк. 8: 4–8).

Таким образом, есть основание полагать, что среди книг Священного Писания, Евангелие и Псалтирь с меньшей вероятностью могли представлять интерес для изучения природы как естественного явления в силу: а) выраженной региональности упоминаемых видов; б) преобладании символического значения над описательным. Другие книги, хоть и включали в себя больший объем знаний естественного характера, широкое распространение получили позднее.

Прохорова Г.М. пишет, что Шестоднев оказал фундаментальное влияние на мировоззрение и культуру Русского Средневековья в целом [15, т. 2, с. 519]. В этой связи полагаем, что формирование природной картины мира в тот период могло базово отталкиваться от первой главы книги Бытия. В данном контексте особый интерес представляют стихи, содержание которых можно истолковать с точки зрения системных представлений о природе: «да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» (Быт. 1: 6) — как понятие о пространстве, которое препятствует смешению небесной и земной воды (например, озоновый слой) [7, с. 138]; «да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» (Быт. 1: 11) — как базовая классификация растений; «да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов. И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю» (Быт. 1: 14–15) — как функциональное понятие о небесных светилах; «да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» (Быт. 1: 20) — как основа классификации животного мира.

Главы, повествующие о Потопе, упоминают разделение птиц и скота на «чистых» и «нечистых» — пригодных и непригодных в жертвоприношение Богу. В более подробном изложении эта классификация описана уже во Второзаконии и книге Левит и обусловлена в отношении человеческого питания (по окончании потопа Господь благословляет людей: «все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все» (Быт. 9: 3)). Перечисление зверей и птиц, разрешенных и не разрешенных в употребление человеком в книге Второзаконие, можно также рассматривать как классификацию по признакам, например, «Вот скот, который вам можно есть: волы, овцы, козы, олень и серна, и буйвол, и лань, и зубр, и орикс, и камелопард. Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на обоих копытах глубокий разрез, и который скот жует жвачку, тот ешьте» (Втор. 14: 4–6).

Описание растительного биоразнообразия в книгах Священного Писания также могло применяться в формировании духовного восприятия природы. Например, «Песнь песней» богата описаниями садов: «сад с гранатовыми яблоками, с превосходными

плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревами, мирра и алой…» (Песн. П. 4: 14–15). Правила ухода за плодовыми культурами приводятся в книге Левит: «Когда придете в землю, [которую Господь Бог даст вам,] и посадите какое-либо плодовое дерево, то плоды его почитайте за необрезанные: три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их; а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних» (Лев. 19: 23–24).

В годы княжения Ярослава Мудрого русские книжники начинают переводить и переписывать исторические хроники и книги изречений. Так в древнерусской литературе начиная с XI в. появляются изборники — сборники избранных статей религиозного, философского и исторического толка.

В изборники входили толкования Библии, нравоучительные тексты, поучения в грамматике и поэтике, а также натурфилософские размышления. Наиболее известный — «Изборник Святослава 1073 года» — список с болгарского перевода. Его разностороннее содержание объединялось идеями христианской антропологии. Тем не менее, избранные сочинения античных авторов, включенные в «Изборник Святослава», дали начало распространению греческой философии на Руси XI в. Что в свою очередь сформировало своеобразное натурфилософское основание природной картины мира в обществе того времени.

Например, в размышлениях Немесия Эмесского «О естьствѣ человѣчьстѣ», входящих в состав «Изборника 1073 года», причины попущения мясной пищи человеку определяются следующим образом: «После отпадения человеку позволена была мясная пища. <…> Еда же наша и питие состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится» [15, т. 2, с. 139]. Кроме важной для того периода идеи элементов, в данном отрывке звучит также принцип аллопатической медицины.

Приблизительно к XII–XIII вв. на Руси появляется славянский перевод «Физиолога» (известен в списках XV в.) — природоведческого сочинения, созданного анонимным автором около II века в Александрии и соединяющего в себе естественные наблюдения, сведения из древнегреческой мифологии и аллегории Священного писания о животных. В качестве иллюстрации приведем стих о дятле: «Дятел — пестрая птица, живет она в горах, садится на кедры и стучит своим клювом. А где найдет мягкое дерево, там делает себе гнездо. Так и дьявол борется с людьми. И когда в ком-то найдет слабость и пренебрежение к молитвам, то войдет в него и угнездится» [15, т. 5, с. 407]. Примечательно и то, что «Физиолог» соединяет в себе описания как реальных животных, так и мифических существ: «О водном коне. От пояса и выше имеет образ коня, а ниже пояса образ рыбы кита. Плавает же в море и воевода над всеми рыбами…» [15, т. 5, с. 411].

Белова О.В. указывает на то, что передача знаний о природе не столько с описательных, сколько с нравоучительных позиций — в целом характерная черта для Средневековой Руси [1, с. 9]. В таком способе изложения прослеживается идея природы как второго Божественного откровения, в котором мудрость Творца раскрывается в Его творениях — идея «двух книг», в разное время развиваемая в среде античных философов (Гераклит, Демокрит, Платон); последователей платонической традиции (Плотин, Немесий Эмесский); Каппадокийских святых отцов (Иоанна Златоуста, Григория Нисского) и в христианской традиции отсылающая к словам апостола Павла: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1: 20).

«Христианская топография» Козьмы Индикоплова (РГБ. Ф. 98. № 159. 286 л.) — памятник антиохийской космологии, созданный около IV в. — в допетровскую эпоху наиболее авторитетная книга о мироустройстве. Основная тема «Христианской топографии» — описание устроения Вселенной, натурфилософские размышления, сведения о звездах, морях, реках, растениях и животных, прочие географические и этнографические данные. В своем сочинении автор переплетает символические описания древности (например, изображение мира в виде четырехугольного ковчега) и личные наблюдения (расстояния между географическими объектами, картографические данные, описания природы).

Другой литературный памятник этого периода — Толковая Палея — полемический пересказ Ветхого Завета с богословскими комментариями и дополнениями из апокрифов. Наиболее ранние из дошедших до нас славянских списков Палеи относятся к началу XIV в., а поздние датируются первой половиной XVIII в., однако ряд исследователей указывают, что написана она была намного раньше и была известна еще Нестору летописцу. В.В. Мильков указывает на обнаруженные параллели Палеи и «Христианской топографии» и делает вывод о том, что составитель, скорее всего, пользовался текстами Козьмы Индикоплова [10, с. 12]. Описания ветхозаветных событий в ее содержании часто перетекают в размышления натурфилософского характера. В данном примере анонимный автор продолжает объяснения третьего дня творения рассуждениями о свойствах и функциях воды: «но и самой той воды свойства кто может исследовать? Одна и та же вода, притянутая корнем, иначе питает корень, иначе — кору, иначе — само древо… Эта же вода входит в различные цветы и делает один — белым, другой — красным, третий — синим…» [~~25,~~ 24, с. 20]. Описанными свойствами воды автор обличает неверие оппонента «в сообщение верующим благодатных даров Святого Духа, причем, указывает на обильные дарования, изливаемые на верующих» [24, с. 20]. В этой связи Палея не только обращала читателя к натурфилософским концепциям ранних изборников, но и интегрировала их с нравоучительным стилем «Физиолога», так как использовала подобные рассуждения как аргументы апологетической дискуссии.

К концу XIII в. на Руси появляются «азбуковники» — анонимные лексикографические справочники. Изначально они создавались для толкования непонятных слов в книгах Священного писания, но позднее назначение азбуковников расширилось, и в их содержании стали появляться статьи энциклопедического характера [6]. Для представления о природной картине мира людей того времени большой интерес представляет Новгородский азбуковник 1596 г., дошедший до наших дней в виде списка, сделанного в начале XVII в. В содержание Новгородского азбуковника были внесены дополнения, которые, согласно анализу А.В. Пруссак, «выразились главным образом в более полном перечне на греческом языке птиц, рыб, трав…» [~~23~~, 22, с. 20]. В качестве примеров приведем отдельные фитонимы, представленные в содержании азбуковника 1596 г.: описание травы «мириси», предположительно речь идет о тамариксе [8, с. 437] — «Мириси ес[ть] трава яже ни к чему не пригодится. И цвета ея пчела не обоняет. А цветъ ея и зиме зелен»; описание смилакса — «Смилакс трава подобно хмелю въется кругъ древа искушая его крепостию своею». Как видно из примеров, толкования фитонимов Новгородского азбуковника уже в большей степени соответствуют описательному образцу более поздних примеров естественнонаучной книжности.

Таким образом, вопреки распространенному мнению о том, что до XVIII в. главными источниками знаний о природе являлись преимущественно буквалистское понимание Евангелия и Псалтири, в истории естественнонаучной книжности допетровской Руси обнаруживается достаточно большое разнообразие изданий, транслирующих

сложные богословские, натурфилососфские и даже ранние естественные концепции. Все они в той или иной мере формировали и отображали природную картину мира людей той эпохи. Поэтому мнение Григорьевой Е.В. о том, что естественное образование в этот период скорее всего отсутствовало, является лишь одной из возможных точек зрения [17, с. 18]. Вероятно, в данном случае речь идет скорее об изменении концепции природной картины мира. На смену целостному представлению о космоустроении, по «Шестодневу» Ионна Экзарха, включающему в одну мировоззренческую систему и мир Божественный, и материальный мир, приходит рационалистский взгляд на процессы и явления природы. Поле зрения человека, познающего природу, фокусируется на чувственно воспринимаемых объектах.

В начале XVIII в. предпринимается первая масштабная попытка вывести понимание природы из сугубо религиозного контекста. Известно, что образовательные реформы Петра I во многом складывались под влиянием проекта универсальной науки Готтфрида Вильгельма Лейбница. Лейбниц предложил Петру I многоаспектную реформу науки, образования и культуры, целью которой было обобщение всего научного знания, а также распространение и перенос достижений развитых государств Европы на «невозделанную почву» [9, с. 102] новообразованной Российской империи. Начиная с 1711 г. Лейбниц регулярно делился с Петром I своими идеями относительно «введения, распространения и приведения к процветанию <…> всех благих познаний» [~~24~~, 23, с. 219–220], а 1 ноября 1712 г. Петр I подписал указ о том, чтобы «Готтфрида Вильгельма фон Лейбница <…> принять и назначить Нашим тайным советником юстиции…» [4, с. 55.] По итогам этого сотрудничества были сформулированы основные положения о развитии светского образования в России, изложенные в записке, переданной вице-канцлеру Шафирову. Согласно материалам записки, образовательный проект Лейбница предполагал предметное разделение богословских, прикладных и общенаучных дисциплин [3, с. 754–757]. Это предложение можно считать первым шагом к дифференциации образования на светское и религиозное.

В тот чрезвычайно плодотворный период на русский язык переводятся голландские учебники географии и практической геометрии. По инициативе Петра I российский просветитель И.Ф. Копиевский перевел и издал их на русском языке. Это были первые светские учебники естественных дисциплин в России, но несмотря на щедрое распространение, эти пособия не пользовались успехом в народном образовании. По одной из версий, новые учебники не были приняты в работу на местах [5, с. 150–151]. Также существует мнение, что к 1720 гг. сам император затормозил их активное распространение. Ю.М. Лотман приводит в пример случай «Книги мироздания, или Мнения о небесно-земных глобусах» Х. Гюйгенса в переводе Я. Брюса. По воспоминаниям директора Санкт-Петербургской типографии М.П. Аврамова, Петр I сначала повелел выпустить книгу тиражом в 1200 экземпляров, так как «книжища весьма умна и ко обучению всенародному благоугодна, а наипаче к мореплаванию весьма надобна» » [21, с. 365]. (возможно, в следующей сноске учтена и эта цитата, но если разрыв цитат несет концептуальный смысл, лучше дать отдельные сноски). Но ознакомившись подробнее с ее атеистическим содержанием, уже выпущенные экземпляры приказал отослать обратно в Голландию «сумасбродному переводчику Брюсу по многой его к Государю докуке» [21, с. 366].

Несмотря на неуспех, голландские переводные учебники и споры об их духовном и идейном несоответствии природной картине мира русских людей оставили свой след: внутри отечественной традиции образования начала зарождаться своя уникальная методика светского естественного образования.

Она нашла отражение в первом русском учебнике естествознания, созданном под руководством академика В.Ф. Зуева. В 1786 г. без указания авторства вышло пособие «Начертаніе естественной исторіи, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи». Учебник содержал описание большого объема фактического материала (148 растений и 157 позвоночных животных), который имел в основном практическую направленность. В первой части описывались разделы «ископаемое царство» (минералы и горные породы) и «прозябаемое царство» (растения). Во второй — «животное царство» (животные и человек) [18]. В своей работе В.Ф. Зуев вдохновлялся идеями немецкого педагога, директора Бременской семинарии Августа Любена. Метод Любена, в свою очередь, базировался на линнеевской систематике. Тот же ориентир был взят за основу «Начертания естественной истории…». Однако, в отличии от Любена, в преподавании естествознания Зуев намеренно не касался религиозно-философских тем. Центральной идеей взаимоотношений человека и природы автор обозначает концепт пользы, провозглашая в преподавании естествознания утилитарный подход, чем, в сущности, дает начало дальнейшему развитию экологического образования [13, с. 12]. Таким образом, появление в свет «Начертания естественной истории» обозначило новый вектор русского естественного образования: от натурфилософии — к естественной истории, от «Книги природы» — к идее полезности, от идеализма — к материализму. По всей видимости, тогда же начался процесс всеобъемлющей десакрализации природы, очевидным маркером которого является рассмотрение человека исключительно с анатомических позиций в рамках *«животного царства»*. Последующие учебники естествознания (В.М. Севергина, А.М. Теряева, И.И. Мартынова и др.), изданные в Российской империи, также не касались вопросов духовности и в целом создавались по образу работы В.Ф. Зуева.

Переломный момент наступил после подавления восстания декабристов в 1825 г., в результате чего император Николай I предпринимает решительные меры по борьбе с вольнодумством. Претворение в жизнь консервативной формулы «Православие, самодержавие, народность», в числе прочих мер, предполагало и борьбу с «гибельным материализмом» [11, с. 187] в образовании и культуре. Так «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 исключает из программ общих учебных заведений естествознание, как причину «скверных суесловий» [11, с. 187]. По мнению М.Л. Магницкого, руководившего работой над уставом, материалистическое толкование естественнонаучного знания способствовало проникновению в него западноевропейских революционных идей, воспитанию нигилизма в подрастающем поколении. В программах учебных заведений, где изучение естествознания было профессионально необходимо (например, в медицинском образовании), данный предмет обязательно дополняется «Законом Божиим» [11, с. 185]. Такое решение может показаться необоснованно радикальным, и эта точка зрения часто встречается в работах методистов естествознания конца XIX – начала XX вв. Педагог Д.Н. Кайгородов, методическое наследие которого далее будет подробно рассмотрено, в начале XX напишет: «изгнание природы из школы — недоразумение, перед которым наши потомки будут только руками разводить…» [19, с. 62].

Вплоть до начала XX в. теоретические основы естественных наук были исключены из народного образования. В программе развития общего образования, предложенной Н.Х. Весселем в статье «Местный элемент обучения» (1862 г.), звучит призыв вернуть естественные науки в общеобразовательные училища [16, с. 144]. Однако, критикуя «энциклопедический характер» [16, с. 142] российского образования в целом,

автор рекомендует сосредоточить внимание на изучении «местного материала с прибавлением к нему настолько общенаучных сведений, насколько требуется для возможно всестороннего выяснения его» [16, с. 161–62]. На элементарном уровне обучающимся предлагалось получать эти знания в рамках других учебных предметов: «материал для обучения родному языку заключается в книге для чтения, которая примерно может состоять из следующих отделов: 1) семейный быт; 2) городской и сельский быт; 3) человеческий организм; 4) животные, растения, минералы; 5) мировые явления; 6) Родина и Отечество, очерки из отечественной географии и истории; 7) отношения человека к Богу…» [16, с. 152]. Похожая концепция реализована и в «Учебнике всеобщей географии» П.Н. Белоха (1864 г.), в основу которого *«полагается родиноведение, причем материал для выводов и заключений почерпается по возможности из наблюдений самих учащихся»* [14, с. 4].

В рамках учебной реформы, проводимой министром народного образования генералом П.С. Ванновским на рубеже XIX–XX вв., преподавание естественных предметов в школах и народных училищах было восстановлено [2, с. 267]. В 1901 г. естествознание снова вернется в школы в рамках «Программы природоведения по общежитиям природы для средней полосы России» [19, с. 81] авторства Дмитрия Никифоровича Кайгородова — профессора петербургского Лесного института. В своей работе педагог придерживался целостного подхода к формированию природной картины мира, а занятия проводил в экскурсионной форме: на прогулках в садах и парках.

В основу программы Д.Н. Кайгородова было заложено изучение природы «по общежитиям» растений и животных (экосистемный подход) по методу немецкого педагога Ф. Юнге (1885 г.) — с их разнообразными взаимодействиями, а также в связях с неорганической природой и сезонными изменениями. В переосмыслении Кайгородова метод Юнге получил подлинно идеалистическое развитие. По мнению русского педагога, все взаимосвязи в природе существуют «на подкладке взаимопомощи» и кроме борьбы за существование в природе присутствуют «любовь и альтруизм» [19, с. 68]. В своей статье «Природа в новой школе» Д.Н. Кайгородов призывает читателей учиться у природы, как бы восстанавливая нравоучительный мотив в воспитании природной картины мира [19, с. 64].

Кроме того, в его программе была явно обозначено христианское видение взаимоотношений человека и природы, в котором человек предстает заботливым хозяином тварного мира: «Изучение Божьих творений вообще составляет для человека как необходимость, так и одну из лучших обязанностей, потому что, изучая и познавая эти творения, он получает возможность <…> познавать всю бесконечную премудрость Сотворившего их» [20, с. 5]. Очевидно, что в данном отрывке звучит отсылка к процитированным ранее словам апостола Павла о возможности познания мудрости Творца через всматривание в Его творения.

Таким образом, период моратория на естественно-научное образование в школах стал причиной восстановления в методике более ранних духовных концепций. В приложении к научному прорыву естественных дисциплин на рубеже XIX–XX вв. (обнаружение рентгеновских лучей, открытия электромагнитных волн, фотосинтеза, вирусов, создание концепции биоценоза и др.) идеалистический метод Кайгородова мог воспитать подрастающее поколение, познающее природу не в виде разрозненных элементов, но целостно — «мир животных, мир растений, неорганический мир во всей их гармоничной целокупности — с облаками и звездным небом включительно» [19, с. 64–65].

Однако его взгляды разделяли далеко не все педагоги-естественники. В педагогической периодике стали появляться критические статьи в адрес Д.Н. Кайгородова, наиболее резко высказались авторы журнала «Естествознание и география» — А.П. Павлов, В.М. Шимкевич, В.А. Вагнер и др. [2, с. 268–270]. «Программа природоведения по общежитиям природы для средней полосы России» просуществовала в народном образовании не более одного года. Таким образом, Д.Н. Кайгородов стал последним идеалистом в преподавании естественных наук. Постепенно развитие методики преподавания естественных предметов было возвращено в материалистическое русло, что в свою очередь стало отправной точкой для его дальнейшего становления в условиях послереволюционной позитивистской педагогики.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Концептуальная многогранность природной картины мира русских людей до начала XVIII в. может рассматриваться как повод к пересмотру устоявшегося мнения о том, что видение природы развивалось в тот период исключительно в контексте буквалистского понимания текстов Священного Писания.

В истории русской естественнонаучной книжности до XX в. были обнаружены следующие концептуальные основания: библейский концепт, античный натурфилософский концепт, христианский нравоучительный концепт, материалистический концепт.

В допетровской Руси, ввиду отсутствия централизованной системы естественного образования, концептуальные основания природной картины мира не сменяли друг друга, но развивались одновременно, пересекаясь и взаимно дополняя друг друга.

Принятие Петром I лейбницевской идеи дифференциации богословского, прикладного и общенаучного образования впоследствии, под влиянием развития атеистического взгляда на природу, привело к решению о полной десакрализации естественного образования и его дальнейшего развития уже в материалистическом ключе.

Стремление десакрализовать природную картину мира к середине XIX в. стало причиной исключения естественных наук из программ народного образования в связи с рисками воспитания нигилизма как побочного явления утрированно материалистического восприятия окружающего мира.

В целостном видении природы педагога Д.Н. Кайгородова возрождаются более ранние концептуальные основания природной картины мира — христианский нравоучительный и натурфилософский концепты в сочетании с научно обоснованным рационалистским познанием окружающего мира.

Идеалистический подход к обучению естествознанию Д.Н. Кайгородова при детальном осмыслении и дальнейшем развитии мог стать полем компромисса между уровнем развития научной мысли того времени и задачами духовно-нравственного воспитания, которые естественные науки потенциально могут решать.

Список литературы

Исследования

1 *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 318 с.

2 *Боркин Л.Я.* Формирование биоценологии в России и школьная педагогика // Биосфера. 2009. Т. 1, №2. С. 262–277.

3 *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.

4 Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий / под ред. В. Кальтенбахера, А.А. Россиуса. М.; Неаполь: MMX, 2010. 113 с.
5 *Зарецкий Ю.П.* Первые русские печатные учебники // Вопросы образования. 2022. №2. С. 140–154.
6 *Зимина О.В., Кириллов А.И.* Образование, наука и просвещение на пути из прошлого в будущее: От Древней Руси до Советской России. М.: Триумф, 2017. 415 с.
7 *Кашкин А.С.* Священное Писание Ветхого Завета: Общее введение в Священное Писание Ветхого Завета. Пятикнижие. Саратов: Издательство Саратовской митрополии, 2012. 447 с.
8 *Коваленко К.И.* Греческие фитонимы в Новгородском азбуковнике 1596 г. (РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1642) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. Т. XVIII. С. 433–443.
9 *Корнетов Г.Б.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования и науки // Историко-педагогический журнал. 2016. №4. С. 99–132.
10 *Мильков В.В.* Картина мира в Палее Толковой // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41, №3. С. 7–23.
11 *Минаков А.Ю.* М.Л. Магницкий как религиозный тип в царствования Александра I и Николая I // Христианское чтение. 2017. №2. С. 174–202.
12 *Пономарева И.Н.* Первые учебные книги в Древней Руси // Перспективные направления исследований в методике обучения биологии и экологии. Сб. ст. Междунар. научн.-практич. конф. (19–22 ноября 2018 г.). СПб.: Свое издательство, 2018. Вып. 16. С. 14–19.

Источники

13 *Андреева Н.Д., Соломин В.П., Васильева Т.В.* Теория и методика обучения экологии. М.: Академия, 2009. 208 с.
14 *Белоха П.Н.* Учебник всеобщей географии. Курс элементарный. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. 1915, 71 с.
15 Библиотека литературы Древней Руси. РАН / под. ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII век. 1997. 542 с. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. 555 с. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 526 с.
16 *Вессель Н.Х.* Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М.: Учпедгиз, 1959. 320 с.
17 *Григорьева Е.В.* Методика преподавания естествознания. М.: ВЛАДОС, 2008. 253 с.
18 *Зуев В.Ф.* Начертание естественной истории. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1786. Ч. 1. 240 с.
19 *Кайгородов Д.Н.* На разные темы, преимущественно педагогические: с приложения опыта программы природоведения по общежитиям природы для сред. полосы России. СПб.: А.С. Суворин, 1901. 103 с.
20 *Кайгородов Д.Н.* Начальная ботаника для городских училищ. СПб.: А.С. Суворин, 1900. 142 с.
21 *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука-Аттикус, 2024. 608 с.
22 *Пруссак А.В.* Описание азбуковников, хранящихся в Рукописном отделении Императорской Публичной библиотеки. Пг.: Тип. М.А. Александрова, 1915. 58 с.

23 Сборник писем и мемориалов Лейбница относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 372 с.
24 Толковая Палея / под ред. В.М. Успенского. Казань: тип. Имп. ун-та, 1876. 134 с.

***

© 2026. Anastasia V. Ishchenko
Apatity, Russia

© 2026. Elena G. Mitina
Murmansk, Russia

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF PERCEPTIONS ABOUT THE NATURE IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL TRADITION

Abstract: The authors explore the development of ideas about nature within the domestic educational tradition and reveal their spiritual and moral aspects through examples from Old Russian and Russian literature. The paper highlights the results of analyzing specific texts from Kievan Rus and the Russian Tsardom regarding their descriptions of nature and its phenomena. Key educational materials and programs on natural sciences that were pivotal for popular education in the Russian Empire are examined in the context of the religious and philosophical views prevalent in Russian society during the modern era. The study considers retrospective conflict of educational traditions in the realm of natural science education in the context of finding a compromise between idealistic and materialistic interpretations of nature. The research identifies the conceptual foundations of the worldview of nature characteristic of Russian education before the early 20th century, namely: the biblical concept, the natural philosophical concept, the Christian moral concept, and the materialistic concept. The authors address Dmitry Nikiforovich Kaygorodov's idealistic views on teaching natural sciences as a field for compromise between the level of scientific thought development of the early 20th century and the tasks of spiritual and moral education. Conducted research allowed asserting the idea of uneven representation of the spiritual aspects of nature in the study of natural sciences in schools across different historical periods.

Keywords: Russian educational tradition, natural views, history of education, man and nature, Ancient Russian literature, education in the Russian Empire

Information about authors:
Anastasia V. Ishchenko — Junior Researcher, Scientific Center for Medical and Biological Research of Human Adaptation in the Arctic, Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, Fersman St., 14, 184209 Apatity, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3087-9960
E-mail: anestezia_zhirova@mail.ru
Elena G. Mitina — DSc in Pedagogy, Professor, Murmansk Arctic State University, Kapitana Egorova St., 15, 183038 Murmansk, Russia.
Saint Petersburg State Agrarian University, Pushkin, Petersburg Highway 2, 196601, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2640-5092
E-mail: elena_mitina08@mail.ru
Received: September 23, 2025
Approved after reviewing: May 12, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Ishchenko A.V., Mitina E.G. "Conceptual Foundations of Perceptions of Nature in the Russian Educational Tradition." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 9–21. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-9-21

References

1 Belova, O.V. *Slavianskii bestiarii. Slovar' nazvanii i simvoliki* [*Slavic Bestiary Dictionary of Names and Symbols*]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 318 p. (In Russ.)
2 Borkin, L.Ia. "Formirovanie biotsenologii v Rossii i shkol'naia pedagogika" ["The Formation of Biocenology and School Education in Russia"]. *Biosfera,* vol. 1, no. 2, 2009, pp. 262–277. (In Russ.)
3 Ger`e, V.I. *Lejbnicz i ego vek* [*Leibniz and his Century*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 807 p. (In Russ.)
4 *Gumanisticheskaia nauka po Leibnitsu i naznachenie akademii* [*Leibniz's Humanistic Science and the Purpose of Academies*]. ed. V. Kal`tenbaxera, A.A. Rossiusa. Moscow, Naples, MMX Publ., 2010. 113 p. (In Russ.)
5 Zaretskii, Iu.P. "Pervye russkie pechatnye uchebniki" ["The First Russian Printed Textbooks"]. *Voprosy obrazovaniia,* no. 2, 2022, pp. 140–154. (In Russ.)
6 Zimina, O.V., Kirillov, A. I. *Obrazovanie, nauka i prosveshchenie na puti iz proshlogo v budushchee: Ot Drevnei Rusi do Sovetskoi Rossii* [*Education, Science and Enlightenment on the Way from the Past to the Future:from the Ancient Rus` to the Soviet Russia*]. Moscow, Triumf Publ., 2017. 415 p. (In Russ.)
7 Kashkin, A.S. *Sviashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta: Obshchee vvedenie v Sviashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta. Piatiknizhie* [*The Holy Scripture of the Old Testament: An Introduction to the Old Testament's Holy Writings. The Pentateuch*]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskoi mitropolii Publ., 2012. 447 p. (In Russ.)
8 Kovalenko, K.I. "Grecheskie fitonimy v Novgorodskom azbukovnike 1596 g. (RNB, sobranie M.P. Pogodina, № 1642)" ["Greek Phytonyms in the Novgorod Alphabet Book of 1596 (RNB, Collected by M.P. Pogodin, No. 1642)"]. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia*, vol. XVIII, 2014, pp. 433–443. (In Russ.)
9 Kornetov, G.B. "Proekty G.V. Leibnitsa po rasprostraneniiu v Rossii obrazovaniia i nauki" ["Leibniz Projects for Distribution in Russia Education and Science (To the 300th Anniversary of the Great German Thinker and Educator)"]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 4, 2016, pp. 99–132. (In Russ.)
10 Milkov, V.V. "Kartina mira v Palee Tolkovoi" ["The World Picture in Explanatory Paleia"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 41, no. 3, pp. 7–23. (In Russ.)
11 Minakov. A.Iu. "M.L. Magnitskii kak religioznyi tip v tsarstvovaniia Aleksandra I i Nikolaia I" ["Mikhail Magnitsky as a Religious Type During the Reigns of Alexander I and Nicholas I"]. *Khristianskoe chtenie*, no. 2, 2017, pp. 174–202. (In Russ.)
12 Ponomareva, I.N. "Pervye uchebnye knigi v Drevnei Rusi" ["The First School Textbooks in Ancient Russia"]. *Perspektivnye napravleniia issledovanii v metodike obucheniia biologii i ekologii*. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi

konferenetsii (19–22 noiabria 2018 g.) [*Promising Areas of Research in the Methods of Teaching Biology and Ecology.* Collection of Papers from the International Scientific and Practical Conference. (November 19–22, 2018)], vol. 16. St. Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2018, pp. 14–19. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-22-32
УДК 94(47).084.8
ББК 61.1
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Бредихин
г. Москва, Россия

© 2026 г. Р.Б. Шайхисламов
г. Уфа, Россия

© 2026 г. Э.Т. Мехдиев
г. Москва, Россия

СФЕРЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация: В статье раскрывается деятельность институтов социального попечения дореформенной России. Тема представляет не только историческую, но и научно-практическую значимость. В статье прослеживается процесс законодательного закрепления попечительства в социальной политике государства в дореформенный период XIX в.; эволюция и опыт деятельности Российского государства по организации и совершенствованию института попечительства; определяется значимость органов государственной власти в проведении социальной политики. Выявлена роль государственных органов власти в решении основных социальных проблем, показаны основные направления, формы, методы их деятельности, проанализировано содержание и механизм помощи институтов власти населению в области медицины, в сфере образования; рассматриваются правительственные меры по защите различных категорий социальных слоев российского общества; определяется место и роль государственных форм в системе попечения в России (Медицинского совета, Хозяйственного и Медицинского департаментов МВД, Приказов общественного призрения, Центральной комиссии по борьбе с холерой, Министерства народного просвещения, Министерства государственных имуществ и др.). Автор приходит к выводу, что на протяжении первой половины XIX в. социальная политика Российского государства стала активно рассматриваться и реализовываться высшими и центральными органами власти в виде попечения, покровительства населению, проводниками которых на местах являлись губернские структуры управления (губернские учреждения во главе с губернаторами, опиравшимися на сеть городских и уездных структур управления, приказы общественного призрения, Палаты государственных имуществ, удельных контор, врачебных управ и др.). В рамках системы попечения расширялись направления государственной социальной политики: организацион-

ные, финансово-экономические, кадровые, управленческие и др. С самого начала попечение во всех сферах жизнедеятельности сводилась регламентации, опеке, контролю подопечных, что мешало гармоничному развитию и более глубокому проведению социальной политики государства.

Ключевые слова: власть, социальная политика, попечительство, попечение, народное образование, здравоохранение, население

Информация об авторах:

Антон Викторович Бредихин — доцент, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центра «Россия, Китай, мир» Российской академии наук, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Нахимовский пр-т, д. 32, 117997 г. Москва, Российская Федерация.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4097-3854

E-mail: bredikhin@iccaras.ru

Рашит Бадретдинович Шайхисламов — профессор, доктор исторических наук, Уфимский университет науки и технологий, ул. Заки Валиди, д. 32, 450076 г. Уфа Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6500-8343

E-mail: shrbb2007@mail.ru

Эльнур Таджаддинович Мехдиев — доцент, кандидат исторических наук, кафедра мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ленинградский пр-т, д. 49/2, 125167 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6248-6673

E-mail: e.mehdiev@gmail.com

Дата поступления статьи: 09.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 21.05.2026

Дата публикации: 25.09.2026

Для цитирования: *Бредихин А.В., Шайхисламов Р.Б., Мехдиев Э.Т.* Сферы попечительства в деятельности институтов власти России в первой половине XIX в. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 22–32.

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-22-32

Введение

Проблема попечительства актуальна как никогда. Экономическая, политическая и социальная стабильность государства зависит от проведения продуманной и научно обоснованной социальной политики, где попечительство занимает центральное место. В период современных социально-политических перемен государственная политика социальной защиты, эффективная деятельность институтов социального попечения особенно востребованы: без решения актуальных социальных проблем невозможно добиться стабильного и полноценного развития общества. Тем более это актуально сейчас, когда перед Россией встали новые вызовы в сферах социально-экономической жизни, и социальные аспекты являются важнейшим приоритетом государственной политики. В связи с этим анализ социальной политики Российской империи (попечения, опеки, призрения) и деятельности институтов попечительства того времени представляет не только историческую, но научно-практическую значимость: для эффективного управления в современной социальной сфере требуется, критически переосмыслив, использовать богатый опыт страны, накопленный в прошлом и адаптировать его к современным условиям.

Первая половина XIX в. стала временем расширения законодательной базы системы попечительства, имевшей сословную направленность. Сферой попечения охватывались: все стороны хозяйственной, бытовой жизни, нравственного состояния крестьян и всего податного населения, призрения, системы здравоохранения и образования, деятельность сельских судов и полиции, противопожарной безопасности и т. д. Эти виды попечительской деятельности закреплялись законодательными актами — Сводом Учреждений и Уставами (об общественном призрении, сельском хозяйстве, обеспечении народного продовольствия, Врачебным уставом, Уставом медицинской полиции, Сельскими судебным и полицейским уставами 1839 г., Университетскими уставами, Пожарным уставом, указом «Об устройстве училищ» и др.). Таким образом, в дореформенный период XIX в. шел активный процесс оформления и законодательного закрепления попечительства в социальной политике государства на территории Российской империи.

В данной статье мы рассмотрим сферы попечительства в деятельности центральных органов российской власти прежде всего в тех областях социальной политики, где они были выражены наиболее явственно: в здравоохранении, образовании и управления государственной деревней (государственными крестьянами).

С начала до середины XIX в. в России появляется ряд крупных больниц, зачастую построенных на благотворительные средства, а также специализированные лечебные учреждения и клиники. В 1803 г. дела, касающиеся здравоохранения, были переданы в ведение Министерства внутренних дел, в его структуре функционировали Медицинский совет (в компетенцию которого входили медицинские, врачебные и санитарные вопросы) и 2-я и 3-я экспедиции. В подчинении Хозяйственного департамента МВД оказались и Приказы общественного призрения [8, с. 30; 20, с. 56–58; 3, с. 46–49].

В 1811–1819 гг. вопросы здравоохранения перешли в ведение Министерства полиции, но вскоре после структурных преобразований, в ходе которых Министерство полиции было включено в состав Министерства внутренних дел, медицинские вопросы вновь были переданы в ведение последнего. Но в составе Министерства полиции еще до ее слияния с МВД имелась 3-я экспедиция (Медицинский департамент), которая осуществляла контроль за медицинскими учебными заведениями и обеспечением их учебными пособиями, производством медикаментов, ведала казенными аптеками, занималась разработкой законопроектов и руководила организацией карантинных мероприятий. В качестве отдельной структуры функционировала Центральная комиссия по борьбе с холерой.-

В целях руководства врачебно-санитарным делом непосредственно на местном уровне в 1812 г. издается Положение о должности генерал-штаб-доктора гражданской части. В него и возглавляемую им канцелярию входили обязанности собирать сведения о больных, болезнях, характерных для той или иной местности, и разработка защиты населения от них, контроль за надлежащим лечением и содержанием больных в больницах, за оспопрививанием, составление распоряжений на случай эпидемий и падежа скота.

Власть активно вмешивалась в мелочи и детали системы здравоохранения, примером чего может служить указ Николая I от 8 апреля 1826 г. «О расположении в больнице кроватей и закладывании окон до трети ставен», свидетельствующий о регламентации властью даже устройства больничных палат. Неоднократные изменения государственных структур также порой не всегда приводили к эффективному развитию здравоохранения в стране. Так, в 1836 г. в ходе реорганизации Медицинского

департамента в его состав вошла упомянутая нами Канцелярия генерал-штаб-доктора, а комплекс хозяйственных вопросов перешел в ведение нового Департамента казенных врачебных изготовлений [2, с. 253]. Как в центре, так и в регионах административные преобразования в системе управления здравоохранением имели неоднозначные результаты: власть пыталась создать единую систему управления в области медицины, однако местные учреждения были оторваны от центра и в значительной степени зависели от распоряжений губернатора [4, с. 92]. Кроме того, важную роль в развитии здравоохранения в целом играли местные особенности, климат, условия жизни населения региона, предшествующая медицинская ситуация.

В целом в первой половине XIX в. все губернские учреждения обязаны были в области медицины придерживаться положений Врачебного устава и выполнять их, иных нормативно-правовых актов в указанной сфере, поскольку правовая база здравоохранения в течение указанного времени расширялась [10, с. 161–168].

Рассмотрим теперь попечение в сфере образования в Российской империи в дореформенный период XIX в. С развитием социально-экономических процессов возрастала потребность в расширении и повышении уровня образования. Грамотность населения страны в начале XIX в. был невысока и оставляла желать лучшего [9, с. 7], реформирование образовательной системы являлось назревшей проблемой.

С началом министерской реформы создается Министерство народного просвещения (1802 г.), в непосредственном подчинении этого ведомства находились Главное Училищное Правление, Российская академия, университеты и другие училища, цензура, народные библиотеки, музеи. Выделив учебное дело в особую часть, государство сделало народное образование одной из статей своей социальной политики [1, с. 14–15]. 5 (17) ноября 1804 г. были приняты два документа в области образования: уставы университетов Российской империи и учебных заведений, подведомственных университетам (т. е., находящихся в учебных округах гимназий, училищ и пансионов) [9, с. 7–19]. Таким образом, в стране создавалась единая система начальных и средних учебных заведений: приходские училища сроком обучения 1 год — первая, уездные училища (3 годичным обучением) — вторая и гимназии (7-летним обучением) — третья ступени обучения. Между всеми уровнями устанавливалась преемственность: первой задачей нижестоящих школ (на бессословном начале) являлась подготовка к учебе в вышестоящих. Устанавливалась и организационная связь между разными уровнями образования [1, с. 5; 7]. Для управления учебными заведениями создавались учебные округа во главе с назначаемыми попечителями, которым подчинялись ректора университетов данного округа.

В 1817 г. с преобразованием Министерства народного просвещения в Министерство духовных дел и народного просвещения началась реорганизация системы образования: начался пересмотр учебных планов, из образовательного процесса был исключен ряд учебных дисциплин, и расширены роль и значение предметов религиозного направления для воспитания населения в духе наступившего поворота к консервативной государственной идеологии. В период правления Николая I (во второй четверти XIX в.) сословная направленность учебных заведений стала очевидной: в частности, по рескрипту 1827 г. для крестьян был закрыт доступ к гимназическому и университетскому образованию. Новый университетский устав 1835 г. значительно ограничил университетскую свободу с целью в корне пресечь «крамольные» настроения [10, с. 161]. Вместе с тем устав был направлен на повышение университетского образования: открывались новые кафедры, восстанавливалось преподавание философии; вво-

дившаяся практика стажировок позволяла отправлять молодых талантливых ученых для повышения квалификации на два года за границу за счет университета. Соответственно с изменениями в системе образования меняются и методы государственного попечения в этой сфере.

Государство проявляло особую заботу и попечение о таких крупных группах населения, как государственные крестьяне. Расстройство экономического благосостояния, платежеспособности, причины бедности населения и распространения различных пороков среди них, неблагополучное состояние народного здравия и т. д. связывались с слабостью покровительственной власти и опеки над повседневной жизнью государственной деревни [6, с. 215]. Проводившаяся в 1837–1841 гг. реформа государственной деревни, немаловажной целью которой было повышение благосостояния крестьян, насквозь проникнута политикой попечения администрации над всеми сферами жизнедеятельности селян. Одним из главных условий осуществления попечения считалось совершенствование всей системы управления подведомственным населением. Поэтому первым шагом начавшейся реформы является издание 30 апреля 1838 г. законодательного акта об управлении государственными имуществами и попечительстве над «свободными сельскими обывателями».

Попечительство, по мысли автора реформы П.Д. Киселева, не следовало сводить лишь удовлетворению повседневных нужд крестьян, оно должно было способствовать устранению бедности без всякого «излишества» и защите действительно нуждающихся селян. Главной задачей реформирования государственной деревни становится решение насущных проблем крестьянства: смягчение малоземелья, малой доходности хозяйств, нравственного состояния (благочиния) жителей в виде заботы (попечения) государства над крестьянами, а также, в русле попечительской политики, организация переселения крестьян из малоземельных в многоземельные губернии, устранение существующих недостатков в системе управления деревней. Таким образом, реформа, по замыслу власти, должна была повысить благополучие и нравственное состояние жителей и стать примером «отеческой заботы» о крестьянах, которой следовало бы придерживаться во взаимоотношениях со своими крепостными и помещикам [5, с. 84].

Комплекс мероприятий попечительского характера над государственными крестьянами сводился к следующим мерам: устройству управления деревней и народоисчислению; попечению об охранении общественного порядка и улучшению нравственности крестьян; содействию к охранению в казенных селениях личной безопасности и имуществ; врачебному благоустройству, обеспечению народного продовольствия; мерам по пожарным случаям и устройству путей сообщения; созданию хозяйственного капитала и образованию общественного сбора; попечению о постройке и содержанию церквей, охранению крестьян от ереси и раскола; устройству и управлению приходских училищ и т. д.

В государственной деревне в пределах губерний попечение о благоустройстве приходских училищ, снабжении их помещениями и учебными пособиями, обучении крестьянских детей азам грамотности, а наиболее способных из них основам агрономии, ветеринарии, подготовки за счет общественного сбора с крестьян сельских и волостных писарей; в медицинской части — попечение об учреждении особых училищ для подготовки фельдшеров из крестьян, врачебных пунктов, обучении крестьянок акушерскому делу, подготовки из крестьянских детей оспопрививателей за счет мирских сумм и др. проводились Палатами государственных имуществ и ее подведомственными стуктурами — окружными начальниками, волостными и сельскими прав-

лениями. Эти же структуры в виде попечения заведовали и мерами по хозяйственной части управления государственной деревней: распределением земельных угодий между крестьянами; содействием развитию земледелия и промыслов; усовершенствованию приемов ведения сельского хозяйства; организации образцовых хозяйств и запасных продовольственных магазинов на случай неурожаев; сохранением казенных земель и лесов. Также органы управления занимались поддержанием среди крестьян полицейского порядка, наблюдением за исправным отбыванием крестьянами повинностей, устройством переселенцев на новом месте, регламентированием противопожарных мер [11, гл. 1, ст. 129; гл. 5, ст. 44]. Содержащиеся в «Врачебных наставлениях для государственных крестьян» советы по здравоохранению доводились до сведения крестьян через приходских священников. Однако, поскольку денежные средства казны были ограничены, значительная часть финансирования реформы перекладывалась на самих государственных крестьян путем создания так называемого хозяйственного капитала, источниками формирования которого являлись денежные сборы с селян за различные виды их деятельности [2, с. 46].

Заключение

Рассмотрение сфер попечительства в деятельности структур власти в дореформенной России XIX в. позволило сделать следующие выводы.

В этот период в России завершился длительный этап эволюции нормативно-правового регулирования системы попечения, итогом которого стал практически полный контроль государства над основными сферами жизни подданных империи. При этом сам принцип попечительства постепенно трансформировался из частной благотворительности и церковного призрения в системную государственную политику, что отражало общий ход модернизации управления империей. Однако такая универсализация попечения, охватившая все сословия, имела ярко выраженный патерналистский и бюрократический характер: государство выступало в роли «заботливого отца», но действовало преимущественно методами регламентации и принуждения, что порождало противоречие между декларируемой заботой и реальной практикой опеки.

На протяжении первой половины XIX в. социальная политика Российского государства стала активно обсуждаться и рассматриваться, а затем и реализовываться высшими и центральными органами власти в виде попечения, покровительства населению, проводниками которых на местах были губернские структуры управления. Особенно явственно меры попечения были выражены в области здравоохранения, образования, крестьянского вопроса. Однако на практике они приобретали формы опеки, регламентации этих и других сфер жизнедеятельности населения, при реализации попечительных мер нередко существовали расхождения между распоряжениями центральных властей, не всегда в полной мере учитывавшими местные особенности, и губернскими учреждениями. Проблемой оставалось государственное финансирование попечительных мер (особенно в строительстве школ, больниц, лечебниц, обеспечении материальной базы этих учреждений) [11, с. 56]. Более того, значительная часть издержек систематически перекладывалась на само население (через мирские сборы, хозяйственные капиталы), что снижало эффективность попечения и усиливало социальное напряжение, особенно в государственной деревне.

Государственная политика попечительства в сфере образования была одной из самых значимых. Проводившаяся государством в первой четверти XIX в. реформа системы образования повысила образовательный уровень дворянства, разночинцев,

купцов, мещан и в некоторой степени грамотность крестьянства [7], однако со второй четверти XIX в. в этой области попечения начинают возобладать консервативные тенденции. Сословный принцип, закрепленный при Николае I, фактически блокировал социальные лифты для низших слоев, а попечение государства в образовании все больше сводилось не к развитию просвещения, а к идеологическому контролю и воспитанию лояльности. Тем не менее, именно в этот период были созданы институциональные основы системы народного просвещения (учебные округа, университеты, сеть начальных училищ), которые просуществовали с некоторыми изменениями вплоть до начала XX в.

Отдельное внимание правительства уделялось заботе о государственных крестьянах. Реформа государственной деревни, проводившаяся П.Д. Киселевым, была направлена на решение проблем «земельного голода», повышение благосостояния крестьянства, обеспечение деревень элементарными социальными мерами. Помимо мер в области хозяйства, попечение о государственных крестьянах охватывало очень широкий спектр направлений, включая управление, охрану общественного порядка, нравственное совершенствование селян, создание систем здравоохранения и образования, снабжение деревни продовольствием (создание запасных хлебных магазинов), пожарную охрану и дорожное строительство и т. д. При этом многие попечительные мероприятия осуществлялись за счет поступающих с крестьян выплат. Мелочная регламентация жизни крестьян, принудительный характер попечительных мероприятий, строительство школ, больниц, хлебных запасных магазинов за счет деревни — все это мешало гармоничному развитию государственной деревни и более глубокому проведению социальной политики государства. Вместе с тем реформа П.Д. Киселева стала важным этапом в подготовке отмены крепостного права: она создала прецедент административного вмешательства в отношения помещиков и крестьян, а также показала, что даже ограниченное попечение способно повысить хозяйственную активность и уровень жизни казенных селян. Многие институты (волостное управление, сельские сходы, запасные магазины) были впоследствии перенесены в пореформенную деревню.

Подводя общий итог, можно утверждать, что сферы попечительства в деятельности институтов власти России первой половины XIX в. охватывали ключевые области социальной жизни — от медицины и образования до продовольственной безопасности и нравственного состояния подданных. Эта политика носила двойственный характер: с одной стороны, она демонстрировала стремление государства к модернизации, стандартизации управления и социальной защиты; с другой — оставалась глубоко сословной, бюрократически централизованной и недостаточно финансируемой, что ограничивало ее реальную эффективность. Тем не менее, именно в этот период была создана правовая база, сформированы ведомственные структуры и накоплен практический опыт, который впоследствии, после Крымской войны и Великих реформ 1860–1870 гг., был частично переосмыслен и использован для дальнейшего развития системы общественного призрения и социальной помощи в России. Изучение этих сфер попечительства сохраняет научно-практическую значимость и сегодня, позволяя критически оценить потенциал и границы государственного патернализма в переходные эпохи.

Список литературы

Исследования

1 *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (в XVIII и XIX веке). СПб.: Изд. О. Богдановой, 1912. С. 14–15.

2 *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 396 с.
3 *Егорышева И.В.* Министерство внутренних дел и проблемы управления здравоохранением в первой половине XIX в. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. № 6. С. 46–49.
4 *Ерофеев Я.А.* Центральные и губернские органы «охранения народного здравия» в XVIII – начало XX вв. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: Нонпарель, 2012. С. 86–92.
5 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб.: Тип. Акад. Наук, 1882. Т. 2, ч. 1. 355 с.
6 *Князьков С.А.* Граф П.Д. Киселев и реформа государственных крестьян // Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 2. С. 203–215.
7 *Лебедев Н.А.* Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и учебных обществ, послуживших к образованию русского народа. СПб.: Тип. А. Циммермана, 1875. 174 с.
8 *Моисеев А.И.* Медицинский совет Министерства внутренних дел: краткий исторический очерк / сост. А.И. Моисеевым. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1913. 42 с.
9 *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4, т. I. С. 7–19.
10 *Печникова О.Г.* Правовая регламентация медицинской деятельности в России (первая половина XIX в.) // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 4. С. 161–168.
11 *Шерстнева Е.В.* Основные направления деятельности Медицинского совета Министерства внутренних дел // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 1. С. 56–58.

Источники

12 История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева, Н.Н. Блохина, С.Г. Гончарова; под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
13 История России XVIII–XIX веков / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 514 с.
14 Манифест «Об учреждении Министерств» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. Т. XXVII, № 20406. С. 92–134.
15 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1839. Т. XIII, ч. 1, № 11189. Гл. 5. Ст. 33, 36, 39.
16 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1813. Т. XXVIII, отд. 1, № 21501. 909 с.
17 Положение генерал-штаб-доктора гражданской части: высочайше утвержденное положение // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое:

в 45 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXII. № 25037. С. 673–678.

18 Проект Учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях: [Утв. 30 апр. 1838 г.]: в 4 ч. [СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838]. Ч. 1. 444 с.

19 Сборник циркуляров и инструкций МВД с учреждениями министерства по 1 октября 1853 г.: в 7 т. СПб.: Тип. Д. Кесневиля, 1857. Т. 6. 257, 680, 56 с., 3 л. ил. СПб.: Тип. Д. Кесневиля, 1858. Т. 7. 315, 255, 74 с., 1 л. ил.

20 Устав учебных заведений, подведомых Университету // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1864. Т. 1. С. 331–368.

***

© 2026. A.V. Bredikhin
Moscow, Russia

© 2026. R.B. Shaikhislamov
Ufa, Russia

© 2026. E.T. Mekhdiev
Moscow, Russia

SPHERES OF PATRONAGE IN THE ACTIVITIES OF RUSSIAN GOVERNMENT INSTITUTIONS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

***Abstract*:** The paper reveals the activities of social welfare institutions in pre-reform Russia. It is substantiated that the topic is not only of historical, but also of scientific and practical significance. The research traces the process of legislative consolidation of guardianship in a social policy of the state in the pre-reform period of the 19th century as well as the evolution and experience of the Russian state in organizing and improving the institution of guardianship and determines the importance of government bodies in implementing social policy. The study reveals the role of government bodies in solving major social problems, demonstrates main directions, forms, and methods of their activities, analyzes the content and mechanism of assistance of government institutions to the population in the field of medicine and education; examines government measures to protect various categories of social strata of Russian society and determines the place and role of government forms in the care system in Russia (Medical Council, Economic and Medical Departments of the Ministry of Internal Affairs, Orders of Public Welfare, Central Commission for the Fight against Cholera, Ministry of Public Education, Ministry of State Property, etc.). The author concludes that during the first half of the 19th century the social policy of the Russian state began to be actively considered and implemented by the highest and central authorities in the form of care, patronage over the population, the conductors of which at the local level were provincial management

structures (provincial institutions headed by governors, relying on a network of city and district management structures, orders of public charity, the Chamber of State Property, appanage offices, medical boards, etc.). Within the care system the directions of state social policy were expanded: organizational, financial and economic, personnel, managerial, etc. From the very beginning, care in all spheres of life was reduced to regulation, guardianship, control of wards, which hindered the harmonious development and deeper implementation of the social policy of the state.

Keywords: government, social policy, guardianship, care, public education, healthcare, population

Information about the authors:

Anton V. Bredikhin — DSc in History, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Russia, China, World, Russian Academy of Sciences, Advisor to the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Nakhimovsky Ave., 32, 117997 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4097-3854
Email: bredikhin@iccaras.ru
Rashit B. Shaikhislamov — DSc in History, Professor, Ufa University of Science and Technology, Zaki Validi St., 32, 450076 Ufa, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6500-8343
Email: shrbb2007@mail.ru
Elnur T. Mekhdiev — PhD in History, Associate Professor, Department of World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky Ave., 49/2, 125167 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6248-6673
Email: e.mehdiev@gmail.com

Received: September 09, 2025
Approved after reviewing: May 21, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Bredikhin, A.V., Shaikhislamov, R.B., Mekhdiev, E.T. "Spheres of Patronage in the Activities of Russian Government Institutions of the first Half of the 19th Century." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 22–32. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-22-32

References

1 Aleshintsev, I.A. *Istoriia gimnazicheskogo obrazovaniia v Rossii (v XVIII i XIX veke)* [*History of Gymnasium Education in Russia (in the 18th and 19th Centuries)*]. St. Petersburg, Izdanie O. Bogdanovoi Publ., 1912, pp. 14–15. (In Russ.)
2 Vasilev, K.G., Segal, A.E. *Istoriia epidemii v Rossii* [*History of Epidemics in Russia*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo meditsinskoi literatury Publ., 1960. 396 p. (In Russ.)
3 Egorysheva, I.V. "Ministerstvo vnutrennikh del i problemy upravleniia zdravookhraneniem v pervoi polovine XIX v." ["The Ministry of Internal Affairs and Issues of Healthcare Management in the First Half of the 19th Century"]. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny,* no. 6, 2003, pp. 46–49. (In Russ.)
4 Erofeev, Ia.A. "Tsentralnye i gubernskie organy 'okhraneniia narodnogo zdraviia' v XVIII – nachalo XX vv." ["Central and Provincial Bodies of 'Public Health Protection'

in the 18th – Early 20th Centuries"]. *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovanii: vzgliad molodykh uchenykh* [*Current Issues of Historical Research: the View of Young Scientists*]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2012, pp. 86–92. (In Russ.)

5 Zablotskii-Desiatovskii, A.P. *Graf P.D. Kiselev i ego vremia: materialy dlia istorii imperatorov Aleksandra I, Nikolaia I i Aleksandra II* [*D. Kiselev and his Time: Materials for the History of Emperors Alexander I, Nicholas I, and Alexander II*], vol. 2, part 1. St. Petersburg, Tipografiia Akademii nauk Publ., 1882. 355 p. (In Russ.)

6 Kniazkov, S.A. "Graf P.D. Kiselev i reforma gosudarstvennykh krestian" ["Duke P.D. Kiselev and the Reform of State Peasants"]. *Velikaia reforma: russkoe obshchestvo i krestianskii vopros v proshlom i nastoiashchem* [*The Great Reform: Russian Society and the Peasant Question in the Past and present*], vol. 2. Moscow, Tovarishchestvo I.D. Sytina Publ., 1911, pp. 203–215. (In Russ.)

7 Lebedev, H.A. *Istoricheskii vzgliad na uchrezhdenie uchilishch, shkol, uchebnykh zavedenii i uchebnykh obshchestv, posluzhivshikh k obrazovaniiu russkogo naroda* [*Historical view on the Establishment of Colleges, Schools, Educational Institutions, and Educational Societies that Served to Educate the Russian People*]. St. Petersburg, Tipografiia A. Cimmermana Publ., 1875. 174 p. (In Russ.)

8 Moiseev, A.I. *Meditsinskii sovet Ministerstva vnutrennikh del: kratkii istoricheskii ocherk* [*Medical Council of the Ministry of Internal Affairs: a brief historical essay*], comp. A.I. Moiseev. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1913. 42 p. (In Russ.)

9 Novikov, M.V., Perfilova, T.B. "Stanovlenie universitetskogo obrazovaniia v Rossii" ["Formation of University Education in Russia"]. *aroslavskii pedagogicheskii vestnik. Series: Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2011, no. 4, vol. I, pp. 7–19. (In Russ.)

10 Pechnikova, O.G. "Pravovaia reglamentatsiia meditsinskoi deiatelnosti v Rossii (pervaia polovina XIX v.)" ["Legal Regulation of Medical Activity in Russia (First Half of the 19th Century)"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, vol. 4, 2013, p. 161–168. (In Russ.)

11 Sherstneva, E.V. "Osnovnye napravleniia deiatelnosti Meditsinskogo soveta Ministerstva vnutrennikh del" ["Main Activities of the Medical Council of the Ministry of Internal Affairs"]. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 1, 2002, pp. 56–58. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-33-46
УДК 1:316.647.5
ББК 87.703.5
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. О.В. Сарпова
г. Тюмень, Россия

© 2026 г. Р.Х. Касимов
г. Тюмень, Россия

ИСТОКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ПОИСКИ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ДРЕВНЕРУССКИХ ФИЛОСОФОВ XI–XII ВВ.

Аннотация: Теоретические установки, утверждающие априори нетолерантность традиционных обществ, не всегда корректны. В каждой культуре признаки того или иного явления могут проявляться по-разному. Автор утверждает, что в качестве основы толерантных отношений в древнерусском государстве выступают не только нравственные принципы, но и идея единства, которая проявилась первоначально в индивидуализированном коллективизме и усилилась в обществе с принятием христианства. Первые древнерусские философы реализуют ее в своей деятельности и творчестве. Идея единства присуща всем аспектам историософских рассуждений Илариона. Феодосий Печерский проявляет ее в гармонии молитвенной и деятельной жизни. Лука Жидята совместно с ними призывает к терпению и примирению. Владимир Мономах, вооруженный примером братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба, не только утверждает наличие в мире «многообразия лиц», но и демонстрирует способность прощать, позволяющую восстанавливать мирные взаимоотношения с политическими противниками. Идея единства, в высшей степени проявленная в образе Святой Троицы, в начальный период существования древнерусского государства еще не осознана в полной мере и не стала основополагающим мотивом деятельности общества в XI – начале XII вв. Древнерусские философы продолжат осмысливать идею единства. В конце XIV в. сформируется полное осознание единства Святой Троицы и единства общества, которое позволит не только отстоять свою независимость, но и создать государство, в котором сохранится многообразие народов и их культур.

***Ключевые слова*:** толерантность, единство, традиционное общество, древнерусская философия

Информация об авторах: Ольга Васильевна Сарпова — кандидат философских наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, ул. Володарского, д. 38, 62500 г. Тюмень, Россия.
ORCID ID: https://orsid.org/0009-0004-7159-2362
E-mail: sarpovaov1962@yandex.ru

Руслан Харисович Касимов — доктор философских наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, ул. Володарского, д. 38, 62500 г. Тюмень, Россия.
E-mail: rhkasimov@mail.ru
Дата поступления статьи: 10.11.2025
Дата одобрения рецензентами: 01.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Сарпова О.В., Касимов Р.Х.* Истоки толерантности: поиски по произведениям древнерусских философов XI–XII вв. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 33–46. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-33-46

Обращение к проблеме толерантности неслучайно. Обостряющееся противостояние разнохарактерных сил в мире заставляет задуматься над необходимостью определения толерантности, ее подлинной сущности и проявлений в вербальной и невербальной формах. С другой стороны, обращение к ценностям традиционного общества заставляет по-новому осмыслить проявление в нем данного феномена. Пересматривается и сам концепт «традиционного общества», которое, будучи аграрным, значительно отставало в своем развитии от обществ модерна во всех областях: экономике, политике, культуре и социальных отношениях.

Однако «понимание традиционных обществ сквозь призму сциентисткой веры в прогресс представляется необоснованным и примитивным» [8, с. 54]. По мнению В.Г. Федотовой, в настоящее время модерн переживает свой третий этап, который учитывает «собственную традицию и культуру вступивших в этот процесс незападных стран» [25, с. 85]. Паин Э.А. не только указывает, что прямое противопоставление традиций и инноваций ошибочно, но и утверждает, что «традиционные общества <…> обладают такими чертами, которые потом считаются современными» [18, с. 41].

Следовательно, мы можем утверждать, что традиционные общества имеют в своем запасе культурные наработки, которые позволяют им успешно адаптироваться к реалиям современного мира, выстраивая собственный образ и направление развития.

Однако рассмотрение феномена толерантности в традиционном обществе с точки зрения его теоретических характеристик вызывает определенное противоречие, суть которого в том, что данное общество априори принято считать нетолерантным. Это утверждение обосновывается низким уровнем развития экономики, которая при невозможности иметь запасы позволяет выживать обществу только в том случае, если его члены используют исключительно проверенные поколениями методы ведения хозяйства [19]. Любое отклонение, то есть новшество, может привести к отрицательному результату, ведущему к гибели сообщества. Поэтому в традиционных обществах существует жесткая необходимость следования образцам деятельности и поведения, которая подкрепляется и усиливается сакрализацией традиции.

В исследованиях концепта толерантности указывается, что в западной философии она начинает рассматриваться с XIV в. в трудах Майстера Экхарта, И. Таулера и продолжается в уже XVI–XVII вв. С. Франком (1534), Г. Чербери (1645), У. де Коста (1687 г.), Дж. Локком (1689 г.) в связи с расколом католической церкви и религиозными войнами в Европе (см. об этом [22]).

В России первые определения толерантности появляются позднее. Тихон Задонский (1724–1783) под толерантностью понимал всепрощение, отсутствие мести, насилия [5, с. 54]. Просветитель А.П. Куницын (1783–1840) писал: «На праве свободно мыслить и действовать основывается право свободного вероисповедания» [11, с. 237].

Более глубокое и детальное раскрытие сущности толерантности и ее понимания в русской культуре связывают с именами Н.Я. Данилевского, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. Многие из философов Серебряного века указывали на взаимосвязь нравственных качеств и толерантности (см. об этом: [9]). Н.Я. Данилевский отмечает, что в период освоения восточных территорий русскими «слабые, полудикие и совершенно дикие народы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное право» [3, с. 227]. Причина этому — «кроткий дух христианства» [3, с. 225], воспринятый и сохраненный славянами, в отличие от западноевропейских народов. В данном случае речь не просто о понимании сущности толерантности, а о ее проявлении в действии, что является более ценным.

Эти суждения безусловно имеют свои основания в предшествующей эпохе русской истории. В данной работе предлагается выявить истоки толерантности в трудах древнерусских философов XI–XII вв., отражавших в своем творчестве реальность социальных отношений и общественного сознания традиционного периода нашей истории.

В отношении древнерусских текстов принципиально использование термина «словесность». Согласно мнению А.Н. Ужанкова, разграничивающего словесность и литературу на основании этимологии понятий «древнерусская словесность <…> — это Богооткровение» [23]. Этот подход позволяет более глубоко выявить аксиологическую сторону древнерусского текста и придает еще большую значимость для современности тех идей, которые в ней заложены.

Одним из первых текстов, на котором хотелось бы остановиться, является «Поучение детям» Владимира Мономаха, для которого, с одной стороны, характерна присущая средневековым текстам опора на предшественников, свидетельствующая о высокой образованности автора. С другой стороны, явственно выступает глубокое понимание социальных реалий и собственное отношение к ним. В начале текста присутствует размышление Мономаха о разнообразии человеческих лиц, что было распространенным мотивом в средневековой литературе. Это замечание важно, поскольку у Мономаха оно вплетено в рассуждение об устройстве мира.

Дореволюционные исследователи считали, что данная реминисценция восходит к широко известному произведению «Беседы на Шестоднев» Василия Великого (329–379 гг.) [4, с. 97]. Однако В.В. Данилов полагает, что данное заимствование осуществлено прямо или, скорее всего, опосредованно из «Октавия», принадлежащего перу раннего христианского апологета Минуция Феликса и написанного в 215 году [4, с. 107].

Минуций, утверждая «прекрасное устройство мира <…> созданным <…> божественным промыслом», его «дивное равновесие», перечисляет многообразные его проявления (времена года, плоды, реки, океан, горы, животных) и «у всех людей один и тот же вид, но у каждого человека свои отличительные черты лица: так мы видим, что все похожи друг на друга и в каждом в отдельности находим различия» (Цит. по: [4, с. 104–105]). По сути речь идет о взаимосвязи, гармонии мира и многообразии, которое идет от Бога. Минуций ведет речь именно о внешности, красоте человеческого тела, упоминая прямой стан, лицо, глаза.

Мономах практически повторяет Минуция «как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, каждый имеет свой облик лица,

по божьем мудрости», и далее добавляет «птицы небесные из рая идут <…> и не поселяются в одной стране <…> идут по всем землям» [29, с. 62]. Так и люди с разными лицами селятся в разных землях.

Иначе говоря, мир разнообразен в человеческих лицах по Божьему повелению. Для Мономаха разнообразие лиц не просто плод размышлений, но и жизненный опыт, основа для отношения с людьми, имеющими разный облик лица: финно-угорские племена, тюркоязычные народы, варяги, греки, волжские булгары с их достаточно сложным этническим составом. По мнению Мономаха, таково устройство мира, которое он принимает и дивится этой многоликости, предвосхищая современный подход к пониманию многообразия мира.

Другой аспект толерантности у Мономаха связан с нравственной стороной жизни христианина.

Владимир Мономах в своем «Поучении» значительное место уделяет именно нравственному отношению человека к самым разным социальным группам: старшим и младшим; близким и далеким; воинам и гражданским («не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам» [29, с. 63]); простолюдинам и знатным: «не давайте сильным губить человека» [29, с. 62]. Для Мономаха, подчеркнем, это не пустые слова — он так живет. Христианскими нравственными нормами пропитана его жизнь. В междоусобной войне с рязанским князем Олегом Святославовичем, убившем в бою его сына-наследника Изяслава, Владимир Мономах отказывается от мести: «мы не будем за него мстителями» [28, с. 69]. Он понимает и фактически оправдывает убийцу: «Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из наших предков» [28, с. 70]. Владимир Мономах вырастил сына-воина, он гордится им и осознает, что смерть для воина на поле боя не исключение, а скорее правило. Мономах призывает к прощению, примирению, необходимости смирения и покаяния. Способность прощать позволяет человеку преодолеть свою злобу, ненависть к обидчику, что дает возможность восстановления или установления мирных взаимоотношений.

Для Мономаха и княжеской верхушки Древней Руси примером был подвиг Бориса и Глеба. Братья, единственные законные наследники, с детства впитавшие власть, ее преимущественное положение в обществе, помогающие в управлении своему отцу, имевшие свои княжества и дружины, оказываются от власти добровольно и погибают от рук убийц.

Это событие описано в двух произведениях. В «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», созданном Нестором-летописцем, делается акцент на нежелании княжичей стать возможными участниками гибели дружинников и мирных жителей в братоубийственной войне за власть.

Но в значительно более распространенном произведении анонимного автора «Сказание, страсть и похвала святых мучеников Бориса и Глеба» речь не идет о героической гибели, а подчеркивается смирение, трепет братьев в ожидании смерти, их прощение своих убийц. В описании их поведения отсутствует любой намек на героическую гибель. Силу братьям придает понимание того, что их вольная смерть — это страдание во имя Христа, что их «вольное мучение есть подражание Христу» [24, с. 5]. В уста Бориса «Сказание» вкладывает слова: «буду мучеником перед Господом моим» [31].

Добровольное принятие смерти означает не слабость княжичей, не объясняется их трусостью, а говорит, по мнению В.В. Бибихина о нежелании «идти на противление злу <…> отвратительно вступать в прения с властью, если она такая (злая, страшная. — *О.С.*) <…> прилипчивее заразы» [1, с. 71]. Единственный выход не стать злом

для Бориса и Глеба — это «принять <…> удар с помощью самоубийственного средства, за которое схватились Борис и Глеб: смирение, молитва, беззащитная чистота» [1, с. 71]. Их вера в Христа и его заповеди не поверхностна, она глубоко осознанна. Как «сын Человеческий пришел не для того, чтобы ему служили, но, чтобы послужить и отдать Жизнь Свою для искупления многих» (Мк. 10: 45), так и братья принимают смерть, примиряя в будущем себе подобных.

Образы Бориса и Глеба для княжеской верхушки становятся эталоном «"правильного" политического поведения» и критерием «объективной <…> и справедливой оценки» участника властных отношений [21, с. 26].

Урок, преподанный Борисом и Глебом, всем жаждущим власти, был выучен. Примерно два века «Рюрикович перестали убивать Рюриковичей», а междоусобные войны стали «сравнительно цивилизованными» [10].

Всенародное почитание Бориса и Глеба началось практически сразу после их гибели. Несмотря на неприятие константинопольских иерархов, твердая вера в своих новых святых позволила преодолеть канонические сомнения греков, «несклонных поощрять религиозный национализм новокрещенного народа» [24, с. 34] и причислить княжичей к лику святых.

Глубина почитания Бориса и Глеба ярко проявляется в посвящениях им храмов и монастырей. Из 864 посвящений в современной России храмы в честь Бориса и Глеба занимают 47 место, что составляет 0,46 процента [33]. На первый взгляд это очень немного.

Но, если сравнить с другими посвящениями, то окажется, что братья, не успевшие себя проявить как государственные или церковные деятели, оказались рядом с преподобными Сергием Радонежским, Александром Невским, Серафимом Саровским, митрополитами Московским Алексием, ростовским Дмитрием и равноапостольным князем Владимиром [33].

Строительство храмов в честь братьев продолжалась на протяжении всего существования Российского государства, в том числе и на присоединяемых территориях. В 1601 г. в Тюмени (через 15 лет после основания города) была построена деревянная шатровая церковь Ильи Пророка, в которой по просьбе прихожан сделан придел Бориса и Глеба [20, с. 78].

Этот факт показывает, что для древнерусских книжников (Владимира Мономаха, неизвестного автора «Сказания» и других) и древнерусского общества нравственные основания поведения княжичей были поняты и приняты к действию.

Осознанный выбор христианства князем Владимиром совпадал с ментальными установками древнерусского общества и, возможно, именно поэтому сущность христианства была чутко воспринята. На это соответствие указывает исследование, проведенное Ж.В. Зарицкой в отношении специфики русского коллективизма. Она отмечает, что в древнерусском обществе изначально не существовало противопоставления коллективного и индивидуального. Еще в дохристианский период «система ценностей, сложившаяся в крестьянской общине <…>, включала в себя коллективистские и индивидуалистские компоненты» [6, с. 50].

Христианское вероучение «усилило единство индивидуального и коллективистского начал, подведя под каждый компонент дополнительную ценностно-мировоззренческую основу» [6, с. 52]. Произошло совпадение терминальных и инструментальных ценностей общины и православия при «частичной переориентации с "земных" целей на "небесные" <…> земледельческий труд стал считаться сакральным, воспринима-

ясь как способ и условие спасения души» [6, с. 52]. Православие по сути расширяло социальные связи до всего человечества, объявляя всех верующих братьями и сестрами во Христе. Идея равенства перед Богом подчеркнула демократизм общины, но и усилила патернализм в отношении верховной власти. Добровольное служение общине подкреплялось утверждением о возможности достижения «индивидуально-коллективных целей каждого гражданина <…> через индивидуально-коллективное взаимодействие людей внутри группы» [6, с. 53]. Ж.В. Зарицкая называет синтез коллективизма и индивидуализма, в котором «личность и группа имели равную ценность, были <…> нераздельны и неслиянны» [6, с. 53], *индивидуализированным коллективизмом,* где «цель должна быть не материальной, а высокой, благородной, неэгоистичной, несущей добро всем людям. Духовная связь между членами группы была приоритетнее социально-экономической» [5, с. 53].

Таким образом, мы видим, что уже на начальной стадии формирования древнерусского традиционного общества закладывается важнейшая черта социальных отношений: идея единства, которая, на наш взгляд, и становится в дальнейшем основой для формирования толерантных отношений.

Высшая степень проявления единства в православии проявлена в Троице, единстве Бога в трех его ипостасях. Однако до Сергия Радонежского поклонения Троице и соответственно посвящений ей храмов на Руси не было. Исключение составлял храм в честь святой Троицы, построенный по приказу княгини Ольги в Пскове.

Однако мысль о проявлениях единства в самых различных его формах не была чужда древнерусской философской мысли.

В житии свт. Феодосия Печерского (ок. 1008 или ок. 1036–1074) явственно проявляется стремление «к некой гармонизации деятельной и молитвенной жизни» [24].

Подражая палестинским монахам, очистившим от крайностей египетский и сирийский духовный монашеский идеал, свт. Феодосий активно участвует в социальной жизни общества. По его настоянию строится дом «нищим, слепым, трудоватым», на который идет десятая часть всех монастырских доходов, еженедельно отправляется в Киев «воз хлебов для заключенных в тюрьмах» [24]. В поучении «В четверг третьей недели поста» Феодосий ссылается на притчу о десяти девах, пять из которых прославились не только молитвою, но и милостынею, за что и вошли в чертог Божий. Другие пять дев, «молитвами истончили плоть свою, а масла милостыни не принесли в светильник душ своих, и потому были изгнаны из чертога» [30].

Особая забота свт. Феодосия — спасение душ человеческих: он выступает как духовник киевского князя и бояр, просит монахов «не расслаблятися, но крепку быти», но не прибегает к наказаниям оступившихся, напротив, «плачет о них, а возвращающихся (после бегства из монастыря. — *О.С.*) принимает с радостью» [24]. Ключевое слово здесь в контексте изучаемого вопроса «принимает». Феодосий принимает слабого, не выражает своего осуждения. Но, своим принятием, прощением он дает новый шанс оступившимся.

Собственное духовное делание свт. Феодосий не обнаруживает явно, его аскетичность потаенна: «одеждой ему служила власяница», сверху покрытая свитой, поспать «садился на стульце» [26], спит мало, молится ночами, скрывая это от братии, в затвор уходит только на время Великого поста, не забывая даже оттуда поучать братию монастыря. Феодосий постоянно находит для себя занятие: «на работу он выходил прежде всех» [26], носит воду, колет дрова, мелет муку, плетет бечеву [26], зачастую выполняя работу, когда другие отдыхают. Он служит примером для братьев.

Федотов Г.П. справедливо применяет к Феодосию оценку, данную когда-то палестинскому свт. Савве Освященному — «Земной ангел и небесный человек» [24]. Это и есть проявление высшего единства в жизни человека.

Современником Феодосия Печерского был первый митрополит из русских Иларион (около 990–1054 или 1055 г.), утверждающий свою веру «во единого Бога, в Троице славимого <…> Не сливаю разделения и соединения не разделяю» [27].

Пересказанный Иларионом Символ веры реализуется им в рамках историософской проблематики. Опираясь на христианский принцип провиденциализма и линейного развития истории, митрополит Иларион вносит свой вклад в понимание исторического процесса. В соответствии с его представлением «история человечества движется через смену форм религий» [12, с. 51]. Для иллюстрации этой мысли митрополит Иларион использует библейский сюжет о соотношении Ветхого и Нового Завета, в котором видит «два различных принципа общественного устройства» [12, с. 51]. Первый основан на принципе Закона, что в понимании митрополита «возвышает один народ … принижает другие … разобщает» [12, с. 51–52] и подчиняет другой воле. Общество закона — рабское общество. Но «Закон – предтеча Благодати и Истины» [32]. Однако народы, взросшие в Законе, не могут принять Благодать, которая открывается язычникам и принимается ими. Для пояснения своих рассуждений Иларион обращается к библейскому сюжету о новом вине, который нельзя вливать в ветхие мехи. Новые народы, как новые мехи, принимают Благодать, а на смену рабства приходит свобода: «И уже не теснится в законе человечество, но в Благодати свободно ходит» [32]. Таким образом, Иларион подготавливает читателей к дальнейшему повествованию о месте и роли Руси в мировой истории.

Прежде всего следует отметить факт выбора историософской проблематики, свидетельствовавшего об объединении двух проблем «история и предназначение в ней человека» [7, с. 198]. В тоже время история древнерусского государства рассматривается митрополитом Иларионом в единстве с мировой христианской историей, в которой у Руси есть свое место, предназначение и собственное отношение к прошлой истории. Если переход к христианству в еще единой Римской империи был связан с резким разрывом с языческим прошлым, отрицанием его духовных (философских, за редким исключением, художественных, научных) достижений, то Иларион, напротив, с уважением отзывается о прошлом Руси.

Славя Владимира, Иларион упоминает его предков: «…древнего Игоря, <…> славного Святослава, которые властвуя мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их вспоминают и прославляют поныне» [32]. Сам же князь Владимир «будучи рожден от славных, благородный — от благородных» [32] и еще пребывая язычником, по определению Илариона, жил «в мужестве и мудрости преуспевая <…> жил он справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою» [32]. Иными словами, у Владимира уже в этот период жизни проявляются качества, которые были важны для христианина: справедливость, твердость, мужество, забота о своей земле и соотечественниках.

Поскольку предки Владимира внесли свой вклад в могущество страны, то «стали причастны к великому делу» [14, с. 106] князя. Таким образом, формулируется идея единства прошлого и настоящего Руси, история которой вплетается, в свою очередь, в единую «мировую историю в связи с христианизацией» [14, с. 100].

В контексте размышлений о толерантности и единстве важны рассуждения Илариона о равенстве «молодых» народов с народами, имеющими глубокое культурное

наследие. Критика превосходства одних народов над другими отчетливо звучит в описании возгордившихся сторонников «закона» — иудеев. Народы, принявшие Христа, в том числе и русский народ, «названы сынами его (Бога. — *О.С.*)» [32]. Так складывается единая семья христианских народов. Концепция адоптионизма в последующие века нашла свое отражение в миссионерской деятельности Стефания Пермского и учеников Сергия Радонежского, осуществляясь силой слова о добром, милосердном, справедливом Боге и сопровождаясь терпением и заботой о культурном развитии молодых народов, принимающих христианство. Новая политическая сила в лице Московского княжества, а затем и Российского государства не будет использовать христианство для закрепощения и ограбления этих народов, уничтожения их культур и тем более, для их уничтожения.

Иларион негативно относится к концепции «казней Божиих». Новообращенный народ не всегда в полной мере выполняет нормы христианской жизни: «Ведь мы все уклонились, все вместе непотребны» [27]. Иларион, обращаясь к Богу просит: «Но по делам нашим не сотвори нам, <…> и по грехам нашим не воздай к нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева своего» [27]. Бог для Илариона — милосердный и всепрощающий, а не карающий. Иларион даже отмечает, что чрезмерное наказание может привести новообращенного к отказу от веры, а потому «в меру наказывай, но безмерно милуй, в меру уязвляй, но милостиво исцеляй, в меру ввергай в скорбь, но вскоре утешай» [27].

Еще одним из элементов проявления идеи единства являются рассуждения Илариона о симфонии или соработничестве светской и церковной власти на Руси.

Создавая образ князя Владимира, уверовавшего благодаря «благомыслию и острому уму» [32] и «силе Божией», Иларион указывает, что князь для своих подданных выступает как «наставник благоверия», как представитель Бога на Земле, демонстрирующий крепость веры не только на словах, но в делах: «Ты, о честная глава, был нагим — одеяние, ты был алчущим — насыщение, ты был жаждущим — охлаждение их утробы, ты был вдовам — вспомоществование, ты был странствующим — обиталище, ты был обидимым — заступление, убогим — обогащение» [32]. «Успех христианизации страны объясняется соединением в одно целое у Владимира благоверия и власти» [7, с. 202]. По мнению О.Б. Ионайтис, «для Илариона божественность власти — божественность деяний, что выражено в русских текстах более, чем в византийских» [7, с. 201–202]. Князь Владимир в полной мере соответствует этому принципу, который можно сформулировать как единство слова и дела. При этом «Слово» вполне можно написать с большой буквы, подчеркивая его принадлежность к Богу.

Оценивая историософскою модель Илариона, В.В. Мильков констатирует: «божественный и земной планы не противопоставляются друг другу. Он предельно сближены, почти взаимно проникают друг в друга» [14, с. 108].

Иларион был любимым книжником Ярослава Мудрого и помогал князю в составлении законодательных актов. Несмотря на попечение со стороны Византии, где к этому моменту было разработано жесткое законодательство для борьбы с религиозным инакомыслием, Ярослав и Иларион опирались не на греческую практику, а на «Закон судный людям» солунских братьев [15, с. 146–147]. И потому там отсутствовали «жестокие наказания (смертная казнь, физические увечья)» [15, с. 146].

Таким образом, важно не только то, «какие греческие традиции получили развитие на Руси, а о том, как они взаимодействовали с автохтонной культурой» [16, с. 16].

Несмотря на то, что идея единства, выраженная в произведениях Илариона, касается вопросов и проблем, которые связаны с деятельностью знати и образованных

людей древнерусского общества, она опосредованно влияла на сознание и деятельность рядовых членов общества.

Соработником Феодосия и Илариона был новгородский епископ Лука Жидята. Начиная свое «Поучение» с Символа Веры, Лука Жидята концентрирует свое внимание на практике нравственного поведения. Его речь тактична, деликатна, кротка и снисходительна, в ней нет места обличению. Лука стремится не заклеймить не соблюдавших требования Евангелия новгородцев, а научить, показать, что «исходным посылом межличностных отношений должны быть не гордость, вражда, месть и озлобление, но правдивость и любовь к ближнему, а также порождаемые любовью терпение и прощение» [17, с. 76]. Как и Иларион, Жидята терпимо относится к современникам, не так давно приобщившимся к новой вере. Его «этика <…> мягкая и легко воплощаемая в жизни» [17, с. 78]. Лука Жидята осознавал некрепкость веры новообращенного народа, наличие в ней множества языческих пережитков. Проявления язычества в поведении населения сохранялись длительное время, но «эти верования вполне вписываются в общий контекст православия и в сакральном восприятии мира народом совсем не противоречат, а как бы дополняют христианское вероучение» [13, с. 104].

По мнению В.В. Милькова, в «Поучении» «устами владыки была озвучена программа примирения»: для верующих вообще, для верхов Великого Новгорода, для Новгорода и Киева как двух сильных центров древнерусского государства» [17, с. 76].

Важность идеи единства для формирования толерантных отношений в обществе, несомненно, важна. Ее наличие не просто сплачивает людей. Она не разделяет общество по принципу свой-чужой, она минимизирует различия между людьми, заставляет искать нечто общее: общие предки и история, общие принципы проведения, выражающиеся в деятельности, соответствующей возможностям и положению каждого члена общества, одинаковое отношение к достоинствам и недостаткам каждого на основе нравственных принципов, имеющих абсолютное значение вне зависимости от социального статуса и эпохи и предельно четко закрепленных в христианстве.

Древнерусских книжников, по определению А.Я. Гуревича, можно назвать не героями, а герольдами эпохи [2, с. 507]. В силу своей более высокой интеллектуальной подготовленности, созерцательности они были способны вербально выразить те духовные веяния, которые не осознавались широкими общественными слоями, но присутствовали в поведении и деятельности людей.

В XII–XIII вв. другие книжники (Кирилл Туровский, Кирик Новгородец, составители «Палеи Толковой) расширят спектр проблем, в которых идея единства продолжит свое звучание и осмысление.

В полной мере осознание идеи единства обществом произойдет во второй половине XIV в. при прп. Сергии Радонежском и проявится в Куликовской битве. Вершиной станет возникновение Российского государства, в истории которого не было религиозного угнетения и религиозных войн, где на присоединяемых территориях сохранялась культура местного населения, включая язык, веру, социальный уклад, бытовые традиции, и в конечном счете, складывались толерантные отношения между народами, имеющими различные духовные основания. Это была толерантность в действии, основы которой закладывались в рамках традиционного общества. Это означает, что теоретическая установка, утверждающая характеристику традиционного общества как общества не толерантного по своей сути некорректна. Общие признаки традиционного общества, выделяемые создателями данной концепции, проявляются в разных культурах в разной степени.

Список литературы

Исследования

1 *Бибихин В.В.* Власть России // Наше положение: образ настоящего. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. С. 67–79.

2 *Гуревич А.*Я. Уроки Люсьена Февра // *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501–541.

3 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации; Благославление, 2011. 816 с.

4 *Данилов В.В.* «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома). РАН http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/05_tom/Danilov/Danilov.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

5 *Емельянов Б.В.* Русский менталитет: возможности толерантности // Философские и лингвокультурные проблемы толерантности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2003. С. 48–57.

6 *Зарицкая Ж.В*. О специфике русского коллективизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 3. С. 48–54.

7 *Ионайтис О.Б*. Философия истории средневековой Руси (XI–XVII вв.) // Известия Уральского ферального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. №3. С. 196–211.

8 *Капишин А.Е.* О понятии «традиционное общество» в социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2005. №6. С. 53–56.

9 *Касьянова Е.И* Социально-философские основания толерантности: автореф. дис. … д-ра. филос. наук. Улан-Уде, 2009. 46 с.

10 *Кизим А.* О значении подвига братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба // Журнал «Самиздат». URL: https://samlib.ru/k/kizim_a_w/boris_i_gleb.shtml (дата обращения: 11.03.2025).

11 *Куницын А.И.* Правоестественное 1818–1820 // Русские просветители: (от Радищева до декабристов). Собрание соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 204–242. URL: https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/HASH6f4c570c2bfc977802bf32 (дата обращения: 10.02.2025).

12 *Лемешко Т.*А. Становление историософских идей в Древней Руси: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // Культура и цивилизация. 2016. №12 (2). С. 50–55.

13 *Лукьяненко А.А.* Философская рефлексия диалектики исихазма и славянской мистерии в качестве сакрального ядра древнерусской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №3 (65): в 2 ч. Ч. 2. С. 102–105.

14 *Мильков В.В.* Осмысление истории Древней Руси. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1997. 197 с.

15 *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI. 2009. №4. С. 112–155.

16 *Мильков В.В.* Ноуменальная философия и Древняя Русь. Введение. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. №4. С. 15–21.

17 *Мильков В.В.* Поучение Луки Жидяты — древнейшая русская проповедь // Вестник славянских культур. 2012. №4 (XXVI). С. 73–82.

18 *Паин Э.А.* Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37–54.
19 *Перцев А.*В. Этика глазами агронома, или археология российской нетолерантности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2006. № 4. С. 42–53.
20 *Семенова В.И.* Деревянное культовое зодчество в Тюмени в XVII веке // Вестник культуры и искусства. 2002. № 4 (72). С. 76–81.
21 *Соловьев К.А.* Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях Древней Руси XI – начала XII века // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 14–33.
22 *Сумина Е.С.* Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 3. С. 36–40 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolerantnosti-kak-komponent-russkoy-filosofskoy-kartiny-mira (дата обращения: 18.01.2025).
23 *Ужанков А.Н.* Древнерусская книга — беседа Бога с человеком. Беседы о русской литературе // Православие.Ru. URL: http://www.pravoslavie.ru/77689.html (дата обращения: 14.10.2024).
24 *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси // Азбука веры. https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/ (дата обращения: 04.09.2024).
25 *Федотова В.Г.* Модернизация и традиция // Знание, понимание, умение. 2014. № 2. С. 85–91.

Источники

26 Житие Феодосия Печерского // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-1/5 (дата обращения: 16.04.2025).
27 Иларион Киевский Исповедание веры // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Kievskij/ispovedanie-very/#source (дата обращения: 23.01.2025).
28 Письмо Мономаха к Олегу Святославовичу // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. С. 68–70.
29 Поучение Владимира Мономаха // Изборник: Повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. С. 59–68.
30 Поучения и молитва Феодосия Печерского // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-1/6 (дата обращения: 08.04.2025).
31 Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/books/21820-skazanie-i-stradanie-i-pohvala-svjatym-muchenikam-borisu-i-glebu/ (дата обращения: 12.11.2024).
32 Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома). URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868 (дата обращения: 19.02.2025).
33 Статистика по наименованиям (посвящениям) храмов // Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20141025140154/http://temples.ru/names_stat.php (дата обращения: 22.06.2025).

***

© 2026. Olga V. Sarpova
Tyumen, Russia

© 2026. Ruslan H. Kasimov
Tyumen, Russia

THE ORIGINS OF TOLERANCE: A SEARCH THROUGH THE WORKS OF OLD RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE 11th – 12th CENTURIES

Abstract: Theoretical assumptions that a priori assert the intolerance of traditional societies are believed to be not always correct. In each culture, the signs of a particular phenomenon may vary. The authors claims that tolerance in the Old Russian state is based not only on moral principles, but also on unity, which first expressed in an individualized collectivity and intensified in society after Christianity had been adopted. The first Old Russian philosophers implemented the idea in their activities and creative work. The idea of unity is inherent in all aspects of Hilarion's historiosophical reasoning. Feodosy Pechersky demonstrated it in the harmony of his prayerful and active life. Luka Zhidyata calls for patience and reconciliation together with them. Vladimir Monomakh, inspired by the example of the martyred brothers Boris and Gleb, not only affirms the existence of "diversity of persons" in the world, but also demonstrates the ability to forgive, which allows restoring peaceful relations with political opponents. The idea of unity, which was expressed to the highest degree through the image of the Holy Trinity, had not yet been fully understood or by the early Russian state in the 11th and early 12th centuries. Old Russian philosophers continued to interpret the idea of unity. At the end of the fourteenth century, full awareness of the unity of the Holy Trinity and the unity of society which would allow not only to defend independence, but also to create a state that would preserve the diversity of peoples and their cultures.

Keywords: tolerance, unity, traditional society, ancient Russian philosophy

Information about authors: Olga V. Sarpova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Industrial University of Tyumen, Volodarskogo St., 38, 625000 Tyumen, Russia.
ORCID ID: hppts://orcid.org/0009-0004-7159-2362
E-mail: sarpovaov1962@yundex.ru
Ruslan Kh. Kasimov — DSc in Philosophy, Assosiate Professor, Industrial University of Tyumen, Volodarskogo St., 38, 625000 Tyumen, Russia.
E-mail: rhkasimov@mail.ru

Received: October 10, 2025
Approved after reviewing: June 01, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Sarpova, O.V., Kasimov, R.Kh. "The Origins of Tolerance: A Search through the Works of Old Russian Philosophers of the 11th – 12th Centuries." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 33–46. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-33-46

References

1 Bibikhin, V.V. "Vlast' Rossii" ["The Power of Russia"]. *Nashe polozhenie: obraz nastoiashchego* [*Our Position: Image of the Present*]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoi literatury Publ., 2000, pp. 67–79. (In Russ.)

2 Gurevich, A.Ia "Uroki Liusena Fevra" ["Lessons from Lucien Febvre"]. Fevr, L. *Boi za istoriiu* [*Battles for History*]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 501–541. (In Russ.)

3 Danilevskii, N.Ia. *Rossiia i Evropa* [*Russia and Europe*]. 2nd ed. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, Blagoslavlenie Publ., 2011. 816 p. (In Russ.)

4 Danilov, V.V. "'Oktavii' Minutsiia Feliksa i 'Pouchenie' Vladimira Monomakha" ["'Octavius' by Minucius Felix and 'The Teaching' by Vladimir Monomakh"]. *Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma)* [*Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)*]. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/05_tom/Danilov/Danilov.pdf (Accessed 11 March 2025). (In Russ.)

5 Emel'ianov, B.V. "Russkii mentalitet: vozmozhnosti tolerantnosti" ["Russian Mentality: The Possibilities of Tolerance"]. *Filosofskie i lingvokul'turnye problemy tolerantnosti* [*Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance*]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2003, pp. 48–57. (In Russ.)

6 Zaritskaia, Zh.V. "O spetsifike russkogo kollektivizma" ["About the Specifics of Russian Collectivism"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Series: Filosofiia [Philosophy], no. 11, vol. 3. 2013, pp. 48–54. (In Russ.)

7 Ionaitis, O.B. "Filosofiia istorii v srednevekovoi Rusi (XI–XVII vv.)" ["Philosophy of History in Medieval Russia (11th – 17th Centuries")]. *Izvestiia Ural'skogo feral'nogo universiteta.* Series 3: Obshchestvennye nauki [Social sciences], no. 3, 2013, pp. 196–211. (In Russ.)

8 Kapishin, A.E. "O poniatii traditsionnoe 'obshchestvo' v sotsial'nykh naukakh" ["On the Concept of 'Traditional Society' in Social Sciences"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov.* Series: Sotsiologiia [Sociology], no. 6, 2005, pp. 53–56. (In Russ.)

9 Kas'ianova, E.I. S*otsial'no-filosofskie osnovaniia tolerantnosti* [*Socio-philosophical Foundations of Tolerance: DSc Thesis, Summary*]. Ulan-Ude, 2009. 46 p. (In Russ.)

10 Kizim, A. "O znachenii podviga brat'ev-strastoterptsev Borisa i Gleba" ["On the Significance of the Feat of the Passion-bearers Brothers Boris and Gleb"]. *Zhurnal "Samizdat"*. Available at: https://samlib.ru/k/kizim_a_w/boris_i_gleb.shtml (Accessed 11 March 2025). (In Russ.)

11 Kunitsyn, A.I. "Pravo estestvennoe 1818–1820" ["Natural Law 1818–1820"]. *Russkie Prosvetiteli: ot Radishcheva do dekabristov. Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Russian Enlighteners: (from Radishchev to the Decembrists). Collected Works*: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1966. pp. 204–242. Available at: Available at: https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/HASH6f4c570c2bfc977802bf32 (Accessed 10 February 2025). (In Russ.)

12 Lemeshko, G.A. "Stanovlenie istoriosofskikh idei v Drevnei Rusi: 'Slovo o Zakone i Blagodati' Mitropolita Illariona" ["The Development of Historiosophical Ideas in Ancient Rus': 'The Sermon on Law and Grace' by Metropolitan Hilarion"]. *Kultura i tsivilizatsiia*, no. 1–2 (2), 2015, pp. 50–55. (In Russ)

13 Luk'ianenko, A.A. "Filosofskaia refleksiia dialektiki isikhazma i slavianskoi misterii v kachestve sakral'nogo iadra drevnerusskoi kul'tury" ["Philosophical Reflection on

the Dialectic of Hesychasm and Slavic Mystery as the Sacred Core of Ancient Russian Culture"]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (65): in 2 parts, part 2, 2016, pp. 102–105. (In Russ.)

14 Mil'kov, V.V. *Osmyslenie istorii Drevnei Rusi* [*Understanding the History of Ancient Rus`*]. Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences RAS Publ., 1997. 197 p. (In Russ.)

15 Mil'kov, V.V. "Dukhovnaia druzhina russkoi avtokefalii: Ilarion Kievskii" ["The Spiritual Squad of Russian Autocephaly: Hilarion of Kiev"]. Rossiia XXI, no. 04, 2009, pp. 112–155. (In Russ.)

16 Mil'kov, V.V. "Noumenal'naia filosofiia i Drevniaia Rus'. Vvedenie" ["Noumenal Philosophy and Ancient Rus`. Introduction"]. *Paleorossiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh,* no. 4, 2023, pp. 15–21. (In Russ.)

17 Mil'kov, V.V. "*Pouchenie Luki Zhidiaty — drevneishaia russkaia propoved'*" ["*The Teaching of Luke the Jew — the oldest Russian Sermon"*]. Vestnik slavianskikh kul'tur, no. 4 (XXVI), 2012, pp. 73–82. (In Russ.)

18 Pain, E.A. "Mnogokul'turnaia modernizatsiia: evoliutsiia teoreticheskikh vzgliadov" ["Multicultural Modernization: Evolution of Theoretical Views"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, 2009, pp. 37–54. (In Russ.)

19 Pertsev, A.V. Etika glazami agronoma, ili arkheologiia rossiiskoi netolerantnosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6, 2006, vyp. 4. pp.42-53. (In Russ)

20 Semenova, V.I. "Dereviannoe kul'tovoe zodchestvo v Tiumeni v XVII veke" ["Wooden Religious Architecture in Tyumen in the 17th Century"]. *Vestnik kul'tury i iskusstva*, no. 4 (72), 2002, pp. 76–81. (In Russ.)

21 Solov'ev K.A. "Kul't sviatykh Borisa i Gleba vo vlastnykh otnosheniiakh Drevnei Rusi XI – nachala XII veka" ["The Cult of Saints Boris and Gleb in the Power Relations of Ancient Rus` of the 11th – Early 12th Century"]. *Voprosy istorii*, no. 5, 2002, pp. 14–33. (In Russ.)

22 Sumina, E.S. "Kontsept tolerantnosti kak komponent russkoi filosofskoi kartiny mira" ["The Concept of Tolerance as a Component of the Russian Philosophical Worldview"]. *Kontsept*, 2014, Special edition no. 03, pp. 36–40. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolerantnosti-kak-komponent-russkoy-filosofskoy-kartiny-mira (Accessed 18 January 2025). (In Russ.)

23 Uzhankov, A.N. "Drevnerusskaia kniga — beseda Boga s chelovekom. Besedy o russkoi literature" ["The Old Russian Book is a Conversation Between God and Man. Conversations about Russian Literature"]. *Pravoslavie.Ru.* Available at: http://www.pravoslavie.ru/77689.html (Accessed 14 October 2024). (In Russ.)

24 Fedotov, G.P. "Sviatye Drevnei Rusi" ["Saints of Ancient Russia"]. *Azbuka very* [*The ABC of faith*]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/svjatye-drevnej-rusi/ (Accessed 04 September 2024). (In Russ.)

25 Fedotova, V.G. "Modernizatsiia i traditsiia" ["Modernization and Tradition"]. *Znanie, ponimanie, umenie*, no. 2, 2014, pp. 85–91. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-47-59
УДК 008
ББК 71(2) + 85.33(2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Белов
г. Москва, Россия

ТРАДИЦИИ ПОВСЕДНЕВНОГО ПИТАНИЯ ГОРОДСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРЕДНЕРУССКОГО ГОРОДА КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В

Аннотация: Среди всех элементов повседневной жизни пища занимает исключительное место. Ее отсутствие делает невозможным само существование, а в периоды относительной стабильности и достатка она превращается в надежный маркер социального статуса и хозяйственного потенциала. Традиции приготовления и употребления пищи выступают одним из главных проявлений национальной культуры. В публикации описывается значение данных о повседневном питании как о важном маркере потенциала городского хозяйства и качества городской среды дореформенного времени. Демонстрируются особенности распространения знаний в этой области как процесса проявления сословного сознания. В научный оборот вводится составленный в середине XIX столетия чрезвычайно информативный и не имеющий аналогов исторический источник — подробный обзор присущих повседневной жизни обывателей тверского города Торжка, находящихся в обиходе его жителей продуктов и «кушаний». А также особенности их подбора в зависимости от достатка жителей, церковного календаря, праздников и иных обстоятельств. Документ составлен Иваном Новоселовым, занимавшим место преподавателем местного духовного уездного училища, человеком, хорошо знакомым с темой. Составленное им описание сохранилось в фондах Научного архива Российского географического общества. Также в публикации дается характеристика (историко-биографическая и социально-экономическая) города Торжка. Данные материалы предоставляют возможность не только продемонстрировать особенности и традиции питания обывателей конкретного города, но и охарактеризовать повседневную культуру питания как часть городской среды определенного типа городских поселений, а именно — наиболее экономически развитых уездных торговых центров Европейской России конца XVIII – первой половины XIX в.

Ключевые слова: дореформенный город, городская среда, культура питания, среднерусский город, уровень жизни, повседневная жизнь, Торжок

Информация об авторе: Алексей Викторович Белов — доктор исторических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Стремянный пер., д. 36, 115054 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https//orcid.org/0000-0002-7877-4896
E-mail: belovavhist@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.05.2026
Дата одобрения рецензентами: 08.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Белов А.В.* Традиции повседневного питания городского обывателя и хозяйственный потенциал среднерусского города конца XVIII – первой половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 47–59. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-47-59

Культура питания русского города дореформенного времени. Человек есть то — что он ест. Это не только психология — это потенциал. Субъект хозяйственной жизни употребляет в пищу не совсем то, что хочет, а то, что может себе позволить. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Первое — имеющиеся в его распоряжении ресурсы (природа, достаток, знания, условия времени и само наличие этого времени). Второе — рамки установившихся традиций, находящихся порой под очень жестким влиянием правил, определяющих перечень важного для поддержания статуса, или принадлежности к конкретной этнической (территориальной), культурной или социальной группе. Причем это правило действует, даже если продукт или форма его приготовления труднодоступна как предмет каждодневного потребления.

В конечном итоге именно стол становится для исследователей прошлого надежным индикатором как культуры конкретной сословной группы, так и формы хозяйственного развития, достигнутого этой группой в данное конкретное историческое время.

Парадоксально, но культура и возможности питания русского города больше известны и описаны для XVI–XVII вв., нежели для куда более близкого нам и доступного для понимания периода XVIII и первой половины XIX в.

Впрочем, в таком положении дел нет ничего удивительного. Во-первых, социальная история и история повседневности — относительно новые направления, и степень охвата ими разных исторических интервалов неодинакова. Во-вторых, в рамках развития интереса к прошлому — наиболее тематически привлекательными, а значит и востребованными, являются времена или более древние (былинное, закрытое дымкой веков), или, напротив, ставшие историей не так давно и вызывающие особую ностальгию, или дающие материал для размышления о современном дне. В-третьих, не стоит забывать, что основные наши знания о столе классического русского Средневековья строятся в первую очередь на единственном, хотя и достаточно обстоятельном источнике — «Домострое». Книге широко распространенной, хорошо известной, разносторонне изученной и принятой в рамках национального российского общественного сознания за эталон русской культуры того времени, что, в общем-то, не вполне корректно. Данная работа была скорее назидательным трудом, призывающим к следованию определенной традиции, но не подтверждением ее бесспорного доминирования. В этом отношении «Домострой» митрополита Макария аналогичен «Книге о вкусной и здоровой пище» наркома Микояна, на основании текста и иллюстраций которой вряд ли стоит описывать повседневный стол советского обывателя 30 гг. XX в.

Следующий масштабный источник, на который мог бы опереться исследователь, занимающийся вопросами повседневного питания русского горожанина, относится уже к пореформенному времени. Речь идет в первую очередь о труде Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», увидевшей свет на самом рубеже эпох в 1861 г. [4] Произведение это являлось наиболее цельным, но не единственным домашним пособием подобного рода.

Можно вспомнить «Российский хозяйственный винокур…» [5], «Поваренный календарь, или Самоучитель поваренного искусства» [6], и др. аналогичные книги. Однако «Домострой» создавался в допетровский период российской истории, т. е. в условиях сохранения единства национальной бытовой культуры, что определяло близость форм бытования всех социальных слоев. Книги бытописания конца XVIII – середины XIX в. отражали реалии принципиально иного исторического периода и были сориентированы в первую очередь на дворянскую семью столичного города или же на крупную помещичью усадьбу, которая сама по себе могла играть в рамках своего региона роль культурного центра, близкого по своим качествам (признакам) даже к «столичному» [3, с. 578–597].

В этом отношении интересно сравнить русские книги XVIII в., посвященные домашнему хозяйству и образцам питания, с аналогичной зарубежной литературой. В первую очередь с работой англичанки Ханны Глас "The Art of Cookery made Plain and Easy" («Искусство кулинарии, сделанное простым и непринужденным»), впервые увидевшей свет в Лондоне в 1747 г. [9], но пришедшей в Россию значительно позже. Данное обстоятельство не столько досадное, сколько показательное, так как говорит о русском городе этого периода, об особенностях развития городской среды и городского сословия. Во всяком случае, по отношению к подавляющему числу поселений России, которые к этому времени не обзавелись сильным городским «гражданством» (обществом), с ярко выраженной самобытной формой повседневной культуры.

«Труд» (записка) учителя Ивана Новоселова о городском питании. Как мы видим, культура и традиция городского стола дореформенного времени буквально исчезли из поля знания исследователей, образовав «белое пятно». Каким, в общем-то, в значительной степени и является весь русский дореформенный город с его непривычным и порой парадоксальным устройством, соединяющей в себе черты разных эпох.

В связи с удаленностью этого исторического периода, увидеть его более полно и точно помогут находки и привлечение новых документальных исторических свидетельств. В первую очередь — провинциального происхождения, описывающие традиционные распространенные формы. Подобного рода материалы возникали, в частности, в форме очерков «неофициальной» части «Губернских ведомостей», а также оседали в виде воспоминаний, записок и дневников в коллекциях посменных источников центральных библиотек и собраниях региональных архивов.

Но особую ценность все-таки представляют не источники личного происхождения, а наблюдения этнографического характера. Один из таких материалов хранится в фондах «Императорского Русского Географического Общества». Речь идет об обстоятельно составленном (что встречается не так часто) сообщении корреспондента данного учреждения, жителя города Торжка учителя «Духовного Уездного Училища, Высшего отделения» надворного советника Ивана Алексеева Новоселова» (Научный архив Российского географического общества (НА РГО). Р. 197. Оп. 1. Д. 45).

В присланных в Санкт-Петербург в 1854 г. бумагах их составитель в рамках своих «посильных трудов», помимо прочих лично собранных им сведений, предоставил записку «Употребление пищи между обывателями Торжка». Данный документ вызывает большой интерес. Он весьма подробно составлен, содержит важные наблюдения и одновременно охватывает несколько аспектов: набор блюд в постное и скоромное время; набор блюд в праздник и рядовой день. При этом автор везде указывает разницу в питании зажиточного и небогатого горожанина (возможно, даже основной

массы жителей). Кроме того, корреспондент сообщал правила подготовки стола, писал о более раннем наборе кушаний, что по уровню развития городского хозяйства можно отнести к рубежу XVIII–XIX вв., когда в провинции только утверждались нормы городского строя, возникшего в результате реформ Екатерины Великой.

Представленная автором записка, помимо общих данных о составе стола, позволяет сделать вывод и об изменении уровня достатка городских жителей на конкретном этапе истории города.

Нельзя сказать, что письмо Новоселова было бы совсем неизвестно. К ее материалам в одной из своих книг обращался известный специалист по истории русского города М.Г. Рабинович. Но в связи с задачами данного исследования, он лишь частично реализовал присущий в ней источниковый потенциал. В частности, не обратил внимание на трансформацию качества питания, на разных этапах истории города [7, с. 238–239].

Торжок как реперная точка. Прежде чем дать описание столу русского горожанина конца XVIII – середины XIX столетия, необходимо оценить особенности и хозяйственного потенциала города Торжка, повседневная жизнь которого фактически берется нами за основу при характеристике качества питания русского горожанина тех лет.

Город Торжок — не только одно из наиболее заметных поселений Тверской губернии. Это русский город с богатой и продолжительной историей. Причем изначально он (что следует уже из его названия) играл роль не только крепости, но и важного торгового центра еще домонгольского времени, имевшего стратегическое значение, как для северо-восточной, так и для северо-западной Руси. Через этот город из среднерусских ополий к Новгороду шли огромные потоки хлеба, являвшегося для того времени важнейшим стратегическим продуктом. В начале XIII столетия противоборствующие с Великим Новгородом князья Северо-Восточной Руси пытались диктовать ему свои интересы, опираясь именно на Торжок. В ответ на это и возникла знаменитая фраза, произнесенная князем Мстиславом Удалым, защищающим интересы северной республики: «…да не будет Новый Торг Новым городом, ни Новгород над Торжком, но где Святая София, и тут и Новгород…» [10, с. 254].

В последующее столетия Торжок не утратил значения важнейшего и крупнейшего межрегионального торгового центра. В итоге город заметно выделялся среди прочих поселений губернии как масштабными, вызывающими восхищение и в наши дни архитектурными комплексами, так и сплоченной и богатой купеческой корпорацией.

Значимость ее была настолько велика, что в ряде случаев торговые люди откровенно противостояли городничему с его весьма широким кругом полномочий [8, с. 314]. По всей видимости, ничего подобного тому, что описал Н.В. Гоголь в «Ревизоре», и что воспринималось как норма для уездного центра, в Торжке не было и быть в принципе не могло. Его жители знали себе цену и умели ее уверенно отстаивать, опираясь, в том числе, на значительные личные капиталы и доходы.

Торжок заметен не только в рамках собственной губернии, но и среди городов прочих губерний исторического центра страны.

Сравним его с поселениями близкого уровня — старыми торговыми центрами уездного статуса из числа соседних регионов, используя для этой цели как опубликованные [2, с. 593–594, 612–613], так и архивные (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 43. Л. 21 об.; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454. Л. 119-121; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1 Д. 751. Л. 1–3 об.) материалы Экономических примечаний Генерального межевания, составленные во второй половине XVIII в.

Таблица 1 — Города — торговые центры «коренных губерний» России (выборочное сравнение)

	Население		Земля (дес)		Характер деятельности
Город (губерния)	дво-ров	душ (м.п.)	уса-дебная	вся	
Торжок (Тверская)	1231	3083	278	347	Жители — в основном купцы и мещане, торгующие разными товарами
Старица (Тверская)	254	879	91	393	Жители — в основном купцы и мещане, торгующие разными товарами
Волоколамск (Московская)	222	739	98	984	Активно торгуют как в своем городе, так и в других городах. Занимаются и сельским хозяйством.
Владимир (Владимирская)	1051	1715	388	8923	Основное занятие —разведение садов и торговля соком, торговля.
Боровск (Калужская)	613	1996	218	1272	Жители — большей частью купцы, торгуют не в одном своем городе, но и в других городах.

Торжок дает пример образцового торгового уездного города, уверенно занимающего второй эшелон после центров, в которых развивается промышленность, и которые на этом этапе экономической истории России более всего относились к губернским городам (Тула, Ярославль и т. п.). Однако по своим «основным показателям» социально-экономический потенциал уездного Торжка «сходен» даже с Тверью [1, с. 86] — административным главой одноименного административного региона – Тверской губернии. Это не столь частый случай в российской практике данного времени.

При этом малый город Торжок не обладает обширными сельскохозяйственными угодьями. Выгон его общины вообще лишен пашенных угодий [2, с. 594], что далеко не всегда являлось характерной чертой уездных центров страны. Торжок, видимо, в личных «пашенных землях» просто не нуждался, так как уверенно довольствовался своими «торговыми промыслами». По своему потенциалу он близок к таким мощным городам, какими являлись Калуга и Серпухов, уступая при этом наиболее развитым

в торговом и промышленном отношении Коломне и Ярославлю. Перед нами —уездный город с большим числом жителей, активной хозяйственной деятельностью, и видимо, значительным достатком.

Вместо заключения. Описание повседневного стола жителей Торжка, сохранившегося в записке учителя городской гимназии Ивана Алексеева Новоселова, — не только редкий пример обстоятельной предметной записки историко-этнографического характера. Содержащиеся в ней сведения помогают увидеть целый ряд важных вопросов городской повседневной жизни: перечень продуктов, степень их использования и иерархию, разницу в обрядовой и праздничной пище, а также проявление принципа социального неравенства, а также изменение перечня подаваемых блюд, произошедшее во второй четверти XIX в.

В приводимой ниже публикации сохранены особенности составления текста и языка источника, что является не только данью яркой специфике описываемого исторического времени, но и позволит учесть использованную составителем форму при идентификации приводимых в документе местных продуктов.

Записка И.А. Новоселова «Различные заметки о городе Торжке» 1854 г. (фрагмент)

В СОВЕТ ИМПЕРАТОРСКОГО
Русского Географического Общества

Новоторжского Духовного Уездного Училища,
Высшего отделения Учителя, Надворного Советника,
Ивана Алексеева Новоселова
<…>

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЩИ между обывателями Торжка

аа). Ежедневной
1. У богатого
а) скоромной
Пирог с говядиной и яйцами.
Студень с уксусом и огурцами.
Щи бел[ые] с говядиной.
Похлебка из курицы с перл.[овыми] крупами.
Жареный поросенок, набитой кашей из сорочинской пшены.
Гусь жареный.
Ярское на яйцах, масле и молоке с сахаром.
б) постной
Пирог с вязигою.
Икра с белым хлебом.
Холодная щука с уксусом и хреном.
Севрюга.
Уха из налима.
Жаркое.
Пирог с вареньем или малин.

в) [В] Великий пост
На первой и страстной неделях с маслом ничего не едят.
а) Употребляют
Сухари с квасом и хрен.[ом].
Грузди с уксусом и огурцами.
Подъеложи с уксусом.
Отварные грибы.
Разварка с бел.[ым] хлебом или малинная с изюм. Или черничная с французским черносливом.
б) На 2й 3й 4й 5й и 6й нед. [еле] Вел.[икого] поста
Пирог с черн.[ыми] грибами.
Щи с бел.[ыми] грибами.
Грибы жаренные черные.
Грибы белые жаренные.
Разварка сладкая из ягод.
Сладкий пирог.
2. У бедного
а) скоромной
Щи с говядиной или со сметаной.
Каша (и кресты).
б) постной
Капуста с квасом.
Щи старые без приправы, (да щицы, да щенная ушица, да щеной потрошок не куст в горшок) потом и кресды.
в) На 1-й недели Великого поста
Сухари с квасом.
Толокно с водой.
Редька с солью.
Свекла пареная.

вв) Праздничной
1. у богатого (такая же как ежедневная)
2. у бедного
Щи с говядиной.
Пирог с кашей.
Картофель жаренный

а) Свадебной
1. У богатого
а) Скоромный
Пирог с говядиной и яйцами.
Студень с огурцом и хреном.
Поросенок холодный
Окорок свиной.
Щи с говядиной.
Похлепка с бараниной или курят.[иной] с перлов.[ыми] крупами.
Баранена жаренная.

Поросенок набитый кашей.
Гусь жареный.
Индей[ка] жаренная.
Ярское с сахаром.
За каждым кушаньем пиво, вино и мед подносят.
б) Постной
Пирог с вязигою.
Студень рыбья.
Щука холодная.
Белуга соленая с квасом и огурцами.
Севрюга жаренная с уксусом и хреном.
Осетрина жаренная с уксусом и хреном.
Жаркое.
Сладкий пирог.
С) У беднаго
а) Скоромный
Пирог с каш.[ей] и яйцами.
Свинина.
Щи с говядиной.
Ушное, т. е. похлебка с бараниной.
Баранина жаренная.
Сорочька из барана, набитая кашей.
Ярское с сахаром.
Во время стола три раза обносят пивом и вином.
б) Постной
Пирог с кашей и луком.
Сазанина с квасом.
Белуга с квасом.
Севрюга с уксусом.
Сладкий пирог.

dd) Во время поминок
1) Скоромный
а) У богатого
Кутья из сорочинской крупы с изюмом.
Пирог [с] говяд[иной] и яйцами.
Студень говяжья.
Поросенок холодный.
Щи с говядиной.
Ушное.
Баранена жаренная.
Гусь жаренный.
Йндей[ка] жаренная.
Ярское.
Кисель с молоком.
б) У беднаго.
Кулья из кренделей.

Пирог с кашей и яйцами.
Окрошка, т. е. говядина холодная, с квасом, сметаною и огурцами.
Щи с говядиной.
Баранина жаренная.
Сальник.
Ярское.
Кисель.
За утеснением хлебают 8 человек из однаго блюда.
2) Постный
1) У богатого
Кутья.
Пирог с черными грибами.
Грузди с луком и маслом.
Подъельники с луком и маслом.
Отварные черные грибы.
Отварные белые грибы.
Щи с белыми грибами.
Жаренные черные грибы.
Жаренные белые грибы.
Разварка черничная с черносливом.
Размварка малинная с изюмом.
Разварка с изюмом и француз.[ским] черносливом.
Сладкий пирог с малиною и медом.
Кисель с медом разваренным в воде, называемой сытою.
2) У бедного
Кутья из кренделей (барашков).
Пирог с кашей.
Волнушки соленые.
Капуста с огурцами.
Щи (с нетом).
Тлокашки соленые т. е. истюканные грибы с крупою.
Горох варенный.
Кисель гороховый.
Грибы черные вареные.
Разварка из черниц с хлебом.
Пирог сладкий с черницами.
Кисель сытою из дешевого меда.

ее) А прежде сего года за 10-ть назад подавалась пища в Великий пост у богатых и бедных следующая.
Пирог с солеными грибами.
Редька резанная ломотками.
Редька тертая с квасом да с толокном.
Свекла тканная с квасом и огурцами.
Бухма (калитка) с квасом.
Капуста кочанная.
Тюкашки.

Тесто из солоду.
Горох тертый.
Гуща т. е. жито испаренное с горохом.
Грузди соление.
Подъелник[и] соленые.
Кисель гороховый.
Щи с сухими грибами.
Щи с соком конопляным.
Горох горячий.
Грибы жаренные черные.
Грибы жаренные белые.
Брусницы с медом.
Дазварка из изюму.
Дазварка из черниц.
Дазварка из малин.
Пирог сладкий.
Кисель овсяный (сытого чижем).
Кутья.

1. При каждом кушанье об тарелку стучать и кричать: покрошь еще, подбавь, подлей, а хозяин с хозяйкою постоянно кланяются и нередко поднося вино просят покушать до сыта.
2. Родственники по часту плачевный пир от пресыщения обращают в веселый.
3. Для всех столов нанимается стряпуха.
4. На канун ходит звать и приглашает по реестру, чтобы всяк был готов к нагружению желудка, состоящему из двадцати пяти самых тяжелых кушаньев.

Список литературы
Исследования

1 *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1994. 230 с.
2 Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия: в 2 т. Тула: Аквариус, 2016. [Т. 1] / подгот. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. 760 с.
3 *Купцова О.Н.* Русский усадебный театр в последней трети XVIII века: Феномен «столичности» в провинциальной культуре // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 578–597.
4 *Молоховец Е.И.* Подарок молодым хозяйкам, или Средства к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве: В нем заключаются: реестр ежедневных обедов на целый год и 1500 описаний домашних запасов и разных кушаний. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. 281 с.
5 *Осипов Н.П.* Российский хозяйственной винокур, пивовар, медовар, водочной мастер, квасник, уксусник, и погребщик / Собрано из разных иностранных и российских сочинений и записок Н.О. СПб.: Тип. Имп. Акад.наук, 1796. 281 с.
6 Поваренный календарь, или Самоучитель поваренного искусства, содержащий наставление к приготовлению снедей на каждый день в году, для стола домаш-

него и гостиного: С приложением поваренных записок о заготовлении разных домашних запасов, как-то: о солении и мариновании мяс, рыб, огурцов и прочего: в 6 ч. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1808. Ч. 1. 322 с.

7 *Рабинович М.Г.* Очерки материально культуры русского феодального города. М.: Наука, 1998. 309 с.

8 *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 446 с.

9 *Glasse H.* The Art of Cookery made Plain and Easy. L.: Print. for the author, and sold at Mrs, 1747. 166 p. URL: https://archive.org/details/b30501581_0002/page/n1/mode/2up (дата обращения: 13.05.2026).

Источники

10 Новгородская летопись младшего извода. Комиссионный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.; Л: АН СССР, 1950. С. 104-427.

***

© 2026. Alexey V. Belov
Moscow, Russia

EVERYDAY TABLE OF THE CITY INHABITANT IN THE LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract: Among all the elements of everyday life, food occupies an exceptional place. Its absence makes existence impossible, and during periods of relative stability and prosperity, it becomes a reliable marker of social status and economic potential. The traditions of cooking and consumption are one of the main manifestations of national culture. This study describes the significance of data on everyday nutrition as an important marker of the potential of urban economy and the quality of the urban environment in pre-reform times. It also demonstrates the spread of knowledge in this area as a manifestation of class consciousness. The work introduces into scientific circulation an extremely informative and unique historical source compiled in the mid-19th century: a detailed review of the products and "meals" that were part of the daily lives of the residents of Torzhok, a city in Tver Oblast. The document also provides information about the selection of these items based on the residents' wealth, the church calendar, holidays, and other circumstances. The document was compiled by Ivan Novoselov, a teacher at the local parish school, who was well-versed in the subject. His description has been preserved in the Scientific Archive of the Russian Geographical Society. The paper also provides a description (historical, biographical and socio-economic) of the city of Torzhok. The author shows the possibility of using materials about the food culture of the local inhabitants of this city to assess the urban environment of a certain type of urban settlements, namely the most economically developed district shopping centers of European Russia at the end of the 18th — first half of the 19th century.

Keywords: pre-reform city, urban environment, food culture, middle-Russian city, standard of living, everyday life, Torzhek

Information about the author: Alexey V. Belov — DSc in History, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov St., 19, 117292 Moscow, Russia; Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyannoy Pass., 36, 115054 Moscow, Russia.
ORCID ID: https//orcid.org/0000-0002-7877-4896
E-mail: belovavhist@mail.ru
Received: May 14, 2026
Approved after reviewing: June 08, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Belov, A.V. "Everyday Table of the City Inhabitant in the Late 18th – First Half of the 19th Century." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 47–59. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-47-59

References

1 Volkov, M.Ia. *Goroda Verkhnego Povolzhia i Severo-Zapada Rossii Pervaia chetvert XVIII v.* [*Cities of the Upper Volga Region and the North-West of Russia. The First Quarter of the 18th Century*]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 230 p. (In Russ.)

2 *Goroda Rossiiskoi imperii v materialakh Generalnogo mezhevaniia: Tsentralnaia Rossiia:* v 2 t. [*Cities of the Russian Empire in the Materials of the General Survey: Central Russia:* in 2 vols.], [Vol. 1], publ. by D.A. Chernenko, A.A. Golubinskii, D.A. Khitrov. Tula, Akvarius Publ., 2016. 760 p. (In Russ.)

3 Kuptsova, O.N. "Russkii usadebnyi teatr v poslednei treti XVIII veka: Fenomen 'stolichnosti' v provintsialnoi culture" ["The Russian Estate Theatre in the Last Third of the 18th Century: The Phenomenon of 'Capitality' in Provincial Culture"]. *Dvorianstvo, vlast i obshchestvo v provintsialnoi Rossii XVIII veka* [*Nobility, Power, and Society in Provincial Russia in the 18th Century*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. pp. 578–597. (In Russ.)

4 Molokhovets, E.I. *Russkii: Podarok molodym khoziaikam, ili Sredstva k umensheniiu raskhodov v domashnem khoziaistve: V nem zakliuchaiutsia: reestr ezhednevnykh obedov na tselyi god i 1500 opisanii domashnikh zapasov i raznykh kushanii* [*A Gift for Young Housewives, or Ways to Reduce Household Expenses: it Contains: A Register of Daily Meals for the Whole Year and 1,500 Descriptions of Household Supplies and Various Dishes*]. St. Petersburg, Tipografiia Tovarishchestva "Obshchestvennaia polza" Publ., 1866. 281 p. (In Russ.)

5 Osipov, N.P. *Rossiiskii khoziaistvennoi vinokur, pivovar, medovar, vodochnoi master, kvasnik, uksusnik, i pogrebshchik. Sobrano iz raznykh inostrannykh i rossiiskikh sochinenii i zapisok N.O.* [*Russian Household Distiller, Brewer, Honey-maker, Vodka-maker, Kvass-maker, Vinegar-maker, and Cellar-maker. Collected from Various Foreign and Russian Writings and Notes by N.O.*]. St. Petersburg, Tipografiia pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1796. 281 p. (In Russ.)

6 *Povarennyi kalendar, ili Samouchitel povarennogo iskusstva, soderzhashchii nastavlenie k prigotovleniiu snedei na kazhdyi den v godu, dlia stola domashnego i gostinogo: S prilozheniem povarennykh zapisok o zagotovlenii raznykh domashnikh zapasov, kak-to: o solenii i marinirovanii mias, ryb, ogurtsov i prochego:* v 6 ch. [*Cook's Calendar, or Cook's Manual, Containing Instructions for Preparing Food for Every Day of the Year, for the Home and Guest Table: With an Appendix of Cookbook Notes on the Preparation of Various Household Supplies, Such as: on the Salting*

and Marinating of Meat, Fish, Cucumbers, and other Items: in 6 parts], part 1. St. Petersburg, Tipografiia I. Glazunova Publ., 1808. 322 p. (In Russ.)

7 Rabinovich, M.G. *Ocherki materialno kultury russkogo feodalnogo goroda* [*Essays on the Material Culture of the Russian Feudal City*]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 309 p. (In Russ.)

8 Sereda, N.V. *Reforma upravleniia Ekateriny Vtoroi. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [*The Administrative Reform of Catherine the Great. A Source Study*]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2004. 446 p. (In Russ.)

9 Glasse, Hannah. *The Art of Cookery made Plain and Easy*. London, Printed for the author, and sold at Mrs, 1747. 166 p. Available at: https://archive.org/details/b30501581_0002/page/n1/mode/2up (Accessed 13 May 2026). (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-60-76
УДК 069.01
ББК 71.1
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Т.Ю. Ткаченко
г. Тольятти, Россия

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В РОССИИ: ОТ СОБИРАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ К НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРАМ (XIX–XXI ВВ.)

Аннотация: Краеведческий музей — особый тип музея, характерный для российской музейной системы и государств бывшего СССР. Он прошел большой путь развития от «местных» музеев, изучающих и документирующих географию, этнографию, историю края, «рупора советской власти», занимающего особое место в продвижении идей коммунизма, до визитной карточки территории, современного образовательного и просветительского центра, формирующего локальную идентичность. Он трансформировал традиционные и приобрел новые функции, не потеряв свою ценность хранителя культурного опыта человечества. Основа существования и место приложения сил краеведческих музеев — родной край, трансляция его уникальности и участие в его развитии.

Особое положение краеведческих музеев, их массовость в музейной сфере, их «сращение» со своими территориями, подвигающее музеи сегодня брать на себя не свойственные им ранее функции по развитию села, города, края, делает изучение этапов их возникновения и развития актуальным и своевременным. Понимание особенностей формирования этого типа музеев дает возможность оценить трансформацию их функций под влиянием социальных и политических факторов, прогнозировать направления их развития в будущем. Новизна исследования заключается в рассмотрении с использованием исторического и музееведческого подходов изменения роли и места краеведческих музеев в российской действительности в зависимости от задач общественной жизни и приоритетных направлений государственной политики; изучении влияния личностей на становление краеведческих музеев.

Ключевые слова: краеведческий музей, местный музей, краеведение, родиноведение, новая локальная история, микроистория, музей локальной истории

Информация об авторе: Татьяна Юрьевна Ткаченко — аспирант Поволжского государственного университета сервиса, заведующий отделом развития и информационных технологий, Тольяттинский краеведческий музей, б-р Ленина, д. 22, 445021 г. Тольятти, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-6250-8379
E-mail: juksi99@gmail.com

Дата поступления статьи: 07.07.2025
Дата одобрения рецензентами: 01.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Ткаченко Т.Ю.* Этапы становления и развития краеведческих музеев в России: от собирания коллекций к научно-просветительским центрам (XIX–XXI вв.) // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 60–76. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-60-76

Актуальность исследования обусловлена особым положением краеведческих музеев, которые являются наиболее многочисленными в музейной сети и отличаются комплексным подходом к документированию действительности. История их появления и становления обусловила процесс складывания и развития их социокультурных функций. Находясь в тесной связи с территориями, на которых они находятся, они часто берут на себя в отношении этих территорий функции благоустройства, экономического развития, повышения туристической привлекательности, укрепления и просвещения местных сообществ и т. п. Из-за выполняемой в прошлом исторической роли они часто являются инструментом власти. Понимание особенностей формирования этого типа музеев дает возможность проследить историческую динамику изменений их функций, подходов к осуществлению деятельности, определить возможные направления развития современных краеведческих музеев.

Целью исследования является анализ этапов появления и развития краеведческих музеев в России XIX – начала XXI вв. Для достижения указанной цели требуется решение следующих задач: охарактеризовать исторические условия, повлиявшие на возникновение краеведческих музеев; определить направления деятельности краеведческих музеев с учетом возлагаемой на них общественной и государственной миссии; выявить отличительные черты современного краеведческого музея.

Методология исследования опирается на исторический, социокультурный и музееведческий подходы. Исторический подход (И. Гердер, О. Шпенглер, А. Тойнби) позволяет рассмотреть процесс возникновения и формирования краеведческих музеев как музеев особого типа, отвечающих на вызовы времени, проанализировать источники и способы организации их коллекций в контексте определенных исторических условий. Этот подход дает возможность выявить взаимосвязь событий и явлений, участвующих в этих процессах. Использование социокультурного подхода (Н.И. Лапин, П. Штомпка, Р. Мертон) необходимо для изучения логики развития краеведческих музеев в связи с социальным запросом, с изменением ценностей общества, роли краеведческого музея в обществе как социокультурного института. Музееведческий подход (Т. Шола, Й. Бенеш, А.М. Разгон) применяется для исследования форм собирания, сохранения и интерпретации культурного наследия, функций музеев в разные периоды их развития.

Новизна исследования заключается в рассмотрении трансформации роли и места краеведческих музеев в российской действительности в зависимости от задач общественной жизни и приоритетных направлений государственной политики; изучении влияния на становление краеведческих музеев конкретных личностей (основателей, дарителей, меценатов, местных энтузиастов); обозначении взаимосвязей между социально-экономическими изменениями в регионах страны и развитием краеведческих музеев.

Изучением истории становления краеведческих музеев занимались такие исследователи, как А.Б. Закс [9], О.В. Ионова [10], О.В. Попова, Д.А. Равикович [19, 20], О.Н. Труевцева, Н.В. Шалаева и др. Ими были проанализированы предпосылки появления местных музеев (вторая половина XIX – начало XX вв.); открытие и формирование краеведческих музеев и создание сети в первые десятилетия советской власти; анализ роли государства, местных краеведческих обществ, краеведов-любителей в этих процессах.

Предлагаемое исследование затрагивает как историю возникновения и становления краеведческих музеев в дореволюционной и послереволюционной России, так и некоторые тенденции развития краеведческих музеев в XX и начале XXI вв.

Краеведческий музей — это комплексный музей, собрания которого документируют различные стороны жизни (природные и экономические условия, историю, этапы развития, быт, культуру) конкретного административно-территориального региона или населенного пункта [32]. Это тип музея, характерный для российской музейной системы и государств бывшего СССР. Он возник как опора краеведения и научный центр. Под краеведением мы понимаем всестороннее изучение локальной территории — региона, края, села, города, городского района, его географии, природы, истории, населения, экономики и других сфер жизнедеятельности. Краеведение сочетает в себе аспекты научной дисциплины, учебного предмета, общественного движения. Как явление оно начало формироваться в XVIII в. благодаря изучению территорий России, отдаленных от столицы, в связи с изданием указов Петра I об описании достопримечательностей российских, а затем в рамках «физических» экспедиций Академии наук в 1768–1774 гг. [16]. В разные исторические периоды в краеведении на первое место выходили описание и изучение территории, ее документирование, развитие общественного движения по изучению края, изучение его силами специалистов и местных жителей, кружковая работа со школьниками. Краеведческий музей занимает ключевое место во всех этих процессах, являясь хранителем уникального культурного и природного наследия территории, его документирующим фактором, организатором и вдохновителем исследований.

В силу своей комплексности, синтетичности (объединяет в своих фондах все, или почти все, виды музейных коллекций) и массовости (является самой многочисленной группой в музейной сети России) краеведческий музей представляет собой уникальное явление российской культуры и особый тип русского музея.

Прототипами краеведческих музеев стали музеи местного края, документирующие природу, историю и экономику территории, которой они были посвящены. Они первыми начали заниматься изучением края, были инициаторами и организаторами этнографических экспедиций, археологических раскопок, собирателями и хранителями документальной истории, статистических данных. Первый российский музей местного края — Иркутский — основан в 1782 г. [13] Во второй половине XIX в. появление таких музеев становится массовым. На развитие российского музейного дела повлиял подъем патриотизма и национального самосознания после Отечественной войны 1812 г., который вызывал пристальное внимание к идее народности, желание создать «портрет народа», что было тесно связано с изучением особенностей истории, этнографии, географии родного края. А в 1845 г. в Санкт-Петербурге было основано Императорское Русское географическое общество, чьей задачей стало изучение обширных территорий государства [20]. Также были открыты местные отделения Общества. Это и послужило, на наш взгляд, главной причиной возникновения музеев местного края. Д.А. Равикович

указывает на бурное развитие экономической жизни России в 1880–90 гг., вызванное государственными реформами, и подъем общественного интереса к экономическим вопросам. «Одним из проявлений этого интереса было интенсивное изучение России в экономическом и географическом отношениях»: организовывались экспедиции, создавались топографические описания местных территорий. Результаты экспедиций, гербарные, минералогические, археологические коллекции, требующие места для хранения и изучения, стали одной из основ организации местных музеев [19].

Музеи местной истории возникали несколькими путями. Одни — как результат деятельности специальных учреждений, в задачу которых входило изучение края: статистических комитетов, земств, местных научных обществ, как, например, Архангельский музеум, основанный в 1859 г. по инициативе местного статистического комитета [20]. Благодаря деятельности статистических комитетов появились музеи в Твери (1866 г.), Уфе (1865 г.); по инициативе архивной комиссии — в Нижнем Новгороде (1887 г.). Вторые основывались на трудах местных подвижников — краеведов-любителей (например, Минусинский музей, основанный в 1876 г. на коллекциях Н.М. Мартьянова). Третьи — по инициативе должностных лиц, облеченных большими полномочиями (Иркутский музей, организованный губернатором Ф.Н. Кличкой, Оренбургский музей, созданный военным губернатором П.П. Сухтеленым, Вятский и Самарский публичные музеи, возникшие при активном участии государственного деятеля П.В. Алабина). Необходимо отметить массовый характер появления музеев в России во второй половине XIX – начале XX вв. Для этого процесса характерно как увеличение их количества (всего с 1861 по 1917 г. было открыто сорок пять музеев комплексного профиля [20, с. 170]), так и расширение географии их распространения (к началу XX столетия музеи работали в 104 городах России [7, с. 415]).

Некоторые музеи местного края первоначально представляли собой «кабинеты редкостей» для удивления и просвещения публики. Так, первыми экспонатами Оренбургского музея стали обломки стен с мозаикой церкви Св. Марка из Венеции, окаменелости из Кисловодска, предметы культа тунгусских племен из Сибири. Но дальнейшее развитие музеев проходило в русле собирания и сохранения того, что можно характеризовать как «естественные произведения здешнего края, <…> модели разных земледельческих орудий, физические инструменты, модели судов…» [13]. Таким образом, музеи местного края создавались, чтобы изучать край «в отношении естественном, сельскохозяйственном, промышленном, техническом и историческом» [1, с. 61]. Также предполагалось использовать их для дела просвещения общества, так как «они являются крайне важными учебными учреждениями, настоящими лабораториями для специалистов» (Проект Положения о попечительных советах при музеях Императорской Академии Наук. РГИА. Ф. 733. Оп. 145. 1906 г. Д. 100. Л. 1). Но Д.А. Равикович отмечает, что первые сибирские музеи были нацелены, в том числе, на пробуждение интереса к изучению родного края среди местных интеллигентов и других интересующихся горожан. Музей местного края становится местом воспитания патриотизма через интерес и любовь к своей малой родине.

Вслед за Иркутским музеем появились общедоступные музеи в Крыму, стремящиеся сохранить древности Причерноморья (Феодосийский музей — 1811 г., Одесский — 1825 г., Керченский — 1826 г.). За ними последовали музей в Барнауле (1827 г.), Оренбурге (1830 г.), в Нижнем Новгороде и Саратове (1887 г.), в Астрахани (1890 г.), в Казани (1895 г.), в Пензе (1905 г.) и т. д. В скором времени они стали культурными центрами своих территорий.

Коллекции местных музеев строились по принципу организации академического знания: минералогические, археологические, этнографические, исторические и т. д. Структура музеев в свою очередь повторяла способ организации коллекций. Например, в Пермском публичном музее были созданы исторический, зоологический, археологический, этнографический, минералогический, картографический, нумизматический и др. отделы [2]; в Якутском музее — антропологический, естественноисторический, археологический, отдел промышленности, отдел сельского хозяйства, отдел учебных пособий и отдел предметов из других стран [33].

Источниками пополнения коллекций становились передаваемые им собрания местных ученых, краеведов-любителей, статистических комитетов, научных обществ, земств. Они во многом определяли содержание музеев. Так, Барнаульский музей был создан в рамках подготовки 100-летия горной промышленности Алтая [11, с. 13], поэтому его экспозиция была посвящена демонстрации минералогических коллекций и достижениям барнаульских механиков, работавших на горных заводах. Нерчинский музей появился при горном училище, что также частично определило его содержание: минералы и образцы руд. Но при этом его фонды содержали и гербарии местной флоры, чучела местных птиц, коллекцию насекомых [28]. Основой Минусинского музея стали коллекции краеведа Н.М. Мартьянова [30].

В формирование коллекций местных музеев вносили свой вклад дарители. Так для развития Самарского публичного музея купец Н.Г. Неклютин подарил найденный на берегу р. Самары рог древнего оленя; А.Ф. фон Вакано, азартный коллекционер и путешественник, регулярно пополнял музейный фонд то тунисскими монетами, то окаменелым, распиленным пополам и отполированным аммонитом, то альбомом, посвященным 25-летию Жигулевского пивоваренного завода, то бронзовой медалью в честь 50-летия Петербургского университета. Благодаря патронажу художника и антиквара К.П. Головкина музей стал обладателем выдающейся художественной коллекции, которая включала и его работы. «Ежегодно от самарских купцов и коллекционеров — П. Шихобалова, А. Елшина, С. Пермякова, К. Головкина, В. Арапова, А. фон Вакано, А. Клафтона, Ф. Яковлева, — принимались в дар иконы и медное литье, керамика, графика и предметы прикладного искусства Востока» [21]. Также фонды местных музеев пополнялись материалами выставок, демонстрировавших достижения губерний или уездов. Например, ядром Вятского публичного музея и Архангельского городского публичного музея стали предметы, представленные на сельскохозяйственных выставках этих городов [8, **с. 367–378;** 3].

Поддержка музеев осуществлялась местными властями и меценатами. Самарский музей содержался преимущественно на средства городской думы, Нерчинский — на пожертвования заинтересованных лиц, в роли которых выступали городской голова Г.И. Шульгин, секретарь управы М.Ф. Суровцев, члены кружка любителей музыки и литературы, яркие представители купечества. Музеи, созданные при училищах, содержались на их средства, как, например, Оренбургский музей, который находился в ведении Неплюевского кадетского корпуса и «опекался его руководством и губернаторами» [22]. Средства на содержание музеев выделяли также и земства, видя в них не только центр просвещения, но и инструмент формирования патриотизма у местных жителей.

Конец XIX – начало XX вв. отмечены ростом понимания обществом предназначения музеев и их значимости в развитии образования, науки, просвещения. Музеи в это время ведут активные исследования краев, губерний, уездов, организуют экспе-

диции и собирают коллекции. Музейная сеть провинции складывается зачастую стихийно, как и организация музеев, но, например, Самарский публичный музей имел четкую научную концепцию и программу деятельности [4, с. 9].

Таким образом, местные музеи на рубеже XIX–XX вв. являлись центрами хранения и научной обработки материалов, собранных в результате изучения края. Они служили «справочными», давая ответы на вопросы промышленников, владельцев сельских хозяйств, инженеров, агрономов и других специалистов. А выставленные в них систематизированные коллекции благодаря своей наглядности стали фактором популяризации краеведения и привлечения к процессу сбора информации о крае активных интересующихся краеведением граждан. «…Правильно устроенный и вполне доступный публике музей, — писал в 1887 г. П.В. Алабин, — признается одним из лучших способов проведения полезных и необходимых сведений в народную массу. Музей, <…> легко удовлетворяя любознательность без напряжения и труда, невольно увлекает человека к более близкому и глубокому ознакомлению с предметом, побуждает в своих посетителях интерес к знанию» [21]. Музеи вели пропаганду знаний, устраивая чтения и лекции для широкого круга слушателей не только на краеведческую тематику, но и общеобразовательные.

В XIX в. появился термин «родиноведение», обозначающий курс школьной дисциплины по изучению естествознания на местном материале. Исследователь и общественный деятель Г.Н. Потанин характеризовал родиноведение как «описание мира природы концентрическими кругами. Первый круг: окрестности школы; физическая география их и жизнь в них человека. Второй круг: область в физическом и социальном отношении. Третий круг — Россия» [18, т. 2, с. 141]. Таким образом, термин «родиноведение» можно считать предшественником термина «краеведение», понимать его как краеведение на начальном этапе. Развитие родиноведческого движения продолжалось и в начале XX в.

Новый этап в деятельности музеев местного края наступил после Октябрьской революции 1917 г. Период с 1918 по 1927 гг. называют «золотым веком» краеведения [27]. В 1921 г. состоялась Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, одним из результатов которой стало создание при Российской Академии наук Центрального бюро краеведения. «В период до 1927 года выросло количество музеев (с 94 в предреволюционные годы до 576 в 1927 г.)» [5], причем большинство из них возникло в 1918–1919 гг., потому что в эти годы необходимо было национализировать памятники культуры и сконцентрировать их в музеях для дальнейшего сохранения и использования. Это время невиданного ни до, ни после подъема краеведения и его тесной связи с академической наукой. В краеведческом движении в тот исторический период принимали участие видные ученые: историки М.М. Богословский и М.Н. Покровский, востоковед и филолог Н.Я. Марр, минералог и геохимик А.Е. Ферсман, историк и культуролог Н.П. Анциферов, краевед и экономист Б.Б. Веселовский, историк, педагог, краевед И.М. Гревс и др. Они определили, что краеведческие организации должны изучать и сохранять родной край, распространять знания об Отечестве. Краеведческие музеи в это время сыграли важную роль в сохранении памятников истории и культуры, а подчас — национального достояния, национализируя частные коллекции, предметы церковного искусства. Они стали центрами сохранения культурного, природного, исторического наследия и изучения края.

С подъемом краеведческого движения связана реорганизация местных музеев. «Отделом музеев Главнауки было разработано положение о местных музеях, в кото-

ром задачи музеев определились в первую очередь как краеведческие» [10]. Их научно-исследовательская работа заключалась преимущественно в изучении истории, экономического развития и природы края. Осмысляя отобранные экспонаты, они создавали «образ края». Таким образом произошла смена дефиниций — «местный музей» на «краеведческий». Кроме того, перед новыми музеями ставилась задача ясно и доступно рассказывать о местном крае широким трудящимся массам. Так обозначилась укрепившаяся впоследствии тенденция превращения музеев, которые в то время являлись научно-исследовательскими учреждениями, в центры просветительной работы.

Окончание свободы «академизма» ознаменовал Первый Всероссийский музейный съезд в 1930 г. Краеведческие музеи, делавшие ранее акцент на уникальности и специфичности территории, теперь должны были служить делу пропаганды советской идеологии и показывать унифицированную историю. Перед ними была поставлена задача «не только отражать исторические явления, но и подводить посетителя к их классовой оценке, мобилизовать волю трудящихся масс к действию, к борьбе за построение социалистического общества» [9, с. 165]. Резолюция съезда предписывала краеведческим музеям организацию по типовой структуре, которая состояла из 3-х отделов: природа, история, социалистическое строительство [29, с 668]. Обязательным было выделение раздела, посвященного революционному движению в крае. Эта структура оказалась настолько устойчивой, что просуществовала с некоторыми изменениями до 1990 гг. Таким образом, работа краеведческого музея сводилась к выполнению утилитарных политических и просветительских функций. За Первым музейным съездом последовал разгром краеведческого движения и аресты его деятелей, потом — чистки кадрового аппарата музеев [17].

Краеведческие музеи, являясь часто единственными музеями на местах, занимали особое место в продвижении идей коммунизма, ведя политпросветительскую работу среди масс. Так «оформилась пропагандистская модель краеведческого музея, нацеленная на иллюстрацию директив партии и советской власти местными примерами» [13] и завершилось их превращение из научно-исследовательских в агитационные. Оставаясь на протяжении более чем полувека похожими друг на друга, краеведческие музеи вели активную работу по популяризации истории родного края, научных знаний, связанных с местной тематикой.

Великая Отечественная война стала испытанием в том числе и для музеев: разрушения, утраты фондов, эвакуация негативно сказались на их деятельности, потребовалась долгая восстановительная работа. Сразу после войны краеведческие музеи были нацелены на сбор материалов и экспонатов, посвященных ее событиям и участникам, тем самым актуализируя свою коммеморативную функцию. Была разработана и утверждена методика комплектования фондов, в которой главенствующими становились научные принципы музеефикации: подлинность предмета и научное описание коллекций. В деятельность краеведческих музеев возвращается научная работа [25].

«Оттепель» в политической жизни Советского Союза (конец 1950-х – 1960 гг.) принесла оживление в музейную работу. Появляются новые музеи, в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (1964 г.) регулируется на законодательном уровне порядок их открытия [31]. 1960 гг. характеризуются появлением первых общественных (народных) музеев, посвященных локальной истории и природным богатствам территорий (например, в городе Лысьва в 1957 г. музей создан по инициативе ветеранов и общественных организаций, Иртышский краеведческий музей открыт в 1960 г. благодаря местным энтузиастам), вскоре это

явление становится массовым [15]. Созданные в результате деятельности энтузиастов общественные музеи организуют изучение родного края, в том числе с детьми, через организацию краеведческих кружков, ведут научно-просветительскую работу, разрабатывают краеведческие экскурсии в рамках школьной программы и маршруты для туристов. При этом краеведческие музеи, как государственные, так и общественные, остаются средствами идеологической работы с населением.

Бурный этап деятельности краеведческих музеев, сравнимый по активности с 1920 гг., наступил в начале 1990 гг. В 1990 г. прошел съезд краеведов России и образован Союз краеведов России. Первым председателем Союза был избран С.О. Шмидт, советский и российский историк, краевед, доктор исторических наук, академик Российской академии образования, сыгравший видную роль в институционализации краеведения, создании образовательных краеведческих программ, методическом обеспечении сферы. Его деятельность, как и деятельность его ученика В.Ф. Козлова, заложила методологические основы современного краеведения и определила его место среди исторических наук, способствовала расширению общественного интереса к нему. Благодаря их усилиям были сформированы программы для обучения краеведению в высшей и средней школе. Их работа оказала также большое влияние на развитие российских краеведческих музеев, так как она обогатила их научно-методическую базу и кадровый потенциал, способствовала повышению качества подготовки специалистов, развитию профессионализма. Организованные и инициированные ими конференции способствовали укреплению профессиональных связей в среде сотрудников краеведческих музеев и активизации обмена опытом и знаниями.

В 1990 гг. музеи получили самостоятельность и свободу выбора, закончилась эпоха директив и предписаний, касающихся экспозиционно-выставочной и массово-просветительской деятельности. Вместе с ними закончилось и финансирование, музеи оказались в ситуации жесткой нехватки средств. В связи с возвращением имущества Русской православной церкви некоторые музеи лишились помещений [6]. Часть краеведческих музеев были реформированы в исторические, в других сменились экспозиции, в основу которых лег историко-бытовой, а не социально-формационный подход. Музеи начинают активно работать со спонсорами, благотворительными фондами, грантодающими организациями. Такое сотрудничество накладывает отпечаток на музейную деятельность, так как создаваемые на полученные средства культурные продукты должны соответствовать запросу грантодателя.

Трансформация музейной деятельности рубежа веков была связана с нацеленностью на привлечение посетителя. Музеи стали применять технологии маркетинга и PR и использовать новые формы и методы работы: театрализацию, интерактивные и иммерсивные экскурсии, квесты, проводить званые ужины, концерты, дни рождения и спортивные занятия. Отмечалась устойчивая тенденция к дополнению музейных функций функциями дома культуры и торгового центра. Этот период был также связан с выяснением краеведческими музеями своего места, роли и возможностей в развитии территории, стремлением показать уникальность своего региона.

Необходимость отвечать на вызовы времени, продиктованные глобальным экономическим и политическим кризисом, сохранять и укреплять традиционные ценности русского мира привела, по мнению некоторых исследователей (Л.И. Скрипкина, И.В. Чувилова), к «эволюции местного музея — от музея местного края к новому типу музея локальной истории» [23]. И.В. Чувилова доказывает, что трансформируется не только деятельность краеведческих музеев, но и само понятие, и на смену краевед-

ческому музею приходит «музей локальной истории», как ответ на формирующуюся в 2000 гг. в России самостоятельную субдисциплину — «новую локальную историю» [26]. Новая локальная история рассматривает как действующую силу исторического процесса локальные сообщества, в ней выделяются такие направления, как интеллектуальная история («анализ разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума <…>, и изучение всех форм, средств, институтов интеллектуального общения» [12, с. 65]); микроистория (изучение прошлого через реконструкцию жизни малых социальных структур — отдельных личностей, семей, жителей сел, городских кварталов, с попыткой понять через них более широкий контекст, выявляя влияние личных стратегий на общество в целом); история повседневности (жизненные и бытовые практики обычных людей, их условия труда, отдыха, эмоции и переживания, нормы поведения и стратегии выживания и адаптации в разные исторические периоды). Новая локальная история ставит в центр изучение человека, а не исторический период или событие. Этот подход дает возможность получить достоверное представление об образе жизни, укладе, обычаях, поведенческих паттернах, семейных отношениях устойчивых групп жителей территории, например, семей учителей, врачей, работников завода или капитанов дальнего плавания. Этот принцип становится преобладающим и в музеях локальной истории, которые ориентируются на изучение истории повседневности, микроистории [23, с. 70]. Истории «от первого лица» в музейном показе не становятся иллюстрациями к тенденциям времени, они сами формируют нить истории, они и есть — история. Современный краеведческий музей активно включает в свою деятельность работу с «эго-документами», нематериальной историей, культурно-исторической средой поселений [23, с. 72]. Все это позволяет ему более полно представить «образ места».

Позволяя себе не согласиться с упомянутыми авторами, мы считаем, что краеведческие музеи, хотя и активно применяют в своей деятельности принципы новой локальной истории, сохранили свой профиль (ширину тематического охвата: не только история и повседневная жизнь, но и природа, экономика, экология, этнография, культура, искусство территории; разнообразие источниковой базы; обширный круг функций; междисциплинарный подход), обогатившись новыми инструментами. Тем более, по мнению И.В. Чувиловой, музеи локальной истории могут быть музеями разного типа, главное в их деятельности то, что они более успешно актуализируют наследие и способствуют «интерпретации материальных и нематериальных объектов исторической памяти и формированию на этой основе локальной идентичности, привлекательного образа территории, необходимого в т. ч. для экономического и социокультурного развития поселений» [29, с. 189]. Подход в духе новой локальной истории оказывает влияние на формирование экспозиционной политики современных краеведческих музеев, исследовательскую деятельность, способы взаимодействия с аудиторией. Музеи сегодня исследуют историю повседневности, собирают личные истории. Одним из способов сохранения истории территории становятся личные интервью местных жителей. Это помогает краеведческим музеям выйти за рамки обобщенного государственного нарратива и стать более человечными и близкими своей аудитории, показывать глобальные события через призму местных, раскрывать уникальность края и его вклад в развитие страны, детализировать развитие событий, показывая, как личный выбор людей влиял на формирование местной истории.

Процесс обращения к «истории снизу» в мировой научной практике происходил гораздо раньше, еще в XX в. Например, в конце 1910 – начале 1930 гг. в Чикагском университете сложилась чикагская историко-социологическая школа, построившая свои исследования на сочетании макро- и микропроцессов в анализе локальной повседневности. Ее представители Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт рассматривали город как «лабораторию» социальных взаимодействий. Именно в ней объектом исследования впервые становятся локальные сообщества [14]. В 1960 гг. в Лестерском университете вокруг таких исследователей, как У. Хоскинс и Г. Финберг, сформировалась Лестерская школа локальной истории. Объектом изучения она выбрала не географические границы, а локальные сообщества, которые рассматривала как социальные организмы со своей структурой и динамикой [24]. Исследователи создавали «портреты» и «биографии» общностей, находящихся внутри макропроцессов — демографических сдвигов, социально-экономических изменений, культурных трансформаций.

Оставаясь за «железным занавесом», эти школы не оказали существенного влияния на советскую историографию. Их идеи и методы интегрировались в российскую музейную практику в постсоветский период, способствуя более многогранному изучению и представлению местной истории в краеведческих музеях.

Краеведческие музеи, основной задачей которых было изучение края и формирование и сохранение коллекций, посвященных в первую очередь его истории, природе, экономике, прошли долгий путь развития. В разное время они были «базой» для изучения местной территории, «справочной» о крае, отвечающей на вопросы специалистов, центрами научной деятельности территории, «проводниками» идей коммунизма. К началу XXI в они начали трансформировать традиционные и приобретать новые функции, оставаясь в своем статусе и не теряя ценности хранителя культурного опыта человечества. Они по-прежнему формируют региональную идентичность, актуализируют историческую память места. Основа существования и место приложения сил краеведческих музеев — родной край, трансляция его уникальности и участие в его развитии.

Список литературы

Исследования

1 *Архангельский Н.А.* Зал императора: Журнал Самарской городской думы. №3. 29 января 1880 года // Журналы Самарской городской думы за 1880 год. Самара: Губернская типография, 1880. С. 61.

2 *Авлиярова Р.Р.* Роль пермского научно-промышленного музея в просветительской деятельности // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. 2021. №1 (17). С. 213–218. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-permskogo-nauchno-promyshlennogo-muzeya-v-prosvetitelskoy-deyatelnosti (дата обращения: 10.07.2026).

3 *Бронникова Е.П.* Музеи города Архангельска в XIX – начале XX вв. // Вопросы музеологии. 2015. №2 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-goroda-arhangelska-v-xix-nachale-xx-vv (дата обращения: 04.08.2026).

4 *Буркова О.С.* Самарский городской Публичный Музей, 1880–1917 гг.: учеб. пособие. Самара: НТЦ, 2006. 42 с.

5 *Гарданов В.К.* Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // История музейного дела в СССР. М.: Госкультпросветиздат, 1957. Вып. 1. С. 7–36.

6 *Евдокимова Л.С.* Процесс возвращения религиозным организациям имущества культового назначения в России (конец 80-х – начало 90 годов XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37. С. 151–154. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-vozvrascheniya-religioznym-organizatsiyam-imuschestva-kultovogo-naznacheniya-v-rossii-konets-80-h-nachalo-90-h-godov-xx-veka (дата обращения: 10.07.2026).

7 Ежегодник внешкольного образования / под ред. В.И. Чарнолуского. СПб.: Знание, 1910. Вып. 2. 452 с.

8 Журналы Вятского губернского земского собрания VII-й очередной сессии и доклады Вятской губернской земской управы. Т. 2 (7–11 декабря 1873 г.). Вятка, 1874.

9 *Закс А.Б.* Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. [Москва]. 1980. № 12. С. 164–167.

10 *Ионова О.В.* Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела в СССР. М.: Госкультпросветиздат, 1957. Вып. 1. С. 37–57.

11 История музеев Алтая: учебное пособие: в 2 ч. / А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2017. Ч. I. 248 с.

12 *Калинченко С.Б.* Особенности формирования интеллектуальных центров Северного Кавказа // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции (К 65-летию со дня рождения профессора Т.А. Булыгиной). Ставрополь: Бюро новостей, 2012. 311 с.

13 *Колесник Л.М., Свинин В.В.* Иркутский областной краеведческий музей — первый музеум в Азиатской России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. №2-2. С. 22–33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/irkutskiy-oblastnoy-kraevedcheskiy-muzey-pervyy-muzeum-v-aziatskoy-rossii.

14 *Луков В.А., Тихомиров Д.А.* Чикагская социологическая школа: начало качественной стратегии в эмпирической социологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. №1. С. 89–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chikagskaya-sotsiologicheskaya-shkola-nachalo-kachestvennoy-strategii-v-empiricheskoy-sotsiologii (дата обращения: 23.05.2026).

15 *Мазур Л.Н.* Провинциальный музей в фокусе культурной политики советского государства: между просвещением, пропагандой и памятью // Документ. Архив. История. Современность: сб. научн. тр. / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Уральского фед. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. Вып. 23. С. 157–177.

16 *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* П.С. Паллас и И.И. Лепехин — исследователи этнографии мордвы (к 250-летию «физических» экспедиций Академии наук) // Социально-политические науки. 2018. №6. С. 114–117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/p-s-pallas-i-i-i-lepehin-issledovateli-etnografii-mordvy-k-250-letiyu-fizicheskih-ekspeditsiy-akademii-nauk (дата обращения: 22.05.2026).

17 *Полякова М.А.* Охрана культурного наследия России. М.: Дрофа, 2005. 271 с.

18 *Потанин Г.Н.* А.С. Гацискому (24 сентября (6 октября) 1873 г. Никольск) // Письма Г.Н. Потанина: в 5 т. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. Т. 2. 345 с.

19 *Равикович Д.А.* Из истории организации Сибирских музеев в XIX в. // История музейного дела в СССР. М.: Госкультпросветиздат, 1957. Вып. 1. С. 159–191.

20 *Равикович Д.А.* Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917 гг.) // История музейного дела в России. М.: Сов. Россия, 1960. Вып. 2. С. 145–224.

21 *Рядченко Е.А.* Самарский публичный музей в социокультурном развитии региона: история создания и формирование коллекции // Вопросы музеологии. [Москва]. 2011. №2. С. 75–81. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samarskiy-publichnyy-muzey-v-sotsiokulturnom-razvitii-regiona-istoriya-sozdaniya-i-formirovanie-kollektsii (дата обращения: 10.07.2026).

22 *Савинова Т.Н.* Естественнонаучные музеи и коллекции Оренбурга (1830–1929 гг.) // Вопросы музеологии. [Москва]. 2016. №1 (13) С. 113–122. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennonauchnye-muzei-i-kollektsii-orenburga-1830-1929-gg (дата обращения: 10.07.2026).

23 *Скрипкина Л.И.* К вопросу о корреспондировании «нового краеведения» с «новой локальной историей» // Новации в музейном мире России. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории СО РАН, 2017. С. 70–75.

24 *Скрипкина Л.И.* Краеведение и музеи — современные тенденции // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сб. научн. тр. / под ред. П.П. Вибе. Омск: Изд-во Омского гос. историко-краеведческого музея, 2022. С. 29–35.

25 *Фатигарова Н.В.* Музейное дело в РСФС в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть: сб. науч. тр. М.: НИИК, 1991. С. 173–225.

26 *Чувилова И.В.* Музеи локальной истории нового типа: трансформация понятия // Мировые тренды и музейная практика в России: сб. ст. Междунар. научн. конф., Москва, 30–31 октября 2018 года / отв. ред. А.А. Сундиева. М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2019. С. 186–194.

27 *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11–27.

Источники

28 Забайкальский краевой краеведческий музей. История музейного дела Забайкалья // Сайт Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова. URL: https://project198898.tilda.ws/page3698844.html (дата обращения: 10.07.2026).

29 Материалы Первого Всероссийского музейного съезда // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. докладов и мат. / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 641–670.

30 Минусинский региональный краеведческий музей. История музея // Сайт Музея им. Н.М. Мартьянова. URL: https://музей-мартьянова.рф/history/ (дата обращения: 10.07.2026).

31 Постановление ЦК КПСС. 12 мая 1964 г. О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся // Печатается по тексту документа, хранящегося в ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 59, д. 439, л. 47—49. (Впервые опубликовано в изложении в книге: Справочник партийного работника, М., 1966, вып. 6,

с. 354–356). URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446401-postanovlenie-tsk-kpss-12-maya-1964-g-o-povyshenii-roli-muzeev-v-kommunisticheskom-vospitanii-trudyaschihsya#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 10.07.2026).

32 Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М.: Прогресс; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 1. 416 с: илл.

33 Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского». История музея // Сайт ГБУ РС(Я) «Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского». URL: https://yakutmuseum.ru/about/istoriya-muzeya/ (дата обращения: 10.07.2026).

***

© 2026. Tatiana Yu. Tkachenko
Tolyatti, Russia

STAGES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LOCAL LORE MUSEUMS IN RUSSIA: FROM BUILGING COLLECTIONS TO SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTERS (19th – 21st CENTURIES)

Abstract: A museum of local lore is a special type of museum typical of the Russian museum system and the states of the former USSR. It has gone a long way from "local" museums that study and document the geography, ethnography, and history of the region, the "mouthpiece of Soviet power" that occupies a special place in promoting the ideas of communism, to the hallmark of the territory, a modern educational and enlightenment center that forms a local identity. It has transformed traditional and acquired new functions without losing its value as a guardian of the cultural experience of mankind. The basis of the existence and the place of application of the forces of local history museums is the native land, broadcasting its uniqueness and participating in its development.

The special position of local history museums, their mass presence in the museum sphere, their "fusion" with their territories, which today encourages museums to take on previously unusual functions for the development of villages, towns, and territories, makes the study of the stages of their emergence and development relevant and timely. Understanding the peculiarities of the formation of this type of museum makes it possible to assess the transformation of their functions under the influence of social and political factors, to predict the directions of their development in the future. The novelty of the research lies in considering, using historical and museological approaches, changes in the role and place of local history museums in Russian reality, depending on the tasks of public life and priorities of state policy; in studying the influence of personalities on the formation of local history museums.

Keywords: local history museum, local museum, local history, homeland studies, new local history, microhistory, museum of local history

Information about the author: Tatiana Yu. Tkachenko — Postgraduate Student, The Volga State University of Service, Head of the Department of Development and Information Technologies, The Tolyatti Museum of Local Lore, Tolyatti Lenin Boulevard, 22, 445021 Tolyatti, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-6250-8379
E-mail: juksi99@gmail.com
Received: July 07, 2025
Approved after reviewing: June 01, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Tkachenko, T.Yu. "Stages of the Formation and Development of Local Lore Museums in Russia: from Building Collections to Scientific and Educational Centers (19th – 21st Centuries)." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 60–76. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-60-76

References

1 Arkhangel'skii, N.A. "Zal imperatora: Zhurnal Samarskoi gorodskoi dumy. №3. 29 ianvaria 1880 goda" ["The Emperor's Hall: Journal of the Samara City Duma. No. 3. January 29, 1880"]. *Zhurnaly Samarskoi gorodskoi dumy za 1880 god* [*Journals of the Samara City Duma for 1880*]. Samara, Gubernskaya tipografiya Publ., 1880, p. 61. (In Russ.)

2 Avliiarova, R.R. "Rol' permskogo nauchno-promyshlennogo muzeia v prosvetitel'skoi deiatel'nosti" ["The Role of the Perm Scientific and Industrial Museum in Educational Activities"]. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakulteta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta.* Series: Studis historica juvenum, no. 1 (17), 2021, pp. 213–218. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-permskogo-nauchno-promyshlennogo-muzeya-v-prosvetitelskoy-deyatelnosti (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

3 Bronnikova, E.P. "Muzei goroda Arxangel`ska v XIX – nachale XX vv." ["Museums of the city of Arkhangelsk in the XIX – early XX centuries"]. *Voprosy` muzeologii*, no. 2 (12), 2015. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-goroda-arhangelska-v-xix-nachale-xx-vv (Accessed 4 August 2026). (In Russ.)

4 Burkova, O.S. *Samarskii gorodskoi Publichnyi Muzei. 1880–1917 gg.* [*Samara City Public Museum. 1880–1917*]. Samara, NTCz Publ., 2006. 42 p. (In Russ.)

5 Gardanov, V.K. "Muzeinoe stroitel'stvo i okhrana pamiatnikov kul'tury v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1920 gg.)" ["Museum Construction and Protection of Cultural Monuments in the First Years of Soviet Power (1917–1920)"]. *Istoriia muzeinogo dela v SSSR*, [Moscow, Goskul`tprosvetizdat Publ.], vol. 1, 1957, pp. 7–36. (In Russ.)

6 Evdokimova, L.S. "Protsess vozvrashcheniia religioznym organizatsiiam imushchestva kul'tovogo naznacheniia v Rossii (konets 80-kh nachalo 90-kh godov XX veka)" ["The Process of Returning Religious Property to Religious Organizations in Russia (late 80s - early 90s of the 20th Century)"]. *Vestnik ChelGU*, no. 37, 2009, pp. 151–154. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-vozvrascheniya-religioznym-organizatsiyam-imuschestva-kultovogo-naznacheniya-v-rossii-konets-80-h-nachalo-90-h-godov-xx-veka (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

7 *Ezhegodnik vneshkol'nogo obrazovaniia* [*Yearbook of Extracurricular Education*], vol. 2, ed. V.I. Charnoluskii. St. Petersburg, Znanie Publ., 1910. 452 p. (In Russ.)

8 *Zhurnaly` Vyatskogo gubernskogo zemskogo sobraniya VII-j ocherednoj sessii i doklady` Vyatskoj gubernskoj zemskoj upravy`* [*Journals of the Vyatka Provincial Zemstvo Assembly of the VII-th regular session and reports of the Vyatka Provincial Zemstvo Council*], vol. 2 (December 7-11, 1873). Vyatka, 1874. (In Russ.)

9 Zaks, A.B. "Vserossiiskii muzeinyi s"ezd" ["All-Russian Museum Congress"]. *Voprosy istorii*, no. 12, 1980, pp. 164–167. (In Russ.)

10 Ionova, O.V. "Sozdanie seti kraevedcheskikh muzeev RSFSR v pervye desiat' let sovetskoi vlasti" ["Creation of a Network of Local History Museums of the RSFSR in the First Ten Years of Soviet Power"]. *Istoriia muzeinogo dela v SSSR*. [Moscow, Goskul`tprosvetizdat Publ.], vol. 1, 1957, pp. 37–57. (In Russ.)

11 *Istoriia muzeev Altaia*: uchebnoe posobie: v 2 ch. [*The History of Altai Museums*: textbook in 2 parts.], part 1, A.A. Tishkin, T.V. Tishkina. Barnaul, Altai State University Publ, 2017. 248 p. (In Russ.)

12 Kalinchenko, S.B. "Osobennosti formirovaniia intellektualnykh tsentrov Severnogo Kavkaza" ["Features of the Formation of Intellectual Centers of the North Caucasus"]. *Novaia kulturno-intellektualnaia istoriia rossiiskoi provintsii (K 65-letiiu so dnia rozhdeniia professora T.A. Bulyginoi)* [*A New Cultural and Intellectual History of the Russian Provinces (On the 65th Anniversary of the Birth of Professor T.A. Bulygina)*]. Stavropol, Biuro novostei Publ., 2012. 311 p. (In Russ.)

13 Kolesnik, L.M., Svinin V.V. "Irkutskii oblastnoi kraevedcheskii muzei — pervyi muzeum v Aziatskoi Rossii" ["Irkutsk Regional Museum of Local Lore — the First Museum in Asian Russia"]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia*, no. 2-2, 2012, pp. 22–33. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/irkutskiy-oblastnoy-kraevedcheskiy-muzey-pervyy-muzeum-v-aziatskoy-rossii (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

14 Lukov, V.A., Tixomirov, D.A. "Chikagskaya sociologicheskaya shkola: nachalo kachestvennoj strategii v e`mpiricheskoj sociologii" ["The Chicago School of Sociology: The Beginning of a Qualitative Strategy in Empirical Sociology"]. *Gorizonty` gumanitarnogo znaniya*, no. 1, 2019, pp. 89–107. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/chikagskaya-sotsiologicheskaya-shkola-nachalo-kachestvennoy-strategii-v-empiricheskoy-sotsiologii (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

15 Mazur, L.N. "Provintsialnyi muzei v fokuse kulturnoi politiki sovetskogo gosudarstva: mezhdu prosveshcheniem, propagandoi i pamiatiu" ["Provincial Museum in the Focus of the Cultural Policy of the Soviet State: Between Education, Propaganda and Memory"]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost':* Sbornik nauchnykh trudov [*Document. Archive. History. Modernity:* Collection of Scientific Papers], vol. 23. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2023, pp. 157–177. (In Russ.)

16 Mokshin, N.F., Mokshina, E.N. "P.S. Pallas i I.I. Lepekhin — issledovateli etnografii mordvy (k 250-letiiu 'fizicheskikh' ekspeditsii Akademii nauk)" ["P.S. Pallas and I.I. Lepekhin — Researchers of Ethnography of Mordovia (on the 250th Anniversary of the 'Physical' Expeditions of the Academy of Sciences)"]. *Sotsialno-politicheskie nauki,* no. 6, 2018, pp. 114–117. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/p-s-pallas-i-i-i-lepehin-issledovateli-etnografii-mordvy-k-250-letiyu-fizicheskih-ekspeditsiy-akademii-nauk (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

17 Poliakova, M.A. *Okhrana kul'turnogo naslediia Rossii* [*Protection of Cultural Heritage of Russia*]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 271 p. (In Russ.)

18 "Potanin G.N. A.S. Gatsiskomu (24 sentiabria (6 oktiabria) 1873 g. Nikolsk)" ["16 Potanin G.N. to A.S. Gatsisky (September 24 (October 6), 1873, Nikolsk)"]. *Pisma G.N. Potanina*: v 5 t. [*Letters of G.N. Potanin*: in 5 vols.], vol. 2. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1988. 345 p. (In Russ.)

19 Ravikovich, D.A. "Iz istorii organizatsii Sibirskikh muzeev v XIX v." ["From the History of the Organization of Siberian Museums in the 19th Century"]. *Istoriia muzeinogo dela v SSSR* [*History of Museum Affairs in the USSR*], vol. 1. Moscow, Goskul`tprosvetizdat Publ., 1957, pp. 159–191 (In Russ.)

20 Ravikovich, D.A. "Muzei mestnogo kraia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (1861–1917 gg.)" ["Museums of the Local Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (1861–1917)"]. *Istoriia muzeinogo dela v Rossii* [*History of Museum Affairs in the USSR*], vol. 2. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1960, pp. 145–224 (In Russ.)

21 Riadchenko, E.A. "Samarskii publichnyi muzei v sotsiokul'turnom razvitii regiona: istoriia sozdaniia i formirovanie kollektsii" ["Samara Public Museum in the Socio-cultural Development of the Region: The History of Creation and Formation of the Collection"]. *Voprosy muzeologii*, [Moscow], no. 2, 2011, pp. 75–81. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/samarskiy-publichnyy-muzey-v-sotsiokulturnom-razvitii-regiona-istoriya-sozdaniya-i-formirovanie-kollektsii (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

22 Savinova, T.N. "Estestvennonauchnye muzei i kollektsii Orenburga (1830–1929 gg.)" ["Natural Science Museums and Collections of Orenburg (1830–1929)"]. *Voprosy Museologyy*, no. 1 (13), 2016, pp. 113–122. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennonauchnye-muzei-i-kollektsii-orenburga-1830-1929-gg (Accessed 10 July 2026). (In Russ.)

23 Skripkina, L.I. "K voprosu o korrespondirovanii 'novogo kraevedeniia' s 'novoi lokal'noi istoriei'"" ["On the Correspondence of 'New Local History' with the 'New Local History'"]. *Novatsii v muzeinom mire Rossii. Na puti k muzeiu lokal'noi istorii novogo tipa*: sbornik nauchnykh statei [*Innovations in the Russian Museum World. Toward a New Type of Local History Museum:* A Collection of Scientific Articles], ex. ed. I.V. Chuvilova, O.N. Shelegina. Novosibirsk, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 70–75. (In Russ.)

24 Skripkina, L.I. "Kraevedenie i muzei — sovremenny`e tendencii" ["Local History and Museums — Modern Trends"]. *Gosudarstvennoe kraevedenie v Rossijskoj Federacii v konce XX – nachale XXI vekov: osnovny`e problemy` i perspektivy` razvitiya*: sbornik nauchny`x trudov [*State Regional Studies in the Russian Federation in the Late 20th – Early 21st Centuries: Main Issues and Development Prospects*: Collection of Scientific Papers], ed. P.P. Vibe. Omsk, Omsk State Museum of History and Local Lore Publ., 2022, pp. 29–35. (In Russ.)

25 Fatigarova, N.V. "Muzeinoi delo v RSFS v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (aspekty gosudarstvennoi politiki)" ["Museum Business in the RSFSR During the Great Patriotic War (Aspects of State Policy)"]. *Muzei i vlast':* sbornik nauchnykh trudov trudov [*Museum and Power*: Collection of Scientific Papers]. Moskow, NIIK Publ., 1991, pp. 173–225. (In Russ.)

26 Chuvilova, I.V. "Muzei lokal'noi istorii novogo tipa: transformatsiia poniatiia" ["Museums of Local History of a New Type: Transformation of the Concept"]. *Mirovye trendy i muzeinaia praktika v Rossii:* sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi

konferentsii [*Global Trends and Museum Practice in Russia*: A Collection of Articles from the International Scientific Conference]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019, pp. 186–194. (In Russ.)

27 Shmidt, S.O. "'Zolotoe desiatiletie' sovetskogo kraevedeniia" ["The 'Golden Decade' of Soviet Local History"]. *Otechestvo*, vol. 1, 1990, pp. 11–27. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-77-85
УДК 316.73
ББК 71.04
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.Л. Казин
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2026 г. Е.В. Жданова
г. Санкт-Петербург, Россия

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА В СОВЕТСКОЙ КНИЖНОЙ ГРАВЮРЕ

Аннотация: Книга как явление культуры не сводится только к тексту — художественный текст всегда так или иначе оформлен, в том числе с помощью иллюстраций. В этом плане важное значение имеет книжная графика, позволяющая выявить определенные — иногда неожиданные — смыслы и ценности иллюстрируемых произведений. В отечественном искусстве оформления книги особое место занимает язык гравюры. Особенно ярким и разнообразным он стал в советские годы применительно к произведениям А.С. Пушкина. В статье последовательно рассматриваются некоторые графические сюиты, преимущественно художников Москвы и Ленинграда. В частности, анализируются иллюстрации выдающегося художника, гравера и теоретика искусства книги В.А. Фаворского, посвященные драматическому циклу «Маленькие трагедии». Также подробно описан отличающийся идейной и художественной цельностью графический цикл Г.Д. Епифанова к повести «Пиковая дама». Ритмическое единство художественного оформления позволило выдающимся советским графикам раскрыть глубину, стилевые и содержательные особенности пушкинского поэтического и прозаического мышления — от стилистики избранного шрифта до тончайших нюансов психологических состояний действующих лиц. Образы пушкинских героев, созданные советскими графиками, стали частью отечественной культуры.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Пиковая дама», «Маленькие трагедии», советская гравюра, ксилография, советская книга, русская литература, В.А. Фаворский, Г.Д. Епифанов

Информация об авторах:
Александр Леонидович Казин — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, научный руководитель, Российский институт истории искусств, Исаакиевская пл., д. 5, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия; профессор, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, ул. Правды, д. 13, 191119 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1740-6448
E-mail: alkazin@yandex.ru

Елена Васильевна Жданова — научный сотрудник, Российский институт истории искусств, научный сотрудник, Исаакиевская пл., д. 5, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3073-3929
E-mail: elena.v.zhdanova@gmail.com
Дата поступления статьи: 12.02.2026
Дата одобрения рецензентами: 22.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Казин А.Л., Жданова Е.В.* Произведения А.С. Пушкина в советской книжной гравюре // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 77–85. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-77-85

В отечественном искусстве оформления книги язык гравюры всегда был актуален и созвучен времени. Особенно ярким и разнообразным он стал в советские годы, в которые сформировалось не одно поколение блестящих иллюстраторов, продолживших во всем многообразии русскую художественную традицию. Внутри этого масштабного явления можно проследить развитие региональных школ отечественной гравюры, таких как московская школа (круг В.А. Фаворского), ленинградская школа (продолжатели традиций объединения «Мир искусства» и русского авангарда), самобытные художественные школы советских республик (Узбекистана, Прибалтики и других), а также государств социалистического лагеря (например, ГДР, связанной с именами Вернера Клемке [5], Рольфа Мюнцнера [6] и других) [1].

К вершинам искусства оформления книги в технике гравюры в советский период можно отнести некоторые издания произведений А.С. Пушкина. Пушкин для русской культуры советского периода оказался своего рода «магическим кристаллом», позволявшим ей во многом осознать свою собственную ценностную родословную, отнюдь не сводившуюся к марксистским социологическим формулам. В школах говорили об Онегине как о «лишнем человеке» и о самом Пушкине как друге декабристов, в то время как трактовки пушкинских тем в других видах искусства — в том числе книжной гравюре — раскрывали в его наследии иные, более широкие и подчас альтернативные смысловые горизонты.

Известны многочисленные издания произведений А.С. Пушкина, оформленные советскими художниками в технике ксилографии, например, «Домик в Коломне» (1929), «Борис Годунов» (1955), «Сказка о медведихе» (1949) с гравюрами В.А. Фаворского; «Сказки» (1930) с гравюрами В. Конашевича, М. Орловой, С. Мочалова; «Египетские ночи (1936), «Пиковая дама» (1936), «Маленькие трагедии» (1936) с гравюрами А.И. Кравченко; «Золотой петушок» с гравюрами Е.И. Плехан (1948), «Евгений Онегин» (1954), «Медный всадник» (1975), «Маленькие трагедии» (1977) с гравюрами Ф.А. Константинова; «Евгений Онегин» (1963) с гравюрами А.И. Юпатова; «Медный всадник» (1950) с гравюрами В.И. Полякова; «Полтава» (1974) с иллюстрациями Ю.М. Головаша и многие другие.

Одной из вершин искусства оформления книги в технике ксилографии по праву считается издание драматического цикла «Маленькие трагедии» с иллюстрациями выдающегося графика, мастера гравюры В.А. Фаворского. Владимир Андреевич Фаворский, обучавшийся в Мюнхене, Санкт-Петербурге и Москве заведовал кафедрой ксилографии графического факультета ВХУТЕМАСа (ВХУТЕИНа), занимал также пост ректора Мастерских, был профессором Полиграфического института, Московского института

изобразительных искусств, написал ряд теоретических работ о книжной графике, был членом Академии художеств СССР, Народным художником СССР. Он был не только гравером, но и первым из крупных русских графиков, кто поставил перед собой цель создать книгу, где все ее элементы находились бы в сложном взаимодействии, а ритм иллюстраций и оформления организовывали логику чтения. Такой целостный подход Фаворский воплотил в оформлении книги «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина (1961) [8]. За иллюстрации к «Маленьким трагедиям» и другим произведениям русской классики В.А. Фаворский в 1962 г. получил Ленинскую премию.

В этом издании все слагается в логическое конструктивное единство: композиционно завершенные иллюстрации, ритмический орнамент мелких украшений, шрифтовая работа. Переплет книги отражает ее художественный характер, выраженный в шрифте, в орнаменте, в фактуре. Бежевый тканевый переплет книги оформлен шрифтовой композицией с названием на фоне ветви лавра, как пишет Фаворский, он изобразил «ветку, охваченную ветром, а может быть, охваченную огнем» [4]. Первое издание предусматривало суперобложку с горизонтальной композицией, которую можно было увидеть только сняв ее с книги и развернув целиком. Художник изобразил на ней грозу, несущиеся облака, в столкновении которых сверкают молнии, а вместо дождя сыплются цветы и ветви. На самой первой странице (авантитул перед фронтисписом) дана информация об издательстве со скромными виньетками.

По мнению Фаворского, книга начинается с титула, начинается движение вглубь книги. Поэтому внимание читателя приковано к стилистике шрифта на титуле: буквы пластически истолковывают текст. На титульном листе композицию с названием составляют и ветви. Фаворский комментирует:

> На титуле у меня нарисован шрифт и ветки лавра и кипариса. Лавр говорит о славе, кипарис — о смерти. Эти ветки пытаются сложиться в венки. Мне было важно, что ветки кипариса давали глубокий цвет, углублявший всю композицию, как бы лежащий глубже белой поверхности листа. Лавр же возникает как бы над поверхностью титула. Весь вход в книгу суров и даже мрачен. Сперва я хотел туда поместить цветы — я их очень люблю. Но, в сущности, уместны ли цветы, когда разговор идет о таких страстях, об убийстве и чуме… И я поместил только маленький букетик цветов на противоположной титульному листу странице [4].

Каждую трагедию предваряет шмуцтитул — просторный пустой лист со строгим шрифтом и небольшой иллюстрацией, соответствующей названию: для «Скупого рыцаря» на рисунке — скупой рыцарь и т. д. Иллюстративная сюита к каждому произведению состоит из заставки, маленькой концовки и двух иллюстраций в тексте и организует ритм книги — своеобразную секвенцию, которая повторяется в каждой трагедии.

Иллюстрации в тексте — сцены трагедий — продуманы до мелочей: будь то рыцарь, лежащий в башне или стоящий перед открытыми сундуками; Сальери — размышляющий о Моцарте; Дон Гуан, увидевший Донну Анну, и сцена дуэли; пир на улице средневекового города, — гравюры Фаворского характеризуются активным построением планов, конфликтов, динамики, они подчинены сюжету, в них нет ничего декоративного. Движения героев плавны и торжественны, проникнутые ритмами друг друга герои пребывают в единой «рифмованной» среде. Художник называл «Маленькие трагедии» «кубком, наполненным страстями» [4].

Идеи Владимира Андреевича Фаворского стали тем общим знаменателем, на котором сформировалась отечественная школа искусства книги и гравюры на дереве

в советское время. Московская школа нашла развитие в работах многочисленных учеников Фаворского: Андрея Дмитриевича Гончарова, Федора Денисовича Константинова и других. Они в свое время также обращались в своем творчестве к произведениям А.С. Пушкина, где каждый художник трактовал принципы Фаворского по-своему. Так, например, «Медный всадник» с иллюстрациями в технике ксилографии Ф.Д. Константинова отличает светотеневая моделировка и «живописность» гравюры. Для Константинова характерна темная гравюра — герой «Медного всадника» оказывается поглощенным бурей и грандиозным архитектурным пространством фантастического города. Это издание было отмечено целым рядом наград.

Совершенно иное по своей эстетике, яркое, продолжительное явление в истории отечественного искусства гравюры и вместе с тем яркий пример перетекания русского искусства в советское — ленинградская гравюра. Это многогранный художественный феномен, который начал формироваться в дореволюционный период, что демонстрируют произведения петербургского объединения «Мир искусства». Книжные сюиты и эстампы Александра Бенуа, Мстислава Добужинского, Анны Остроумовой-Лебедевой, Дмитрия Митрохина, Владимира Конашевича и других мирискусников — яркие примеры становления ленинградской школы графики с особым видением линейности, силуэтности, контраста черного и белого. Цветные литографии и гравюры ленинградских художников всегда точны в композиции, сдержанны по палитре, их отличает редкий лаконизм. Представителями ленинградской школы особое внимание неизменно уделялось петербургскому пейзажу.

Одним из выдающихся произведений отечественного искусства книги, воплотившего эти особенности, является издание «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, оформленное Г.Д. Епифановым. Иллюстрации были выполнены в технике ксилографии. Издание увидело свет в 1966 г. [9]. Геннадий Дмитриевич Епифанов — художник-график, представитель ленинградской школы книжной графики. Он родился в 1900 г. в Ростове Великом в семье потомственного типографского рабочего-переплетчика, с детства занимался переплетением книг и нот, постигал искусство создания книги [2]. По окончании ленинградского Вхутеина художник сотрудничал с лучшими издательствами страны: «Художественная литература», «Искусство» и другими. Кроме того, Г.Д. Епифанов, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, долгие годы руководил мастерской книжной графики Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, сохраняя и развивая традицию отечественного искусства графики и эстампа.

Издание повести «Пиковая дама» с оформлением Г.Д. Епифанова содержит в себе как бы два иллюстративных слоя, которые различаются не только в технике, но и в тематике. Так в технике торцовой (тоновой) гравюры решены цветные полосные иллюстрации со сценами повести и заставки с образами мистического Петербурга. Эпиграфы решены в другой технике — в технике обрезной гравюры (контурного рисунка) и изображают характерные для светской новеллы шутливые сценки, оттеняя общую неземную атмосферу полосных иллюстраций и заставок.

В полосных иллюстрациях Епифанов основное внимание уделяет воплощению атмосферы произведения, а также дает общую характеристику персонажей, не углубляясь в подробности конкретных сцен. Несмотря на крупные планы в композициях, фигуры героев кажутся фантастическими и обобщенными.

Так, например, на иллюстрации к первой главе, изображена молодая графиня в Версале. Этот портрет главной героини близок мирискустническим образам модерна:

в высокой прическе дамы, повороте головы, кокетливых пальцах левой руки, сжимающих веер, читаются отсылки к дамам «Маскарада» Константина Сомова или театральным эскизам Льва Бакста. Фон прорезан мельчайшей паутинкой штрихов, превращающих окружающее пространство в мягкую дымку.

Иллюстрация второй главы изображает сосредоточенного Германна, который остановился в раздумьях на набережной:

> Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы. «Что, если, — думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, — что, если старая графиня откроет мне свою тайну!» [9].

За спиной героя открывается перспектива заснеженного, уходящего вдаль канала. Черная шляпа-двууголка героя выделяется на фоне мелких точек-штрихов, образующих снежную взвесь, в которой растворяются очертания домов. Шляпа и накинутый на плечи плащ воплощает слова Томского в четвертой главе произведения, когда он говорит, что у Германна профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Епифанов подчеркивает «петербургский тип» Германна, о чем писал Достоевский, заявляя устами Аркадия Долгорукова из романа «Подросток»: «…дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из "Пиковой дамы" (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!)» [7, с. 141].

В третьей главе Епифанов изображает старую графиню, согбенно сидящую в кресле, и за ней на втором плане черный силуэт Германна:

> Как и все старые люди вообще, графиня страдала бессонницею. Раздевшись, она села у окна в вольтеровы кресла и отослала горничных. Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою. Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма. / Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графинею стоял незнакомый мужчина [9].

Крупная фигура графини предстает в мертвенно белом освещении лунного света из окна. Резкими контурными линиями даны чепец и ночное платье графини, дверной проём подцвечен желтым, приглушен диагональной штриховкой, напоминающей рубашку игральной карты.

Полосная иллюстрация к четвертой главе изображает момент вручения ключа:

> — Расскажите мне, как найти эту потаенную лестницу; я выйду. / Лизавета Ивановна встала, вынула из комода ключ, вручила его Германну и дала ему подробное наставление. Германн пожал ее холодную, безответную руку, поцеловал ее наклоненную голову и вышел [9].

Герои изображены в профиль в полный рост. Темным цветом дан Герман, чью твердую нераскаянность можно увидеть в сжатых кулаках и в отвернутой темной фигуре, а Лиза, напротив, в светлом платье с прижатой к груди правой рукой, открытая и доверчивая, протягивает левой рукой ключ Германну.

Иллюстрация к пятой главе полна экспрессии. Она изображает крупную фигуру призрака графини в чепце, которая в поднятой руке держит три карты. Напряженный взгляд, белый абрис одеяния, резкие штрихи фона, мертвенная белизна лица создают драматическую атмосферу.

В последней полосной ксилографии к шестой главе художник запечатлел первую и последнюю игру Германна. На светлом пятне стола мы видим изображения рук игроков. На среднем плане изображены зрители, наблюдающие развязку:

> Все обступили Германна. Прочие игроки не поставили своих карт, с нетерпением ожидая, чем он кончит. Германн стоял у стола, готовясь один понтировать противу бледного, но все улыбающегося Чекалинского. Каждый распечатал колоду карт. Чекалинский стасовал. Германн снял и поставил свою карту, покрыв ее кипой банковых билетов. Это похоже было на поединок. Глубокое молчание царствовало кругом [9].

Заставки «Пиковой дамы» посвящены петербургскому мистическому пейзажу и поэтической сущности города. Петербургский пейзаж, как звук камертона и как лейтмотив повести, сопровождает весь иллюстративный строй книги в заставках. Холодный, зимний, безлюдный город оставляет героев один на один со своей одержимостью. Епифанов прекрасно передает этот настрой в иллюстрациях. Так в заставке первой главы безлюден ночной вид зимнего канала, лишь белая луна, выглянувшая из-за облаков, освещает резким пятном снег за арочным мостом.

Во второй главе на заставке изображен дом «старинной архитектуры», как его описывает А.С. Пушкин, едва различимый за густой сетью голых ветвей. Прообразом дома графини, как известно, был особняк на углу Гороховой и Малой Морской улиц, в котором жила пожилая княгиня Голицына.

В третьей главе заставка наиболее эффектна — это ночной вид из окна спальни графини из-за спинки «вольтеровского» кресла. Голубовато-серый цвет неба над белой ледяной гладью воды, залитые белым лунным светом фасады зданий на набережной контрастируют с затемненным изображением пустого кресла перед окном, что создает мистическую атмосферу зимней петербургской ночи.

В четвертой главе на заставке изображена пустынная перспектива набережной. И, наконец, в пятой главе — церковь, возвышающаяся, как замок, за причудливыми ветвями деревьев. В заставке к последней главе Епифанов нарушает цельный ряд петербургских зимних видов и изображает контуры двух женских фигур — полуобнаженной Фортуны с рогом изобилия и молодой графини, образ которой был дан в иллюстрации к первой главе, что возвращает читателя к названию произведения.

Особенность стиля художника проявляется в деликатной подцветке гравюр. Вторые прогоны чёрным по ранее проложенному тону приглушают и без того тонкие нюансы желтого, розового, голубого и коричневого [3]. Цвет в заставках является, прежде всего, средством эмоционального воздействия. Епифанов использует силуэты и абрисы, широкое разнообразие штриха для создания мягких контрастов, дымки. Лёгкие, прозрачные «паутинки» и «пунктиры» Епифанова определяют стиль оформления книги.

Эпиграфы «Пиковой дамы» представляют собой ложные цитаты, что придает произведению форму лукавой светской новеллы, и контрастируют с атмосферой основного текста. Епифанов решает эпиграфы в технике обрезной гравюры, дающей четкий контурный рисунок. В графических эпиграфах видна перекличка с полосными иллюстрациями — в гравюре эпиграфа ко второй главе мы видим камеристку, сооружающую высокую бальную прическу даме — возможно, отсылка к портрету графини в молодости. В эпиграфе к третьей главе говорится о переписке, ее иллюстрирует гравюра, изо-

бражающая беседу кокетливой барышни и молодого ухажера, по контрасту с полосной иллюстрацией к драматичной сцене передачи ключа. Иллюстрация эпиграфа четвертой главы воплощает образ Германна, который стоит в характерной для Наполеона позе, скрестив руки на груди. Эпиграф к пятой главе посвящен графине, а шестой — развязке карточной игры.

Цельность художественного и композиционного единства оформления пушкинской повести «Пиковая дама» Г.Д. Епифановым делает это издание одним из выдающихся произведений искусства книги. Над оформлением «Пиковой дамы» А.С. Пушкина он работал семь лет. Своей работе Геннадий Дмитриевич был чрезвычайно предан.

Книги русских писателей, оформленные ксилографиями советских художников-графиков, отличает стремление воплотить в графике высокий реализм классической литературы, философскую глубину произведений, подчеркнуть стилевые и содержательные особенности текста, раскрыть образы литературных героев. В графической пушкиниане художникам советского периода это, безусловно, удалось.

Список литературы

Исследования

1 *Казин А.Л. Жданова Е.В.* Русская классическая литература в немецкой книжной графике XX в.: особенности художественного мышления // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 96–103.

2 *Ким Е.В.* Г.Д. Епифанов и его «Воспоминания» // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Изд-во Гос. музея-заповедника «Ростовский кремль», 2002. Вып. XII. С. 340–376.

3 *Саутина Н.И.* Г.Д. Епифанов и его вклад в развитие искусства гравированной книжной иллюстрации // Альманах библиофила. М.: Международный союз общественных организаций книголюбов, 2019. Вып. 42. С. 93–114.

4 *Фаворский В.А.* Как я оформлял «Маленькие трагедии» Пушкина // ЖЖ. URL: https://pushkinskij-dom.livejournal.com/486212.html (дата обращения 10.02.2026).

5 *Kunze H.* Werner Klemke — Lebensbild und Bibliographie seines buchkünstlerischen Werkes. Rudolstadt: Burgart-Presse, 1999. 260 S.

6 Rolf Münzner, Grafik und Zeichnung / Hrsg. Gerd Lindner. Bad Frankenhausen: Panorama-Museum, 2009. 144 S.

Источники

7 Достоевский Ф.М. Подросток. М.: ГИХЛ, 1961. 611 с.

8 Пушкин А.С. Маленькие трагедии / илл. В.А. Фаворского М.; Л.: Худож. лит., 1961. 110 с.

9 Пушкин А.С. Пиковая дама. М., Л.: Худож. лит., 1966. 101 с.

***

© 2026. Aleksandr L. Kazin
St. Petersburg, Russia

© 2026. Elena V. Zhdanova
St. Petersburg, Russia

THE WORKS OF A.S. PUSHKIN IN SOVIET BOOK ENGRAVINGS

Abstract: A book as a cultural phenomenon is not limited to its text; it is always designed in some way, including using illustrations. In this regard, book graphics play a crucial role in revealing specific and sometimes unexpected meanings and values of the illustrated works. The language of engraving occupies a special place in the art of book design. During the Soviet era, it became particularly vibrant and diverse in relation to the works of Alexander Pushkin. This paper explores several graphic suites, primarily by artists from Moscow and Leningrad paying special attention to the illustrations by the outstanding artist, engraver, and art theorist V.A. Favorsky, dedicated to the dramatic cycle "Little Tragedies". The graphic cycle by G.D. Epifanov for the novel "The Queen of Spades" is also described in detail, as it is characterized by its ideological and artistic integrity. The rhythmic unity of the artistic design allowed outstanding Soviet graphic artists to reveal the depth, style, and content of Pushkin's poetic and prose thought, from the chosen font style to the subtlest nuances of the characters' psychological states. The images of Pushkin's characters created by Soviet graphic artists have become part of Russian culture.

Keywords: A.S. Pushkin, "The Queen of Spades", "Little Tragedies", Soviet engraving, woodcut, Soviet book, Russian literature, V.A. Favorsky, G.D. Epifanov

Information about authors:
Aleksandr L. Kazin — DSc in Philosophy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Scientific Supervisor, Russian Institute of Art History, St. Isaac's Sq., 5, 190000 St. Petersburg, Russia; Professor, St. Petersburg University of Film and Television, Pravdy St., 13, 191119 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1740-6448
E-mail: alkazin@yandex.ru
Elena V. Zhdanova — Researcher, Russian Institute of Art History, St. Isaac's Sq., 5, 190000 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3073-3929
E-mail: elena.v.zhdanova@gmail.com

Received: February 12, 2026
Date of publication: June 22, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Kazin, A.L., Zhdanova, E.V. "The Works of A.S. Pushkin in Soviet Book Engravings." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 77–85. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-77-85

References

1 Kazin, A.L, Zhdanova, E.V. "Russkaia klassicheskaia literatura v nemetskoi knizhnoi grafike XX v.: osobennosti khudozhestvennogo myshleniia" ["Russian Classical Literature in German Book Graphics of the 20th Century: Features of Artistic Thinking"]. *Vestnik slavianskikh kultur*, vol. 68, 2023, pp. 96–103. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-96-103 (In Russ.)

2 Kim, E.V. "G.D. Epifanov i ego 'Vospominaniia'" ["G.D. Epifanov and his 'Memoirs'"]. *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia* [*Messages from the Rostov Museum*], vol. 12. Rostov, State Museum-Reserve "Rostov Kremlin" Publ., 2002, pp. 340–376. (In Russ.)

3 Sautina, N.I. G.D. "Epifanov i ego vklad v razvitie iskusstva gravirovannoi knizhnoi illiustratsii" ["G.D. Epifanov and his Contribution to the Development of Engraved Book Illustration Art"]. *Almanakh bibliofila* [*Bibliophile's Almanac*], vol. 42. Moscow, Mezhdunarodnyi soiuz obshchestvennykh organizatsii knigoliubov Publ., 2019, pp. 93–114. (In Russ.)

4 Favorskii, V.A. "Kak ia oformlial 'Malenkie tragedii' Pushkina" ["How I designed Pushkin's 'Little Tragedies'"]. *ZhZh* [*Livejournal*]. Available at: https://pushkinskij-dom.livejournal.com/486212.html (Accessed 10 February 2026). (In Russ.)

5 Kunze, Hans. *Werner Klemke — Lebensbild und Bibliographie seines buchkünstlerischen Werkes*. Rudolstadt, Burgart-Presse Publ., 1999. 260 S. (In German)

6 Lindner, Gerd, editor. *Rolf Münzner, Grafik und Zeichnung*. Bad Frankenhausen, Panorama-Museum Publ., 2009. 144 S. (In German)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-86-102
УДК 930.85(075.32)
ББК 71.045
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Н.И. Сперанская
г. Тюмень, Россия

© 2026 г. О.Е. Яцевич
г. Тюмень, Россия

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Исследование выполнено в рамках научной темы «Динамика ценностных ориентиров студенчества города Тюмени и разработка модели перспективного развития молодежной политики и региональной культуры», зарегистрированной на платформе ЕГИСУ НИОКТР (Регистрационный № 123033000057-0).

Аннотация: В условиях глобализации и роста межкультурных контактов особую значимость приобретает осмысление традиционных ценностей как основы этнокультурного диалога. В представленной статье анализируются семантические измерения ключевых понятий «традиция», «ценность» и «диалог» в лингвистическом, философском, культурологическом и социальном контекстах.

Понятие «традиция» рассматривается не только как механизм передачи исторического и духовного опыта, но и как динамическая форма коллективной памяти, обеспечивающая преемственность и устойчивость культурных систем; категория «ценность» интерпретируется как смысловой ориентир, задающий иерархию значимого и формирующий основу межкультурной коммуникации в условиях культурного многообразия; «диалог» трактуется как процесс согласования смыслов и установления пространства взаимного понимания, основанного на уважении различий и стремлении к общим основаниям.

Подчеркивается, что взаимодействие данных категорий формирует основу конструктивного этнокультурного диалога, который обеспечивает сохранение культурной идентичности при одновременной открытости к инновациям. Традиционные ценности при этом рассматриваются не как противоположность современности, а как интегрированный элемент актуальных практик культурной интеракции, способствующих укреплению социальной сплоченности.

Сделан вывод о том, что семантический анализ понятийного поля позволяет глубже понять механизмы формирования этнокультурного пространства и может служить концептуальной основой для дальнейших междисциплинарных исследований в области культурологии, философии, социологии и других наук гуманитарной направленности.

Ключевые слова: традиционные ценности, этнокультурный диалог, национальная идентичность, культурное наследие, межэтническое взаимодействие

Информация об авторах:
Нина Ивановна Сперанская — кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный учитель РФ, Тюменский индустриальный университет, ул. Мельникайте, д. 72, 625000 г. Тюмень, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6359-8108
E-mail: NIS5959@mail.ru
Ольга Евгеньевна Яцевич — кандидат философских наук, доцент, член РФО, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, ул. Мельникайте, д. 72, 625000 г. Тюмень, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7971-6826
E-mail: maru-safronova@rambler.ru
***Дата поступления статьи*:** 28.08.2025
***Дата одобрения рецензентами*:** 15.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Сперанская Н.И., Яцевич О.Е.* Традиционные ценности как основа этнокультурного диалога // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 86–102. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-86-102

Введение

Многонациональный характер России определяет особую значимость поиска гармоничных моделей этнокультурного взаимодействия. Эффективный диалог между этносами возможен только при наличии общего ценностного фундамента, нивелирующего культурные различия и создающего особое пространство для всестороннего взаимопонимания.

В условиях глобализации и роста культурных трансформаций традиционные ценности российского социума, такие как уважение к истории, соборность, социальная справедливость, духовная преемственность, становятся не просто культурным маркером отдельного народа, но и инструментом интеграции.

Президент Российской Федерации Владимир Путин в ноябре 2022 г. утвердил Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, включив в них: патриотизм, семью, историческую память, уважение к правам человека, служение Отечеству, гуманизм и другие [34].

В мае 2024 г. был подписан указ, утвердивший Основы государственной политики в области исторического просвещения, целью которого является формирование общероссийской гражданской идентичности, укрепление «Русского мира», уважение к предкам и истории всех народов России [35]. В соответствии с этим создаются единые учебники по истории, цифровые платформы для образовательных материалов, поддерживается историческое кино, осуществляется контроль над компьютерными играми и просветительскими инициативами.

В новой Стратегии культурной политики до 2030 г. усиливаются акценты на культурный суверенитет, поддержку нематериального наследия (сказки, обряды, ремесла и др.) народов России, что способствует становлению всесторонне развитой личности [30].

Утверждена Концепция гуманитарной политики России за рубежом, где культура выступает как «мягкая сила», направленная на продвижение российских духовно-нравственных ценностей, взаимное культурное обогащение и активное международное гуманитарное сотрудничество, включающее деятельность по празднованию памятных

дат, продвижение отечественного искусства, литературы, кино, поддержку русского языка и участие в международных культурных форумах [36].

С дошкольного возраста и в начальной школе внедряются программы, направленные на формирование у детей патриотических чувств, гордости за Родину и понимания фундаментальных ценностей.

В вузах с 2023 г. преподается курс «Основы российской государственности», где ключевыми понятиями выступают: «традиционные ценности», «патриотизм», «соборность», «духовность».

12 июня 2025 г. Владимир Путин вновь обозначил и подчеркнул значимость ключевых российских ценностей (патриотизм, историческая память, соборность и социальная солидарность, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, межнациональное согласие). На съездах писателей глава государства акцентирует значение литературы в укреплении духовного суверенитета, отмечая, что литературное наследие вечно и несет на себе функцию, объединяющую народы и народности [37].

Вышеперечисленные инициативы подчеркивают тот факт, что традиционные ценности являются не статичной, а динамичной системой, способной адаптироваться к условиям современности, обеспечивая социально-культурную устойчивость, выступая противовесом дезинтеграционным тенденциям, что в российском контексте имеет ценностную согласованность, позволяя соединить исторический опыт сосуществования различных народов с вызовами современности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Современная Россия, обладающая уникальными культурными традициями, представляет собой полиэтническое и поликонфессиональное пространство, на территории которого проживает более 190 народов. В условиях глобализационных процессов усиливается влияние унифицирующих культурных моделей, что создает риск утраты этнокультурного многообразия и национальной идентичности. Одновременно растет значимость поиска интеграционных механизмов, способных объединить различные этносы на основе общих ценностных ориентиров.

Традиционные ценности, исторически сформированные в российской цивилизационной модели, обладают набором характеристик, дающих возможность выступать «ценностным каркасом» для устойчивого этнокультурного диалога. Однако следует подчеркнуть, что в условиях информационных трансформаций и миграционных процессов этот потенциал требует научного осмысления и анализа, поскольку не только отвечает интересам государства и способствует укреплению межэтнического доверия, но и формирует целостную национальную идентичность.

Антропологический и философско-культурологический подходы к изучению традиционных ценностей

Если говорить о научном подходе к традиционным ценностям как основе этнокультурного диалога, то здесь важно различать два аспекта: этнологический / антропологический и философско-культурологический.

Классический антрополог и этнолог Фредерик Барт исследовал этнические границы взаимодействия культур через призму традиций и ценностей, закладывая практический механизм взаимодействия этнических групп [3].

Клод Леви-Стросс рассматривал мифы и родовые структуры как основу понимания различий и сходства культур, что представляет собой теоретическую основу для понимания универсальных культурных структур и облегчает ведение диалога на уровне смыслов и символов [10].

Советская и российская научные школы в лице Ю. Бромлей [6] и А. Панченко [12] уделяли внимание традиционным ценностям как компоненту этнокультурной идентичности и взаимодействия народов СССР.

В.Д. Шнирельман исследовал мифы и символы этнической памяти, что связано с пониманием диалога культур через традиции. Автор переводит изучение традиционных ценностей из чисто исторического и этнографического анализа в практическую плоскость современного межкультурного диалога, показывая, что ценности и мифы — это не только память о прошлом, но и механизм регулирования отношений между этническими группами в настоящем [24].

Философы С.Л. Франк [21] и В.С. Степин [18] рассматривали морально-этические и духовные ценности как основу межкультурного общения. Идеи этих ученых показывают, что этнокультурный диалог требует сочетания духовной этики и системного уважения к культурным традициям, что обеспечивает как моральную, так и практическую основу для межкультурного взаимодействия.

В западной гуманитарной традиции работы Мартина Бубера [7] и Ханны Арендт [2] представили анализ ценностей и диалогичность как фундамент взаимодействия между людьми разных культур. Можно сказать, что М. Бубер и Х. Аренд дополняют друг друга, при этом первый задает философскую и этическую основу — уважение, диалогичность и признание ценностей «другого», а Х. Арендт показывает социально-практическую реализацию этого диалога через участие, ответственность и совместное культурное действие.

Сочетание антропологического и философско-культурологического подходов позволяет создавать комплексное понимание этнокультурного диалога, где ценности, традиции и символы становятся инструментом и смысловой основой межкультурного взаимодействия.

Смысловые доминанты понятия «традиционные ценности»

Исследование вопроса традиционных ценностей в современном обществе неизбежно затрагивает необходимость изучения самого концепта «традиционные ценности», в наиболее общем виде представляющего собой набор неких моральных принципов, мировоззренческих норм, формирующихся веками и передающихся из поколения в поколение. Данное понятие состоит из двух компонентов (традиция и ценность), выступающих, на наш взгляд, в тесном симбиозе, что обеспечивает цельное восприятие этого феномена.

Традиции, в широком смысле слова, представляя собой определенные нормы поведения в социуме, являются предметом рассмотрения изысканий ученых различных гуманитарных направлений, поскольку играют важную роль в регуляции общественных отношений, формировании культурной идентичности.

Лексикографическое исследование данного понятия на основе анализа словарных дефиниций, проведенное Коньковой М.С. [9], позволило структурировать семантическое поле данного понятия, где ядерными семами выступают значения «преемственность», «воспроизводимость», «нормативность», в ближней периферии — «древность», «устная форма передачи», «привычность», «принадлежность чему-либо или кому-либо»; в дальней — «субъективность оценки», «значимость», «устойчивость». Автор отмечает, что в русский язык это слово пришло в середине XIX в. от латинского "*traditio*" — «передача; предание; установившееся издавна мнение; привычка»; на сегодняшний день имеет следующие основные значения: исторически сложившиеся, передаваемые

от поколения к поколению обычаи, взгляды; установившийся порядок; обычная норма; устная передача преданий.

В английском языке это слово появилось раньше. В конце XIV в. лексема "*tradicioun*", имеющая значение «утверждение, вера или практика, передаваемые из поколения в поколение», особенно в теологии, «вера или практика, основанные на законе Моисея», пришла от старофранцузского слова «*tradicion* / передача, представление, вручение» или непосредственно от латинского «*traditionem* (именительный падеж *traditio*) / отдавать, отрекаться, передавать по наследству», а также «учение, наставление, поговорка, дошедшая из прежних времен». Это существительное действия образовано от причастия прошедшего времени «*tradere* / доставлять, передавать» при слиянии «*trans* / над» + «*dare* / давать» (от протоиндоевропейского корня **do* — давать). Данная словоформа "*tradicioun*" выступала двойником лексемы "*treason*", имеющей значение «государственная измена». Причем понятия традиции и государственной измены совпадали вплоть до 1450 гг., когда традиция могла означать «предательство», а среднеанглийская лексическая форма "*traditour*" имела семантику «предатель». "*Traditores*" в истории Церкви было словом, обозначающим тех, кто во время гонений сдал властям Священные Писания или предал братьев. К 1590 г. появляется значение «давний обычай» с коннотациями «обычаи, верования, передаваемые от предков к потомкам». С 1718 г. это лексема используется в отношении хадисов ислама и доктрин, которые, как предполагается, были ниспосланы, но не записаны. В изобразительном искусстве и литературе появляются смысловые нюансы — «накопленный опыт и достижения предыдущих поколений» [38].

Таким образом, исследуя этимологию данного концепта, мы обнаруживаем существовавшие ранее негативные коннотации: измена, предательство, что, вероятно, в современных языковых системах может объяснить уже на лексическом уровне отрицательное влияние чрезмерного увлечения традициями, выражающееся в замедлении развития, в препятствии процессам нововведений. Подчеркнем, что семантические корни понятия «*tradition / традиция*» исходят из теологических воззрений. Рассмотрим происхождение значений в русском языке, представленное В. Семенцовым, составителем православного корнесловного словаря «Глаголъ» [31], который стремится возвратить словам современного русского языка их изначальный истинный смысл, опираясь на Священное писание.

В представленном словаре доказывается происхождение термина «*традиция*» от двух корней, что подтверждается его семантическими коннотациями [32]. Первая вариация латинского глагола «*trādō* — передаю, вручаю» имеет тот же корень, что слово «**terh* / транс — через, сквозь», то есть перемещение из одного пространства в другое. Слова «транспорт, транзит» в русском языке; английский предлог through; санскритские तरिति /тира́ти/ «переносить», तरि /тира/ «стрела», तरी /тари/ «лодка» являются однокоренными и имеют глубокий смысл проникновения из одного мира в другой сквозь пространство или время. Тогда понятие «традиция» приобретает некий сакральный смысл — передачу древней духовной сути вещей от поколения к поколению. Необходимо отметить, что при переводе Евангелия на латинский язык используется приставка *транс*-, на греческий — *мета*- / пере-, соответственно: *transfiguratus* = *μετεμορφώθη* / трансфигурация = метаморфоза; а в русском языке это обозначает «преображение, т. е. переход от одного образа (жизни) к другому».

Вторая вариация латинского глагола *trādō* имеет корень «**-dō* давать», как в английском языке — «*to do* — делать», в русском — «дать, давать». Сочетание

двух корней «**terh* / пере» и «**-dō* / давать» создает единое значение «передача духовной сути через поколения», что для словоформы «традиция», можно рассматривать как синоним. А если принять во внимание древнегреческую лексему «метафора», где мета- «пере» и -фора «ноша», то получается слово «метафора», которое имеет значение «перенос (смысла)», следовательно, понятие «традиция» означает перенос смыслов. Ведь в соответствии с исконными русскими традициями смыслы передаются через сказки, пословицы, поговорки метафорически.

Итак, рассмотрение происхождения лексемы «*традиция*» на основании сравнения словоформ, используемых в древних языках, а также в соответствии с православными традициями дает более глубинное ее понимание, что соответствует аксиологическим направлениям данного исследования. В отличие от этимологических корней английского термина «*tradition*», где имеются негативные семы (измена, предательство), семантическое поле русского обозначения этого понятия имеет коннотации нравственности, одухотворенности, душевности, то есть уже само содержание рассматриваемого концепта относит к ценностным интерпретациям.

Понятие «ценность», изначально выступающее философской категорией, по мере развития научной мысли стало предметом изучения многих антропологических наук: культурология, социология, педагогика, политология, аксиология и др. В ходе исторического развития человечества менялось содержательное наполнение этого термина: если в античности познание, благо, разумная жизнь, блаженство воспринималось как ценность, то в постиндустриальном мире более ценными стали наука, информация, знание, коммерция, творчество, интеллект [14].

Репина А.В., рассматривая понятие «ценность» в экономических науках, отмечает его уникальность, поскольку с одной стороны, оно содержит конкретно-прагматичные качества и сближается с термином «стоимость», а с другой стороны, качественные абстрактно-идеальные характеристики, включающие в себя социальные и культурные убеждения участников маркетинговой системы [13].

В английский язык существительное «*value* / ценность» пришло в XIII в. из старофранцузского слова «*value* / ценность, цена, моральная ценность; положение, репутация» и имело значение «цена, равная внутренней ценности вещи», от латинского «*valere* / быть сильным, быть здоровым; иметь ценность, быть достойным». В протоиндоевропейском языке имеется корень «**wal* / быть сильным». В конце XIV в. засвидетельствованы значения «полезные свойства; степень, в которой что-либо полезно или достойно оценки; нематериальная ценность, оценка, почтение, относительный статус или уважение к вещи». В музыке эта лексема приобрела значение «относительная протяженность тона», а в живописи — «отношение одной части к другой или всего остального с точки зрения светотени» [39]. Как «социальный принцип» в 1915 г. применяется в социологии. Возможно, это пошло от "*social values*", что зафиксировано в документе Теодора Рузвельта о войне в Европе «Социальные ценности и национальное существование» и имело коннотацию «моральные принципы» [39].

В русском языке понятие «ценность» происходит от лексемы «цена», которая, в свою очередь, берет начало от древнего корня «**kwe(i)/kwoi-* / выкуп, воздаяние, мзда, этот же корень присутствует в словах «каяться, раскаяние, покаяние». По православным воззрениям над материальными благами стоит человеческая душа, так первые христиане, продавая земные ценности (земли, дома), освобождали свою душу [33]. Имеются коннотации «вины» при обладании некими богатствами.

Таким образом этимологический анализ доказывает, что в семантическом поле лексемы «ценность» соседствуют значения «цена», «ценность». Близость лексем из разных языков (английское “*value*”, позднелатинского “*valuta*”, русское «*валюта*») относит нас к термину «стоимость». Но по мере исторического развития цивилизации усиливаются нравственно-моральные коннотации данного понятия.

Необходимо отметить, что и внутреннее содержание термина «традиция» в ходе исторического развития цивилизации также претерпевает существенные изменения, и сегодня в ученой среде не существует единой трактовки данного понятия. Польский социолог Е. Шацкий. классифицируя определения, сгруппировал их по трем видам: функциональные толкования акцентируют внимание на передаче ценностей от поколения к поколению; объектные формулировки делают упор на сущность самих ценностей; субъектные объяснения подчеркивают важность ценностей для того поколения, которому они транслируются [23].

Часто в публицистике слова «традиция» и «обычай» используются как синонимы, вероятно это происходит из-за того, что первый термин начал широко использоваться в русском языке только в XIX в. Хотя у них и имеется общая семантика, но в то же время они имеют существенные различия: во-первых, термин «традиция» является более объемным, к нему относятся ценности, нормы поведения, те же обычаи, которые по сути выступают ее разновидностью; во-вторых, их различие заключается в уровне сложности (обычаи, как правило, представляют собой простые, повторяющиеся действия); в-третьих, функциональное предназначение традиций заключается в передаче новым поколениям духовных качеств, необходимых для сложных социальных явлений, что не может быть обеспечено обычаями.

Важнейшее предназначение традиций заключается в сплочении наций, целых народов. Они подчиняют деятельность социума интересам формирования духовных качеств целых поколений [19]. Традиции, будучи основой стабильности социума, играют существенную роль в историческом развитии цивилизации. Трегулова Н.П, изучая становление дефиниций данного термина, делает выводы, что первые попытки научного осмысления этого концепта приходятся на Новое время, причем, зачастую, с негативным подтекстом: традиционность отождествлялась с консервативностью, традиционному обществу противопоставлялось современное, инновационное. В то же время автор подчеркивает, что в отечественной научной школе традиции рассматривались как динамическое явление, изменяющееся и развивающееся [20].

В.А. Щипков подчеркивает, что диада «традиция — современность» стала носить не хронологический, а идеологический, по сути, характер, начиная с эпохи Возрождения и Просвещения, когда этим двум понятиям придали взаимоисключающие смыслы. Рассматривая связи традиции и современности, он указывает, что первая является неотъемлемой частью второй, так как обеспечивает преемственность и сохраняет культурную идентичность народа. Более того, В.А. Щипков отмечает, что традиция по своей природе есть внеисторическое и вневременное явление, она помогает человеку чувствовать вечность и жить в ней. Автор уверен, что традиция не просто может быть интегрирована в нашу современную жизнь, но и способствует ее развитию [25].

Таким образом, исследуя смысловые доминанты термина «традиционные ценности», мы видим его целостность, поскольку уже в его первой части заложены аксиологические аспекты, усиливающиеся через вторую. Этимологический анализ данного

концепта подтверждает его глубину, основанную на духовно-нравственных принципах, позволяющих выполнять фундаментальные функции в межкультурных коммуникациях.

К вопросу о понятии «этнокультурного диалога»

В русской философской традиции понятие диалога связывали с идеями соборности и духовного общения. Уже у классиков русской мысли, таких как А.С. Хомяков [22] и В.С. Соловьев [16], диалог выступал не просто как разговор двух людей, а как средство постижения истины через объединение различных точек зрения, что обеспечивает единство разнообразия. Именно А.С. Хомякову принадлежит авторство понятия «соборность», в которое вкладывается духовная общность народа, основанная на совместном участии и взаимной ответственности [22].

В.С. Соловьев пестовал идеи философии единства человечества через духовный и моральный диалог, подчеркивая необходимость взаимопонимания между культурами и народами [16], что является, как мы считаем, прямым предтечей концепции этнокультурного диалога.

Н.А. Бердяев направил свои мысли на анализ национальной идентичности и духовных ценностей народа, акцентируя внимание на самобытности и внутренней духовной свободе как основе межкультурного общения [4].

Философские идеи великих русских мыслителей напрямую перекликаются с самим понятием «этнокультурный диалог», где ключевые этимологические и концептуальные основания базируются на следующих концептуальных константах:

— слово и понимание, предполагающие взаимное признание культурной и духовной ценности собеседника;
— взаимность и обмен — dia / между, подчеркивающий принцип равного участия сторон, при котором каждая культура сохраняет свою идентичность и обогащается через взаимодействие;
— идея истины и развития, указывающая на рациональный и духовный аспекты, где обмен мнениями ведет к совместному осмыслению опыта и ценностей;
— соборность, объединяющая отдельные голоса в единую духовную и культурную общность, что делает его особенно значимым для этнокультурного взаимодействия.

Как мы видим, этнокультурный диалог в России имеет глубокие философские корни и не сводится к простому обмену информацией, а представляет собой структурированное взаимодействие, основанное на уважении, духовной общности и поиске истины через объединение культурных смыслов [17].

Понимание смыслового ядра «этнокультурного диалога» является важной диахронической вехой при обращении к современным исследованиям.

М.И. Козьякова в работе «Этнокультурный диалог как доминанта российской культуры» дает обоснование полиэтничности, подчеркивая, что она обладает не только исторической характеристикой, но и является гарантом развития России [8]. Этнокультурный диалог обеспечивает, на наш взгляд, необходимый баланс между культурной самобытностью народов и их включенностью в общенациональное и глобальное культурное пространство.

Исследователи Е.А. Авдеев и С.М. Воробьев изучали традиционные ценностные основания общероссийской идентичности на примере молодежи Северного Кавказа. В работе, датируемой 2023 г., они анализируют, как традиционные ценности фор-

мируют общенациональную идентичность и потенциал для этнокультурного диалога [1]. В условиях информационной взаимосвязанности и роста миграционных процессов обращение к традиционным ценностям способно превратить этнокультурный диалог в созидательный инструмент, формирующий сплоченный социум.

Коллективная монография «Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи», увидевшая свет в 2024 г., является крупным междисциплинарным исследованием, объединяющим историю, политологию, социологию и психологию; анализирует динамику аксиологических составляющих в условиях современных политических и культурных трансформаций [15].

Ш. Булуева, И. Макаров и Е. Бырылова акцентируют изучение влияния этнокультурных традиций на моральное воспитание молодежи, уделяя особое внимание применению этнокультурного подхода в образовательной политике и реализации стратегии развития образования до 2025 г., что включает в себя меры по формированию межэтнического и межконфессионального согласия [26].

Н.М. Мамедова анализирует механизмы формирования российской идентичности в современных условиях, уделяя особое внимание преемственности исторических, этических и эстетических смыслов, включая способы мобилизации общества против культурной унификации [11]. Мы придерживаемся точки зрения, что культурная унификация может быть полезной для создания общенациональной платформы и упрощения взаимодействия, но чрезмерная унификация несет в себе определенные риски, поскольку ведет к эрозии уникальной этнокультурной идентичности.

Л.В. Борисова в рамках научной статьи говорит о перечне расширения духовно-нравственных ценностей и включает в этот список благотворительность и традиционное русское имя как признак принадлежности к российской культуре [5].

Зарубежные исследования имеют свои особенности, заключающиеся в акцентном соотношении на аналитическую доминанту и сравнительный подход, где зачастую практическая сторона применения ценностей остается вне фокуса изучения. Отечественные и зарубежные исследования отличаются по своим ключевым компонентам в подходах и аналитике, последние часто не рассматривают практическую сторону применения ценностных ориентаций в социуме.

Важным направлением в иностранных работах можно назвать феномен русской соборности, патриотизма и духовности как уникальных цивилизационных характеристик, отличающих Россию от Западной Европы.

R. Pipes (США) изучал русскую культуру и традиционные ценности в контексте формирования национальной идентичности и государственной системы, уделяя особое внимание влиянию православных и духовных традиций на социальное и политическое развитие России [28].

St. Kotkin, как и предыдущий ученый, представляет американское видение роли культурных ценностей в социально-политическом развитии, в том числе в межэтнических отношениях [27].

V. Tismăneanu, румынский ученый, исследовал постсоветские ценности и трансформацию традиционных российских ценностей в условиях модернизации и глобализации [29].

Вышенаписанное можно резюмировать таким образом, что современное состояние ценностей находится под влиянием следующих амбивалентных процессов:

— глобализация и цифровизация усиливают доступ к чужим культурным кодам, но в то же самое время, могут вести к нивелированию уникальных национальных смыслов;

— миграционные процессы обогащают культурную среду, но порой способны породить этноконфессиональное напряжение;
— информационные войны и культурная экспансия извне требуют от государства и общества дополнительной защиты и культурных оснований.

Дальнейшее укрепление традиционных ценностей в качестве основы этнокультурного диалога возможно, на наш взгляд, при соблюдении ряда условий:

— синтез традиций и инноваций, где ценностное содержание способно адаптироваться к вызовам цифровой эпохи без утраты смысловой глубины;
— расширение образовательных программ по истории и культуре народов России, включая формирование медиаграмотности и критического восприятия информации;
— межкультурная интеграция на базе принципов соборности, предполагающей равноправное участие всех культурных групп в диалоге;
— развитие культурной дипломатии и участие России в международных гуманитарных инициативах, транслирующих отечественные ценности как вклад в мировое культурное наследие.

Вышеперечисленные процессы подчеркивают тот факт, что отечественные традиционные ценности выступают не только средством сохранения культурной идентичности, но и важнейшим основанием для этнокультурного диалога, позволяя находить точки соприкосновения между различными сообществами. При этом сами ценности проявляются и закрепляются в конкретных формах культурной практики — обычаях, ритуалах, нормах поведения, устных и письменных текстах. Именно эти формы обеспечивают преемственность поколений и устойчивость культурных моделей.

Выводы

Традиционные ценности обладают онтологическим статусом универсальных оснований социокультурной реальности, формируя аксиологический каркас, в рамках которого осуществляется этнокультурный диалог. Их значимость определяется не только функцией трансляции историко-культурного опыта, но и способностью выступать медиатором между различными системами смыслов, обеспечивая возможность коммуникативной рациональности в полиэтничном пространстве. В традиционных ценностях концентрируются устойчивые онтологические инварианты бытийности, отражающие глубинные основания этнической идентичности, и одновременно универсальные регулятивы, способные задавать вектор согласования различающихся культурных миров.

Из вышеприведенного семантико-этимологического исследования четко проявляется способность самого понятия «традиция» формировать устойчивое семантическое поле, внутри которого закрепляются культурные ценности и нормы. Это поле становится основой для этнокультурного диалога, так как задает язык символов, понятий и образов, позволяющих разным сообществам находить общие смыслы.

Традиционные ценности обеспечивают целостность и устойчивость культурных систем в условиях глобализационной динамики. Их интегративный потенциал выражается в возможности снижения конфликтогенности межэтнических взаимодей-

ствий и конструирования новых форм социальной интеграции на основе диалогического признания «другого». В этом контексте традиционные ценности следует понимать не как архаичный реликт, а как продуктивный ресурс формирования стратегий культурной политики, концепций устойчивого развития и институциональных практик, направленных на укрепление межэтнической солидарности и воспроизводство культурной многомерности современного общества.

Список литературы

Исследования

1 *Авдеев Е.А., Воробьев С.М.* Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодежи Северного Кавказа // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, №3. С. 37–54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennostnye-osnovy-obscherossiyskoy-identichnosti-na-primere-molodyozhi-severnogo-kavkaza1 (дата обращения: 24.06.2025).

2 *Арендт Х.* Скрытая традиция: эссе. М.: Текст, 2008. 220 с.

3 *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.

4 *Бердяев Н.А.* Русская идея. М.: Эксмо, 2024. 384 с.

5 *Борисова Л.В.* О российских традиционных духовно-нравственных ценностях и расширении их перечня // Журнал прикладных исследований. 2024. №6. С. 159–162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-rossiyskih-traditsionnyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostyah-i-rasshirenii-ih-perechnya?ysclid=mri2noon1d941286585 (дата обращения: 24.06.2025).

6 *Бромлей Ю.В*. Очерки теории этноса. М.: Либроком, 2020. 438 с.

7 *Бубер М.* Я и Ты. М.: АСТ, 2025. 130 с.

8 *Козьякова М.И.* Этнокультурный диалог как доминанта российской культуры // Ученый совет. 2019. №2. С. 53–61. URL: https://panor.ru/articles/etnokulturnyy-dialog-kak-dominanta-rossiyskoy-kultury/1781.html# (дата обращения: 24.06.2025).

9 *Конькова М.С.* Лексикографический анализ лексемы «традиция» в толковых словарях // Academy. 2018. №1 (28). С. 66–69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskiy-analiz-leksemy-traditsiya-v-tolkovyh-slovaryah (дата обращения: 24.06.2025).

10 *Леви-Стросс К.* Узнавать других: антропология и проблемы современности. М.: Текст, 2016. 157 с.

11 *Мамедова Н.М.* Российская идентичность: социокультурный контекст // Век глобализации. 2025. №1 (53). С. 167–177. URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/3896095/?ysclid=mek7hxf6n0492454974 (дата обращения: 24.06.2025).

12 *Панченко А.Б.* Этногенетическая проблематика в отечественной науке о народах конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 94–97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnogeneticheskaya-problematika-v-otechestvennoy-nauke-o-narodah-kontsa-xix-nachala-xx-v (дата обращения: 24.06.2025).

13 *Репина А.В.* Семантика и соотношение понятий ценности и стоимости в контексте маркетинговых исследований // ПСЭ. 2012. №3. С. 189–192. URL: https://m-economy.ru/art.php?nArtId=4204 (дата обращения: 24.06.2025).

14 *Ростовская Т.К., Ростовская Н.А., Калиев Т.Б.* Этимологическое основание категории «Ценность» // Наука. Культура. Общество. 2018. № 2–3. С. 5–12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etimologicheskoe-osnovanie-kategorii-tsennost https://cyberleninka.ru/article/n/etimologicheskoe-osnovanie-kategorii-tsennost?ysclid=mri2tw8fwe463821189 (дата обращения: 24.06.2025).

15 Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: коллективная монография / под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой; авторы: С.В. Перевезенцев [и др.]. М.: Квадрига, 2024. 720 с.

16 *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2025. 337 с.

17 *Сперанская Н.И., Яцевич О.Е.* Диалог-дискурс: семантика контента // Высшее образование сегодня. 2016. № 7. С. 50–52.

18 *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманит. ун-та профсоюзов, 2011. 408 с.

19 *Суханов И.В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 2017. 216 с.

20 *Трегулова Н.П.* Становление дефиниции «Традиция»: интегративный подход // Достижения науки и образования. 2021. № 3 (75). С. 112–116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-definitsii-traditsiya-integrativnyy-podhod (дата обращения: 24.06.2025).

21 *Франк С.Л.* Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 383 с.

22 *Хомяков А.С.* Русский взгляд на всемирную историю. М.: Академический проект, 2024. 449 с.

23 *Шацкий Э.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.

24 *Шнирельман В.А*. Арийский миф в современном мире: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 530 с.

25 *Щипков В.А.* Традиция и современность: преодоление современности как преодоление конца времен // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор: коллективная монография по мат. XIV Междунар. Панаринских чтений / отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.Н. Никандров. М.: Институт Наследия, 2017. С. 90–98.

26 *Bulueva S., Makarov I., Byrylova E.* The influence of psychological separation on the development of value-sense sphere of adolescents // SHS Web of Conferences. 2024. Vol. 195. 06003. https://doi.org/10.1051/shsconf/202419506003.

27 *Kotkin S., Wolf D.* Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk; N.Y.: M.E. Sharpe, 11995. 412 p.

28 *Pipes R.* Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History. L.: Routledge, 1989. 240 p.

29 *Tismăneanu V.* Political Culture and Civil Society in Russia and the New States of Eurasia. Armonk; N.Y.: M.E. Sharpe, 1995. 384 p.

Источники

30 О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р. Москва, 2024 // ГАРАНТ — Законодательство (кодексы, законы, указы, постановления) РФ, аналитика, комментарии, практика. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/ (дата обращения: 27.06.2025).

31 *Семенцов В.* Введение // Глаголъ: корнесловный словарь-справочник от А до Я. Ярославль: Факел, 2024. Вып. 2. С. 3.
32 *Семенцов В.* Традиция // Глаголъ: корнесловный словарь-справочник от А до Я. Ярославль: Факел, 2024. Вып. 2. С. 448–451.
33 *Семенцов В.* Цена // *Семенцов В.* Глаголъ: корнесловный словарь-справочник от А до Я. Ярославль: Факел, 2024. Вып. 2. С. 481.
34 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Москва, 2022 // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 27.06.2025).
35 Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314. Москва, 2024 // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 27.06.2025).
36 Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611. Москва, 2022 // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (дата обращения: 27.06.2025).
37 XVII Внеочередной съезд Союза писателей России // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/administration/76370 (дата обращения: 27.06.2025).
38 Tradition // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/search?q=tradition (дата обращения: 27.06.2025).
39 Value // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/search?q=value (дата обращения: 27.06.2025).

***

© 2026. Nina I. Speranskaya
Tyumen, Russia

© 2026. Olga E. Iatsevich
Tyumen, Russia

TRADITIONAL VALUES AS THE BASIS OF ETHNO-CULTURAL DIALOGUE

***Acknowledgements**:* The research was carried out within the scientific theme "Dynamics of value orientations of the student population of Tyumen city and development of a model of perspective development of youth policy and regional culture", registered in the USISU R&D, Reg. No. 123033000057-0.

Abstract: In the context of globalization and increasing intercultural contacts, understanding of traditional values as the basis for ethno-cultural dialogue becomes particularly important. This paper analyzes semantic dimensions of the key concepts of "tradition", "value", and "dialogue" in linguistic, philosophical, cultural, and social contexts.

The concept of "tradition" is considered not only as a mechanism for transmitting historical and spiritual experience, but also as a dynamic form of collective memory that ensures the continuity and stability of cultural systems; the category of "value" is interpreted as a semantic reference point that sets the hierarchy of significance and forms the basis for intercultural communication in a diverse cultural environment; "dialogue" is understood as a process of aligning meanings and establishing a space of mutual understanding based on respect for differences and a commitment to shared foundations.

The study emphasizes that the interaction of these categories forms the basis for a constructive ethno-cultural dialogue, which ensures the preservation of cultural identity while being open to innovation. In this context, traditional values are not seen as opposite to modernity, but rather as an integrated element of current cultural interaction practices that contribute to the strengthening of social cohesion.

The authors concluded that the semantic analysis of the conceptual field provides a deeper understanding of the mechanisms of ethno-cultural space formation and can serve as a conceptual framework for further interdisciplinary research in the fields of cultural studies, philosophy, sociology, and other humanities-related sciences.

Keywords: traditional values, ethno-cultural dialogue, national identity, cultural heritage, and interethnic interaction

Information about authors:

Nina I. Speranskaya — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Tyumen Industrial University, Melnikayte St., 72, 625000 Tyumen, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6359-8108

E-mail: NIS5959@mail.ru

Olga E. Iatsevich — PhD in Philosophy, Associate Professor, Member of the Russian Philosophical Society, Tyumen Industrial University, Melnikayte St., 72, 625000 Tyumen, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7971-6826

E-mail: maru-safronova@rambler.ru

Received: August 28, 2025

Approved after reviewing: June 15, 2026

Date of publication: September 25, 2026

For citation: Speranskaya, N.I., Iatsevich, O.E. "I.I. Traditional Values as the Basis of Ethnocultural Dialogue." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 86–102. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-86-102

References

1 Avdeev, E.A., Vorobev, S.M. "Traditsionnye tsennostnye osnovy obshcherossiiskoi identichnosti: na primere molodezhi Severnogo Kavkaza" ["Traditional Values as the Basis of All-Russian Identity: The Case of the North Caucasus Youth"]. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 11, no. 3, 2023, pp. 37–54. (In Russ.)

2 Arendt, Kh. "Skrytaia traditsiia": esse ["The Hidden Tradition": An Essay] Moscow, Tekst Publ., 2008. 220 p. (In Russ.)

3 Bart, F. E*tnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy : sotsial'naia org. kul'turnykh razlichii*

[*Ethnic Groups and Social Boundaries: Social Organization of Cultural Differences*] Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2006. 198 p. (In Russ.)

4 Berdiaev, N.A. *Russkaia ideia* [*Russian Idea*] Moscow, Eksmo Publ., 2024. 384 p. (In Russ.)

5 Borisova, L.V. "O rossiiskikh traditsionnykh dukhovno nravstvennykh tsennostiakh i rasshirenii ikh perechnia" ["Russian Traditional Spiritual and Moral Values and Expanding their List"]. *Zhurnal prikladnykh issledovanii*, no. 6, 2024, pp. 159–162. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-rossiyskih-traditsionnyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostyah-i-rasshirenii-ih-perechnya?ysclid=mri2noon1d941286585 (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

6 Bromlei, Iu.V. *Ocherki teorii etnosa* [*Essays on the Theory of Ethnos*]. Moscow, Librokom Publ., 2020. 438 p. (In Russ.)

7 Buber, M. *Ia i Ty* [*Me and You*]. Moscow, AST Publ., 2025. 130 p. (In Russ.)

8 Koziakova, M.I. "Etnokul'turnyi dialog kak dominanta rossiiskoi kul'tury" ["Ethno-cultural Dialogue as a Dominant Feature of Russian Culture"]. *Uchenyi sovet*, no. 2, 2019, p. 53–61. Available at: https://panor.ru/articles/etnokulturnyy-dialog-kak-dominanta-rossiyskoy-kultury/1781.html# (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

9 Konkova, M.S. "Leksikograficheskii analiz leksemy 'traditsiia' v tolkovykh slovariakh" ["Lexicographic Analysis of the Lexeme 'Tradition' in Explanatory Dictionaries"]. *Academy*, no. 1 (28), 2018, p. 66–69. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskiy-analiz-leksemy-traditsiya-v-tolkovyh-slovaryah (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

10 Levi-Stros, K. *Uznavat' drugikh. Antropologiia i problemy sovremennosti = Antropologiia i problemy sovremennosti* [*Recognizing Others. Anthropology and Problems of Modernity = Anthropology and Problems of Modernity*]. Moscow, Tekst Publ., 2016. 157 p. (In Russ.)

11 Mamedova, N.M. "Rossiiskaia identichnost': sotsiokul'turnyi kontekst" ["Russian Identity: Socio-cultural Context"]. *Vek globalizatsii*, no. 1 (53), 2025, pp. 167–177. Available at: https://www.socionauki.ru/journal/articles/3896095/?ysclid=mek7hxf6n0492454974 (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

12 Panchenko, A.B. "Etnogeneticheskaia problematika v otechestvennoi nauke o narodakh kontsa XIX – nachala XX v" ["*Ethnogenetic Issues in Domestic Science about Peoples of the late 19th – Early 20th Centuries"*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 352, 2011, pp. 94–97. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/etnogeneticheskaya-problematika-v-otechestvennoy-nauke-o-narodah-kontsa-xix-nachala-xx-v (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

13 Repina, A.V. "Semantika i sootnoshenie poniatii tsennosti i stoimosti v kontekste marketingovykh issledovanii" ["Semantics and Relationship of the Concepts of Value and Cost in the Context of Marketing Research"]. *PSE*, no. 3, 2012, p. 189–192. Available at: https://m-economy.ru/art.php?nArtId=4204 https://m-economy.ru/art.php?nArtId=4204 (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

14 Rostovskaia, T.K., Rostovskaia, N.A., Kaliev, T.B "Etimologicheskoe osnovanie kategorii 'Tsennost'" ["Etymological Basis of the Category 'Value'"]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 2–3, 2018, p. 5–12. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/etimologicheskoe-osnovanie-kategorii-tsennost (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

15 Perevezentsev, S.V., Selezneva, A.V., editors. *Russkie tsennosti: Traditsionnye smysly i ikh otrazhenie v soznanii sovremennoi molodezhi:* Kollektivnaia monografiia [*Russian Values: Traditional Meanings and their Reflection in the Consciousness of Mod-*

ern Youth: Collective monograph], authors: S.V. Perevezentsev and other. Moscow, Kvadriga Publ., 2024. 720 p. (In Russ.)

16 Solovev, V.S. *Natsional'nyi vopros v Rossii* [*The National Question in Russia*]. Moscow, Iurait Publ., 2025. 337 p. (In Russ.)

17 Speranskaia, N.I., Iatsevich, O.E. "Dialog — diskurs: semantika kontenta" ["Dialogue — Topics: Semantics of Content"]. *Vysshee obrazovanie segodnia*, no. 7, 2016, pp. 50–52. (In Russ.)

18 Stepin, V.S. *Tsivilizatsiia i kul'tura* [*Civilization and Culture*] St. Petersburg, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 2011. 408 p. (In Russ.)

19 Sukhanov, I.V. *Obychai, traditsii i preemstvennost' pokolenii* [*Common Sense, Traditions and Generational Preeminence*]. Moscow, Politizdat Publ., 2017. 216 p. (In Russ.)

20 Tregulova, N.P. "Stanovlenie definitsii 'Traditsiia': integrativnyi podkhod" ["*Formulation of the Definitions of 'Traditions': an Integrated Approach"*]. *Dostizheniia nauki i obrazovaniia*, no. 3 (75), 2021, pp. 112–116. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-definitsii-traditsiya-integrativnyy-podhod (Accessed 24 June 2025). (In Russ.)

21 Frank, S.L. *Real'nost' i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiia* [*Reality and Man. Metaphysics of Humanity*]. Moscow, AST: Khranitel' Publ., 2007. 383 p. (In Russ.)

22 Khomiakov, A.S. *Russkii vzgliad na vsemirnuiu istoriiu* [*Russian Perspective on the Universal History*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2024. 449 p. (In Russ.)

23 Shatskii, E. *Utopiia i traditsiia* [*Utopia and Tradition*]. Moscow, Progress Publ., 1990. 456 p. (In Russ.)

24 Shnirel'man, V. *Ariiskii mif v sovremennom mire* [*The Aryan Myth in the Modern World*], vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 530 p. (In Russ.)

25 Shchipkov, V.A. "Traditsiia i sovremennost': preodolenie sovremennosti kak preodolenie kontsa vremen" ["Traditions and Modernity: Transformation of Modernity as the Transformation of the Context of Time"]. *Traditsionalizm v epokhu revoliutsii: Kul'turnaia politika i tsivilizatsionnyi vybor: Kollektivnaia monografiia po materialam XIV mezhdunarodnykh Panarinskikh chtenii* [*In the Birth of Tradition in the Era of Revolution: Cultural Politics and Civilization Selection:* Collective Monograph Based on the Materials of the 14th International Pan-Tatar Readings], ex. ed.: V.N. Rastorguev; acad. ed.: A.N. Nikandrov. Moscow, Institut Naslediia Publ., 2017, pp. 90–98. (In Russ.)

26 Bulueva, S., Makarov, I., Byrylova, E. "The influence of psychological separation on the development of value-sense sphere of adolescents". *SHS Web of Conferences*, vol. 195, 2024, 06003. https://doi.org/10.1051/shsconf/202419506003. (In English)

27 Kotkin, S., Wolf, David. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East.* Armonk, New York, M.E. Sharpe Publ., 11995. 412 p. (In English)

28 Pipes, Richard. *Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History.* London, Routledge Publ., 1989. 240 p. (In English)

29 Tismăneanu, Vladimir. *Political Culture and Civil Society in Russia and the New States of Eurasia.* Armonk, New York, M.E. Sharpe Publ., 1995. 384 p. (In English)

30 Government of the Russian Federation. On the Strategy of State Cultural Policy for the Period until 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 2501-r dated September 11, 2024. Moscow; 2024. Available from: https://www.garant.ru/prod-

ucts/ipo/prime/doc/410284259/ (Accessed 27 June 2025). (In Russ.)
31 Sementsov V. Introduction. In: Glagol': Root Dictionary-Reference from A to Z. Vol. 2. Yaroslavl: Fakel; 2024. p. 3. (In Russ.)
32 Sementsov V. Tradition. In: Glagol': Root Dictionary-Reference from A to Z. Vol. 2. Yaroslavl: Fakel; 2024. p. 448–51. (In Russ.)
33 Sementsov V. Price. In: Glagol': Root Dictionary-Reference from A to Z. Vol. 2. Yaroslavl: Fakel; 2024. p. 481. (In Russ.)
34 President of the Russian Federation. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022. Moscow; 2022. Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (Accessed 27 June 2025). (In Russ.)
35 President of the Russian Federation. On Approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education: Decree of the President of the Russian Federation No. 314 dated May 8, 2024. Moscow; 2024. Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (Accessed 27 June 2025). (In Russ.)
36 President of the Russian Federation. On Approval of the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad: Decree of the President of the Russian Federation No. 611 dated September 5, 2022. Moscow; 2022. Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280(Accessed 27 June 2025). (In Russ.)
37 XVII Extraordinary Congress of the Union of Writers of Russia [Internet]. Kremlin.ru; 2024 Available at: http://www.kremlin.ru/events/administration/76370(Accessed 27 June 2025). (In Russ.)
38 Tradition Online Etymology Dictionary; Available at: https://www.etymonline.com/search?q=tradition(Accessed 27 June 2025). (In English.
39 Value Online Etymology Dictionary; Available at: https://www.etymonline.com/search?q=value(Accessed 24 June 2025). (In English).

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-103-118
УДК 811.161.1+81'282
ББК 81
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Л.В. Недоступова
г. Воронеж, Россия

ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В работе представлен обряд семейного цикла деревенских жителей. Целью исследования выступает изучение своеобразных элементов свадебной традиции середины XX в. на материале диалектного дискурса села Бродового Аннинского района Воронежской области. В процессе подготовки научного сочинения применены методы: интервьюирования, наблюдения, описания и обобщения. Новизна работы состоит в воссоздании составляющих своеобразного сценария брачного комплекса, включающего девять логично структурированных элементов и являющегося частью диалектной картины мира. Результатом исследования стало определение оригинальных особенностей бродовской свадьбы и лексики, ее отображаемой (литературной, диалектной, просторечной, разговорной и устаревшей). Она репрезентирует деревенский обычай прошлого. Сделан вывод о том, что своеобразие сакрального церемониала, зарегистрированного на севере Центрально-Черноземного района, заключается в способе организации и проведении обряда: собственными усилиями представителей кровного родства и по сценарию большого домашнего культурного мероприятия открытого типа с участием других селян. Главными организаторами свадьбы выступали люди старшего поколения. Отмечено, что традиция являлась частью духовного наследия каждой семьи, родового коллектива, демонстрировала многогранность свадебного ритуала, с одной стороны, и отсутствие роскоши, простоту, с другой. В XXI в. она трансформировалась. Практическая ценность исследования заключается в том, что имеющиеся в вузах столицы Черноземья данные по лингвокраеведению обогащаются новыми сведениями и могут использоваться школьниками и студентами в рамках проведения мероприятий к 300-летию Воронежской губернии и к 225-летию со Дня рождения В.И. Даля. Материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: традиция, диалектный дискурс, своеобразие, свадебный ритуал, народное гулянье, сакральная лексика

Информация об авторе: Любовь Виниаминовна Недоступова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, Московский пр., д. 14, 394026 г. Воронеж, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1978-4725
E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Дата поступления статьи: 06.10.2025
Дата одобрения рецензентами: 12.05.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Недоступова Л.В.* Обрядовая традиция в диалектном дискурсе Воронежской области // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 103–118. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-103-118

1. Постановка проблемы

Традиционная культура — это своеобразный фундамент общества, его духовная ценность, сохраняющая мировидение людей и выполняющая функцию преемственности. Она транслирует связь с прошлым, отражает правила и устои определенного коллектива и репрезентируется в речи носителей языка. Особое место в традиции принадлежит ритуалам семейного цикла.

Отметим, «государственная политика семьи и брака в Российской Федерации — это ценностная система, включающая в себя принципы, задачи, приоритетные меры, призванные поддержать, укреплять, защищать семью и брак как фундаментальные основы российского общества. <…> Она направлена на обеспечение сохранности семейных традиций и ценностей» [21].

Создание семьи, как известно, обычно начиналось с заключения брака. По устоявшимся нормам середины прошлого столетия свадьба считалась обрядом образования семейного союза. Супружество воплощало благополучие в жизни, в воспитании детей и ведении хозяйства. Традиционные отношения, построенные на взаимоуважении и взаимопомощи, включая детско-родительские связи, укрепляли сложившуюся систему ценностей. В культуре сельского человека этому отводилась существенная роль. Она нашла отображение в диалектном дискурсе.

По мнению Н.И. Толстого, «носители славянских территориальных диалектов хранят еще огромные, во многом неизвестные науке богатства <…>. Еще не поздно заняться систематической фиксацией этих богатств» [17, с. 39]. Действительно, недостаточная изученность некоторых граней народной культуры и свидетельства о сокращении диалектоносителей диктуют необходимость исследовать аспекты, которые в настоящее время подверглись изменениям.

Мы сохраняем интерес к традиции прошлого и в данной работе обращаемся к ритуалу поселения, расположенного на юго-востоке от столицы Черноземья. Официальные источники свидетельствуют, что «старинное русское село Бродовое расположено в северной части Воронежской области, в лесостепной зоне, в пределах Окско-Донской равнины на левом берегу реки Битюга. <…> Бродовое впервые отмечено на карте и в описаниях в 1780 году. Документ гласит: “Село, что прежде был поселок Луховское, Бродовое тож…”. Вероятно, что основано оно было крестьянами из села Луховцы Московского уезда. Прижилось второе, местное название по месту переправы (брода) через реку Битюг. В том же 1780 году зафиксировано существование церкви Покрова Пресвятой Богородицы. В 1813 году появилось новое здание церкви. По сведениям 1782 года в селе насчитывалось 364 дворцовых крестьянина. Перед отменой крепостного права, в 1859 году, во владельческом селе Бродовое, которое административно относилось ко II стану Бобровского уезда было 2238 жителей в 260 дворах. Помимо православной церкви здесь располагались старообрядческий молитвенный дом и базар. Владельцами крепостных душ и окрестных земель были братья Станкевичи. <…> В 1900 году в селе насчитывалось 449 дворов (2839 жителей). На террито-

рии села работали: просорушка братьев Махаловых, маслобойки, водяная, ветряные и паровые мельницы, а в домовладениях были открыты кустарные производства шуб, шапок, валенок, сапог, саней, телег, сбруи, выполнялись кузнечные работы. Благодаря местоположению, Бродовое выделялось своими ярмарками.

До административно-территориальной реформы 1923–1929 годов <…> село Бродовое входило в состав Новокурлакской волости Бобровского уезда Воронежской губернии. С образованием в 1928 году Аннинского района населенные пункты Новокурлакской волости вошли в состав Аннинского района Центрально-Черноземной (позднее Воронежской) области» [26].

Сегодня «Бродовое — это современное село с хорошо развитой инфраструктурой. Въезжая в село со стороны райцентра Анна, перед глазами встает красивое, стилизованное под старину, здание кафе "Мирошник". В центре села расположены правление АО "Заря", дом культуры, столовая, детский сад, школа. Действуют отделения почты и сбербанка, медицинский пункт, библиотека <…>, три магазина товаров повседневного спроса» [26].

Заметим, «на 1 сентября 2025 года численность населения села Бродовое составляет 1203 человека» [24].

Мы зафиксировали интересные особенности организации и проведения одного из самых веселых событий в жизни деревенской семьи середины XX столетия и представляем результаты в данном исследовании, актуальность которого определяется интересом к традиционной культуре родного края и необходимостью изучения ее региональной специфики.

Целью данной работы выступает изучение своеобразных элементов свадебной традиции середины XX в. на материале диалектного дискурса села Бродового Аннинского района Воронежской области.

Не отраженные в лингвистических исследованиях особенности, воссоздающие семейный обычай небольшого сельского коллектива, стали объектом статьи. Предметом исследования являются оригинальные особенности свадебного ритуала.

Языковым материалом настоящего научного сочинения стала живая речь бродовчан старшей возрастной группы, зафиксированная в ходе непосредственного общения в 2024 г.

2. Методы

Важно отметить, что «брак формировал семью — первичный социально-экономический коллектив <…>. Она обеспечивала преемственность поколений и непрерывность функционирования семейного хозяйства» [8, с. 21].

Обратим внимание, что специфике организации, описанию составляющих свадебного ритуала и отражающей его лексики посвящены работы многих исследователей: Д.М. Балашова, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыковой [1], Н.В. Зорина [8], Е.Л. Березович [3], О.В. Никифоровой [15], С.А. Филонович [18], Е.А. Богдановой [5], Е.Л. Мадлевской [12], В.С. Бузина [6], О.Ю. Титовой [16], М.А. Бобковой [4] и др.

Ученые свидетельствуют о том, что «свадебная обрядность прошла сложный путь развития, меняясь вместе с изменением общественных отношений. Однако обрядовые институты <…> обладают высокой степенью консервативности, в силу чего в составе обрядового комплекса сохраняются многие пережиточные явления» [8, с. 3]; «ритуал как часть традиционной культуры является средством фиксации, сохранения и трансляции многовекового опыта народа, его коллективной памяти и фундаменталь-

ных ценностей, изучение обрядовой терминологии позволяет реконструировать культурные праформы и приблизиться к пониманию картины мира носителей диалекта» [5, с. 25]. Известно, что «русская народная свадьба чрезвычайно многолика и образует по местам свои локальные варианты» [1, с. 5]. Не случайно «в рассказах информантов нередко отмечается характер изменений в современной свадьбе и сохранение в ней традиционных элементов до настоящего времени» [12, с. 228]. Исследовательская деятельность помогает определить местные черты ритуала.

В процессе подготовки работы по свадебному обряду использованы методы: интервьюирования, наблюдения, описания и обобщения.

В рамках настоящей статьи мы репрезентируем элементы прежней бродовской традиции, зафиксированные в ходе бесед с носителями диалекта.

3. Обсуждение результатов и дискуссия

Известно, что в обряде отражены различные ценности, основанные на опыте предшествующих поколений. У носителей диалекта, безусловно, наблюдается свое проявление культуры. Она является частью особой картины мира. По сути, «диалектный дискурс рассматривается <…> как сфера обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоций и оценок, а диалект — как инструмент повседневных интерпретаций» [9, с. 3].

Важно отметить, что «языковая картина, объективируемая говором, — это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира традиционной культуры» [2, с. 132].

В социокультурном пространстве деревни особое место принадлежало семейным ценностям, они закладывались и формировались с детства, далее передаваясь из поколения в поколение, выступая базисной составляющей жизни человека.

Трансляция общепринятых норм посредством речи представителей старшего возраста позволяет исследователю погрузиться в прошлое, воссоздать мероприятия ритуального цикла.

Свадебная тема — одна из центральных у сельского человека. Вступление в брак жителей Бродового фиксировалось свадьбой. Именно о ней люди вспоминают с особой радостью и сохраняют впечатления на всю жизнь.

Акцентируем внимание на праздничном церемониале и значимости его событий для деревенской семьи.

Интересно, что в XXI в. с существительным «свадьба» чаще всего используют глагол «проводят», однако так было не всегда.

По наблюдениям за ритуалом бракосочетания в названном сельском поселении, в середине XX столетия для обозначения этого действия жители употребляли глаголы «*игра́ли, гуля́ли*»: *Сва́дьбы игра́ли, гуля́ли ве́сила*. Укажем, что в Малом академическом словаре находим словосочетание «играть свадьбу», оно приводится с пометой просторечное в значении «справлять свадьбу» (МАС [29]). Выражение «гулять свадьбу» не отражено, очевидно, оно носит локальный характер.

Укажем, что в христианской традиции свадьбы не играли в пост. О нем бродовчане говорят: *Пасты́ блюли́, ни игра́ли пасто́м. О́синий и вясно́й, по́сли убо́рашнай и пасявно́й.*

Известно, что *пост* — «это предписываемое церковными правилами воздержание от скоромной пищи, а также период такого воздержания» (МАС [28]).

Лексема «блюли́» в диалектной коммуникации используется в значении «соблюдали». Отметим, что «термин «блюсти» является устаревшим словом, которое в современном русском языке находит ограниченное применение. Оно происходит от древнегреческого слова, означающего «охранять» или «соблюдать». Основное значение термина заключается в действиях, связанных с поддержанием, защитой или соблюдением каких-либо норм, правил, традиций или жизненных установок» [20].

По свидетельству бродовчан, брачные обряды осуществлялись многолюдно, шумно, забавно: *Ве́сила игра́ли. Гуля́ли фсей дире́вний. Сва́дьбы вяселайи бы́ли.*

Сваты́. Закономерным началом церемониала был ритуал, именуемый «сваты». По традиции, 3 человека: биологические родители и духовная родительница — являлись в дом девушки. Они получали согласие или отказ путем переговоров. Если ответ был положительным, то следовало получение благословения на создание союза: *Снача́ла бува́ют сваты́. Пайду́ть к ниве́сьти мать с атцо́м па́рня и кресна мать. Ани́ прихо́дють сва́тать. Там спро́сють сагла́сию у де́вушки, и у ради́тилеф то́жа. Пасва́тають, згаваря́тца. И ана́ палу́ча благаславе́нью.*

Известно, что лексическая единица «*сваты*» — это родители невесты и жениха по отношению к друг другу. <…> Сватами были не только родители молодых, но и доверенные лица жениха, которым он поручил провести переговоры с родителями невесты о возможной свадьбе» [25]. По нашим наблюдениям, в Бродовом лексическая единица «сваты» еще обозначала начальный этап досвадебных мероприятий.

Сва́тать — «просить согласия на брак с собой (у женщины или у ее родных)» (МАС [28]), однако в описываемом обряде согласие получали родители жениха.

Запой. Важным сакральным элементом обрядового ритуала считался запой: *Пато́м запо́й де́лають. Запо́й — эт сабяра́ютца и кресны фсе, и свайи́ ро́дныйи, са́мыйи бли́скийи. Эт вро́ди йих запи́ли. Выпива́ють, как жа! Са свяклы́ там наде́лають. Де́лали са́ми самаго́нку са свяклы́, с са́харнай. Карто́хи нава́рють, капу́ста саленая, памидо́ры с каду́шки. Паю́ть, ядя́ть, ра́дваютца*.

Отметим, что лексическая единица «*запо́й*» в словаре В.И. Даля представлена в толковании «пропой, заручины; пирушка между своими, запивают просватанную невесту» (СД [22]). В Словаре воронежских говоров: «пирушка после сватовства» с указанием распространения в Аннинском, Бобровском, Богучарском, Борисоглебском, Воробьевском, Грибановском, Каширском, Лискинском, Новоусманском, Острогожском, Павловском, Рамонском, Репьевском, Семилукском, Таловском и Хохольском районах (СВГ [27, с. 243–244]), что подтверждает и наше исследование.

Лексема «*запи́ть*» в используемых нами толковых словарях отображена в иных значениях, что дает право отнести ее к семантическим диалектизмам, имеющим локальный характер.

Одежда, головной убор и обувь невесты и жениха. Образы брачующихся должны были стать главными в красивой картине создания семьи середины прошлого века. В лучшие для того времени наряды одевались молодожены.

Из речевых произведений респондентов видно, что *на пе́рвай день у ниве́сьти бе́лая пла́тья, как фсяда́ бы́ла. Эт ана́ с утра́. Фата́ была́ така́я: са́ми де́лали иль бра́ли напрака́т у каго́-ньть, хто пабага́чи. Хто фату́ зде́лая с ма́рли, пуши́стаю, нидли́ннаю. Вяно́к — как абадо́чик. Цвяты́ на вянке́ краси́вайи, васкавы́я. Накру́чвали во́лсы: гвазьдем. Ку́дри накру́чвали гвазьдем гаря́чим. Тада́ кла́ли, нака́львали на плите́ и прям накру́чвали. Ниве́ста паве́рнитца — ани́ свиса́ють прям. Кудря́вайи были. На́ наги — ту́хли абува́ли ани́.*

По свидетельству диалектоносителей, белое платье и в середине XX столетия было главной составляющей наряда невесты.

Как известно, «*белый* — символ чистоты, мира и совершенства. Неудивительно, что в день свадьбы невесты предпочитают надевать белое» [30]. Однако не всегда и не везде в обрядовой практике наряд невесты был белым.

Лексическая единица «*фата*» имеет толкование: «легкое покрывало из тюля или кружева, служащее свадебным головным убором невесты» (МАС [28]). Однако в Бродовом в тот период времени она делалась из марли.

По существовавшей традиции, в селе *мужукú в рубáхи пат шéю наряжáлись, сбóку пýгвицы на ней. И штоп вышúтаи бы́ли. И штáны на них.*

По свидетельству респондентов, одежда брачующихся отличалась скромностью ввиду небольших доходов сельских жителей.

Далее нужно сказать об элементе обычая, в котором важная роль отводилась брачующемуся.

Выкуп. В день свадьбы, по воспоминаниям бродовчан, происходил так называемый вы́куп. Обратимся к данным толкового словаря русского языка. В нем находим значение лексемы «*вы́куп*»: «1. Действие по знач. глаг. выкупить — выкупáть. 2. Плата, деньги, которыми выкупают» (МАС [28]).

Согласно деревенским устоям, выкуп происходил в доме невесты. Особенность веселого обряда, как оказалось, состояла в неожиданных для жениха моментах, к которым он заранее не был готов.

Устраивались своеобразные действа, предназначенные для новобрачного: *Выкупáють на свáдьби. Выкупáли нивéсту с шýткай. Пашýтють, пашýтють. Старýху наряджють нивéстай. Закрывáли лицó. Эт кадá жанихá падвóдють за нявéстай. Он аш испужáйитца. Смиóтца и фсе. Вы́куп — и вы́пить, и какúя мош канхвéты. Ни дяньгáми, ниче дóжа ни былó. Никакúх дéних нé была.*

Укажем, что лексема «*канхвéты*» является фонематическим диалектизмом, поскольку отличается от литературного варианта «конфеты». Это языковое явление характерно для южнорусских говоров.

Любопытно, что «в большинстве случаев свадебные ритуалы отдельных населенных пунктов включали 3-5 выкупов. Наибольшее значение среди них имели выкупы, направленные на устранение противодействия со стороны людей, связанных с невестой родственными, половозрастными и территориальными связями, на разрушение этих связей и на обретение женихом прав на невесту» [8, с. 82–83]; «выкуп невесты женихова стороной мог называться также «выкупом косы», «выкупом красоты», «отдачей» [12, с. 264] и др.

Основываясь на наблюдениях, отметим: плата за невесту в Бродовом в тот период времени носила символический характер и не производилась в денежном выражении.

Роспись в Совете. Как правило, торжественность ритуалу придавало официальное заключение брака. Функцию органа ЗАГС выполнял сельский совет, там и производилась регистрация молодоженов. Конкретизируем: *Распúсвалися в Савéти. Тудá шли рóдные паглидéть. Спрóсють при фсех сагласúю, папрóсють расписáтца. Пяшкóм пайдýть и так жа вернутца.*

Местом празднества по существующей традиции являлись дома брачующихся: *Пéрвай день у нивéсьти гуля́ли, фтарóй — у жанихá. Как бы́ла вéсила!*

Продемонстрируем сельскую обрядовую трапезу.

Свадебное застолье. Сервировка стола в Бродовом была небогатой.

Ритуал приема пищи и напитков в период пиршества, зарегистрированный в диалектной коммуникации, выглядел следующим образом: *А пато́м начина́йитца засто́лье. Падава́ли на стол родны́йи-павари́хи, хто гато́вил. И лапша́, и ала́дики. Катле́т ни было́. Ку́рицу цилико́м на стол разло́мють на куски́. В ча́шки наклады́ть. Хлеб пяклі́. Памидо́ры с агурца́ми саленайи, я́блаки маченайи.*

Снача́ла падаю́ть пе́рвая блюда. Квас был с хре́нам, с халатцо́м. Он с куря́тинай. И с ры́бай ино́й рас был. Киселі́ вари́ли. В стака́ньчики бальши́я налива́ли самаго́н. Пиряпью́тца, ниче ня по́мнють. Хоть го́ладна, па-ны́нишниму, ну ве́сила. И лю́ди прихади́ли и глиде́ли на ниве́сту и жанихá.

Совершенно очевидно, что стол не был обильным. Застолье демонстрировало простоту трапезы: угощали преимущественно той едой и питьем, которые готовили из продуктов, имеющихся в домашнем хозяйстве сельского жителя.

Примечательно, что в процессе угощения происходило нечто вроде «смотрин» со стороны гостей. С одной стороны, они свидетельствовали об открытости действа, с другой — о важности церемониала для всех представителей социума: семьи и односельчан, поскольку раньше жили достаточно дружно.

Дары. Обязательным обрядовым элементом 1-го дня гулянья выступали дары — это время вручения свадебных подарков брачующимся. Поскольку финансы бродовчан были достаточно скромными, подарки молодоженам преподносили символические.

Процесс одаривания осуществлялся вечером и был недолгим: *Дари́лись бли́жи к но́чи, по́зним ве́чирам. Пало́жуть си́тиц клаково́й. Хто принисе́ каку́ю-ньть пасуденку. Иль пти́цу живу́ю принясу́ть. А тах–та де́них ни было́ асо́ба. Лю́ди вы́пьють, жаних с нивестай пацалу́ютца. И да́ли вися́лятца.*

Следует сделать акцент на особенностях подарков для молодоженов. Так, например, кусок ситца для невесты имел практическую ценность: из него можно было сшить летнее легкое платье или рубашку. Птица, как оказалось, предназначалась для обоих новобрачных и могла стать источником пищи в начале самостоятельной жизни. Кроме того, птица имела ритуальное значение, связанное с рождением детей. Об этом Е.А. Богданова пишет: «Поскольку в дальнейшем от невесты ожидают прежде всего рождения детей, в свадебных обрядах активно используется ку́рица как символ материнства, плодовитости, женского начала» [5, с. 200].

2-й день свадьбы. По свидетельству респондентов, как уже отмечалось, саму свадьбу гуляли в течение 2-х дней. Празднество сопровождалось игрой на гармошке: *А на фтаро́й день ат ниве́сьти и́дуть. Ско́лькя людей мно́га, з гармо́шкай двигалися па силу́. Висе́лия така́я, гармо́нь ривет ни пирстава́я. И ни гляди́, на стале́ бе́дна.*

Очевидно, что многолюдность демонстрировала широту, размах мероприятия, с одной стороны, и естественность сельских жителей, веселившихся от души, с другой.

Ряженье. Эффект 2-го дня свадьбы впечатлял поведением участников церемониала и реакцией на действия с невестой. Носители диалекта свидетельствуют: *Пе́рвай день адгуля́ють, на фтаро́й — ря́женья. Начина́ють наряжа́тца ря́жныи на друго́й день. Хто на че гара́зд. Сме́ху, го́готу. Шум, гам. Чисту́шки, пе́сни. Вяселайи сва́дьбы бы́ли, асо́ба кадá иска́ть ниве́сту ста́нуть.* Разумеется, разыгрывание порождает театральность, когда гости и родные молодоженов перевоплощаются в смешные образы.

Своеобразие переодевания, на наш взгляд, заключается в том, что каждый участвующий в свадебном церемониале мог своей внешностью (одеждой, обувью, головными уборами или отдельными аксессуарами) и поведением создать образ, воплощающий придуманные качества, которыми он себя наделил на определенный период времени, имитируя кого-то.

По мнению исследователей, «человеческое поведение (в том числе речевое) регулируется на основании специфики конкретного типа культуры, определяемой ее положением в культурной иерархии, характером влияния иных культур» [7, с. 38]; «карнавальное поведение отменяет нормы этикета и пристойности, которые действуют в повседневной, непраздничной реальности. <…> Карнавал не созерцают, — в нем живут» [11, с. 104].

Известно, что устаревшая лексема «*ря́женый*» означает: «одетый, переодетый таким образом, чтобы изображать кого-либо, ради шутки» (МАС [29]). *Ря́женье, ря́жение* — это «обрядовое перевоплощение внешнего облика человека с помощью масок, одежды и других атрибутов»[1].

Прятка и поиски невесты. Развлекательные этапы свадебного обычая, главная роль в которых принадлежала новобрачной, свидетельствовали о сочетании в ритуале игровых моментов с участием в одном из них родственников жениха, во втором — родных невесты.

Определим значение слова «*прятка*». С пометой устаревшее в МАС оно толкуется как «скрытое, укромное место, в котором можно спрятаться или спрятать кого-, что-либо» (МАС [28]).

Репрезентируем интересную свадебную игру, отраженную в диалектном дискурсе: *Нявéсту пря́чуть, эт вот тут так. Харóнють так, шоб искáть дóлга. А дали и́шшуть нявéсту. Хто в чулáн пасáдя. А рас на чардáк над куря́тникам йиé спря́тали. Ат нявéсти шли, искáли. Ря́жные с гармóней. Лéтам жарá, анá там бéдная сидúть. Фсе абыскáлися, нéту нявéсьти. А мы видáли, как харани́ли. Жáлка стáла, анá там спáритца. Абыскáли — ни нашли́, где искáть? Лéсницу-т убрáли, фсе! Брáта рóднага нявéсьти, двайневага, нарядúли в фату́. А ани́ так пахóжайи, и сидúть ту́та. Паказáли сватáм, а сваты́ гваря́ть: «Эт ня нáша нявéста». А анá на чирдакé сидúть. Паглядéли, патóм йим сказáли — сня́ли нявéсту.*

Лексема «*чардáк*» соответствует литературному «чердак». В этом варианте она определена в значении «помещение между потолком и крышей» (МАС [28]).

Слово «*хорони́ть*» представлено с пометами: устаревшее и просторечное и означает: «укрывать кого-, что-л. от окружающих; прятать» (МАС [28]).

Обратим внимание на то, что обряд поиска невесты зафиксирован нами в поселке Высоком Таловского района Воронежской области [13, с. 67], однако чердак в качестве места временной маскировки, укрытия не использовался.

Катание в лукошке. Проиллюстрируем интересную процессию катания тещи по селу. Известно, что лошадь в деревне имелась в подворьях многих селян, именно на ней катали: *Вéсила игрáли фтарóй день: и на лашадя́х, и пяшкóм. Найду́ть мать нивéсти, на тялéшку пасáдють иé. Туды́ пасáдють тещу и вязу́ть па дирéвни. На тялéшки, с лукóшкам катáли. Лукóшка — как бóчка, тóлькя анá с хварастá здéлна, плитеная. Дарóх-та нé была. Гримúть, стучúть фсе, éдя. Смéху скóка, рáдасти. У ней типéря есть зять*.

Спектр разных положительных эмоций, как видим, испытывали и гости, и «хозяева ритуала». Удовольствие от увиденного получали все.

Подобный обряд имел место у русских переселенцев Республики Коми, назывался он «катание тещи (вар.: обеих сватий»). Исследователи указывают, что для его

[1] Ряженье // Рувики: Интернет-энциклопедия. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Ряженье (дата обращения: 01.09.2025).

осуществления «выбирали неподходящее для перевозки людей средство передвижения — корыто (предназначено для перевозки навоза), тачка (для перевозки дров), санки, тележка» [10, с. 81]. Мы зафиксировали похожий элемент ритуала в селе Воронцовка Павловского района Воронежской области, там в качестве извозчиков выступали крепкие молодые ряженые ребята [14, с. 39]. Однако катание в лукошке не обнаружено, что свидетельствует о необычности зрелища, его локальном характере.

Подытожим: в анализируемой обрядности шуточные действа второго дня свадьбы вызывали общий смех и сохранились в памяти бродовчан как наиболее запоминающиеся. С окончанием празднества молодожены получали новые социальные функции и статус в деревенском коллективе.

Любопытны послесвадебные реалии, отраженные в речи носителей языка. Они свидетельствуют о другом образе жизни девушки, вступившей в брак, и ее новой роли: *Нивéста типéря в дóми жанихá, в снóхи папáла. И там живýть бальшóй сямьей. Если бы́ла пять рибя́т, пажанúлись, и фсе привилú дамóй. И фсе живýть, и фсе рабóтали, и фсе па свайúм дялáм. Éсли дяфчáта аднú, то фсе ухóдють, а радúтили аднú астаю́тца. Снóхи живýть, йим распаряжена: камý гатóвить, хто рабóтая идé на какúх мястáх. Хляба́ убирáли, зярнó. В ту врéмю и на быкáх пахáли, и карóф запрягали. И так у фсех.*

Скорее всего, некий замкнутый характер жизни деревенского коллектива в середине прошлого века и тесное повседневное общение друг с другом демонстрируют единство сельских жителей. Оно проявляется, в том числе, в организации свадебного обычая и отображается в диалектном дискурсе бродовчан — представителей старшего поколения.

Как известно, свадебная традиция прошлого трансформируется, поскольку изменения в обществе становятся частью изменений в жизни человека. Деревенский уклад и сфера семейных отношений ранее предполагали строгое нормирование праздничного обряда.

В современных условиях семейные ценности обретают особое звучание, возрождаясь и открывая свои новые грани. Возвращается своеобразная в хорошем смысле этого слова мода на детей и большую семью. Сегодня приветствуется крепкие браки, традиционный институт семьи.

Государство запускает и финансирует многие национальные проекты и программы, в том числе для молодежи и студенчества. Проект-конкурс президентской платформы «Это у нас семейное» набирает огромное количество участников не только из России, но и из-за рубежа. Он транслирует крепкие отношения между представителями поколений внутри рода. Подобные мероприятия, по словам Т. Голиковой, «напоминают нам о силе преемственности, о важности корней и о том, что именно в семье закладываются основы патриотизма, трудолюбия и любви к своей Родине. Все это делает Россию единой и сильной» [19]. Популяризация таких соревнований-встреч позволяет, на наш взгляд, продвигать самое лучшее из исторического наследия.

4. Заключение

Таким образом, посредством возвращения в реалии середины прошлого века воссоздан сохранившийся в памяти жителей села Бродового обряд семейного цикла. Ритуал включает в себя совокупность связанных между собой действ. В сценарии брачного комплекса: *Сваты́. Запой. Выкуп. Роспись в Совете. Свадебное застолье. Дары. Ряженье. Прятка и поиски невесты. Катание в лукошке* и др. Представленная струк-

тура прежнего обычая отображает местные черты. Совместная организация родственниками таких мероприятий свидетельствовала о крепких связях нескольких поколений, а комплекс свадебных мероприятий репрезентировал их установки и мировоззрение, он носит локальный характер.

Лексика сакрального обряда представлена литературными, диалектными, просторечными, разговорными и устаревшими словами: *свадьба, играли, гуляли, жених, невеста, пост, блюли, сваты, сватать, благословенье, запой, запить, белое платье, кудри, фата, венок, цветы, туфли, рубаха, штаны, выкуп, Совет, согласие, застолье, дары, дарились, гармонь, гармошка, ряженый, ряженье, прятка, поиск, чердак, чулан, хоронить, катать, лошадь, теща, лукошко, хворост, сноха, зять* и др.

Своеобразие бродовской *свадьбы* середины XX в., воспроизведенной с помощью диалектного дискурса, заключается в том, что ее составляющие логично структурированы. Она организовывалась только собственными усилиями представителей кровного родства (семьи) и проводилась по сценарию большого домашнего культурного мероприятия открытого типа с включением в его участие других селян. Известно, что каждый деревенский житель имел возможность прийти и посмотреть на молодоженов — как на некое особое торжество в качестве «зрителя». Многолюдность доставляла определенную радость организаторам и хозяевам дома, этим принято было делиться с сельским коллективом. Однако свадьба не имела показного характера, как теперь, когда участники торжества «работают на камеру», а в качестве ведущих выступают своего рода профессионалы.

Значимость и роль народного гулянья переоценить, по свидетельству информантов, сложно. Оно являлось частью духовного наследия каждой семьи (преимущественно многодетной в тот период времени), родового коллектива, демонстрировало многогранность церемониала, с одной стороны, и отсутствие роскоши, простоту — с другой. Главными организаторами свадьбы в середине XX столетия, в отличие от свадьбы XXI в., выступали представители старшего поколения.

Сегодня интерес к свадебной обрядности прошлого, безусловно, возрастает, и молодое поколение пытается внести в свою свадьбу традиционные элементы прежней эпохи, чтобы разнообразить современный «ресторанно-кафешный» сценарий. Его организация и проведение далеки от прежней домашней обстановки и отличаются отсутствием народно-творческого аспекта, а также малолюдностью по числу участников ритуала. Современная свадьба носит заказной характер, требует больших финансовых затрат (поскольку за все услуги необходимо платить) и является преимущественно однодневным гуляньем.

Новизна работы состоит в воссоздании составляющих сценария деревенского брачного комплекса, включающего девять логично структурированных элементов и являющегося частью диалектной картины мира жителей севера Центрально-Черноземного района. А она, как известно, формируется в соответствии с ценностями определенного социального пространства различных регионов.

В заключение отметим: практическая ценность исследования состоит в том, что имеющиеся в вузах столицы Черноземья данные по лингвокраеведению обогащаются новыми сведениями и могут использоваться школьниками и студентами в рамках проведения мероприятий к 300-летию Воронежской губернии, к 225-летию со дня рождения этнографа и собирателя диалектного слова В.И. Даля.

Список литературы

Исследования

1 *Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба. М.: Современник, 1985. 402 с. URL: https://vk.com/wall-68741417_4070 (дата обращения: 01.09.2025).

2 *Банкова Т.Б., Калиткина Г.В.* Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. С. 128–143.

3 *Березович Е.Л.* Из севернорусской лексики свадебного обряда: этимолого-этнолингвистические заметки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. №6 (175). С. 60–68.

4 *Бобкова М.А.* Анализ свадебного обряда д. Акулово Подольского района Московской области в исполнении ансамбля «Истоки» // Современное социокультурное пространство России: вопросы теории и практики. Мат. Всерос. научн.-практич. конф. (с международным участием). Воронеж: РИТМ, 2025. С. 7–12. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82447348&pff=1 (дата обращения: 01.09.2025).

5 *Богданова Е.А.* Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. 314 с.

6 *Бузин В.С.* Обряд «вопрошания имени» русской свадебной традиции как реликт похищения невесты // Манускрипт. 2024. Т. 17, вып. 2. С. 92–98.

7 *Демешкина Т.А., Тубалова И.В.* Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54. https://doi.org/10.17223/19986645/50/3

8 *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. 248 с.

9 *Калиткина Г.В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 296 с.

10 *Крашенинникова Ю.А.* Судьба традиционной свадьбы в русских заводских поселениях Республики Коми (обзор экспедиционных материалов XXI в.) // Свадьба: традиции и современность. Мат. Всерос. научн. конф. памяти М.Г. Матлина «Свадьба: традиции и современность» (Ульяновск, 13 июня 2024 г.). Сб. ст. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. пед. ун-та им. И.Н. Ульянова, 2024. С. 66–89.

11 *Куприянова С.О.* Свадебная игра «таскание свекрови в баню» как перформанс // Свадьба: традиции и современность. Материалы Всероссийской научной конференции памяти М.Г. Матлина «Свадьба: традиции и современность» (Ульяновск, 13 июня 2024 г.). Сб. ст. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. пед. ун-та им. И.Н. Ульянова, 2024. С. 90–110.

12 *Мадлевская Е.Л.* Свадебная обрядность // Русская свадьба: в 2 т. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. Т. 1 / под ред. А.С. Каргина, сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. С. 227–304. URL: https://ethnomuseum.ru/files/PDF/Library/Russ_Yuzhny_Ural/madlevskaya2.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

13 *Недоступова Л.В.* Репрезентация свадебной традиции 60 гг. XX столетия в Воронежской области (этнолингвистический аспект) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 55–75. URL: https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-55-75 (дата обращения: 01.09.2025).

14 *Недоступова Л.В.* Свадьба по-воронцовски XX века в воронежском говоре // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. №4. С. 34–42. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82587892 (дата обращения: 01.09.2025).

15 *Никифорова О.В.* Наименования свадебных выкупов за невесту в нижегородских говорах // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2018. Т. 6, №2 (12). С. 173−186. https://doi.org/10.29252/iarll.12.173

16 *Титова О.Ю.* Семантика дарообмена в южнорусской свадебной обрядности // Метафизика патриотизма: воспитание духа и формирование гражданина. Мат. Всерос. научн.-практич. конф. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. лесотехнический ун-т им. Г.Ф. Морозова, 2025. С. 137−141. https://doi.org/10.58168/MPFSSC2025_137-141

17 *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

18 *Филонович С.А.* Традиционный свадебный обряд украинских сел Алексеевского района Белгородской области // Народная музыка как средство межкультурной коммуникации славянских народов в современном мире. Сб. докладов междунар. симпозиума. 2018. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ин-та искусств и культуры, 2019. С. 129−135.

Источники

19 Более 700 тыс. россиян стали участниками конкурса «Это у нас семейное» // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/aMf6jdPKJCJq-cAO (дата обращения: 01.09.2025).

20 Генеалогический словарь. Блюсти — значение термина, его использование и роль в историческом контексте // Генеалогическое древо онлайн и семейные истории — сервис Famiry. URL: https://famiry.ru/database/glossary/bliusti (дата обращения: 01.09.2025).

21 Государственная политика в сфере семьи и брака // Автор24. URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/gosudarstvennaya_politika_v_sfere_semi_i_braka/ (дата обращения: 01.09.2025).

22 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка // Сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки — ВОУНБ. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/dal/00/937.htm#:~:text (дата обращения: 01.09.2025).

23 Большой толковый словарь русского языка: А–Я / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. URL: https://gramota.ru/poisk?query=обряд&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 01.09.2025).

24 Население села Бродовое Аннинского района Воронежской области // Зарплаты в мире 2026: обзоры и сравнение по странам — RGEX. URL: https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-blast/n/anninskiy/brodovoe/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.09.2025).

25 Родственники на Руси: Как кого называли, и кто был главным в доме // Культурология.РФ. URL: https://kulturologia.ru/blogs/151020/47861/ (дата обращения: 01.09.2025).

26 Село Бродовое Аннинского района // Универсальная интернет-энциклопедия «Прибитюжье» с новостным разделом «Онлайн Анна-Панино-Эртиль». URL: http://online-anna.ru/anna10/selo-brodovoe.php (дата обращения: 01.09.2025).

27 Словарь воронежских говоров. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2019. Вып. 3: З-Й. 501 с.

28 Словарь русского языка: в 4т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma411006.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 01.09.2025).

29 Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935−1940) // Фундаментальная электронная библиотека. URL: https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (дата обращения: 01.09.2025).

30 Что означает белый цвет в свадебном платье? Значение символа и знака // Астро-Меридиан — тайны и знаки судьбы. URL: https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-white-symbolize-in-a-wedding-dress.html (дата обращения: 01.09.2025).

Список сокращений

БТС — Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова.
МАС — Словарь русского языка.
СД — Толковый словарь живого великорусского языка.
СРНГ — Словарь русских народных говоров.
СУ — Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова.
СВ — Словарь воронежских говоров.

***

© 2026. Lubov V. Nedostupova
Voronezh, Russia

RITUAL TRADITION IN THE DIALECTIC DISCOURSE OF THE VORONEZH REGION

Abstract: This paper addresses a family cycle ritual of the villagers. The aim of the study is to examine the distinctive elements of a mid-20th-century wedding tradition using dialectal discourse from the village of Brodovoye, Anninsky District, Voronezh Region. The following methods were used in the preparation of the research paper: interviewing, observation, description, and generalization. The novelty of this work lies in its reconstruction of the components of a unique wedding scenario, comprising nine logically structured elements and forming part of a dialectal worldview. The study identified the distinctive features of the Brodovoye wedding and the vocabulary it reflects (literary, dialectal, vernacular, colloquial, and obsolete). It represents a village custom of the past. It is concluded that the distinctiveness of the sacred ceremony recorded in the northern Central Black Earth Region lies in the way the ceremony was organized and conducted: through the personal efforts of blood relatives and according to the scenario of a large, open-air, home-based cultural event attended by other villagers. The main organizers of the wedding were members of the older generation. It is noted that this tradition was part of the spiritual heritage of each family and clan, demonstrating the multifaceted nature of the wedding ritual, on the one hand, and its simplicity and lack of luxury, on the other. In the 21st century, this tradition has undergone a transformation. The practical value of the study is due to the fact that the existing data on local linguistics at the universities of the capital of the Black Earth

Region are being enriched with new information and can be used by schoolchildren and students in events commemorating the 300th anniversary of the Voronezh Governorate and the 225th anniversary of V.I. Dahl's birth. This material is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: tradition, dialectal discourse, originality, wedding ritual, folk festival, sacred vocabulary

Information about the author: Lubov V. Nedostupova — PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor, The Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Moskovsky Ave., 14, 394026 Voronezh, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1978-4725
E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Received: October 06, 2025
Approved after reviewing: May 12, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Nedostupova, L.V. "Ritual Tradition in the Dialectic Discourse of the Voronezh Region." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp.103–118. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-103-118

References

1 Balashov, D.M., Marchenko, Iu.I., Kalmykova, N.I. *Russkaia svadba* [*Russian Wedding*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985. 402 p. Available at: https://vk.com/wall-68741417_4070 (Accessed 01 September 2025). (In Russ.)

2 Bankova, T.B., Kalitkina, G.V. "Leksikograficheskoe opisanie obriadovogo slova. K postanovke problem" ["Lexicographic Description of Ritual Words. Toward a Problem Statement"]. *Aktualnye problemy rusistiki: sbornik statei* [*Actual Issues of Russian Studies: Collected Papers*].Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000, pp. 128−143. (In Russ.)

3 Berezovich, E.L. "Iz severnorusskoi leksiki svadebnogo obriada: etimologo-etnolingvisticheskie zametki" ["From the Northern Russian Lexicon of the Wedding Ceremony: Etymological and Ethnolinguistic Notes"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (175), 2018, pp. 60−68. (In Russ.)

4 Bobkova, M.A. "Analiz svadebnogo obriada d. Akulovo Podolskogo raiona Moskovskoi oblasti v ispolnenii ansamblia 'Istoki'" ["Analysis of the Wedding Ceremony of the Village of Akulovo, Podolsk District, Moscow Region, Performed by the Ensemble 'Istoki'"]. *Sovremennoe sotsiokulturnoe prostranstvo Rossii: voprosy teorii i praktiki.* Materialy vserosiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [*The Modern Socio-cultural Space of Russia: Theoretical and Practical Issues.* Proceeding of All-Russian Scientific-practical Conference (with International Participation)]. Voronezh, RITM Publ., 2025, pp. 7−12. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=82447348&pff=1 (Accessed 01 September 2025). (In Russ.)

5 Bogdanova, E.A. *Leksika svadebnogo obriada v voronezhskikh govorakh:* monografiia [*Vocabulary of the Wedding Ceremony in Voronezh Dialects*: Monograph]. Voronezh, NAUKA-IuNIPRESS, 2019. 314 p. (In Russ.)

6 Buzin, V.S. "Obriad 'voproshaniia imeni' russkoi svadebnoi traditsii kak relikt pokhishcheniia nevesty" ["The Rite of 'Asking the Name' in the Russian Wedding Tradi-

tion as a Relic of Bride Kidnapping"]. *Manuskript*, vol. 17, iss. 2, 2024, pp. 92−98. (In Russ.)

7 Demeshkina, T.A., Tubalova, I.V. "Dialektnyi diskurs kak sfera realizatsii natsionalnoi kultury: konstanty i transformatsii" ["Dialectal Discourse as a Sphere of National Culture Implementation: Constants and Transformations"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, no. 50, 2017, pp. 36−54. https://doi.org/10.17223/19986645/50/3 (In Russ.)

8 Zorin, N.V. *Russkii svadebnyi ritual* [*Russian Wedding Ritual*]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 248 p. (In Russ.)

9 Kalitkina, G.V. *Obieektivatsiia traditsionnoi temporalnosti v dialektnom iazyke* [*Objectification of Traditional Temporality in Dialectal Language*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2010. 296 p. (In Russ.)

10 Krasheninnikova, Iu.A. "Sudba traditsionnoi svadby v russkikh zavodskikh poseleniiakh Respubliki Komi (obzor ekspeditsionnykh materialov XXI v.)" ["The Fate of the Traditional Wedding in Russian Factory Settlements of the Komi Republic (a Review of Expedition Materials of the 21st Century)"]. *Svadba: traditsii i sovremennost.* Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii pamiati M.G. Matlina "Svadba: traditsii i sovremennost" (Ulianovsk, 13 iiunia 2024 g.). Sbornik statei [*Wedding: Traditions and Modernity.* Proceedings of the All-Russian Scientific Conference in Memory of M.G. Matlin "Wedding: Traditions and Modernity" (Ulyanovsk, June 13, 2024). Collection of Articles]. Ulianovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2024, pp. 66−89. (In Russ.)

11 Kupriianova, S.O. "Svadebnaia igra 'taskanie svekrovi v baniu' kak performans" ["Wedding Game 'Dragging the Mother-in-Law to the Bathhouse' as a Performance"]. *Svadba: traditsii i sovremennost.* Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii pamiati M.G. Matlina "Svadba: traditsii i sovremennost" (Ulianovsk, 13 iiunia 2024 g.). Sbornik statei [*Wedding: Traditions and Modernity.* Proceedings of the All-Russian Scientific Conference in Memory of M.G. Matlin "Wedding: Traditions and Modernity" (Ulyanovsk, June 13, 2024). Collection of Articles]. Ulianovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2024, pp. 90–110. (In Russ.)

12 Madlevskaia, E.L. "Svadebnaia obriadnost" ["Wedding Ritual"]. *Russkaia svadba:* v 2 t. [*Russian Wedding:* in 2 vols.], vol. 1 / ed. A.S. Kargina, comp. A.V. Kulagina, A.N. Ivanov. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2000, pp. 227–304. Available at: https://ethnomuseum.ru/files/PDF/Library/Russ_Yuzhny_Ural/madlevskaya2.pdf (Accessed 01 September 2025). (In Russ.)

13 Nedostupova, L.V. "Reprezentatsiia svadebnoi traditsii 60-kh gg. XX stoletiia v Voronezhskoi oblasti (etnolingvisticheskii aspekt)" ["Representation of the Wedding Tradition of the 1960s 20th in the Voronezh Region (Ethnolinguistic Aspect)"]. *Vestnik slavianskikh kultur*, vol. 63, 2022, pp. 55–75. Available at: https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-55-75 (Accessed 01 September 2025). (In Russ.)

14 Nedostupova, L.V. "Svadba po-vorontsovski XX veka v voronezhskom govore" ["Vorontsov Wedding of the 20th Century in the Voronezh Dialect"]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 4, 2025, pp. 34−42. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=82587892 (Accessed 01 September 2025). (In Russ.)

15 Nikiforova, O.V. "Naimenovaniia svadebnykh vykupov za nevestu v nizhegorodskikh govorakh" ["Names of the Wedding Bride Ransoms in Nizhny Novgorod Dialects"]. *Issledovatelskii zhurnal russkogo iazyka i literatury*, vol. 6, no. 2 (12), 2018, pp. 173−186. https://doi.org/10.29252/iarll.12.173 (In Russ.)

16 Titova, O.Iu. “Semantika daroobmena v iuzhnorusskoi svadebnoi obriadnosti” [“The Semantics of Gift Exchange in South Russian Wedding Ritualism”]. *Metafizika patriotizma: vospitanie dukha i formirovanie grazhdanina.* Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [*The Metaphysics of Patriotism: Education of the Spirit and the Formation of a Citizen.* Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Voronezh, Voronezh State University of Forestry and Technologies Publ., 2025, pp. 137−141. https://doi.org/10.58168/ MPFSSC2025_137-141 (In Russ.)

17 Tolstoi, N.I. *Iazyk i narodnaia kultura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [*Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics*]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p. (In Russ.)

18 Filonovich, S.A. “Traditsionnyi svadebnyi obriad ukrainskikh sel Alekseevskogo raiona Belgorodskoi oblasti” [“Traditional Wedding Ceremony of Ukrainian Villages of Alekseevsky District, Belgorod Region”]. *Narodnaia muzyka kak sredstvo mezhkulturnoi kommunikatsii slavianskikh narodov v sovremennom mire. Sbornik dokladov mezhdunarodnogo simpoziuma. 2018* [*Folk Music as a Means of Intercultural Communication of Slavic Peoples in the Modern World. Collection of Reports of the International Symposium. 2018*]. Belgorod, Belgorod State Institute of Arts and Culture Publ., 2019, pp. 129−135. (In Russ.)

Abbreviations

BTS — Large explanatory dictionary of the Russian language edited by S.A. Kuznetsov.
MAS — Dictionary of the Russian Language.
SD — Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language.
SRNG — Dictionary of Russian Folk Dialects.
SU — Explanatory Dictionary of the Russian Language edited by D.N. Ushakov.
SV — Dictionary of Voronezh Dialects.

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-119-140
УДК 725.945(1-21):316.7(476)(470+571)(438)"17/19"
ББК 63.3(4Беи)52-03+85.136
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. О.М. Соколова
г. Минск, Респ. Беларусь

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ В КОНТЕКСТЕ МЕСТОРАЗВИТИЯ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: Статья посвящена исследованию мемориальных форм как значимого фактора развития городов Беларуси в конце XVIII – начале XX в. Теоретической основой исследования выступают концепции мест памяти и месторазвития, а методологическую базу составляет диахронный анализ, позволяющий проследить эволюцию мемориализации в городском пространстве. Цель работы заключается в выявлении особенностей распространения и функционирования на территории Беларуси заимствованных из европейской культурной традиции мемориальных форм, а также в определении их значимости для развития городской среды и сохранения исторической преемственности. На основе анализа обелисков, триумфальных арок, мемориальных колонн, конных статуй, бюстов, часовен и храмов-памятников рассматриваются особенности организации общественных пространств Свислочи, Могилева, Минска, Янова (Иваново), Гомеля, Полоцка, Витебска и других городов. Показано, что распространение данных объектов было связано с включением белорусских земель в состав Российской империи и сопровождалось внедрением классицистических, неовизантийских и русских архитектурно-художественных традиций. Установлено, что мемориальные формы выполняли не только коммеморативные, но и пространственно-организующие, коммуникативные и социокультурные функции, становясь центрами общественной жизни и элементами формирования городской идентичности. Сделан вывод о том, что исторические мемориальные объекты продолжают сохранять культурную значимость, обеспечивая преемственность исторической памяти, поддерживая коллективную идентичность и выступая важным символическим ресурсом актуализации историко-культурного наследия в современном городском пространстве.

Ключевые слова: памятник, месторазвитие, белорусский город, Российская империя, Речь Посполитая

Информация об авторе: Ольга Михайловна Соколова — кандидат культурологии, доцент, начальник редакционного отдела, Белорусский государственный университет культуры и искусств, Московская ул., д. 18, 220007 г. Минск, Респ. Беларусь.
ORCID ID: htpps://orcid.org/0000-0002-5213-8410
E-mail: beatles12@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.10.2025
Дата одобрения рецензентами: 06.07.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Соколова О.М.* Мемориальные паттерны в контексте месторазвития городов на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX в. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 119–140.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-119-140

Памятники как артефакты культуры наиболее репрезентативно транслируют характеристики определенного места и времени его развития: исторические, ценностные, мировоззренческие и др. Воплощая архетипические образы и символы времени, они отражают тип и особенности культурных явлений и процессов на определенном историческом этапе. С помощью специфического языка культуры памятники, с одной стороны, позволяют выявить существенные качества среды обитания (месторазвития), а с другой — влияют на месторазвитие, формируя его качества.

В поиске взаимосвязей между физическим, символическим и социальным пространствами создание мест памяти [13] как способа передачи и поддержания традиций в культуре соотносится с идеей освоения и организации городского пространства при помощи предметных форм культурной памяти —совокупности мест, расположение которых жители знают из собственного опыта [4, с. 167], что отсылает к античной культурной традиции использования в качестве мнемонических практик категорий «места» и «образы» [17, p. 2].

В концепции «месторазвития» — пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом в их взаимозависимости, — разработанной П.Н. Савицким, категория памяти является наиболее значимой характеристикой культуры и ее артефактов [5, с. 57]. В памятниках осуществляется материальное воплощение идей, которые «организуют сущее, главной целью их действия оказывается запечатление прекрасного, великого и достойного памяти в веках» [5, с. 61]. Кроме географических и исторических характеристик, ученый относил к началам месторазвития «заимствование и подражание, независимое от “генетической близости” и “расового смешения”» [14, с. 288].

Заимствованные в культурах древности мемориальные формы были переосмыслены разными культурами в различные периоды истории и адаптированы для выражения новых идей и идеологий. Так, форма обелиска — важного элемента архитектуры Древнего Египта, воспринятая древнеримской культурой, использовалась в качестве композиционного акцента в ансамблях площадей, служила ориентиром, создавала узнаваемость облика европейского города, символизировала военные победы, использовалась в качестве монументальных надгробий. Восходят к античности, памятникам Древнего Рима триумфальные арки, колонны и статуи, установка которых служила символом мощи, достижений, побед и национальной гордости. Влияние древних традиций христианской архитектуры и монументального искусства проявляется в широком применении практики строительства храмов и часовен и посвящения их патрональным святым великокняжеских, царских и других значимых государственных лиц, а также возведения в честь определенных событий.

Распространение мемориальных форм на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX в. определялось в некоторой степени историческими и политическими факторами вхождения белорусских земель в составе Великого Княжества Литовского

в состав Речи Посполитой, а после ее разделов —присоединения территорий к Российской империи, хотя коммеморативные практики во многом были схожи. Укоренение классицизма в 1770–1790 гг. способствовало освоению и применению для организации городского публичного пространства форм и приемов античного искусства, которое являлось предметом изучения, заимствования и подражания.

Пирамидальный обелиск, установленный владельцем Свислочи графом Винцентом Тышкевичем в конце XVIII — начале XIX в., служил композиционным центром главной площади местечка (иллюстрация 1).

Иллюстрация 1 — Свислочь. Обелиск на Рыночной площади. Начало XX в. [23]
Figure 1 — Svisloch. Obelisk on Market Square. Early 20th Century [23]

Напоминающий египетский обелиск на площади Святого Петра в Ватикане, он был увенчан позолоченным шаром и шпилем. Основная точка городского пространства, формирующая торговую площадь, была видна издалека: обелиск служил ориентиром — на свислочские ярмарки приезжали купцы со всей Европы. Граф, получив привилегию на проведение ежегодной ярмарки от короля Речи Посполитой, старался приблизить местечко к облику европейских городов. Он осуществил перепланировку Свислочи: от площади, как лучи, расходились улицы города. (Памятник утрачен, воссоздан в 2017 г.)

В Российской империи указом Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» (1763) предусматривалось создание в городах новых площадей.

В Могилеве, который после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. вошел в состав Российской империи, в 1780 г. в связи с посещением города царственной особой установили античные триумфальные арки и императорский путевой дворец [11, с. 6]. В Могилеве состоялась встреча императрицы с императором Священной Римской империи Иосифом II, в память о которой в присутствии Екатерины II и Иосифа II был заложен первый камень будущего Иосифовского кафедрального собора [15, с. 38–39], достроенного в 1798 г. (архитектор Н.А. Львов) (иллюстрация 2).

Иллюстрация 2 — Могилев. Иосифовский кафедральный собор (1780–1798). Фотография Н. Останковича. 1901
(Фонд библиотеки Вильнюсского университета. F46-257)[1] [24]
Figure 2 — Mogilev. Joseph Cathedral (1780–1798). Photograph by N. Ostankovich. 1901
(Vilnius University Library Collection. F46-257) [24]

Установленные в память об этой встрече арка и храм составили единое пространство Соборной площади, подчиненное общей идее и символике триумфа самодержавия (иллюстрация 3).

Иллюстрация 3 — Могилев. Триумфальная арка и Иосифовский кафедральный собор. 1918 [23]
Figure 3 — Mogilev. Triumphal Arch and St. Joseph's Cathedral. 1918 [23]

[1] В правом нижнем углу штамп чернилами: «ФОТОГРАФІЯ ОСТАНКОВИЧЪ въ Москве». На обратной стороне фотографии подпись: Губ. г. Могилевъ. Кафедральный соборъ во имя Св. Іосифа Обручника заложенъ собственноручно Императрицей Екатериной II и Австр. Импер. Францемъ-Іосифом II въ память свиданія Ихъ здесь въ Могилеве въ 1788 году 30 мая.

Предполагалось, что примеру губернского Могилева по формированию целостного пространства регулярной площади последуют другие города Западного края Российской империи. (Храм утрачен, арка сохранилась в измененном виде как арка Славы героев Великой Отечественной войны).

Костел Святого Станислава (1787–1794, архитектор Л. Гуцевич) в Молятичах (ныне Кричевский район Могилевской области) был построен по указанию владельца местечка архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича, назначенного Екатериной II при образовании Белорусского католического архиепископства с центром в Могилеве (иллюстрация 4). Костел возведен в честь небесного покровителя архиепископа — святого Станислава в виде уменьшенной копии собора Святого Петра в Ватикане [12, с. 35–36].

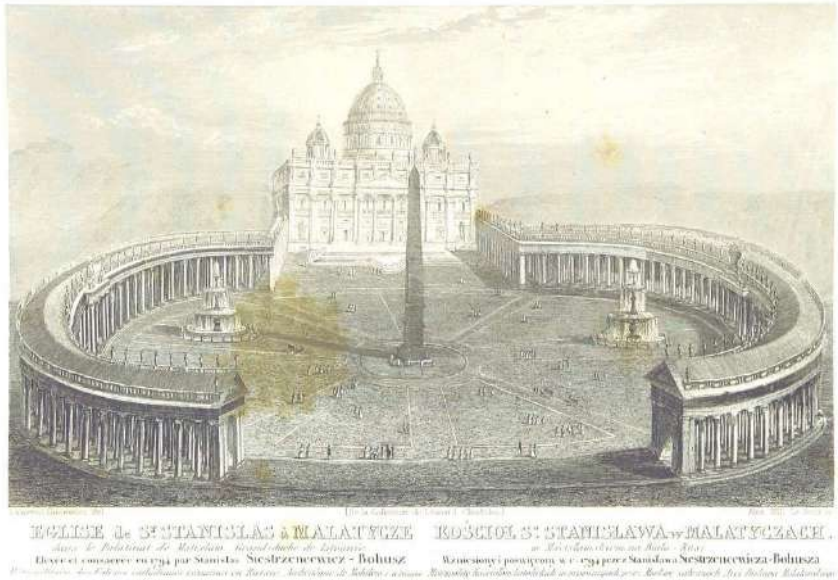

Иллюстрация 4 — Молятичи. Костел Святого Станислава (1787–1794). Гравюра William Alexander Le Petit. 1839 [20, p. 484]
Figure 4 — Molyatići. Church of St. Stanislaus (1787–1794). Engraving William Alexander Le Petit. 1839 [20, p. 484]

Храм организовывал пространство местечка и стимулировал его социокультурное и экономическое развитие: каждый год в Молятичах проводилась ярмарка. Храм утрачен. Также в честь святого Станислава был освящен костел в Могилеве (с 1783 г. — фарный), и на средства С. Богуш-Сестренцевича построен одноименный храм в Санкт-Петербурге (1823–1825), где в разные годы находились резиденции архиепископа (оба храма сохранены).

В конце XVIII в. на территории городов и местечек Речи Посполитой (Бездеж, Глубокое, Дятлово, Леонполь, Петриков и др.) возводятся памятные колонны в честь Конституции Речи Посполитой, принятой 3 мая 1791 г. Посредством этих колонн, своего рода архитектурных символов свободы, транслируются идеи независимой Польши (некоторые колонны сохранились).

В 1826 г. на окраине Минска установили памятник в виде круглой колонны на высоком квадратном постаменте, навершие которой заканчивалось католическим крестом (иллюстрация 5).

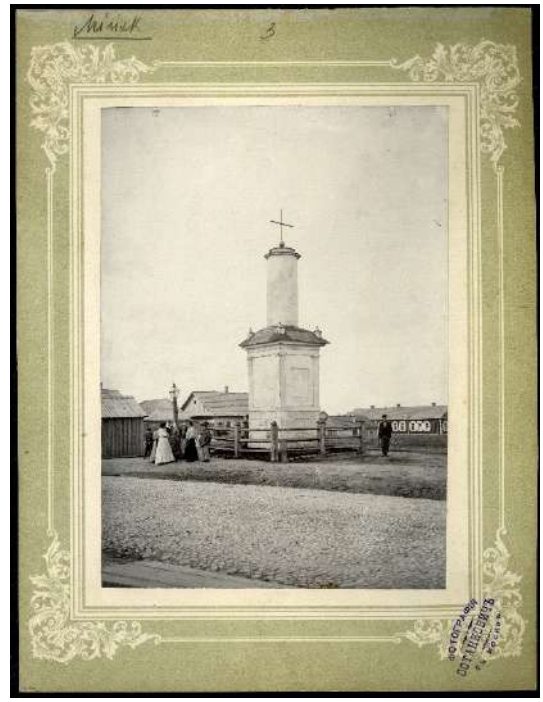

Иллюстрация 5 — Минск. Юбилейный обелиск на одноименной площади. Фотография Н. Останковича. 1901
(Фонд библиотеки Вильнюсского университета. Ф46-310)[2] [24]
Figure 5 — Minsk. Jubilee Obelisk on the Square of the same Name. Photograph by N. Ostankovich. 1901
(Collection of the Vilnius University Library. F46-310) [24]

Памятник, возведенный в честь 1500-летия первого Вселенского христианского собора, повлиял на возникновение площади, получившей название Юбилейной. Вокруг памятного места постепенно сформировался крестьянский рынок, также называвшийся Юбилейным, в 1917 г. здесь проводятся митинги и манифестации. В межвоенный период место памяти планировали переформатировать, установив вместо колонны памятник М. Фрунзе, начальнику (с марта по сентябрь 1917 г.) и создателю минской милиции, и переименовать площадь в его честь, однако началась война и монумент не был возведен. Памятник утрачен, название Юбилейной площади сохранилось, в 2020 г. открыта одноименная станция метрополитена; Юбилейная площадь находится в Центральном районе Минска и является одним из значимых мест современного города.

После подавления восстания 1830–1831 гг. начинает вестись борьба вокруг образов преподобной Евфросинии Полоцкой и блаженного мученика Андрея Боболи, проповедника католицизма в первой половине XVII в. на восточных землях Речи Посполитой (преимущественно на территории Полесья) как противостояние православной и римско-католической церкви, во многом обусловленное политической конфронтацией [7, с. 268–270].

Мощи монаха-иезуита Андрея Боболи, убитого казаками в 1657 г. в Янове (ныне г. Иваново Брестской области), были привезены из Пинска в Полоцк (костел Святого

[2] В правом нижнем углу штамп чернилами: «ФОТОГРАФІЯ ОСТАНКОВИЧЪ въ Москве». На обратной стороне фотографии подпись: Юбилейный обелискъ въ гор. Минске на площади Новыхъ строеній. Построенъ въ старину въ память избавленія города отъ мора католическимъ духовенствомъ.

Стефана на главной площади города) в 1808 г., и на протяжении XIX в. активно складывается его культ.

В Янове на месте гибели святого после 1853 г. установлена похожая на колонну двухъярусная часовня под четырехскатной крышей с ордерным декором (иллюстрация 6). Памятник утрачен, его облик повторяют башенки-часовни, установленные (1995–2000) по углам ограды Крестовоздвиженского костела — санктуария святого в Иваново.

Иллюстрация 6 — Янов (Иваново). Часовня Святого Андрея Боболи на Рыночной площади. Фотография H. Poddębski, 1936
(Narodowe Archiwum Cyfrowe. Sygn. 1-U-1768) [22]
Figure 6 — Yanov (Ivanovo). Chapel of St. Andrew Bobola on the Market Square. Photograph by H. Poddębski, 1936
(National Digital Archive. Sygn. 1-U-1768) [22]

Подобная трехъярусная часовня в стиле барокко в память о святом была установлена у западного въезда в Пинск. Памятник сохранился.

Чтобы укрепить позиции православия, необходимо было организовать масштабные церемонии, демонстрирующие влиятельность православной веры. Полоцкое православное духовенство пытается добиться переноса в Полоцк мощей Евфросинии, что и осуществлено в 1910 г. Перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк стало одним из наиболее крупных торжеств, которое сопровождалось по пути следования парохода, на котором находились мощи, по Днепру с остановками в Могилеве, Орше, Витебске и др. встречами народных масс, крестными ходами, молебнами, украшением главных улиц и площадей городов арками из зелени и флагами [3].

В.И. Короневский отмечает, что в 1910–1914 гг. культ святой активно развивается в противовес усилению позиций неправославных конфессий, связанному с указом Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (1905) [8, с. 153].

Совмещение дня памяти (23 мая) Евфросинии Полоцкой и Андрея Боболи и празднование памятной даты превращает Полоцк в место пышных торжеств, что непосредственно влияет на экономическое и социокультурное развитие города.

В первой трети XIX в. философия и эстетика, культура и искусство находятся «в поисках» древнеримских корней. Классицизм определяет планирование городов. Так, владелец Гомеля граф Н.П. Румянцев предпринял ряд шагов по благоустройству территории города, планировке и застройке главной городской площади, составной частью композиции которой стал дворцовый ансамбль, построенный его отцом генерал-фельдмаршалом П.А. Румянцевым. По словам теоретика и историка архитектуры В.Ф. Морозова, «Н.П. Румянцев создал новый город Гомель, который… был задуман как идеальный город эпохи Просвещения» [10, с. 46], поэтому основные постройки были выполнены по подобию выдающихся архитектурных памятников мира:

> Петропавловский собор напоминал церковь св. Женевьевы в Париже, костел — Пантеон в Риме, торговые ряды были устроены по примеру петербургских, «экономический» дом являлся копией дома в графстве Бедфордшир (Англия) [10, с. 49].

При следующем владельце резиденции фельдмаршале И.Ф. Паскевиче территория дворцового комплекса и прилегающая к нему местность были реконструированы (архитектор А. Идзковский). На карнизах выполненного в стиле классицизма главного здания дворца и галерей установлены статуи: античные скульптуры Еврипида, Афродиты, Афины, Ареса, Нимфы и Бахуса (утрачены, воссозданы в 2007 г.). Архитектурный ансамбль состоял также из пейзажного парка, который создавался с конца XVIII до середины XIX в., его составляющим элементом являлась монументально-декоративная скульптура, непосредственно участвующая в формировании смыслового и декоративного наполнения ландшафта. С 1890 гг. парк стал доступен для посещения; в этот период в городах возрастает роль общественных парков.

На террасе под высокой башней, пристроенной к южному крылу дворца, была установлена статуя польского и французского военачальника Юзефа Понятовского, участвовавшего в восстании Тадеуша Костюшко и в походе Наполеона на Москву (иллюстрация 7).

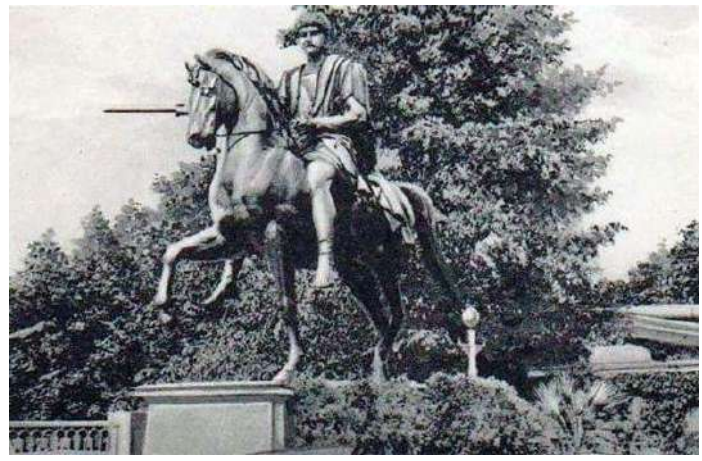

Иллюстрация 7 — Гомель. Конная статуя Юзефа Понятовского у дворца И.Ф. Паскевича, 1911 [18, с. 24]
Figure 7 — Gomel. Equestrian statue of Józef Poniatowski at the I.F. Paskevich Palace, 1911 [18, p. 24]

Статуя, стилизованная под античный монумент (прообразом конных статуй в городах послужила бронзовая статуя римского императора Марка Аврелия (II в. н. э.), установленная на Капитолийском холме), была отлита из бронзы в 1832 г. (датский скульптор Бертель Торвальдсен), но по причине царских репрессий не была установлена, как планировалось, перед Дворцом наместника в Варшаве. Николай I приказал статую разбить. Наместник Царства Польского И.Ф. Паскевич просил императора изменить решение и подарить статую ему. Памятник он установил возле своего дворца в Гомеле (1840 гг.) [16, с. 412–413]. Памятник не сохранился. Его копия установлена перед президентским дворцом в Варшаве. Также, перед восточным фасадом дворца в Гомеле позже был установлен бюст графа И.Ф. Паскевича в доспехах древнеримского триумфатора (иллюстрация 8). Памятник не сохранился.

Иллюстрация 8 — Гомель. Памятник фельдмаршалу князю И.Ф. Паскевичу-Эриванскому в княжеском парке [18, с. 61]
Figure 8 — Gomel. Monument to Field Marshal Prince I.F. Paskevich-Erivansky in the Princely Park [18, p. 61]

Монументально-декоративные скульптуры устанавливали в городских и загородных имениях и ранее, но в иной, барочной стилистике, характеризующей европейскую культуру в XVII–XVIII вв. Например, в эрмитаже (эремиториуме) — специальном флигеле резиденции Радзивиллов в Альбе, пригороде Несвижа, построенном в 1740 гг., два фронтона были украшены статуями святых: св. Христофора и св. Николая. Обе статуи были деревянные «каменным колером помалеваные» [1, с. 165–166]. На въезде

в Несвижский замок у его деревянной брамы была установлена скульптура святого Яна Непомука из мрамора. Скульптура утрачена; воссоздана в 2003 г.

Со второй половины XVIII в., как было рассмотрено выше на примере Гомельского дворцово-паркового ансамбля Румянцевых — Паскевичей, под влиянием классицизма устанавливаются мраморные изображения античных богов и героев.

Во второй половине XIX в. популяризация идеи историзма обусловила распространение празднования знаменательных дат. Актуальной формой коммеморативных практик являются памятные часовни.

На местах побед над французскими войсками в Полоцке (1850) и Клястицах (1857) были установлены типовые памятники наподобие часовни в византийском стиле (архитектор А. Адамини) — восьмигранные остроконечные пирамиды, увенчанные куполом в виде луковицы с позолоченным крестом; вокруг пирамид стояли восемь чугунных колонн с главками, на которых восседали золоченые двуглавые орлы [9, с. 104]. Памятник-часовня в Полоцке (иллюстрация 9) композиционно завершал ансамбль центральной площади, на которую выходили здания Николаевского собора (переделанный костел Святого Стефана) и кадетского корпуса. Памятники утрачены. В Полоцке памятник восстановлен в 2010 г.

Иллюстрация 9 — Полоцк. Памятник войны 1812 г. на площади около Николаевского собора. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1912 [21]
Figure 9 — Polotsk. Monument to the War of 1812 on the Square near St. Nicholas Cathedral. Photograph by S.M Prokudin-Gorsky. 1912 [21]

С конца 1860 гг. в городах и местечках, входящих в состав Российской империи, прослеживается тенденция возведения памятных сакральных сооружений — храмов и часовен в память о событиях, связанных с именами императоров как священных особ [2]: например, в честь Александра II в благодарность за отмену крепостного права — Собор Александра Невского на торговой площади в Пружанах (1865–1866, архитектор Михайловский, поздний классицизм; сохранился); в память об избавлении императора Александра II от руки убийцы 4 апреля 1866 г. — часовни во имя святого Александра Невского в Молодечно (1869; утрачена), Дисне (1870) (в центре города на берегу Западной Двины, вокруг часовни устроен небольшой сквер; утрачена); в память спасения жизни Александра II от покушения 5 февраля 1880 г. — Петро-Павловская церковь в Волковыске (1874), часовня в Двинске (1881); в память о трагической кончине Александра II — часовни в Гомеле (иллюстрация 10) (1886, находилась напротив Петро-Павловского кафедрального собора, формируя пространство центральной Рыночной площади; утрачена, восстановлена как памятник воинам-освободителям по сохранившемуся проекту в 2021–2022 гг. в ином месте), Брагине (1887); в память спасения Александра III и его семьи от гибели в железнодорожной катастрофе — колокольня с часовней в Слониме (1891), часовня в Невеле (1892); часовня-памятник во имя святого Александра Невского как небесного покровителя Александра III в Мозыре (1913).

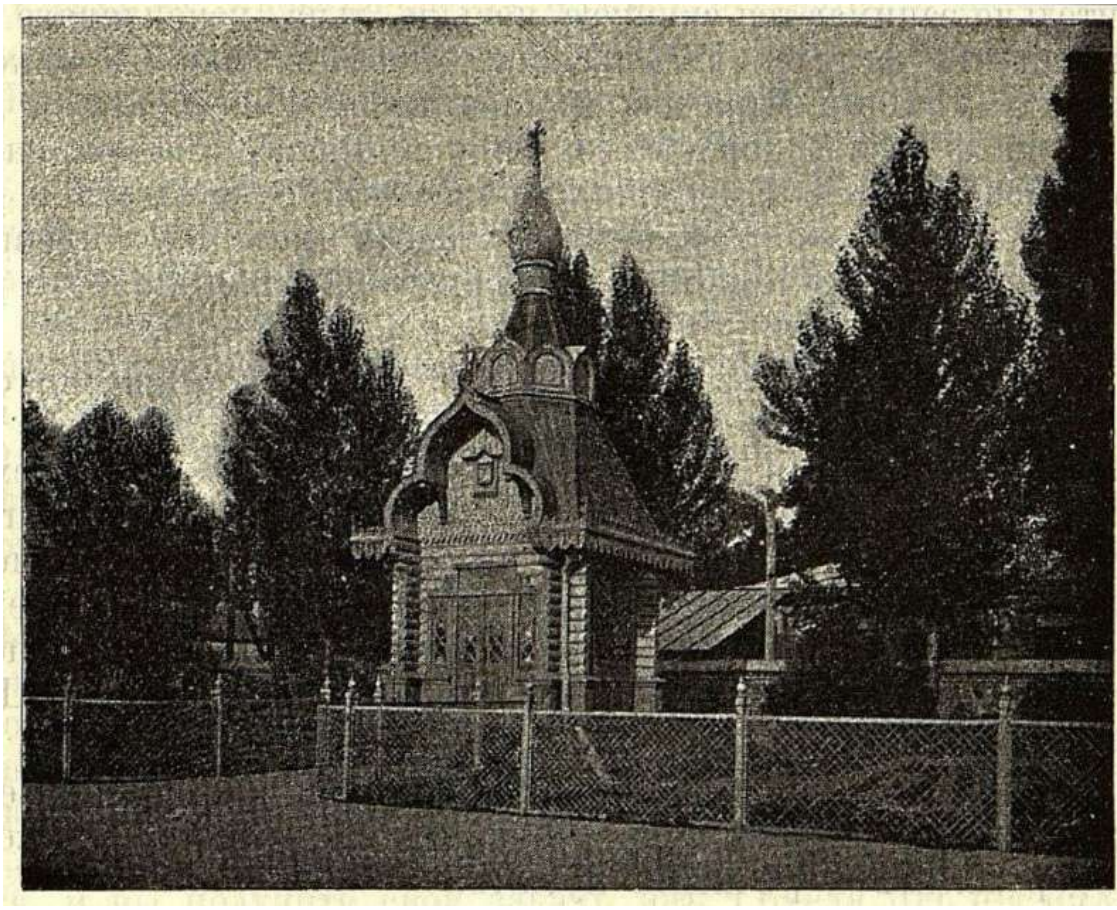

Иллюстрация 10 — Гомель. Часовня в память императора Александра II на соборной площади [18, с. 22]
Figure 10 — Gomel. Chapel in Memory of Emperor Alexander II on Cathedral Square [18, p. 22]

В Минске в память о спасении императора Александра II от покушений революционера-террориста (4 апреля 1866 г.) и деятеля польского освободительного движения (25 мая 1867 г.) установлена часовня Александра Невского (1868–1870), вокруг которой в 1872 г. был устроен сквер, названный впоследствии Александровским (иллюстрация 11). Часовня не сохранилась; Александровский сквер является одной из доминант современного города.

Иллюстрация 11 — Минск. Александро-Невская часовня в Городском театральном сквере, построенная жителями города в память избавления императора Александра Николаевича от опасности в 1866 г. Фотография Н. Останковича. 1901[3] [24]
Figure 11 — Minsk. The Alexander Nevsky Chapel in the City Theatre Square, Built by City Residents in Memory of Emperor Alexander Nikolaevich's Deliverance from Danger in 1866. Photograph by N. Ostankovich. 1901 [24]

В память об Александре III (согласно проекту храма архитектора В.А. Фомичева [6] (иллюстрации 12–13)) и о погибших в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Минском гарнизонном кладбище возводится церковь в русском стиле (1896–1898), освященная в честь Александра Невского. При входе в притвор размещены мемориальные доски с именами 118 воинов-белорусов 30-й артиллерийской бригады и 119-го Коломенского полка, которые героически погибли под Плевной. Храм на Военном кладбище сохранился.

[3] В правом нижнем углу штамп чернилами: «ФОТОГРАФІЯ ОСТАНКОВИЧЪ въ Кунцеве». Описание фотографии: Г. Минск. Городской театральный скверъ въ коемъ Александро-Невская часовня построенная жителями города въ память избавленія Государя Императора Александра Николаевича отъ опастности въ1866 году.

Иллюстрация 12 — Проект строящейся каменной церкви на военном кладбище в г. Минске в память государя Александра III.
Архитектор В. Фомичев. Конец 1890 гг.
(Отдел рукописей РГБ. Ф. 492. Дворцовые библиотеки. Ед. хр. 330) [19]
Figure 12 — Design for a Stone Church under Construction at a Military Cemetery in Minsk in Memory of Tsar Alexander III.
Architect V. Fomichev. Late 1890s
(Manuscript Department of the Russian State Library. Collection 492. Palace Libraries. Storage Unit 330) [19]

Иллюстрация 13 — Проект строящейся каменной церкви на военном кладбище в г. Минске в память государя Александра III.
Архитектор В. Фомичев. Конец 1890 гг.
(Отдел рукописей РГБ. Ф. 492. Дворцовые библиотеки. Ед. хр. 330) [19]
Figure 13 — Design for a Stone Church under Construction at a Military Cemetery in Minsk in Memory of Tsar Alexander III (Drawings).
Architect V. Fomichev. Late 1890s
(Manuscript Department of the Russian State Library. Collection 492. Palace Libraries. Storage Unit 330) [19]

В память спасения Александра III и его семьи от гибели в железнодорожной катастрофе в 1888 г. (в память чудесного спасения царской семьи) возводятся железнодорожная церковь и часовня (1890, 1898), вокруг которой формируется городская площадь— одно из знаковых мест Минска (иллюстрация 14).

Иллюстрация 14 — Минск. Железнодорожная церковь и часовня в память спасения Александра III и его семьи от гибели в железнодорожной катастрофе в 1888 г. Начало XX в. [22]
Figure 14 — Minsk. Railway Church and Chapel Commemorating the Rescue of Alexander III and his Family from Death in a Railway Accident in 1888. Early 20th Century [22]

В 1914 г. рядом с часовней возводится церковь Казанской иконы Божией Матери в неовизантийском стиле (иллюстрация 15). Храмы утрачены, площадь переименована в площадь Мясникова; планируется восстановление Казанского храма и установка памятного знака.

Иллюстрация 15 — Минск. Церковь Казанской иконы Божией Матери. 1918 [23]
Figure 15 — Minsk. Church of the Kazan Icon of the Mother of God. 1918 [23]

1890 г. на городской площади в Городке рядом с собором построена часовня в память о спасении императора Александра III и его семьи при крушении поезда 17 октября 1888 г.

С 1901 г. по 1915 г. доминантой Соборной площади в Минске служил памятник-бюст Александру II (иллюстрация 16). Памятник утрачен.

Иллюстрация 16 — Минск. Памятник императору Александру II в Соборном сквере. Фотография Н. Останковича. 1901[4] [24]
Figure 16 — Minsk. Monument to Emperor Alexander II in Cathedral Square. Photograph by N. Ostankovich. 1901 [24]

В честь 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1911 г. памятник-бюст Александру II установлен в Народном доме в Слониме, в 1913 г. — в Турове, в 1914 г. — на Базарной площади Мозыря.

В ознаменование юбилейных памятных дат активно возводятся обелиски героям и в память о сражениях Отечественной войны 1812 г.

Например, в форме пирамидального обелиска, увенчанного символом Российской империи — двуглавым орлом на шаре, выполнен памятник героям Отечественной войны 1812 г. в честь 100-летия победы над Наполеоном в сражениях под Витебском (иллюстрация 17), установленный на Губернаторском бульваре, напротив Губернаторского дворца в Витебске в 1912 г. (архитектор И.А. Фомин).

[4] В правом нижнем углу штамп чернилами: «ФОТОГРАФІЯ ОСТАНКОВИЧЪ въ Москве».

Иллюстрация 17 — Витебск. Памятник героям Отечественной войны 1812 года. 1912 (Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева. ГНИМА НФ-ОФ-420/66. АЛ-208/66) [23]
Figure 17 — Vitebsk. Monument to the Heroes of the Patriotic War of 1812. 1912 (A.V. Shchusev State Research Museum of Architecture. GNIMANF-OF-420/66. AL-208/66)) [23]

Памятник организовывал пространство бульвара и расположенных по периметру знаковых исторически-культурных объектов: Губернаторского дворца, памятника архитектуры XVIII в., в котором останавливался Наполеон Бонапарт, а также особняка, построенного в конце XIX в. Обелиск сохранился, сквер назван в честь героев Отечественной войны 1812 г.

К столетию Бородинского сражения на городском бульваре в 1912 г. в Дриссе (с 1962 г. Верхнедвинск) заложен памятник Александру I, который представлял собой бюст императора на обелиске красного гранита (архитектор В. Соболевский). Обелиск сохранился, является памятником событий войны 1812 г., связанных с противостоянием 29 июня – 2 июля (11–14 июля) 1812 г. наполеоновским войскам 1-й русской армии генерала М.Б. Барклая-де-Толли, штаб которого находился в Дрисском лагере.

Таким образом, в конце XVIII – начале XX в. на территории Беларуси в период Российской империи сложились определенные традиции увековечения в памятниках, детерминированные историческими и социокультурными условиями. Мемориальные формы, созданные в древности, не были забыты, а стали основой культуры памяти

в последующие периоды истории, где они были заимствованы, переосмыслены и адаптированы для выражения новых значений и идеологий. В повседневной жизни горожан памятники играли роль сакральных мест, опознавательных знаков и мест социального взаимодействия (например, становились центром торговых площадей или торжественных мероприятий). Памятники обозначали и организовывали главные общественные открытые пространства, активно участвуя в месторазвитии городов.

В настоящее время эти объекты в большинстве своем утрачены, однако их актуализация в современной культуре, мемориальное значение поддерживаются краеведческими публикациями, экскурсионными практиками и локальными нарративами, обеспечивая сохранение исторических смыслов в условиях смены поколений. Связь с ними строится не на объективированных формах в городском ландшафте, а на проекциях, воображении и создании вербальных нарративов, таким образом они продолжают транслировать представления о городском месторазвитии в ретроспекции и существовать в качестве символического ресурса коллективной идентичности, что определяет актуальность их изучения.

Под влиянием разрушения (культурной катастрофы), изменения значения и забывания (семиотической паузы) жизнь памятника в ряде случаев прерывается, однако со временем к нему может быть вновь привлечено внимание общественности и может осуществляться или планироваться восстановление. Даже в руинированном состоянии они сохраняют способность передавать знания о культурной традиции и исторической преемственности.

Восстановленные памятники участвуют в обновлении городского пространства, месторазвитии и создании туристической аттрактивности. Посредством музеефикации ландшафта создаются пространства, где за счет новых медиа, ландшафтного дизайна и архитектуры история места трансформируется в эмоциональный опыт для новых поколений.

Большинство современных жителей не имеют непосредственной связи с исторической средой, однако продолжают воспринимать сохранившиеся и воссозданные памятники и архитектурные объекты как символы исторического прошлого. В этом случае места памяти продолжают выполнять функцию медиаторов между прошлым и настоящим.

Список литературы

Исследования

1 *Баженова О.Д.* Радзивилловский Несвиж: росписи костела Божьего Тела. Минск: Харвест, 2007. 414 с.

2 *Будишин А.Р.* Православные часовни, сооруженные в честь царских особ на территории Беларуси в XIX в.: формирование традиции // Труды Минской духовной академии. 2019. № 16. С. 113–132.

3 *Горидовец В.* Перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой из Киева через Оршу и Витебск в Полоцк // Николо-Георгиевский храм Витебской епархии (Белорусского Экзархата Московского Патриархата). URL: https://vithram.by/xronika-pereneseniya-moshhej-prepodobnoj-evfrosinii-polockojiz-kieva-cherez-orshu-i-vitebsk-v-polock/ (дата обращения: 20.10.2025).

4 *Дахин А.В.* Город как место памятования // Гуманитарная география. 2006. № 4. С. 164–172.

5 *Ермишина К.Б.* Философия культуры П.Н. Савицкого // Философские науки. 2013. № 3. С. 52–62.

6 *Исаченко Т.А.* Храм святого князя Александра Невского на военном кладбище в Минске. Архитектурный проект Виктора Фомичева в фонде дворцовых библиотек РГБ // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3 (48). С. 190–194. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.3(48).190-194

7 *Короневский В.И.* Андрей Боболя и Евфросиния Полоцкая: борьба вокруг фигур местных святых как элемент противостояния католицизма и православия на Западных окраинах Российской империи (пример Полоцка) // Будущее нашего прошлого — 7: Историческая память и коммеморативные практики. Мат. Междунар. научн. конф., Москва, 26–27 ноября 2021 г. М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-т, 2022. С. 267–274.

8 *Короневский В.И.* О некоторых тенденциях развития культа св. Евфросинии Полоцкой в 1910–1914 гг. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Мат. VIII Міжнар. Навук.-практыч. канф., Полацк, 1–2 лістапада 2022 г. Полацк: Полацкае кніжнае выдавецтва, 2022. С. 153–160.

9 *Лукашевич А.М.* Увековечение событий войны 1812 года в Витебской губернии: планы, подготовка и реализация (30 годы XIX в. – 1914 г.) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мат. XVI Междунар. научн. конф., Бородино, 6–7 сентября 2010 г. Можайск: Изд-во Гос. Бородинского военно-исторического музея-заповедника, 2011. С. 104–124.

10 *Морозов В.Ф.* Архитектура Гомеля графа Н.П. Румянцева в контексте развития европейского зодчества конца XVIII – начала XIX в. // Проблемы, исследования, тенденции развития региональной архитектуры: сб. научн. тр. Брест: Изд-во Брестского гос. технического ун-та, 2016. С. 46–51.

11 *Морозов В.Ф.* Роль Екатерины II в формировании стилистики архитектуры Беларуси конца XVIII в. // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов: сб. науч. работ Междунар. научн.-практ. конф. к 50-летию Полоцкого государственного университета, Новополоцк, 18–19 октября 2018 г. Новополоцк: Изд-во Полоцкого государственного университета, 2018. С. 3–11.

12 *Морозов В.Ф.* Творчество архитектора Л. Гуцевича в Беларуси // Архитектура и строительство. 2021. № 2. С. 34–38.

13 *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

14 *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

15 *Слюнькова И.Н.* Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 616 с.

16 *Сокол К.Г.* Монументальные памятники Российской империи: каталог. М.: Вагирус Плюс, 2006. 420 с.

17 *Yates F.A.* The Art of Memory. London: Routledge and Kegan Paul, 1966. 400 p.

Источники

18 *Жудро Ф.А.* Город Гомель (Могилевской губ.): с 68 автотипиями / сост. Ф.А. Жудро, И.А. Сербов, Д.И. Довгялло. Вильна: Сев.-Зап. отд. Имп. Русского географического о-ва, 1911. [2], 61 с.: ил.

19 Проект строящейся каменной церкви на военном кладбище в г. Минске в память государя Александра III // НЭБ''Книжные памятники. URL: https://kp.rusneb.ru/item/reader/proekt-stroyashcheysya-kamennoy-cerkvi-na-voennom-kladbishche-v-g-minske-v-pamyat-gosudarya-aleksandra-iii (дата обращения: 20.10.2025).

20 *Chodzko L.* Eglise de Saint-Stanislas a Malatycze // La Pologne historigue, littéraire, monumentalle et illustrie. Paris: [б. и.], 1839. P. 401–402, 484.

21 Library of Congress: Prints & Photographs Online Catalog. URL: https://www.loc.gov/pictures/resource/ppem.02251/?co=prok (дата обращения: 20.10.2025).

22 Narodowe Archiwum Cyfrowe: NAC. URL: https://www.nac.gov.pl/ (дата обращения: 20.10.2025).

23 PICRYL — Public Domain Media Search Engine Media. URL: https://picryl.com/media/ (дата обращения: 20.10.2025).

24 Vilniaus universiteto biblioteka. Skaitmenines kolekciojos. URL: https://kolekcijos.biblioteka.vu.lt/ (дата обращения: 20.10.2025).

***

© 2026. Olga M. Sokolova
Minsk, Belarus

MEMORIAL PATTERNS IN THE CONTEXT OF URBAN DEVELOPMENT ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract: This paper examines memorial forms as a significant factor in the urban development of Belarus from the late 18th to the early 20th century. The study is grounded in the concepts of "sites of memory" and "place-development", while its methodological framework relies on diachronic analysis, enabling an examination of the evolution of memorialization within the urban landscape. The aim of this study is to identify the characteristics of the dissemination and functioning of memorial forms adopted from the European cultural tradition within the territory of Belarus, as well as to determine their role in the development of the urban environment and the preservation of historical continuity. Based on an analysis of obelisks, triumphal arches, memorial columns, equestrian statues, busts, chapels, and memorial temples, the study examines the spatial organization of public areas in Svisloch, Mogilev, Minsk, Yanov (Ivanovo), Gomel, Polotsk, Vitebsk, and other cities. It demonstrates that the proliferation of these structures was linked to the incorporation of Belarusian lands into the Russian Empire and was accompanied by the introduction of architectural and artistic traditions rooted in Classicism, Neo-Byzantine styles, and Russian aesthetics. It has been established that memorial forms served not only commemorative purposes but also fulfilled spatial-organizing, communicative, and sociocultural functions, becoming centers of public life and elements in the formation of urban identity. The author concludes that historical memorial sites retain their cultural significance by ensuring the continuity of histori-

cal memory, sustaining collective identity, and serving as a vital symbolic resource for actualizing historical and cultural heritage within the contemporary urban landscape.

Keywords: monument, location, Belarusian city, Russian Empire, Polish-Lithuanian Commonwealth

Information about the author: Olga M. Sokolova — PhD in Culturology, Associate Professor, Head of the Editorial Department, Belarusian State University of Culture and Arts, Moskovskaya St., 18, 220007, Minsk, Belarus,
ORCID ID: htpps://orcid.org/0000-0002-5213-8410
E-mail: beatles12@mail.ru

Received: October 24, 2025
Approved after reviewing: July 06, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Sokolova, O.M. "Memorial Patterns in the Context of Urban Development on the Territory of Belarus in the late 18th – Early 20th Centuries." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 119–140. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-119-140

References

1 Bazhenova, O.D. *Radzivillovskii Nesvizh: rospisi kostela Bozh'ego Tela* [*Radziwill's Nesvizh: Paintings of the Church of the Divine Corpus*]. Minsk, Kharvest Publ., 2007. 414 p. (In Russ.)

2 Budishin, A.R. "Pravoslavnye chasovni, sooruzhennye v chest' tsarskikh osob na territorii Belarusi v XIX v.: formirovanie traditsii" ["Orthodox Chapels Built in Honor of Royal Persons on the Territory of Belarus in the 19th Century: Formation of a Tradition"]. *Trudy Minskoi dukhovnoi akademii*, no. 16, 2019, pp. 113–132. (In Russ.)

3 Goridovets, V. "Perenesenie moshchei prepodobnoi Evfrosinii Polotskoi iz Kieva cherez Orshu i Vitebsk v Polotsk" ["Transfer of the Relics of Saint Euphrosyne of Polotsk from Kyiv through Orsha and Vitebsk to Polotsk"]. *Nikolo-Georgievskii khram Vitebskoi eparkhii (Belorusskogo Ekzarkhata Moskovskogo Patriarkhata)* [St. Nicholas and St. George Church of the Vitebsk Diocese (Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate)]. Available at: https://vithram.by/xronika-pereneseniya-moshhej-prepodobnoj-evfrosinii-polockojiz-kieva-cherez-orshu-i-vitebsk-v-polock/ (Accessed 20 October 2025). (In Russ.)

4 Dakhin, A.V. "Gorod kak mesto pamiatovaniia" ["The City as a Place of Remembrance"]. *Gumanitarnaia geografiia*, no. 4, 2006, pp. 164–172. (In Russ.)

5 Ermishina, K.B. "Filosofiia kul'tury P.N. Savitskogo" ["Savitsky's Philosophy of Culture"]. *Filosofskie nauki*, no. 3, 2013, pp. 52–62. (In Russ.)

6 Isachenko, T.A. "Khram sviatogo kniazia Aleksandra Nevskogo na voennom kladbishche v Minske. Arkhitekturnyi proekt Viktora Fomicheva v fonde dvortsovykh bibliotek RGB" ["The Church of St. Prince Alexander Nevsky at the Military Cemetery in Minsk. Architectural Project by Victor Fomichev in the RSL Palace Libraries Foundation"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (48), 2023, pp. 190–194. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2023.3(48).190-194 (In Russ.)

7 Koronevskii, V.I. "Andrei Bobolia i Evfrosiniia Polotskaia: bor'ba vokrug figur mestnykh sviatykh kak element protivostoianiia katolitsizma i pravoslaviia na Zapadnykh

okrainakh Rossiiskoi imperii (primer Polotska)" ["Andrey Bobola and Euphrosyne of Polotsk: Struggle around the Figures of Local Saints as an Element of the Confrontation between Catholicism and Orthodoxy on the Western Outskirts of the Russian Empire (the Example of Polotsk)"]. *Budushchee nashego proshlogo — 7: Istoricheskaia pamiat' i kommemorativnye praktiki.* Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 26–27 noiabria 2021 g. [*The Future of Our Past — 7: Historical Memory and Commemorative Practices.* Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 26–27, 2021]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2022, pp. 267–274. (In Russ.)

8 Koronevskii, V.I. "O nekotorykh tendentsiiakh razvitiia kul'ta sviatoi Evfrosinii Polotskoi v 1910–1914 gg." ["On Some Trends in the Development of the Cult of St. Euphrosyne of Polotsk in 1910–1914"]. *Gistoryia i arkhealogiia Polatska i Polatskai ziamli.* Materyialy VIII Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferentsyi, Polatsk, 1–2 listapada 2022 g. [*History and Archaeology of Polack and Polack land.* Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Polack, 1–2 November, 2022]. Polatsk, Polatskae knizhnae vydavetstva Publ., 2022, pp. 153–160. (In Russ.)

9 Lukashevich, A.M. "Uvekovechenie sobytii voiny 1812 goda v Vitebskoi gubernii: plany, podgotovka i realizatsiia (30-e gody XIX v. – 1914 g.)" ["Commemoration of the Events of the War of 1812 in the Vitebsk Province: Plans, Preparation and Implementation (1930s – 1914)"]. *Otechestvennaia voina 1812 goda. Istochniki. Pamiatniki. Problemy.* Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Borodino, 6–7 sentiabria 2010 g. [*The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments.* Problems. Proceedings of the 16th International Scientific Conference, Borodino, September 6–7, 2010]. Mozhaisk, State Borodino War and History Museum and Reserve Publ., 2011, pp. 104–124. (In Russ.)

10 Morozov, V.F. "Arkhitektura Gomelia grafa N.P. Rumiantseva v kontekste razvitiia evropeiskogo zodchestva kontsa XVIII – nachala XIX v." ["Architecture of Gomel by Count N.P. Rumyantsev in the Context of the Development of European Architecture of the Late 18th – early 19th Centuries"]. *Problemy, issledovaniia, tendentsii razvitiia regional'noi arkhitektury*: sbornik nauchnykh trudov [*Problems, Research, and Development Trends in Regional Architecture*: a Collection of Scientific Papers]. Brest, Brest State Technical University Publ., 2016, pp. 46–51. (In Russ.)

11 Morozov, V.F. "Rol Ekateriny II v formirovanii stilistiki arhitektury Belarusi konca XVIII v. " ["The Role of Catherine II in Shaping the Architectural Style of Belarus in the Late 18th Century"] *Aktualnye problemy arhitektury Belorusskogo Podvinya i sopredelnyh regionov*: sbornik nauchnykh rabot Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, k 50-letiyu Polockogo gosudarstvennogo universiteta, Novopolock, 18–19 oktyabrya 2018 g. [*Current Issues in the Architecture of the Belarusian Dvina Region and Adjacent Areas*: Collection of Scientific Papers from the International Scientific and Practical Conference Marking the 50th Anniversary of Polotsk State University, Novopolotsk, October 18–19, 2018]. Novopolotsk, Polotsk State University Publ., 2018. pp. 3–11. (In Russ.)

12 Morozov, V.F. "Tvorchestvo arkhitektora L. Gutsevicha v Belarusi" ["The Work of the Architect L. Gutsevich in Belarus"]. *Arkhitektura i stroitel'stvo*, no. 2, 2021, pp. 34–38. (In Russ.)

13 Nora, Pierre. “Mezhdu pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiati” [“Between Memory and History. The Problematic of Places of Memory”]. *Frantsiia-pamiat'* [*France-Memory*], trans. from French by D. Khapaeva. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1999, pp. 17–50. (In Russ.)

14 Savitskii, P.N. *Kontinent Evraziia* [*Continent Eurasia*]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 464 p. (In Russ.)

15 Sliunkova, I.N. *Khramy i monastyri Belarusi XIX veka v sostave Rossiiskoi imperii. Peresozdanie naslediia* [*Churches and Monasteries of 19th Century Belarus within the Russian Empire. Recreating the Heritage*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2010. 616 p. (In Russ.)

16 Sokol, K.G. *Monumental'nye pamiatniki Rossiiskoi imperii*. Katalog [*Monuments of the Russian Empire.* Catalogue]. Moscow, Vagirus Plus Publ., 2006. 420 p. (In Russ.)

17 Yates, Frances Amelia. *The Art of Memory.* London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1966. 400 p.(In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-141-152
УДК 304.2
ББК 87.53
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. С.В. Черненькая
г. Москва, Россия

ОБРАЗ ПАТРИОТА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: Понятие «патриотизм» в современных научных исследованиях стоит несколько особняком, не определен его категориальный статус, нет четкого определения в литературе. Как показывают исследования ВЦИОМ, существует разрыв между молодежью и другими группами населения в понимании и интерпретации этого понятия. Необходимо учитывать, что социализация современной молодежи осуществляется в интернет-пространстве, для которого характерны избыточность, и в то же время фрагментарность и противоречивость информации, что затрудняет формирование собственной позиции. Целью настоящей статьи является изучение образа патриота в представлении студенческой молодежи. Для достижения цели был использован метод неоконченных предложений, позволяющий раскрыть содержание понятия «патриот» и выявить устойчивость патриотических установок современной студенческой молодежи. Метод неоконченных предложений позволил выявить ряд смысловых оттенков, придаваемых молодыми респондентами понятию «патриот». Студенты выделяют связь патриотизма с нравственными принципами, знанием истории и культуры родной страны, гордостью конкретными достижениями прошлого и настоящего, критическим осмыслением проблем и стремлением их разрешить. Были отмечены риски деструктивной и значимость, необходимость конструктивной критики, «деятельный» патриотизм противопоставлен «вербальному», а также инертности, бездействию, пассивности.

Ключевые слова: патриот, патриотическое сознание, молодежь, цифровое медиапространство

Информация об авторе: Светлана Васильевна Черненькая — кандидат философских наук, доцент, профессор, Московский городской педагогический университет, 2-ой Сельскохозяйственный пр., д. 4, 129226 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7103-3059
E-mail: ChernenkayaSV@mgpu.ru

Дата поступления статьи: 14.05.2025
Дата одобрения рецензентами: 08.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Черненькая С.В.* Образ патриота в представлении современной студенческой молодежи // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 141–152. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-141-152

Введение

Субгруппа «студенческая молодежь» занимает особое место в социальной структуре, обусловленное ее ролью и функциями в процессе развития общества. Именно студенческая молодежь в скором времени будет определять векторы и приоритеты развития страны. Необходимо учитывать, что социализация современной молодежи осуществляется и в пространстве Интернета, преимущественно через социальные сети молодые люди получают информацию, осуществляют взаимодействие и самоидентификацию. Фрагментарность и противоречивость информации в социальных сетях, как показывают исследования, затрудняют формирование собственной устойчивой позиции [11, 18, 22].

В указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» сохранение традиционных ценностей, к которым относится и патриотизм, рассматривается как часть стратегического планирования и национальной безопасности. В опросах ВЦИОМ, начиная с 2000 г., фиксируется положительная динамика ответов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали себя — как патриота своей страны или нет?». Если во время первого опроса в 2000 г. 84% респондентов ответили на вопрос утвердительно («Да, безусловно», «Скорее да»), и 16% — отрицательно, то в 2023 г. — 91% респондентов дали утвердительный ответ, 5% — отрицательный, 4% респондентов затруднились ответить. Согласно данным ВЦИОМ, понятие «патриотизм» в России активно набирает популярность [25]. Однако устойчивого определения понятия «патриотизм» в современной литературе нет.

Целью настоящей статьи является изучение образа патриота в представлении студенческой молодежи, социализация которой проходит в цифровом медиапространстве. Для достижения цели был использован метод неоконченных предложений, позволяющий раскрыть содержание понятия «патриот» и выявить устойчивость патриотических установок современной студенческой молодежи.

Методология и теоретические подходы к исследованию патриотического сознания студенческой молодежи

Анализ патриотического сознания современной студенческой молодежи представлен достаточно широко. Вопросы формирования патриотического сознания рассматриваются в работах зарубежных и российских исследователей в основном с психолого-педагогических и политико-социологических позиций [5–6, 8, 10, 19, 21, 24]. Для нас представляет особый интерес работы, в которых изучается влияние современной медиасреды на формировании патриотического сознания студентов [3–4, 13–16], выявляется связь «локального» и «абстрактного» патриотизма молодежи с уровнем их образования [7, 9, 12, 1720].

Опросы ВЦИОМ стабильно выявляют на протяжении достаточно длительного времени наличие разрыва в определении и понимании понятия «патриотизм» между молодежью и другими группами населения [25]. Сравним ответы респондентов (18–24 года), с ответами других возрастных групп — Таблица 1.

Таблица 1 — Как бы Вы сами себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет?
Table 1 — How Would You Describe Yourself – as a Patriot of Your Country or not?

	Все респон-денты	**18-24 года**	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Да, безусловно	52	**42**	44	53	54	59
Скорее да	39	**43**	44	40	38	35
Скорее нет	4	**6**	9	3	3	4
Безусловно, нет	1	**3**	2	2	1	1
Затрудняюсь ответить	4	**6**	1	2	4	1

Утвердительных ответов в группе респондентов 18–24 лет меньше, чем в других возрастных группах, а ответов «Затрудняюсь ответить» — больше. Отрицательных ответов меньше, чем в группе респондентов 25–34 года, но больше, чем в других возрастных группах, что можно объяснить возрастными особенностями, стремлением молодых определиться с ценностными предпочтениями. Данные опроса свидетельствуют в целом о патриотических чувствах респондентов.

Согласно ВЦИОМ, респонденты по-разному понимают слово «патриот» [25]. Молодые респонденты (18–24 года) считают патриотом человека, который «говорит о своей стране правду, какой бы горькой она ни была» (50%) и «стремится улучшить положение дел в стране» (50%), «работает / действует во благо / для процветания страны» (48%). Из предложенных ответов молодые респонденты выбирали позиции, связанные с деятельностной (конативной) составляющей патриотического сознания. На втором по охвату месте оказались ответы — «защищает свою страну от любых нападок и обвинений» (35%), «считает себя частью страны» (24%) — также связанные с гражданской идентичностью. Анализ данных ВЦИОМ показал направленность молодых респондентов на «действенный», а не «вербальный» патриотизм. Выделив общий вектор, раскроем содержательное наполнение понятия «патриот».

Несмотря на значительное число количественных и качественных исследований, замеряющих «уровень патриотизма» и его взаимосвязь с различными переменными, смысловое наполнение понятий «патриот», «патриотизм» остается методологической проблемой. В социологических опросах респонденту как правило задается вопрос о том, считает ли он себя патриотом или нет, выявляется корреляция между чувством гордости за страну, гражданской идентичностью и патриотизмом и т. д., но при этом четкого определения понятия «патриот» нет. Смысловая размытость термина приводит к тому, что исследователи и информанты придают понятию разные смыслы. В статье через методологию неоконченных предложений (НП) выделяются смыслы, которые студенты вкладывают в понятие «патриот». Метод НП является одним из мягким методов, соответственно, возникают сложности с получением с его помощью репрезента-

тивных данных, тем не менее его применение оправдано при изучении однородных социальных групп. Одним из преимуществ метода НП является минимизация влияния исследователя на ответы респондентов. В ответах респонденты следуют собственной логике, пользуются категориями, которыми оперируют в повседневной жизни.

В рамках исследования, в котором приняли участие 76 студентов 1-го курса института гуманитарных наук МГПУ (исследование проводилось в марте 2025 г.), информантам были предложены следующие неоконченные предложения, структурно распадающиеся на три смысловых блока — Таблица 2.

Таблица 2 — Смысловые блоки, выделенные в рамках исследования
Table 1 — Semantic Blocks Identified within the Terms of the Study

1. Патриотом я называю…	Б.1
2. Патриота отличает…	Б.2
3. Патриот должен…	Б.2
4. Ближе всего к понятию «патриот» понятие…	Б.1
5. Чаще всего патриотов можно встретить среди…	Б.3
6. Патриоты делятся на…	Б.3
7. Патриот всегда…	Б.2
8. Патриот никогда…	Б.2
9. Противоположность патриоту…	Б.3
10. Я не могу назвать патриотом того, кто…	Б.1

Задача блока 1 (Б.1) заключалась в том, чтобы выделить основные, с точки зрения информанта, общие, существенные характеристики патриота, установить, какие понятия синонимичны, или воспринимаются как противоположные, блока 2 (Б.2) — погрузить образ в определенные контексты и выявить особенности поведения патриота, блока 3 (Б.3) — сопоставить образ патриота с другими социальными образами.

Результаты исследования

Полученные данные оказалось возможным сгруппировать. Объединение схожих по смыслу ответов осуществлялось по каждому вопросу. В этой работе приняли участие и респонденты, что вызвало достаточно эмоциональные комментарии с их стороны. Приведем результаты:

Патриотом я называю человека, который «*любит свою страну и стремится сделать всё для ее процветания*», «*готов защищать на людях(публично) и/или частным образом, физически и/или морально свою страну*», «*любит свою страну и гордится ею несмотря на мнения других людей и ситуацию, ценит культуру и язык и способствует дальнейшему развитию и процветанию страны*», «*заботится о благополу-*

чии своей страны», «*любящего и готового трудиться на ее благо»,* «*любит Родину не за что-то, а на более глубоком уровне, не имеющем условий и рамок».* Большинство респондентов (90%), определяя понятие «патриот», подчеркивали любовь (гордость) к стране, культуре (85%); любовь(гордость) к людям (70%), готовность защищать страну (культуру) (50%); способствовать развитию и процветанию страны (культуры) (50%), заботу о благополучии страны (45%). Почти 40% отметили политические коннотации*: «слова "патриот", "патриотизм" в последнее время погружены в политический контекст», «в медиа слово "патриот" приобретает нездоровый характер*» (Елена, 18 л.). Сравнение ответов студентов с предложенными формулировками ВЦИОМ показало, что студенты конкретизируют понятие «любовь к стране». Это любовь к родному городу, уважение к людям, живущим в стране («страна — это не просто территория, а в первую очередь люди»), чувство сопричастности происходящим в стране событиям. Говоря про прошлое и настоящее страны, называют конкретные имена тех, кто работал/работает на благо страны. Ответы демонстрируют не просто усвоение социальной нормы в общем виде [1], но и выделение различных оснований для гордости и уважения к людям, культуре (научные и технические достижения, историческое прошлое, образование, искусство).

Патриота отличает «*безусловная любовь к Родине, преданность, готовность ее защищать»,* «*трудолюбие, желание принести стране пользу»,* «*уважение к культуре, людям»,* «*уверенность в своих взглядах»,* «*желание изучать историю и культуру своей страны»,* «*критическое мышление, он может отличить то, что хорошо в стране, от того, что плохо, он рационально, а не эмоционально рассуждает о проблемах и путях их решения»*. В ответах помимо признаков, указанных в вопросе 1. присутствует оценочный компонент. «*Патриота отличает неравнодушие. Он не просто говорит о любви к своей стране, а подтверждает это действиями — помогает другим, поддерживает общественные инициативы, интересуется историей и культурой. Такой человек уважает чужое мнение, но не предаёт свои принципы. Настоящий патриот не кричит о своей любви к Родине, она проявляется в его поступках*» (Анна, 18 л.). Студенты говорят о необходимости объективной оценки, зрелой любви, позволяющей выявлять и «менять то, что плохо», формировать устойчивую позицию. В ответах на этот вопрос появляется противопоставление «свой — другой(чужой)», но, как отметило большинство респондентов, «патриот не умаляет ни достижения других стран(культур), ни достижения родной страны».

Патриот должен «*трудиться на благо своей страны»,* «*участвовать в жизни своей страны, замечать не только преимущества, но и недостатки, которые необходимо устранить»* (70%)*,* «*знать историю, культуру страны»,* «*быть готовым ее защищать (в том числе в мирное время, отстаивая ее интересы и принципы)»,* «*гордиться страной, различать понятия "власть" и "Родина"»,* «*понимать, что у каждого человека своя Родина, к которой он относится с трепетом»,* «*просто любить страну».*

Ближе всего к понятию «патриот» понятие «*ответственный гражданин»* (60%)*,* «*свой, родной*», «*Родина*», «*любовь*», «*защитник*». В ответах на этот вопрос студенты особо подчеркивали коннотации с гражданской позицией, гражданской вовлеченностью.

Чаще всего патриотов можно встретить среди «*обычных, простых людей»,* «*пожилого населения»,* «*молодежи»,* «*интеллектуалов»,* «*среди людей, столкнувшихся с потерями в своей жизни»,* «*среди тех, кто вырос с чувством долга перед страной»,* «*среди представителей любой профессии, если человек работает с искренним жела-*

нием приносить пользу своей стране и её гражданам». Студенты перечисляют практически все социальные группы, отмечая, что патриотизм определяется не социальным статусом, а позицией, отношением к стране, культуре, людям. Можно вспомнить древнегреческий миф о непобедимом Антее, силой которого была связь с родной землей. Возможно, не все студенты помнят миф, но практически все отмечают необходимость связи с родной культурой, и, буквально, с родными местами.

Патриоты делятся на тех, кто *«патриот только тогда, когда это модно, и тех, кто понимает ценность своего народа, своей земли»*, *«псевдо- и настоящих, кто действительно искренне любит свою страну, не извлекая из этого никакой выгоды»*, *«мыслящих и пропагандистов»*, «*на тех, кто действует и тех, кто только говорит*». Ответы и их обсуждение показали, что студенты не воспринимают громкие лозунги. Как отметил один из студентов, «*настоящий патриот говорит, а не кричит о своей любви к Родине*». В указанном выше исследовании гражданственности российских старшеклассников [17] был выделен декларативный характер гражданско-патриотической позиции школьников. Студенты, напротив, старались конкретизировать ответы, приводили примеры, прибегали к метафорам, поясняя свои утверждения.

Патриот всегда *«любит Родину и в горе, и в радости»*, *«стремится к благополучию своей страны»*, *«честен по отношению к Родине и себе»*, *«уважает свою культуру, гордится своей национальной принадлежностью»*. *«Настоящий патриот также умеет критически мыслить и осознавать проблемы своей страны, стремясь их решить, а не игнорировать»* (Денис, 18 л.).

Патриот никогда *«не предаст Родину*, *не критикует свой народ и культуру»*, *«не будет негативно высказываться о своей стране, не променяет и не предаст Родину»*, *«не идеализирует порядки и устои в стране, не забывает слушать разные мнения, не боится критики»*, *«ничего не навязывает»*, *«не пропагандирует ненависть»*.

Противоположность патриоту — «*предатель*», «*трус, слабак*», «*пропагандист*», «*фашист*», «*иноагент*», «*эгоист*», «*человек, который готов отказаться от своей страны ради личной выгоды*», «*националист*», «*равнодушный человек*», «*деструктивный критик, анархист*», *«человек, которому безразлично будущее его страны. Он может жить в ней, пользоваться ее благами, но при этом не уважать ее законы, людей и традиции. Такой человек не интересуется тем, что происходит вокруг, или даже сознательно вредит своей стране ради личных интересов. Иногда это проявляется в безразличии, а иногда в откровенном неприятии своей Родины* (Михаил,19 л.)*»*. Как антипода патриота почти половина студентов выделили слабого, трусливого, пассивного и равнодушного человека, или того, кто своей деструктивной критикой и действиями вносит дисбаланс в современное общество. Патриотизм определяется студентами как позиция, которой придерживаются, отстаивают, защищают.

Я не могу назвать патриотом того, кто «*меняет свое мнение под давлением авторитетов*», «*не готов отстаивать интересы народа*», «*с ненавистью и неприязнью относится к своей стране*», «*фанатично, необъективно восхваляет свою страну, оскорбляя при этом другие*», «*не изучает культуру и историю своей страны*», «*не уважает законы своей страны*», «*ничего не сделал для своей страны*», «*ни к чему не привязан, не может назвать что-то “домом”, не любит людей своей страны, дистанцируется от них*», «*слепо любит Родину, без критического осмысления проблем*». В ряде исследований по теме «патриотизм» сопоставляют понятия «патриотизм» и «национализм» [23], выделяют понятия «горячий» и «холодный» патриотизм [2]. Ответы студентов показали, что для них данные понятия являются противоположными.

Метод НП позволил выявить ряд смысловых оттенков, которые, как правило, опускаются при использовании количественных методов. Студенты используют рациональную аргументацию, выделяют связь патриотизма со знанием истории и культуры родной страны; гордостью за конкретные достижения прошлого и настоящего; критическим осмыслением проблем и стремлением их разрешить; нравственными принципами; противопоставляют «трезвый, "зрячий" патриотизм» и «ура-патриотизм». Патриот всегда «стремится к улучшению жизни в своей стране, что требует критического взгляда на существующие проблемы» (Мария, 18 л.), «никогда не будет безразличен к судьбе своей страны или игнорировать проблемы общества; он всегда ищет пути для их решения» (Анна, 18 л.). «Я не могу назвать патриотом того, кто пренебрегает историей своего народа, отказываясь признавать заслуги и ошибки прошлого, кто не стремится к лучшему будущему для своей страны и ее граждан, а лишь критикует и осуждает без конструктивных предложений, кто ставит личные интересы выше общего блага и не готов поддерживать единство и солидарность в трудные времена» (Роман, 18 л.).

Выводы

Начиная с Г. Фреге, различают понятия «значение» и «смысл». Задавая вопрос о содержании знакомых слов, действий, человек инициирует смысловое многообразие. Смысл — это значение, сопряженное с личным опытом, конкретной ситуацией. Нельзя понять смысл, вложенный другим, не модифицируя его. Результаты исследования показали, что в структуре патриотического сознания студенты выделяют когнитивный и деятельностный компонент, раскрывая понятие «патриот», соотносят его с понятиями «знание истории и культуры страны», «осознанное чувство любви к Родине», «гражданственность». Патриотизм, по мнению студентов, предполагает гордость не просто страной в целом, а конкретными достижениями в научной, технической и др. сферах и активную позицию гражданина.

Понятия «патриот», «патриотизм» вызывают положительную реакцию, но студенты не принимают громкие слова, ложный, назидательный пафос, лозунги, отмечают риски деструктивной и значимость, необходимость конструктивной критики. «Деятельный» патриотизм они противопоставляют «вербальному» патриотизму, а также инертности, бездействию, пассивности.

Интернет-пространство, в которое погружены современные студенты, не способствует формированию четкой позиции. Сообщение и понимание в сетевом общении не связаны друг с другом; предмет обсуждения размывается, может подменяться другими вопросами. На мировоззренческие вопросы, возникающие у студентов, необходимы ответы и в рамках университетской среды. Преимущества образования, особенно высшего, — направленность и потребность критически осмыслять потребляемую информацию, проверять ее, обращая внимание на источники, обобщать полученный материал, умение слушать и слышать другого, выделять разные точки зрения — способствуют выявлению смыслового содержания используемых понятий, определению их концептуального контекста, проявлению в процессе коммуникации чувства «взаимности» воспринимаемых смыслов, в конечном счете — формированию собственной позиции. Важно, что студенты открыты и готовы обсуждать данные вопросы. И думается, что такой диалог позволит выявить смыслы и фоновое знание, подразумеваемые участниками общения, связать между собой разнородные составляющие коммуникативного поля современной цифровой культуры.

Список литературы

Исследования

1 *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

2 *Григорян Л.К.* Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. Т. 9, № 3. С. 22–30.

3 *Дронова Т.А., Дронов А.А.* Патриотизм — символ сопричастности судьбе Отечества (еще раз о воспитании патриотизма в студенческой среде) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 4. С. 41–45.

4 *Дунас Д.В., Гуреева А.Н., Бабына Д.А.* Воспитание патриотических чувств: изучение отношения цифровой молодежи к политическим нарративам в социальных медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13, № 2. С. 286–302.

5 *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 233–251.

6 *Зуляр Ю.А.* Политическое воспитание студентов — актуальная задача со временности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 3–6.

7 *Ивченков С.Г., Сайганова Е.В*. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125.

8 *Илларионова Л.П., Илларионов С.В.* Гражданско-патриотическое воспитание студентов в социокультурном пространстве вуза // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6. С. 62–63.

9 *Касамара В.А.* Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 3. С. 201–233.

10 *Килин С.В.* Теоретические, ценностные и организационно-правовые основы формирования патриотического умонастроения у современной российской молодежи // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 122–137.

11 *Лукушин В.А*. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 68–82.

12 *Магун А.В., Магун В.С.* Связь со страной и гордость за ее достижения (Российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 32–44.

13 *Маленков В.В.* Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.

14 *Парма Р.В.* Патриотические настроения студенческой молодежи в современной России // Власть. 2023. Т. 31, № 3. С. 17–24.

15 *Парма Р. В.* Патриотизм поколений в современном российском обществе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 4. С. 20–29.

16 *Парма Р.В.* Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 44–67.

17 *Селезнева А.В., Азарнова А.А.* «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 101–113.

18 *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.

19 *Томилина С.Н.* Моделирование государственно-патриотического воспитания молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 87–89.

20 *Черненькая С.В.* Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 178–180.

21 *Шатилов А.Б.* Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7, № 3. С. 18–23.

22 *Buralkin M.Yu., Chernenkaya S.V.* The problem of the scientific status theory of mediatization // Proceeding of the 11th International Scientific and Theoretical Conference — "Communicative Strategies of Information Society" (CSIS 2019). Series: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. St. Petersburg: European Publisher Ltd., 2020. Vol. 80. P. 272–280.

23 *De Figueiredo R.J.P., Elkins Z.* Are patriots bigots? An inquiry into the vices of in-group pride // American Journal of Political Science. Vol. 47, № 1. P. 171–188.

24 *Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G.* Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging // Journal of Youth Studies. Vol. 20, № 2. P. 252–267. https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862

Источники

25 Патриотизм: мониторинг // ВЦИОМ. Новости. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring (дата обращения: 13.07.2026).

***

© 2026. Svetlana V. Chernenkaya
Moscow, Russia

THE IMAGE OF A PATRIOT IN THE MIND OF MODERN STUDENTS

Abstract: The concept of "patriotism" stands somewhat apart in modern scientific research, its categorical status is not defined, and there is no clear definition in the literature. Research shows that there is a gap between youth and other groups of the population in understanding and interpreting this concept. It should be borne in mind that the socialization of modern youth is carried out in the Internet space, which is characterized by redundancy, and at the same time fragmentation and inconsistency of

information, which makes it difficult to form their own position. The purpose of this paper is to study the image of a patriot in the minds of students. To achieve this goal, the method of unfinished sentences was used, allowing to reveal the content of the concept of "patriot" and identify the sustainability of patriotic attitudes of modern students. The method of unfinished sentences made it possible to specify a number of semantic shades attached by young respondents to the concept of "patriot". Students highlight the connection of patriotism with moral principles, knowledge of the history and culture of their native country, pride in specific achievements of the past and present, critical reflection on problems and the desire to solve them. They also highlighted risks of destructive criticism and significance as well as the need for constructive criticism and opposed "active" patriotism to "verbal" one, as well as inertia, inaction, and passivity.
Keywords: patriot, patriotic consciousness, youth, digital media space
Information about the author: Svetlana V. Chernenkaya — PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, 2-oi Selskokhoziaistvennyi Pass., 4, 129226 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0002-7103-3059
E-mail: ChernenkayaSV@mgpu.ru
Received: May 14, 2025
Approved after reviewing: June 08, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Chernenkaya, S.V. "The Image of a Patriot in the Mind of Modern Students." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 141–152. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-141-152

References

1 Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [*Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*], trans. from English V. Nikolaev; introd. by S.P. Bankovskaia. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)

2 Grigorian, L.K. "Patriotizm i natsionalizm v Rossii: mekhanizmy vliianiia na ekonomicheskuiu samostoiatelnost" ["Patriotism and Nationalism in Russia: Mechanisms of Influence on Economic Independence"]. *Kulturno-istoricheskaia psikhologiia*, vol. 9, no. 3, 2013, pp. 22–30. (In Russ.)

3 Dronova, T.A., Dronov, A.A. "Patriotizm — simvol soprichastnosti sudbe Otechestva (eshche raz o vospitanii patriotizma v studencheskoi srede)" ["Patriotism is a Symbol of Belonging to the Fate of the Fatherland (Once again about the Education of Patriotism among Students)"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: Problemy vysshego obrazovaniia [Problems of Higher Education], no. 4, 2023, pp. 41–45. (In Russ.)

4 Dunas, D.V., Gureeva, A.N., Babyna, D.A. "Vospitanie patrioticheskikh chuvstv: izuchenie otnosheniia tsifrovoi molodezhi k politicheskim narrativam v sotsialnykh media" ["Fostering Patriotic Feelings: Studying the Attitude of Digital Youth to Political Narratives in Social Media"]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, vol. 13, no. 2, 2024, pp. 286–302. (In Russ.)

5 Evgeneva, T.V., Selezneva, A.V., Skipin, N.S., Tulegenova, D.D. "Zapros na paternalizm: ideia i tsennost gosudarstva v soznanii rossiiskoi molodezhi" ["A Request

for Paternalism: The Idea and Value of the State in the Minds of Russian Youth"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Series: Politologiia [Political Science], vol. 25, no. 1, 2023, pp. 233–251. (In Russ.)

6 Zuliar, Iu.A. "Politicheskoe vospitanie studentov — aktualnaia zadacha so vremennosti" ["Political Education of Students is an Urgent Task Since Modern Times"]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriia: Politologiia. Religiovedenie [Political Science. Religious studies], vol. 41, 2022, pp. 3–6. (In Russ.)

7 Ivchenkov, S.G., Saiganova, E.V. "Tsennostnye orientiry i ikh vliianie na vospriiatie patriotizma u molodezhi" ["Value Orientations and their Influence on the Perception of Patriotism among Young People"]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 11, no. 2, 2020, pp. 106–125. (In Russ.)

8 Illarionova, L.P., Illarionov, S.V. "Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie studentov v sotsiokulturnom prostranstve vuza" ["Civic and Patriotic Education of Students in the Socio-cultural Space of the University"]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, no. 6, 2018, pp. 62–63. (In Russ.)

9 Kasamara, V.A. "Mnogogrannyi patriotizm: ot kontseptsii k issledovaniiu molodezhnykh predstavlenii" ["Multifaceted Patriotism: from the Concept to the Study of Youth Ideas"]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, vol. 26, no. 3, 2023, pp. 201–233. (In Russ.)

10 Kilin, S.V. "Teoreticheskie, tsennostnye i organizatsionno-pravovye osnovy formirovaniia patrioticheskogo umonastroeniia u sovremennoi rossiiskoi molodezhi" ["Theoretical, Value, and Organizational and Legal Foundations of the Formation of a Patriotic Mindset among Modern Russian Youth"]. *Vestnik slavianskikh kultur*, vol. 58, 2020, pp. 122–137. (In Russ.)

11 Lukushin, V.A. "Vneshnee informatsionnoe davlenie na rossiiskuiu molodezh kak instrument globalnogo protivoborstva" ["External Information Pressure on Russian Youth as an Instrument of Global Confrontation"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3, 2023, pp. 68–82. (In Russ.)

12 Magun, A.V., Magun, V.S. "Sviaz so stranoi i gordost za ee dostizheniia (Rossiiskie dannye v kontekste mezhdunarodnykh sravnenii)" ["Connection with the Country and Pride in its Achievements (Russian Data in the Context of International Comparisons)"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3, 2009, pp. 32–44. (In Russ.)

13 Malenkov, V.V. "Patriotizm, grazhdanstvennost v politike i identichnosti molodezhi" ["Patriotism, Citizenship in Politics and Youth Identity"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia* [Philosophy. Sociology. Political Science], no. 57, 2022, pp. 120–131. (In Russ.)

14 Parma, R.V. "Patrioticheskie nastroeniia studencheskoi molodezhi v sovremennoi Rossii" ["Patriotic Sentiments of Student Youth in Modern Russia"]. *Vlast*, vol. 31, no. 3, 2023, pp. 17–24. (In Russ.)

15 Parma, R.V. "Patriotizm pokolenii v sovremennom rossiiskom obshchestve ["The Patriotism of Generations in Modern Russian Society"]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 20–29. (In Russ.)

16 Parma, R.V. "Prodvizhenie patrioticheskoi povestki v sotsialnykh media sredi rossiiskoi studencheskoi molodezhi" ["Promotion of the Patriotic Agenda in Social Media among Russian Students"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 33, no. 1, 2024, pp. 44–67. (In Russ.)

17 Selezneva, A.V., Azarnova, A.A. "'Rozhdenie grazhdanina': politiko-psikhologicheskii analiz grazhdanstvennosti rossiiskikh starsheklassnikov" ["'The Birth of a Citizen':

a Political and Psychological Analysis of the Citizenship of Russian High School Students"]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 5, 2020, pp. 101–113. (In Russ.)

18 Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Nestik, T.A. *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost* [*The Digital Generation of Russia: Competence and Security*]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 375 p. (In Russ.)

19 Tomilina, S.N. "Modelirovanie gosudarstvenno-patrioticheskogo vospitaniia molodezhi" ["Modeling of State-patriotic Education of Youth"]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, no. 2, 2019, pp. 87–89. (In Russ.)

20 Chernenkaia, S.V. "Gustav Shpet i sovremennaia filosofiia gumanitarnogo znaniia" ["Gustav Shpet and the Modern Philosophy of Humanitarian Knowledge"]. *Voprosy filosofii*, no. 12, 2006, pp. 178–180. (In Russ.)

21 Shatilov, A.B. "Formirovanie kontsepta gosudarstvennogo patriotizma v Rossii v period 2000–2017 gg.: osnovnye etapy i bazovye ideologemy" ["Formation of the Concept of State Patriotism in Russia in the Period 2000–2017: Main Stages and Basic Ideologemes"]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 7, no. 3, pp. 18–23. (In Russ.)

22 Buralkin, M.Yu., Chernenkaya S.V. "The problem of the scientific status theory of mediatization." *Proceeding of the 11th International Scientific and Theoretical Conference — "Communicative Strategies of Information Society" (CSIS 2019). Ser. "European Proceedings of Social and Behavioural Sciences"*, vol. 80. St. Petersburg, European Publisher Ltd., 2020, pp. 272–280. (In English)

23 De Figueiredo, Ricardo José Pedro, Elkins Zachary "Are patriots bigots? An inquiry into the vices of in-group pride." *American Journal of Political Science*, vol. 47, no. 1, pp. 171–188. (In English)

24 Krupets, Yulia, Morris, Julia, Nartova, N., Omelchenko, E., Sabirova, G. "Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging." *Journal of Youth Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 252–267. https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862 (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-153-167
УДК 394.011
ББК 71.11
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Р.А. Денисов
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2026 г. М.В. Ионцева
г. Москва, Россия

© 2026 г. О.В. Кащеев
г. Москва, Россия

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В УСЛОВИЯХ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ: НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ЭМПАТИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Аннотация: Статья посвящена кросс-культурным барьерам в условиях онлайн-коммуникации, рассматриваемым сквозь призму невербальной семиотики. В методологической основе — синтез семиотических подходов, кросс-культурного анализа и теории медиавозможностей. Проблема невербальных барьеров в онлайн-среде является во многом практически неисследованной областью в российской и зарубежной науке, что определяет высокую практическую значимость работы. Выявлены пять теоретических принципов, описывающих закономерности влияния дефицита кросс-культурных невербальных сигналов на доверие и сплоченность в гибридных командах, и предложена трехмодульная концепция виртуального эмпатического тренинга для развития цифровой кросс-культурной эмпатии. В рамках пилотного эмпирического исследования, проведенного на базе Государственного университета управления с вовлечением трех фокус-групп иностранных студентов очной формы обучения, осуществлена первичная апробация данного протокола. Установлено, что виртуальный эмпатический тренинг в онлайн-формате превосходит традиционные очные форматы подготовки по критерию формирования компетенций кросс-культурного общения в цифровой среде. Научная новизна состоит в одном из первых в российской науке опыте применения и верификации данной методики именно в условиях онлайн-коммуникации. Результаты применимы в образовательных организациях, ведущих международную деятельность, и в компаниях с развитой цифровой инфраструктурой. Среди перспективных направлений — масштабная эмпирическая верификация теоретических принципов и разработка алгоритмов анализа паралингвистических паттернов.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, кросс-культурные барьеры, онлайн-коммуникация, виртуальный эмпатический тренинг, гибридные команды, цифровая эмпатия, семиотика, коммуникативные помехи, доверие, сплоченность, межкультурная компетентность

Информация об авторах:
Роман Андреевич Денисов — помощник директора по работе с персоналом, рекламное агентство “SLV PR” (ИП Соловьев Андрей Дмитриевич), ул. Атаманская, д. 3/6С, 191167 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-4377-8066
E-mail: roma.dienisov@inbox.ru
Мария Владимировна Ионцева — доктор психологических наук, доцент, профессор, Государственный университет управления, ул. Рязанский просп., д. 99, 109542 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5229-5435
E-mail: miontseva1@gmail.com
Олег Вячеславович Кащеев — доктор технических наук, доцент, профессор Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Малая Калужская, д. 1, 119071 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6024-1488
E-mail: kasheev-ov@rguk.ru
Дата поступления статьи: 16.03.2026
Дата одобрения рецензентами: 06.07.2026
Дата публикации: заполняется на финальном этапе подготовки
Для цитирования: *Денисов Р.А., Ионцева М.В., Кащеев О.В.* Кросс-культурные барьеры в условиях онлайн-коммуникации: невербальные сигналы и эффективность виртуального эмпатического тренинга // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 153–167. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-153-167

Межкультурная коммуникация в условиях глобализации и вестернизации культуры сталкивается с множеством препятствий, обусловленных различиями в ценностных системах, нормах поведения и способах интерпретации действительности. Культурные барьеры проявляются не только на уровне языка, но прежде всего в области невербальной семиотики — системы знаков и значений, которые люди используют для взаимопонимания. Эти барьеры особенно актуальны в условиях гибридной работы, где технологическое опосредование дополнительно осложняет передачу невербальных сигналов [10].

Особую практическую значимость данная проблематика приобретает в контексте онлайн-коммуникации. Несмотря на стремительный рост числа международных взаимодействий, опосредованных цифровыми технологиями, — в академической, деловой и профессиональной средах [4], — систематического изучения кросс-культурных барьеров применительно именно к онлайн-формату по-прежнему крайне мало как в отечественной, так и в зарубежной науке. Особенно это актуально в отношении изучения специфики преодоления коммуникативных барьеров не только у представителей славянской и западной культуры, но и в рамках все возрастающего культурного обмена между славянскими и азиатскими народами.

Отечественные исследователи анализируют цифровое измерение межкультурной коммуникации главным образом в сфере управления и организационного поведе-

ния [2, 5] или в контексте общих тенденций цифровизации культуры [1], не выделяя онлайн-среду как самостоятельную область изучения с точки зрения невербальных кросс-культурных барьеров. Имеющиеся работы, затрагивающие соотношение онлайн- и офлайн-коммуникативных форматов [8], касаются данной темы лишь периферийно, констатируя проблему, но не предлагая ее систематического теоретического решения. Принципиально важно, что теоретические основы невербальной межкультурной коммуникации, заложенные в первую очередь в «Безмолвном языке» Э. Холла [14], формировались исключительно применительно к непосредственному личному контакту; перенос этих концепций в онлайн-пространство, где проксемика, кинесика и паралингвистика функционируют принципиально иным образом, по-прежнему остается нерешенной исследовательской задачей. Практическая потребность в разработке инструментов преодоления невербальных кросс-культурных барьеров именно в онлайн-среде является обоснованным приоритетом для современной науки о коммуникации, чему посвящено настоящее исследование.

Семиотические подходы, берущие свое начало в работах Ч.С. Пирса и У. Эко, являются мощным теоретическим инструментарием для понимания того, как невербальные знаки функционируют в межкультурной коммуникации. Семиотика рассматривает невербальную коммуникацию как сложную систему кодирования и декодирования смыслов, где один и тот же знак имеет различные значения в зависимости от культурного контекста. Преодоление культурных барьеров, согласно семиотическому подходу, в том числе и благодаря развитию способности к интерпретации знаков, предполагает глубокое понимание культурных кодов, лежащих в основе коммуникативного поведения.

Исторический анализ развития человеческой коммуникации показывает, что невербальная коммуникация зарождалась раньше вербальной и остается фундаментальной для передачи эмоций, установления контакта и регуляции социального взаимодействия [7]. Жесты, мимика, проксемика и паралингвистические элементы функционировали как первичные инструменты общения задолго до появления членораздельной речи, разделения людей на нации и народности. В процессе эволюции человеческого общества вербальный язык развился как дополнение к невербальной коммуникации, однако последняя никогда не теряла своего значения и до сегодняшнего дня остается определяющей в установлении доверия и эмоционального контакта между представителями различных этносов и культур [6]. Данный фундаментальный факт особенно важен для понимания кросс-культурных различий: если невербальная коммуникация имеет древние корни в эволюции человека, то некоторые ее компоненты могут обладать универсальными характеристиками, которые преодолевают культурные границы.

В контексте новой цифровой культуры происходит рождение новых форм коммуникации, которые имеют универсальный характер и доступны для всех независимо от языковой принадлежности и культурного происхождения. Эмодзи, смайлики, визуальные символы и графические элементы цифровой среды становятся зарождающимся глобальным языком, который преодолевает традиционные культурные барьеры [8]. Данные символы можно описать как современные иероглифы, которые несут в себе универсальную семантику эмоций и состояний человека. Согласно последним исследованиям, использование эмодзи и визуальных элементов в цифровой коммуникации способствует снижению коммуникативных помех и повышению эффективности понимания в межкультурном контексте [1]. Цифровую невербальную семиотику можно описать как адаптивную систему, которая развивается в ответ на потребности глобального

сообщества в более инклюзивной и доступной коммуникации. Они представляют собой новый уровень семиотической реальности, где традиционные культурные различия в некоторой степени сводятся к принципу универсальности, доступности и интуитивности цифровых символов [8]. Фактически преодоление культурных барьеров невозможно без понимания того, насколько эти барьеры влияют на интерпретацию даже универсальных символов. Например, эмодзи могут использоваться по-разному в различных культурных контекстах, несмотря на то что имеют одинаковое значение [8]. Это требует развития культурной грамотности и семиотической чувствительности.

В контексте анализа современных исследований кросс-культурной коммуникации и ее влияния на групповую динамику [3, 5, 7] открывается возможность сформулировать систему теоретических принципов (таблица 1), раскрывающих взаимосвязь между дефицитом культурно-обусловленных невербальных сигналов и ключевыми социально-психологическими конструктами групповой динамики — сплоченностью и доверием.

Первый принцип — культурно-опосредованной интерпретации невербальных сигналов — постулирует, что в условиях кросс-культурного гибридного взаимодействия снижение интенсивности и качества передачи невербальных компонентов (кинесики, проксемики, паралингвистики) приводит к их неоднозначной трактовке, которая основывается на культурных принципах реципиента. Данный фактор создает почву для формирования ошибочных атрибуций и способствует снижению межличностного доверия, особенно в мультикультурных коллективах, где отсутствуют мультикультурные коммуникативные коды.

Второй принцип — принцип компенсаторной нагрузки на вербальные каналы — отражает закономерность, по которой дефицит невербальной информации в гибридной среде увеличивает когнитивную нагрузку на участников данного процесса и вынуждает их полагаться на вербальную коммуникацию, которая во многом является недостаточной для полной передачи эмоционального и социального контекста. Это ведет к возникновению коммуникативных ошибок, способствует снижению скорости достижения группового консенсуса и ослабляет чувство групповой принадлежности. В долгосрочной перспективе данная закономерность ведет к фрагментации группового взаимодействия и снижению сплоченности.

Третий принцип — принцип асинхронного накопления коммуникативных помех — описывает кумулятивный эффект технологического опосредования: каждое искажение или потеря невербального сигнала не исчезает, а накапливается, создавая скрытые конфликты и способствуя разрушению доверия. В условиях кросс-культурной коммуникации в межнациональных командах данный эффект значительно усиливается, что значительно усугубляет проблему использования цифровых инструментов для преодоления культурных барьеров внутри кросс-культурных команд [4].

Четвертый принцип — принцип иерархической значимости невербальных компонентов — заключает, что влияние дефицита сигналов на групповую динамику действует весьма неравномерно: нарушения в области кинесики (жесты и мимика) оказывают гораздо большее влияние на уровень эмоционального доверия, в то время как проксемические и паралингвистические искажения скорее влияют на инструментальное доверие и степень скоординированности [2, 10]. Особенно сильно данная закономерность проявляется в гибридных командах, где современные информационные технологии фильтруют разные типы социальных коммуникативных сигналов. Например, видеосвязь достаточно хорошо передает кинесику собеседников, однако при этом практически полностью нивелирует проксемику.

Пятый принцип — принцип культурного компенсаторного поведения — указывает на то, что группы с высоким уровнем культурной компетентности способны развивать адаптивные стратегии в целях уменьшения дефицитов невербальных сигналов. Однако такие стратегии требуют затраты большого объема дополнительных ресурсов и доверия, особенно на начальных этапах взаимодействия.

Таблица 1 — Система принципов взаимосвязи дефицита кросс-культурных невербальных сигналов с доверием и сплоченностью
Table 1 — The System of Principles of Interrelation of the Deficit of Cross-cultural Non-verbal Signals with Trust and Cohesion

№ принципа	Название принципа	Сущность принципа	Влияние на доверие и сплоченность
1	Принцип культурно-опосредованной интерпретации невербальных сигналов	Снижение интенсивности и качества передачи невербальных компонентов приводит к их неоднозначной трактовке на основе культурных моделей реципиента	Формирование ошибочных атрибуций, снижение межличностного доверия
2	Принцип компенсаторной нагрузки на вербальные каналы	Дефицит невербальной информации увеличивает когнитивную нагрузку и вынуждает полагаться на вербальную коммуникацию	Снижение скорости достижения консенсуса, ослабление групповой принадлежности, фрагментация взаимодействия
3	Принцип асинхронного накопления коммуникативных помех	Технологическое опосредование приводит к кумулятивному эффекту: искажения накапливаются, создавая скрытые конфликты	Разрушение доверия, усиление конфликтного потенциала
4	Принцип иерархической значимости невербальных компонентов	Неравномерное влияние дефицита разных типов сигналов: кинесика влияет на эмоциональное доверие, проксемика и паралингвистика — на инструментальное	Дифференцированное снижение различных аспектов доверия и координации

5	Принцип культурного компенсаторного поведения	Группы с высокой культурной компетентностью развивают адаптивные стратегии для уменьшения дефицита сигналов	Требует дополнительных ресурсов, но способствует сохранению доверия и сплоченности

Предложенная система принципов отражает, что дефицит культурно-обусловленных невербальных сигналов в гибридных командах не является нейтральным фактором, а скорее выступает как сложный динамический конструкт, опирающийся на ключевые аспекты групповой динамики. Накопление коммуникативных помех, возрастающая когнитивная нагрузка и культурно-обусловленные ошибки интерпретации являются достаточно сильной помехой в рамках кросс-культурной гибридной коммуникации. Отсутствие компенсаторных механизмов ведет к снижению общего уровня доверия и групповой сплоченности в коллективе. Данные закономерности проявляют необходимость разработки новых теоретических моделей, в основе которых лежит интеграция как культурных, так и психологических переменных, используемых для прогнозирования и управления групповой динамикой в гибридных мультикультурных коллективах.

В рамках разрешения всех указанных выше проблем и недостатков в контексте кросс-культурной невербальной коммуникации в гибридных командах мы предлагаем и представляем концептуальные основы протокола виртуального эмпатического тренинга для гибридных межкультурных команд (таблица 2).

Протокол виртуального эмпатического тренинга представляет собой теоретический конструкт, его основной задачей является компенсация дефицита кросс-культурных невербальных сигналов в гибридных командах. В методологической основе протокола лежит интеграция трех ключевых направлений, описанных выше: психология коммуникаций (с акцентом на механизмы социальной перцепции и эмпатии), кросс-культурный менеджмент в сфере формирования культурной компетентности, а также теория медиавозможностей [10].

Под теорией медиавозможностей чаще всего понимают теорию богатства медиавозможностей (Media Richness Theory, MRT) [10], разработанную Дафтом и Ленгелем (1986), которая объясняет выбор каналов коммуникации в зависимости от их способности передавать информацию и снижать неопределенность. Основной тезис: не существует универсального средства, эффективность медиа зависит от сложности сообщения (богатое или бедное). Сегодня теория богатства медиавозможностей является одной из наиболее популярных и часто используемых теорий компьютерно-опосредованной коммуникации, хотя она появилась до того, как интернет и электронные способы коммуникации вошли в повседневную жизнь.

В 1999 г. Алан Р. Деннис и Джозеф С. Валасич использовали положения теории богатства медиавозможностей, расширив и эмпирически обосновав ее в своей теории синхронности медиа. Коммуникация может быть синхронной или асинхронной. Что касается богатства возможностей средств связи, прослеживается определенная вза-

имосвязь с их синхронностью: чем сложнее, т. е. богаче по передаваемой информации канал связи, тем больше вероятность того, что он подходит для синхронной коммуникации. Синхронность при этом дает в первую очередь возможность получения своевременной обратной связи по переданному содержанию сообщения [11].

В основе концепции нашего тренинга лежит положение о том, что целенаправленное развитие навыков распознавания и интерпретации культурно-обусловленных невербальных паттернов в цифровой среде способно снизить коммуникативные помехи и улучшить динамику группового взаимодействия. В структуре протокола можно выделить три взаимосвязанных модуля (таблица 2). Первый, теоретико-аналитический, направлен на формирование у участников системы знаний о различных вариациях культурной невербальной коммуникации и их трансформации в межкультурной гибридной среде, с применением интерактивных лекций с анализом кейсов межкультурного общественного непонимания, в корне которого лежит, главным образом, технологическое опосредование сигналов. Второй, симуляционно-практический, в основе которого лежат действия участников тренинга в смоделированных гибридных сценариях, в рамках которых они обучаются распознавать и компенсировать дефицит невербальной информации, используя, главным образом, вербальные и паралингвистические средства. Третий — рефлексивно-интегративный, направленный на развитие метакогнитивных навыков, способности осознавать и контролировать собственные познавательные процессы, а также методы изучения информации и умение управлять этим процессом [13]. Предполагается, что здесь участники будут анализировать собственные коммуникативные ошибки, учиться идентифицировать культурные фильтры в интерпретации поведения коллег и разрабатывать персонализированные стратегии адаптации. Ключевым инструментом являются групповые дискуссии с использованием записи сессий для последующего анализа невербальных паттернов. В теоретической основе данного модуля лежит концепция адаптивной структурации, которая выделяет роль агентности участников в освоении технологий [12].

В качестве ожидаемого результата протокола можно выделить формирование цифровой кросс-культурной эмпатии [7], т. е. способности к адекватному восприятию и интерпретации эмоциональных состояний и коммуникативных интенций партнеров в условиях технологических ограничений. Данный результат может быть достижим при сочетании когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов обучения. Тут важно отметить, что протокол предусматривает вариативность форматов для учета специфики гибридной работы, т. е. преимущественно в онлайн-формате, однако некоторые составляющие тренинга могут быть отработаны также и в офлайн-формате в зависимости от специфики организации и прочих вводных, основанных на контексте проводимого тренинга.

Предложенный протокол виртуального эмпатического тренинга является теоретически обоснованной концепцией для развития компетенций, которые необходимы для создания эффективной групповой динамики в гибридных мультикультурных командах. Его внедрение способно смягчить негативные эффекты технологического опосредования невербальных сигналов и повысить уровень доверия и сплоченности в условиях культурного разнообразия.

Таблица 2 — Протокол виртуального эмпатического тренинга: Структура и компоненты протокола
Table 2 — Virtual Empathic Training Protocol: Structure and Components of the Protocol

Аспект	Описание
Основная цель	Компенсация дефицита кросс-культурных невербальных сигналов в гибридных командах.
Методологическая основа	Интеграция трех направлений: психология коммуникации, кросс-культурный менеджмент, теория медиавозможностей.
Ключевая концепция	Развитие навыков распознавания и интерпретации культурно-обусловленных невербальных паттернов в цифровой среде.
Модуль 1	Теоретико-аналитический: Формирование знаний о вариациях невербальной коммуникации через интерактивные лекции и кейсы.
Модуль 2	Симуляционно-практический: Участие в смоделированных гибридных сценариях для обучения компенсации дефицита невербальной информации.
Модуль 3	Рефлексивно-интегративный: Развитие метакогнитивных навыков через анализ ошибок и групповые дискуссии с записью сессий в онлайн и частично в офлайн формате.
Ожидаемый результат	Формирование цифровой кросс-культурной эмпатии (адекватное восприятие эмоций и интенций партнеров в условиях технологических ограничений).
Компоненты обучения	Когнитивный, аффективный, поведенческий.
Вариативность	Учет специфики гибридной работы через гибкие форматы.

Полная модель влияния дефицита кросс-культурных невербальных сигналов на групповую динамику в гибридных командах приведена ниже (таблица 3). Помимо основных факторов, влияющих на дефицит кросс-культурных невербальных сигналов, модель также включает протокол виртуального эмпатического тренинга и оценивает его влияние на коммуникацию в гибридных командах.

Таблица 3 — Теоретическая модель влияния дефицита кросс-культурных невербальных сигналов на групповую динамику в гибридных командах
Table 3 — Theoretical Model of the Effect of the Deficit of Cross-cultural non-verbal Signals on Group Dynamics in Hybrid Teams

Элемент модели	Сущность и характеристика	Влияние на групповую динамику	Компенсаторные механизмы
Основные компоненты невербальной коммуникации	Проксемика, паралингвистика, кинесика как многокомпонентный феномен, детерминированный культурным контекстом	Формирование коммуникативных сбоев при нарушении культурных норм (восприятие как агрессии/холодности, непонимание интенций)	Развитие культурной компетентности, изучение культурно-специфических паттернов
Технологическое опосредование	Фильтрация и искажение невербальных сигналов в гибридной среде (асинхронность, цифровой этикет)	Накопление коммуникативных помех, снижение скорости достижения консенсуса, фрагментация взаимодействия	Использование медиа-возможностей, адаптация коммуникативных стратегий
Протокол виртуального эмпатического тренинга	Трехмодульная структура (теоретико-аналитический, симуляционно-практический, рефлексивно-интегративный)	Формирование цифровой кросс-культурной эмпатии, снижение коммуникативных барьеров	Интеграция в корпоративное обучение, использование VR-симуляций
Ожидаемый результат	Формирование цифровой кросс-культурной эмпатии	Повышение уровня доверия и сплоченности в условиях культурного разнообразия	Комбинация когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов

Разработанный протокол виртуального эмпатического тренинга прошел первичную апробацию в ходе пилотного эмпирического исследования, проведенного на базе

Государственного университета управления. В качестве участников выступили иностранные студенты очной формы обучения, представляющие различные культурно-лингвистические регионы и обладающие сопоставимым уровнем адаптации к российской образовательной и коммуникативной среде. В рамках проводимого исследования иностранные студенты осваивали невербальную коммуникацию, присущую именно русской культуре, в которую они были погружены в полном объеме. Для проведения исследования были сформированы три фокус-группы (n = 60) с однородными социально-демографическими параметрами. Для проведения исследования привлекались студенты из Иордании, Вьетнама, Чада, Мали, Уганды и Монголии. Сбор данных осуществлялся методом фокусированного интервью; протокол охватывал три ключевых аналитических блока: субъективно воспринимаемые трудности при кросс-культурной онлайн-коммуникации, стратегии компенсации дефицита невербальных сигналов в цифровой среде, а также самооценку уровня доверия и сплоченности при онлайн-взаимодействии с представителями других культур.

Первая (контрольная) группа (n = 20) не проходила какой-либо специализированной коммуникативной подготовки. Вторая группа (n = 20) участвовала в традиционной программе межгрупповой коммуникации в очном формате, направленной на освоение культурно-специфических поведенческих норм и выработку стратегий взаимодействия в мультикультурной среде. Третья группа (n = 20) прошла виртуальный эмпатический тренинг в полном онлайн-формате по трехмодульному протоколу, описанному в данной статье. Интервью проводились после завершения каждого из форматов с последующей фиксацией коммуникативного поведения участников при онлайн-взаимодействии с иностранными коллегами.

Участники контрольной группы описывали онлайн-взаимодействие с представителями других культур как систематически затрудненное: они фиксировали частые ошибки интерпретации паравербальных сигналов, неопределенность в оценке коммуникативных интенций собеседника, а в качестве компенсаторной стратегии использовали преимущественно увеличение вербальной детализации, что в точности соответствует второму из сформулированных принципов. Доверие к онлайн-партнерам иного культурного происхождения оставалось невысоким, а источники коммуникативного дискомфорта участники, как правило, атрибутировали личностным, а не культурным различиям.

Участники группы традиционного очного тренинга демонстрировали заметное улучшение взаимопонимания в условиях непосредственного личного контакта: точнее идентифицировали культурно-специфические паттерны поведения и осознаннее выстраивали коммуникацию в офлайн-среде. Вместе с тем при переходе к онлайн-взаимодействию в данной группе наблюдался устойчивый регресс: освоенные стратегии компенсации невербального дефицита были ориентированы на условия очного контакта — на кинесические и проксемические сигналы — и практически не транслировались в цифровое пространство. Уровень доверия при онлайн-взаимодействии с иностранными партнерами оставался сопоставимым с показателями контрольной группы.

Наиболее устойчивые результаты продемонстрировали участники группы виртуального эмпатического тренинга. В ходе интервью они значительно точнее идентифицировали культурные источники коммуникативных помех в онлайн-среде, целенаправленно применяли стратегии паралингвистической компенсации — осознанное использование эмодзи, структурирование письменных и устных онлайн-сообщений, эксплицитное выражение эмоциональных состояний — и реже допускали ошибки

атрибуции намерений собеседника. Самооценка уровня доверия и сплоченности при онлайн-взаимодействии с представителями других культур у участников данной группы была качественно выше по сравнению с двумя другими группами.

Совокупность полученных результатов позволяет заключить, что виртуальный эмпатический тренинг в онлайн-формате обеспечивает более высокий уровень сформированности компетенций кросс-культурного взаимодействия в цифровой среде по сравнению как с отсутствием целенаправленной подготовки, так и с традиционными очными тренинговыми программами. Объяснительным механизмом данного преимущества служит принцип экологической валидности: навыки, выработанные непосредственно в условиях, соответствующих реальной ситуации их применения, характеризуются значительно более высоким уровнем переноса и устойчивости применительно именно к онлайн-коммуникации. Полученные данные согласуются с положениями теории медиасинхронности [11] и свидетельствуют о продуктивности предложенного подхода для системной работы с кросс-культурными барьерами в цифровом пространстве.

Проведенное исследование позволяет сформулировать выводы как теоретического, так и прикладного порядка в отношении кросс-культурных барьеров в условиях онлайн-коммуникации.

На теоретическом уровне сформулированная система из пяти принципов показывает, что дефицит культурно-обусловленных невербальных сигналов в гибридных и онлайн-средах действует как сложный динамический конструкт, воздействующий сразу на несколько ключевых составляющих групповой динамики — доверие, сплоченность и скорость достижения консенсуса. Накопление коммуникативных помех, возрастающая когнитивная нагрузка и культурно-опосредованные ошибки интерпретации не компенсируют, а усиливают друг друга, создавая деструктивный кумулятивный эффект. При этом теоретические концепции невербальной межкультурной коммуникации, основы которых изложены еще в «Безмолвном языке» Э. Холла [14], нуждаются в систематической адаптации применительно к онлайн-контексту — задача, которая остается актуальной и в значительной мере нерешенной как в отечественной, так и в зарубежной науке. Появление новых форм цифровой невербальной коммуникации — эмодзи, смайликов и визуальных символов — открывает перспективы создания более инклюзивного глобального языка, однако не снимает проблему культурно-обусловленной вариативности их интерпретации [8].

На прикладном уровне проведенное пилотное эмпирическое исследование впервые верифицировало протокол виртуального эмпатического тренинга в условиях онлайн-коммуникации и установило его превосходство над традиционным очным форматом именно в части формирования компетенций цифрового кросс-культурного взаимодействия. Данный результат имеет непосредственное значение для системы международного образования, управления мультикультурными командами и разработки корпоративных программ обучения. Ускорения процесса адаптации представителей арабской и азиатской культуры к особенностям коммуникативных процессов, характерным российской, славянской культуре. Применимость модели наиболее высока в организациях с развитой цифровой инфраструктурой; в условиях языкового неравенства она требует существенной адаптации, поскольку владение общим языком коммуникации остается фундаментальным условием декодирования любых компенсаторных и паралингвистических сигналов [8].

Научная новизна работы определяется тем, что протокол виртуального эмпатического тренинга описан и апробирован применительно к онлайн-среде впервые:

существующие подходы к развитию межкультурной коммуникативной компетентности ориентированы преимущественно на очный формат и не предлагают методики, изначально разработанной для цифрового пространства. Тем самым настоящее исследование как восполняет концептуальный пробел в теории кросс-культурной коммуникации, так и предлагает практически верифицированный инструмент для работы с одной из наиболее актуальных современных коммуникативных проблем. Среди перспективных направлений — масштабная верификация предложенных принципов в широком спектре культурных конфигураций, разработка алгоритмов машинного обучения для анализа паралингвистических онлайн-паттернов с целью выявления культурно-обусловленных закономерностей [9], интеграция макро- и микрокультурных переменных в аналитическую модель, а также изучение этических аспектов цифрового мониторинга коммуникативного поведения, связанных с рисками нарушения приватности и манипулирования. Дальнейшие исследования в данном направлении будут способствовать формированию той рабочей среды, где культурное разнообразие становится источником силы, а не барьером для взаимопонимания — в полном соответствии с логикой развивающейся глобальной цифровой коммуникации.

Список литературы

Исследования

1 *Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В.* Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516–531.

2 *Бурова А.Н.* Роль межкультурной коммуникации в процессе интернационализации экономики // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10, № 3. С. 887–898.

3 *Ильин В.А., Салмина Н.Г., Звонова Е.В.* Проблема кросс-культурной коммуникации в зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 4. С. 92–114.

4 *Измайлов М.К.* Цифровизация в управлении многокультурными командами: стратегии эффективной интеграции // Международный бизнес. 2025. № 2 (12). С. 101–111.

5 *Каштанова Е.В.* и др. Кросс-культурный менеджмент в сложившейся культуре коммуникаций // Вестник славянских культур. 2022. № 64. С. 121–133.

6 *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 582 с.

7 *Новикова И.А., Гридунова М.В.* Межкультурные различия представлений о невербальной коммуникации у российских и китайских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 3. С. 40–45.

8 *Фатюшина Е.Ю., Семина О.Ю. Невербальные средства демонстрации дружелюбия при межкультурной коммуникации в онлайн- и офлайн-форматах* // Электронный научный журнал «Научные тенденции». 2021. № 8. URL: https://rep.barsu.by/handle/data/11812 (дата обращения: 22.02.2026)

9 *Фирсова А.А., Карапетян А.М., Бунтовский С.Ю.* Кросс-культурные аспекты PR-кампаний // Журнал прикладных исследований. 2024. № S2. С. 60–63.

10 *Daft R.L., Lengel R.H.* Organizational Information Requirements, Media Richness and Structural Design // Management Science. 1986. Vol. 32, № 5. P. 554–571.

11 *Dennis A.R., Valacich J.S.* Rethinking media richness: Towards a theory of media synchronicity // Proceedings of the 32nd Annual Hawaii International Conference on Systems Sciences (HICSS-32). Abstracts and CD-ROM of Full Papers. Hawaii, Maui: IEEE, 1999. 10 p.
12 DeSanctis G., Poole M. S. Capturing the complexity in advanced technology use: Adaptive structuration theory // Organization Science. 1994. Vol. 5, № 2. P. 121–147.
13 *Flavell J.H.* Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-developmental Inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34, № 10. P. 906–911.
14 *Hall, Edward T.* The Silent Language. N. Y.: Doubleday, 1959. 240 p.

Источники

15 *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001. 384 с.
16 *Экман П.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
17 *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 1998. 432 с.
18 *Холл Э.* За пределами культуры. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 256 с.
19 *Martin K., Freeman R. E.* Some problems with employee monitoring // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 43, № 4. P. 353–361.

***

© 2026. Roman A. Denisov
St. Petersburg, Russia

© 2026. Mariya V. Iontseva
Moscow, Russia

© 2026. Oleg V. Kashcheev
Moscow, Russia

CROSS-CULTURAL BARRIERS IN ONLINE COMMUNICATION: NON-VERBAL SIGNALS AND THE EFFECTIVENESS OF VIRTUAL EMPATHIC TRAINING

Abstract: The paper focuses on cross-cultural barriers in online communication through the lens of non-verbal semiotics. The methodological framework integrates semiotic approaches, cross-cultural analysis, and media richness theory. The study demonstrates that non-verbal barriers in the online environment constitute a virtually unexplored area in both Russian and international scholarship, which determines the high practical significance of the study. Five theoretical principles are identified describing how a deficit of cross-cultural non-verbal signals affects trust and cohesion in hybrid teams, and a three-module virtual empathic training concept is proposed for developing digital cross-cultural empathy. A pilot empirical study conducted at the State University of

Management involving three focus groups of international full-time students provided initial verification of the protocol. The research has found that virtual empathic training in online format surpasses traditional face-to-face training in developing cross-cultural communication competencies for the digital environment. The scientific novelty lies in one of the first attempts in Russian scholarship to apply and verify this methodology specifically in online communication. The findings are applicable to educational institutions engaged in international activities and companies with well-developed digital infrastructure. Promising directions include large-scale empirical verification of theoretical principles and development of algorithms for analyzing paralinguistic patterns.

Keywords: non-verbal communication, cross-cultural barriers, online communication, virtual empathic training, hybrid teams, digital empathy, semiotics, communicative interference, trust, cohesion, intercultural competence

Information about the authors:

Roman A. Denisov — Assistant Director of Human Resources, SLV PR Advertising Agency (Sole proprietor Solovyov Andrey Dmitrievich), Atamanskaya St., 3/6S, 191167 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-4377-8066

E-mail: roma.dienisov@inbox.ru

Mariya V. Iontseva — DSc in Psychology, Associate Professor, Professor, State University of Management, Ryazanskiy Pass., 99, 109542 Moscow, Russia

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5229-5435

E-mail: miontseva1@gmail.com

Oleg V. Kashcheev — DSc in Technical Sciences, Assistant Professor, Professor, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6024-1488

E-mail: kasheev-ov@rguk.ru

Received: March 16, 2026

Approved after reviewing: July 06, 2026

Date of publication: September 25, 2026

For citation: Denisov, R.A., Iontseva, M.V., Kashcheev, O.V. “Cross-Cultural Barriers in Online Communication: Non-Verbal Signals and the Effectiveness of Virtual Empathic Training.” *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 81, 2026, pp. 153–167. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-153-167

References

1 Astafeva, O.N., Nikonorova, E.V., Shlykova, O.V. “Kultura v tsifrovoi tsivilizatsii: novyi etap osmysleniia strategii budushchego dlia ustoichivogo razvitiia” [“Culture in a Digital Civilization: A New Stage in Rethinking Future Strategies for Sustainable Development”]. *Observatoriia kultury*, vol. 15, no. 5, 2018, pp. 516–531. (In Russ.)

2 Burova, A.N. “Rol mezhkulturnoi kommunikatsii v protsesse internatsionalizatsii ekonomiki” [“The Role of Intercultural Communication in the Process of Economic Internationalization”]. *Liderstvo i menedzhment*, vol. 10, no. 3, 2023, pp. 887–898. (In Russ.)

3 Ilin, V.A., Salmina, N.G., Zvonova, E.V. "Problema kross-kulturnoi kommunikatsii v zarubezhnykh issledovaniiakh" ["The Problem of Cross-Cultural Communication in Foreign Studies"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14: Psikhologiia [Psychology]*, no. 4, 2022, pp. 92–114. (In Russ.)

4 Izmailov, M.K. "Tsifrovizatsiia v upravlenii mnogokulturnymi komandami: strategii effektivnoi integratsii" ["Digitalization in Managing Multicultural Teams: Strategies for Effective Integration"]. *Mezhdunarodnyi biznes*, no. 2 (12), 2025, pp. 101–111. (In Russ.)

5 Kashtanova, E.V. and other. "Kross-kulturnyi menedzhment v slozhivsheisia kulture kommunikatsii" ["Cross-Cultural Management in the Established Culture of Communications"]. *Vestnik slavianskikh kultur*, no. 64, 2022, pp. 121–133. (In Russ.)

6 Kreidlin, G.E. *Neverbalnaia semiotika. Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [*Non-Verbal Semiotics. Body Language and Natural Language*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 582 p. (In Russ.)

7 Novikova, I.A., Gridunova, M.V. "Mezhkulturnye razlichiia predstavlenii o neverbalnoi kommunikatsii u rossiiskikh i kitaiskikh studentov" ["Intercultural Differences in Perceptions of Non-Verbal Communication among Russian and Chinese Students"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Series: Psikhologiia i pedagogika [Psychology and Pedagogy]*, no. 3, 2011, pp. 40–45. (In Russ.)

8 Fatyushina E.Yu., Semina O.Yu. "Neverbalnye sredstva demonstratsii druzheliubiia pri mezhkulturnoi kommunikatsii v onlain- i oflain-formatakh" ["Non-Verbal Means of Demonstrating Friendliness in Intercultural Communication in Online and Offline Formats"]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauchnye tendentsii»*, no. 8, 2021. Available at: https://rep.barsu.by/handle/data/11812 (Accessed 22 February 2026) (In Russ.)

9 Firsova, A.A., Karapetian, A.M., Buntovskii, S.Iu. "Kross-kulturnye aspekty PR-kampanii" ["Cross-Cultural Aspects of PR Campaigns"]. *Zhurnal prikladnykh issledovanii*, no. S2, 2024, pp. 60–63. (In Russ.)

10 Daft, Richard L., Lengel, Robert H. "Organizational Information Requirements, Media Richness and Structural Design." *Management Science*, vol. 32, no. 5, 1986, pp. 554–571. (In English)

11 Dennis, Alan R., Valacich, Joseph S. "Rethinking Media Richness: Towards a Theory of Media Synchronicity." *Proceedings of the 32nd Annual Hawaii International Conference on Systems Sciences (HICSS-32). Abstracts and CD-ROM of Full Papers*. Hawaii, Maui, IEEE Publ., 1999. 10 p. (In English)

12 DeSanctis, Gerardine, Poole, Marshall Scott. "Capturing the Complexity in Advanced Technology Use: Adaptive Structuration Theory." *Organization Science*, vol. 5, no. 2, 1994, pp. 121–147. (In English)

13 Flavell, John H. "Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive–developmental Inquiry." *American Psychologist*, vol. 34, no. 10, 1979, pp. 906–911. (In English)

14 Hall, Edward T. *The Silent Language*. New York, Doubleday Publ., 1959. 240 p. (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-168-177
УДК 37с
ББК 66.3(2Рос) + 71.0
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.Н. Буртасенков
г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЖЕНЩИН КАК ПРОБЛЕМА ОБЫДЕННОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотацияч: Женщины, занимающие высокое положение во власти, как и их путь во власть, вызывает интерес у ученых, изучающих властные отношения — политологов, элитологов, экономистов. Это объясняется возрастающей ролью, которую играют женщины во всех областях общественной жизни как отдельной страны или региона, так и в мире в целом. Вместе с тем путь женщины во власть и особенности ее нахождения во власти, исследуемые преимущественно в рамках политологии, экономики или элитологии, дают недостаточно информации о культурных составляющих данного процесса. Особенно малочисленным является корпус исследований, посвященных культурным составляющим интересов женщин в ходе их продвижения к власти и пребывания в ней. Менее всего представлен корпус исследований, посвященных культурным составляющим интересов женщин в процессе продвижения и нахождения во власти. При этом культурные составляющие интересов женщин во власти способны пролить свет не только на сущность власти, но и на специфику ее формирования и осуществления в различных политических, экономических и культурных контекстах. Исследование этих составляющих также позволяет преодолеть ложные стереотипы, связанные с женским присутствием во власти, которые формируются в обыденных представлениях и препятствуют выработке научного взгляда на роль женщин в цивилизационном и духовно-культурном развитии России.

Ключевые слова: культура, интересы, женщина во власти, обыденное и теоретическое сознание

Информация об авторе: Алексей Николаевич Буртасенков — аспирант, Московский государственный институт культуры, Библиотечная ул., д. 7, 141406 г. Химки, Московская область, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-6725-7667
E-mail: Burtasenkov@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.08.2024
Дата одобрения статьи рецензентами: 29.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Буртасенков А.Н.* Культурные интересы женщин как проблема обыденного и теоретического сознания // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 168–177. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-168-177

Сознание современного человека не является однородным в том смысле, что в нем сосуществуют различные уровни отражения реальности: обыденно-практический и теоретический [11]. Обыденное сознание (или обыденные представления) формируется стихийно на основе повседневного опыта, отличается фрагментарностью, эмоциональной окрашенностью и высокой восприимчивостью к стереотипам. Теоретическое сознание — это систематизированное, понятийное знание, вырабатываемое наукой и философией [15, с. 567].

Несмотря на значительный объем современной научной литературы, свидетельствующей о равных способностях женщин в области карьерного роста (например, исследования в области психологии управления и социологии труда [5]), обыденные представления до сих пор не свободны от примеров умаления женских способностей по сравнению с мужскими. Если в области спорта действительно могут быть обнаружены объективные различия[1], то в сфере интеллектуальной деятельности и культуры подобные мнения являются предрассудком. Однако обыденные представления оказываются устойчивыми и используются в повседневных практиках объяснения карьерного роста успешных женщин, особенно когда речь идет о женщинах, наделенных властью. Один из устойчивых стереотипов заключается в том, что в сфере интересов женщин, стремящихся к управленческой карьере, культурная составляющая практически отсутствует. Следовательно, актуален поиск культурной составляющей у женщин, продвигающихся к соответствующим должностям и уже занимающих такие должности.

На современном этапе проблема представленности женщин во власти (т. е. проблема гендерного дисбаланса и специфики карьерных траекторий) исследуется в контексте социологического, политологического, исторического, психологического и культурологического знания. В частности, Колесник Н.В. анализирует особенности рекрутирования женщин в административной сфере на федеральном и региональном уровне [4], Крыштановская О.В., Исупова О.Г., Уткина В.В., Ушакова В.Г., Савин С.Д. изучают вопросы гендерного равенства и представленности женщин в системе государственного управления; Воронкова А.И., Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. в своих работах фокусируют исследовательское внимание [13, с. 142–162] на представленности женщин в бизнесе и сравнительном анализе степени их продвижения во власти; Ивлева Т.А., Первушина Е.В обращаются к историческим аналогиям в женском политическом лидерстве [7]; Чернявская Н.А., Темникова Н.Ю. определяют коммуникативно-психологический образ женщины-лидера [12, с. 154–167]. Однако философский анализ культурной составляющей в интересах женщин во власти позволяет, на наш взгляд, глубже выявить общее, особенное и единичное в гендерном контексте продвижения к власти и пребывания в ней.

Одним из распространенных в обыденных представлениях ответов на вопрос о том, как молодые женщины преодолевают «стеклянный потолок» и «стеклянные стены» [2, с. 475], является предположение об игнорировании ими правил нравственного поведения. Согласно этой логике, женщины избирают карьерный путь вследствие отсутствия у них «мужских качеств»: сильного характера, твердости, смелости в решении сложных задач. Однако исследования показывают, что женщины нередко обладают твердым характером, не уступающим мужскому, а также необходимым уровнем

[1] На Олимпийских играх 2024 г. МОК допустил к женским соревнованиям по боксу спортсменок, не прошедших гендерный тест Международной федерации бокса (определивший мужскую хромосому). Этот случай демонстрирует объективные биологические различия, но не относится к интеллектуальной или управленческой деятельности.

управленческой активности в бизнесе, административной системе, законотворчестве. Работа женщин на руководящих позициях в крупных корпорациях (например, данные о CEO крупнейших компаний из рейтинга Forbes) демонстрирует смелый подход к управлению [5, с. 53–70]. Следовательно, для достижения карьеры им не требуется поступаться общественными нормами приличия. Высокая нравственность, сопутствующая женской карьере, является скорее правилом, чем исключением.

Другим заблуждением является представление о непременном стремлении женщины найти экономически обеспеченного мужчину, без которого невозможно преодоление «стеклянного потолка». В обыденных представлениях этот фактор нередко считается базовой составляющей интересов женщины. Действительно, в процессе продвижения многие женщины исходят из материального фактора, обеспечиваемого их семьями или социальными связями. Однако члены семьи успешной женщины испытывают удовлетворение не от нарушения ею нравственных норм, а, напротив, от их соблюдения.[2] Нравственное поведение становится условием предоставления материальной помощи. В России данное требование получает дополнительный культурный потенциал в связи с национально-этнической принадлежностью. Например, в семьях из республик Северного Кавказа и других регионов юга России за нравственной обусловленностью интересов родственниц следят порой даже строже, чем за их карьерой. Основания для стереотипа о необходимости обеспеченного мужчины возникают не случайно: СМИ, освещая антикоррупционные дела, проявляют особый интерес к женам арестованных мужчин. На имя жен часто зарегистрирована недвижимость или переведены крупные суммы, что формирует в обыденном сознании образ женщины, чья карьера зависит от коррупционной деятельности супруга, без учета возможных человеческих чувств или иных мотивов.

Противоположным стереотипом является мнение о женской непрактичности. Однако исследования показывают, что женщины-предприниматели ведут бизнес не хуже мужчин и не допускают издержек, не ведущих к сохранению или увеличению капитала [5]. При этом нельзя утверждать, что женщины в бизнесе не одеваются изысканно. Изысканность, тем не менее, определяется необходимостью представительства и эстетическим вкусом, а не бессознательным преследованием желания демонстрации своего превосходства над другими через одежду и предметы роскоши.

Культурная обусловленность интересов женщин имеет не только региональные или семейные истоки, но и исторические. Российская история дает немало примеров образованных женщин, проявлявших духовность, нравственное смыслополагание и самопожертвование. В качестве таких примеров можно назвать императриц, членов Российской академии наук, а также женщин из высших сословий [7]. Однако не только представительницы аристократии, но и крестьянки, работницы выступали носителями нравственных черт, которые могут рассматриваться как этический ресурс[3] для современных женщин-политиков и руководителей.

Еще один стереотип обыденных представлений касается отсутствия рациональности у женщин, принимающих решения. При этом рациональность как соотнесен-

[2] Примером может служить исследование профессора Кэтлин Макгинн в Гарвардской бизнес-школе. Опрос среди 100000 мужчин и женщин из разных стран показал, что дети успешных матерей сами чаще занимали лидерские позиции. Уровень доверия в семье был выше в тех семьях, где достижения матери воспринимались как социально полезный и честный труд без нарушения моральных принципов и норм.

[3] Под «этическим ресурсом» здесь понимается совокупность моральных качеств, исторически закрепленных в культуре и транслируемых следующим поколениям.

ность познания с образцами, стандартами, логическими нормами [11] приписывается мужчинам, что порождает дихотомию рационального / иррационального способов деятельности в зависимости от пола руководителя. Однако динамика развития компаний, основанных женщинами, а также анализ законопроектов, вносимых женщинами-депутатами в Государственную Думу и Совет Федерации, свидетельствуют о наличии рациональных оснований в их деятельности. Как показало исследование законотворческой активности в Федеральном Собрании РФ (2016–2023), эффективность женщин-парламентариев практически сопоставима с мужской (19,7% против 21,2% принятых инициатив), а индивидуальная эффективность женщин более чем втрое выше мужской (19,3% против 6,9%) [14]. Невозможность для внешнего наблюдателя определить логику женских решений объясняется не их иррациональностью, а непрозрачностью процедур выработки решений в российской элите. Когда решение эффективно, его авторство часто приписывается мужчине; когда неэффективно — женщине. Эту устойчивость подкрепляют медийные репортажи о конфликтах (например, в семейном бизнесе), где акцент делается на эмоциональных, а не рациональных аспектах[4].

В отличие от обыденных представлений, научные исследования в области менеджмента демонстрируют, что успешные результаты являются следствием не столько гендерной принадлежности, сколько оптимального гендерного баланса и профессиональности лидеров. Тип лидера определяется не биологическим полом, а конкурентной средой, темпом принятия решений, способностью адаптироваться к изменениям и демонстрировать как «мужские», так и «женские» черты [5].

Более сложными для преодоления являются стереотипы, обязанные своим возникновением не средствам массовой информации или домыслам на обыденном уровне, а научным исследованиям. Так, основанием для стереотипа в отношении женщин, представленных в кругу лиц, принимающих существенные для страны решения, т. е. женщин элиты, является выявленное в опросах общественного мнения отсутствие «женского лица» большой российской политики [4]. Однако даже единичные случаи присутствия женщин на ключевых постах (Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, Министр культуры О.Ю. Любимова, Уполномоченный по правам человека Т.Н. Москалькова, заместитель Председателя Государственной Думы И.А. Яровая, заместитель председателя Правительства Т.А. Голикова) опровергают мнение о полном отсутствии женщин.

Скорее всего, российские женщины во власти предпочитают оставаться на вторых ролях, что позволяет им эффективно участвовать в принятии решений, не принимая на себя публичного лидерства. Умение добиваться оптимальных решений, находясь на вторых ролях, имеет не только логическое, но и историческое подтверждение (влияние Р. Горбачевой, Н. Ельциной, Т. Дьяченко на принятия решений первых лиц государства) [6].

В современной российской политике и государственном управлении [10], авторы используют восприятие демократии мужчинами и женщинами как теоретический конструкт для задействования в эмпирическом исследовании и объяснении приводимой ими статистики. Смысл конструкта состоит в том, что женщины видят в демократии возможность достижения равноправия и стремятся к сильному государству, в то время как мужчины связывают с демократией возможность реализации своей автономии и свободы для занятия высоких должностей:

[4] Примером может служить конфликт в компании "Wildberries", вокруг которого в интернете возникло множество слухов, связывавших управленческие противоречия с семейными отношениями между основателями.

> Однако восприятие демократии женщинами отличается от восприятия ее мужчинами. Женщины чаще отдают предпочтение равноправию, активному участию в управлении государством, сильному государству. Мужчины чаще рассматривают демократию сквозь призму индивидуальной автономии и свободы и если решают участвовать в политике, то хотят занимать в ней высокие должности [10, с. 21].

Статистика, которую приводят авторы статьи, демонстрирует увеличение количества женщин на руководящих должностях в государственной службе, в центральных аппаратах федеральных органов власти, в исполнительных органах, в Государственной думе и Совете Федерации:

> За последние 5 лет доля женщин, замещающих должности гражданской службы в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти, увеличилась на 2,5 п. п. (2021 г. — 59,4%), доля женщин среди государственных служащих органов исполнительной власти субъектов РФ — на 4,7 п. п. (2021 г. — 74.2%). Доля женщин в категории «руководители» в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти увеличилась на 5,3 п. п. (2021 г. — 40% от общего числа руководителей, 1,2 тыс. женщин) [10, с. 23].

Это позволяет авторам прийти к выводу: «Таким образом, современная российская гендерная модель государственной власти характеризуется преобладающей долей женщин (40% — более 70%, в том числе в категории «руководители») в исполнительной ветви государственной власти субъектов, где решаются конкретные проблемы жизни людей» [10, с. 23].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что статистика, приводимая авторами, как и избранная дата для сравнения, 2021 г., была призвана выступить фактом несогласия с мнением западных агентств, отводящих России в международных рейтингах низкие места: «В соответствии с индексом гендерного разрыва 2021 г. (The Global Gender Gap Index), по версии Всемирного экономического форума (World Economic Forum), Россия находится на 81-м месте по показателю равноправия полов, в том числе по политическим правам и возможностям» [10, с. 22]. Однако, в соединении с теоретическим конструктом, используемым авторами, позволяющим связать наличие сильного государства с количеством женщин, находящихся во власти, позволяет сделать вывод, что своим усилением российское государство после 2021 г. обязано женщинам. Не исключается роль женщин в укреплении российской государственности, если принять во внимание изменения международной обстановки в 2022 и последующие меры, принятые кругом элит, близких к Президенту и лично им, в котором женщины не составляют большинства.

Вместе с тем, среди культурных интересов российской элиты после 2021 года можно определить явление, выступающее специфической характеристикой женского сегмента. Таким явлением является высшее образование. В частности, по данным Росстата доля женщин в Российской Федерации, имеющих высшее образование, составляет 55%. И, если принять во внимание, что доля женщин в российской власти за последнее время увеличилась, то можно сделать вывод, что своим образовательным компонентом российская элита, вероятно, обязана своему женскому сегменту. Следует отметить, что В.Г. Ушакова и С.Д. Савин в упоминаемом нами исследовании смогли зафиксировать доминирование образования среди составляющих интересов женщин над мужчинами в структуре современной российской элиты и соотнести его с ожиданиями россиян от своих политических лидеров:

Девушки серьезнее относятся к наличию высшего образования у политического лидера (61,5 и 41,2%). Этот результат отсылает к статистическим данным. Женщины в нашей стране имеют более высокий уровень образования, нежели мужчины, активнее получают научные степени [10, с. 25].

Таким образом, теоретические конструкты находят подтверждение в реальности, а их объяснительный потенциал по отношению к женскому сегменту российской элиты оказывается убедительным и не стереотипным.

Важной культурной составляющей интересов руководителей-женщин выступают привнесенные из предшествующей вхождению в элиту деятельности, культурные ценности, а также женская специфика осуществления деятельности. Они выступают как качества, по основанию которых женщины рекрутируются в элиту. Естественно, что данные качества имеют различное наполнение. Например, с точки зрения обыденных представлений женщинам во власти приписывается ряд стереотипных качеств: манипулирование, мелочность, склонность к решению проблем в опоре на отношения, уход от прямого столкновения с оппонентами. Современные стереотипы в отношении женщин во власти трансформируется в связи с динамикой политических изменений, что может говорить об их исторической изменчивости [8].

С точки зрения теоретического сознания женский сегмент элиты является носителем культурных составляющих, куда включаются заботливость, миролюбие, склонность к решению проблем в опоре на отношения, а не на средства [5]. Перечисленные качества представляют собой устойчивые модели поведения, которые транслируются в процессе профессиональной деятельности.

Определение культурных составляющих, таких как литература, музыка, театр, танцы, наука, изобразительное искусство, архитектура и других, оказывается менее сложной задачей, и по их поводу существует согласие в общественном мнении.

Важным элементом является мнение женщин элиты о самих себе. Однако, несмотря на это, женское мнение является более релевантным для определения культурных интересов женщин во власти, которые демонстрируют практики, закрепляемые за ними и в сфере обыденного сознания. Поэтому не только обязанный своим рождением науке, но и обыденному сознанию набор культурных составляющих оказывается задействованным элитой, при этом мужская составляющая элиты либо не обладает, либо опасается демонстрировать свое мнение. Поэтому необходимость в данных качествах, атрибутируется субъективно — ими наделяются исключительно женщины.

Вместе с тем существуют стереотипы о деятельности женщин во власти. Поскольку таких примеров оказывается достаточно в сфере женского сегмента российской элиты, обратимся к наиболее существенным образцам соответствия предубеждений о женщинах-претендентках на президентский пост. Так, Т.Б. Рябова в своем исследовании, посвященном стереотипам в российской власти, приводит слова Э.А. Памфиловой во время избирательной кампании 2000 г.: «Может быть, у политиков физиономии мужские, но политика в России далеко не мужская. Она истерично-бабья… не умная… Настоящая, в лучшем понимании, мужская политика должна быть иного качества» [8, с. 194]. В данном случае можно привести в пример президента В.В. Путина, который демонстрирует качества мужской политики, т. е. того, к чему и призывала Э.А. Памфилова. Вместе с тем, несмотря на проигрыш на выборах — продвижение и нахождение в элитном сегменте российской власти у Э.А. Памфиловой оказалось успешным. А выяснить то обстоятельство, насколько бессознательной была демонстрация стерео-

типа или это был сознательный выбор исключительно умной женщины, продвигающей во власть желаемого кандидата, не представляется возможным.

Другим случаем, когда стереотип сумел проявиться у женщины, которая, по определению знает, как себя вести в публичной сфере, был предвыборный ролик К.А. Собчак во время президентских выборов 2018 г. Обосновывая выбор платформы, на основании которой она принимает участие в выборах, политик в своей, в целом рациональной речи, допустила высказывание: «хватит достали». Стоит ли отмечать, что такая лексика никак не свойственна уровню политической дискуссии, однако достаточно широко употребляется среди молодежи. Поэтому нежелание убрать, возможно, проскочившую оговорку из финального варианта ролика отражает либо стереотип женской эмоциональности претендентки, либо рациональный выбор апелляции к возможно более широкой аудитории избирателей[5]. Данные примеры фиксируют практики проявления интересов женщин, продвигающихся ко власти. Однако, дискурс, который они предлагают, не позволяет их трактовать в терминах женской эмоциональности, лишенной рационального.

Таким образом, интересы женщин продвигающихся и находящихся во власти, вбирают в себя культурные составляющие, относящиеся как к сфере обыденных представлений, так и к области научного анализа.

Данные составляющие отражают в практиках властных женщин как закрепленный за ними образ женских качеств, приписываемых им нерефлексивным разумом, так и выявленный наукой набор качеств, отличающий женский сегмент элиты от мужского. Следование стереотипам там, где удается выявить их общие основания, является демонстрацией уровня рациональности, не уступающего мужскому. Исходя из этого, мнение о том, что культурные составляющие интересов женщин-управленцев сообщают их деятельности менее значимые характеристики по сравнению с мужчинами, является ложным. Исторически и логически верным выводом является тот, что культурные составляющие интересов женщин в продвижении и нахождении во власти делают их равноправной и эффективной частью современной российской элиты.

Список литературы

Исследования

1 *Гертнер С.Л.* Культура российской региональной элиты через ее интересы. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2009. 223 с.

2 *Исупова О., Уткина В.* Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, №3. С. 473–486.

3 *Китов Ю.В.* Человек интересующийся. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2001. 236 с.

4 *Колесник Н.В.* Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №4. С. 468–491. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652

5 *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. №3. С. 53–70.

[5]Собчак, Ксения. 2018. Предвыборный ролик // Youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IHWRJmBhYEw (дата обращения: 20.07.2026).

6 *Пахомова Е.И.* Специфика женского политического лидерства в СССР и современной России // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11, № 1. С. 72–86.
7 *Первушина Е.В.* Петербургские женщины XVIII века. М.: Центрполиграф, 2012. 444 с.
8 *Рябова Т.Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2008. 246 с.
9 *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
10 *Ушакова В.Г., Савин С.Д.* Женщины в современной российской политике и государственном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 20–31.
11 Философский энциклопедический словарь / [подгот. А.Л. Грекулова и др.]; редкол.: С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
12 *Чернявская Н.А., Усачева О.А., Темникова Н.Ю. и др.* Коммуникативно-психологический портрет женщины-лидера // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 3. С. 154–167. https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-3-154-167
13 *Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю.* Женщина-руководитель во власти и бизнесе: социально-психологический портрет // Политекс. 2011. Т. 7, № 1. С. 142–162.
14 *Юдина О.В.* Гендерные особенности законотворческого процесса в Федеральном Собрании РФ (2016–2023). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2024. 256 с.
15 *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.
16 *Bem S.L.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42, no. 2. P. 155–162.
17 *Eagly A.H., Carli L.L.* Through the Labyrinth: The Truth About How Women Become Leaders. Boston: Harvard Business School Press, 2007. 308 p.
18 *Paustian-Underdahl S.C., Walker L.S., Woehr D.J.* Gender and perceptions of leadership effectiveness: A meta-analysis of contextual moderators // Journal of Applied Psychology. 2014. Vol. 99, no. 6. P. 1129–1145.

***

© 2026. Aleksey N. Burtasenkov
Moscow, Russia

CULTURAL INTERESTS OF WOMEN AS A PROBLEM OF ORDINARY AND THEORETICAL CONSCIOUSNESS

Abstract: Women in power, as well as their path to power serve as a compelling research object to scientists who study power relations — political scientists, elitologists, economists. This can be explained by the growing role that women play in all spheres of public life, both in individual countries and in the world. At the same time, a woman's path to the power, as well as her ability of actually being in it, studied as a subject of political science, economics or elitology, offering an idea of politics, economics or the essence of power, provides little information about its cultural components. Particularly insignificant is the body of research dedicated to the cultural components of women's

interests in the process of advancement and being in power. At the same time, the cultural components of the interests of powerful women can shed light not only on the essence of power, but also on the specifics of its formation and implementation in various political, economic, and cultural contexts. The study of the cultural components of the interests of powerful women may also eliminate false stereotypes associated with female power, formed in ordinary consciousness and interfering with the formation of a scientific understanding of the role played by powerful women in the civilizational and spiritual-cultural development of Russia.

Keywords: culture, interests, women in power, ordinary and theoretical consciousness

***Information about the author*:** Alexey N. Burtasenkov — Postgraduate Student at the Department of Culturology at Moscow State Institute of Culture, Moscow State Institute of Culture, Bibliotechnaya St., 7, 141406 Khimky, Moscow region, Russia.
ORCID ID: 0009-0008-6725-7667
E-mail: Burtasenkov@mail.ru

Received: August 14, 2024
Approved after reviewing: June 29, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Burtasenkov, A.N. "Cultural Interests of Women as a Problem of Ordinary and Theoretical Consciousness." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 168–177. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-168-177

References

1 Gertner, S.L. *Kultura rossiiskoi regionalnoi elity cherez ee interesy* [*The Culture of the Russian Regional Elite through its Interests*]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2009. 223 p. (In Russ.)

2 Isupova, O., Utkina, V. "Molodye zhenshchiny v organakh gosudarstvennogo upravleniia Rossii: faktory, opredeliaiushchie karernye traektorii" ["Young Women in Russian Government: Factors Determining Career Trajectories"]. *Zhurnal issledovanii sotsialnoi politiki*, vol. 16, no. 3, 2018, pp. 473–486. (In Russ.)

3 Kitov, Iu.V. *Chelovek interesuiushchiisia* [*Person Interested*]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2001. 236 p. (In Russ.)

4 Kolesnik, N.V. "Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoi vlasti rossiiskikh regionov" ["Gender (in)Equality in Political Power in Russian Regions"]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 4, 2021, pp. 468–491. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652. (In Russ.)

5 Lapina, N.Iu., Chirikova, A.E. "Zhenshchina vo vlasti v Rossii: karernyi rost i motivatsiia" ["A Woman in Power in Russia: Career Growth and Motivation"]. *Rossiia i sovremennyi mir*, no. 3, 2010. pp. 53–70. (In Russ.)

6 Pakhomova, E.I. "Spetsifika zhenskogo politicheskogo liderstva v SSSR i sovremennoi Rossii" ["The Specifics of Female Political Leadership in the USSR and Modern Russia"]. *Vestnik RUDN.* Seriia: Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie [State and Municipal Administration], vol. 11, no. 1, 2024, pp. 72–86. (In Russ.)

7 Pervushina, E.V. *Peterburgskie zhenshchiny XVIII veka* [*St. Petersburg Women of the 18th Century*]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012. 444 p. (In Russ.)

8 Riabova, T.B. *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [*Gender of Power: Gender Stereotypes in Modern Russian Politics*]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2008. 246 p. (In Russ.)

9 Spirkin, A.G. *Soznanie i samosoznanie* [*Consciousness and Self-Consciousness*]. Moscow, Politizdat Publ., 1972. 303 p. (In Russ.)

10 Ushakova, V.G., Savin, S.D. "Zhenshchiny v sovremennoi rossiiskoi politike i gosudarstvennom upravlenii" ["Women in modern Russian politics and public administration"]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, 2023, pp. 20–31. (In Russ.)

11 S.S. Averintsev S.S. and other, editors. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar* [*Philosophical Encyclopedic Dictionary*], [prep. A.L. Grekulova and other]. 2nd ed. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. 815 p. (In Russ.)

12 Cherniavskaia, N.A., Usacheva, O.A., Temnikova, N.Iu. and other. "Kommunikativno-psikhologicheskii portret zhenshchiny-lidera" ["Communicative and Psychological Portrait of a Female Leader]. *Organizatsionnaia psikhologiia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 154–167. https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-3-154-167 (In Russ.)

13 Chirikova, A.E., Lapina, N.Iu. "Zhenshchina-rukovoditel vo vlasti i biznese: sotsialno-psikhologicheskii portret" ["Female Leaders in Politics and Business: A Socio-Psychological Portrait"]. Politeks, vol. 7, no. 1, 2011, pp. 142–162. (In Russ.)

14 Iudina, O.V. *Gendernye osobennosti zakonotvorcheskogo protsessa v Federalnom Sobranii RF (2016–2023)* [*Gender Features of the Legislative Process in the Federal Assembly of the Russian Federation (2016–2023)*]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2024. 256 p. (In Russ.)

15 Iadov, V.A. *Strategiia sotsiologicheskogo issledovaniia* [*The Strategy of Sociological Research*]. Moscow, Omega-L Publ., 2007. 567 p. (In Russ.)

16 Bem, Sandra L. "The Measurement of Psychological Androgyny." *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, vol. 42, no. 2, 1974, pp. 155–162. (In English)

17 Eagly, Alice H., Carli, Linda L. *Through the Labyrinth: The Truth About How Women Become Leaders*. Boston, Harvard Business School Press, 2007. 308 p. (In English)

18 Paustian-Underdahl, Sarach C., Walker, Lisa S., Woehr, David J. "Gender and Perceptions of Leadership Effectiveness: A Meta-analysis of Contextual Moderators." *Journal of Applied Psychology*, vol. 99, no. 6, 2014, pp. 1129–1145. (In English)

Филологические науки
Philological sciences

https://doi.org/10.37816/2073-9567-026-81-178-192
УДК 821.161.2.0
ББК 83.3 (4Укр)
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Е.В. Байдалова
г. Москва, Россия

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ»: ПОЭТИКА РАННИХ РОМАНОВ В.К. ВИННИЧЕНКО («ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ», «НА ВЕСАХ ЖИЗНИ», «ЗАВЕТЫ ОТЦОВ»)

Аннотация: В статье исследуется поэтика ранних романов Владимира Кирилловича Винниченко (1880–1951) «Честность с собой» (1911), «На весах жизни» (1912), «Заветы отцов» (1914), рассматриваемых как целостный этап становления писателя-романиста. Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнить пробел в отечественном литературоведении, где творчество Винниченко до сих пор не становилось предметом фундаментальных исследований, несмотря на его ключевую роль в украинской литературе XX в. С опорой на историко-литературный, сравнительно-типологический и биографический методы в статье анализируются функциональность романного жанра для воплощения философско-этической концепции «честности с собой», типология героев (герои-идеологи, революционеры, герои-невротики, «новая женщина»), а также основные черты художественного своеобразия этих произведений. Особое внимание уделяется новаторскому психологизму Винниченко, синтезирующему традиции русской, европейской и украинской прозы с открытиями современного ему психоанализа. В ходе исследования выявляются ключевые приемы: диалоги-поединки, использование несобственно-прямой речи, психологизация, театрализация, открытые финалы. Делается вывод, что первые романы, при всей их дискуссионности и «неровности», заложили фундамент экспериментального метода Винниченко, сформировали его индивидуальный стиль и подготовили появление вершинных произведений писателя второй половины 1910 гг., таких как романы «Хочу!» (1915) и «Записки курносого Мефистофеля» (1917).

Ключевые слова: Владимир Винниченко, украинская литература, ранние романы, поэтика, психологизм, герой-идеолог, «честность с собой», «новая женщина», художественный эксперимент

Ключевые слова: Владимир Винниченко, украинская литература, ранние романы, поэтика, психологизм, герой-идеолог, «честность с собой», «новая женщина», художественный эксперимент.

Информация об авторе: Екатерина Викторовна Байдалова — научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6263-8358
E-mail: e.baydalova@inslav.ru
Дата поступления статьи: 02.04.2026
Дата одобрения рецензентами: 12.05.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Байдалова Е.В.* «Экспериментальная лаборатория»: Поэтика ранних романов В.К. Винниченко («Честность с собой», «На весах жизни», «Заветы отцов») // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 178–192. https://doi.org/10.37816/2073-9567-026-81-178-192

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) по праву считается одним из самых значимых представителей украинской литературы первой половины XX в. Писатель, политик и философ, он на протяжении всей своей жизни оставался последовательным, а порой и эпатажным в своих убеждениях, а его творческая деятельность всегда была «неотделима от политической» [1, с. 89], что нередко приводило к неоднозначному восприятию его личности как в среде современников, так и в глазах последующих поколений. Его литературное наследие насчитывает 14 романов, 23 пьесы, более сотни рассказов и новелл, а также множество публицистических статей, мемуары и этико-философский трактат. Произведения Винниченко были переведены на десятки языков, а его пьесы с неизменным успехом шли на сценах ведущих европейских театров. Вместе с тем судьба его наследия в XX в. сложилась драматично: после открытого письма в адрес ЦК КП(б)У о национальной политике в 1933 г. писатель был объявлен врагом советской власти, что повлекло за собой полный запрет на издание его книг, а уже напечатанные были изъяты из библиотек[1].

Появление Винниченко в литературе в начале XX в. пришлось на момент, когда украинская культура остро нуждалась в обновлении художественного языка и преодолении устоявшихся канонов. Именно тогда развернулась дискуссия о путях национальной словесности, необходимости выйти за пределы этнографически-бытового реализма и включиться в общеевропейский контекст. С первого же своего рассказа «Краса и сила», вышедшего в 1902 г., и последовавших за ним других произведений, Винниченко заявил о себе как о художнике, решительно порывающем с привычными литературными схемами, характерными для украинской литературы того времени. И.Я. Франко приветствовал в нем «нечто сильное, решительное, мускулистое и полное темперамента»[2] [11, с. 145], а критики вскоре отметили, что его творчество становится катализатором споров между сторонниками народнической традиции и приверженцами нового, модернистского видения. В центре этих дискуссий оказалась предложенная писателем теория «честности с собой» (трансформировавшаяся впоследствии в этико-философскую концепцию «конкордизма»[3]), которая в 1910 гг. нашла свое наиболее полное воплощение в романной форме.

В украинском литературоведении на сегодняшний день сложилась обширная исследовательская традиция, охватывающая самые разные стороны творчества Винниченко. В отечественной же науке его наследие до сих пор не становилось объектом системного монографического изучения, что придает данной работе особую актуальность. В фокусе исследования — семантика и поэтика трех первых романов писателя:

[1] Подробнее о жизни и творчестве Винниченко см. [1].
[2] Здесь и далее перевод с украинского автора статьи.
[3] Подробнее об этико-философской концепции Винниченко см. [2].

«Честность с собой» (1911), «На весах жизни» (1912), «Заветы отцов» (1914). Именно в этих произведениях наиболее отчетливо прослеживается переход Винниченко от малой прозы и драматургии к крупной эпической форме, позволившей ему в полной мере развернуть свою философскую программу и проверить ее «живой жизнью» художественного слова.

В период с 1911 по 1917 гг. Винниченко написал семь романов. Это обращение к крупной прозе было не случайным: оно явилось закономерным этапом эволюции автора, искавшего адекватную форму для воплощения своих философско-этических идей. Украинский исследователь творчества Винниченко справедливо назвал «Честность с собой» «протороманом» [8, с. 58] остальных романов писателя 1910 гг., поскольку в нем собраны практически все конфликтные узлы, наметились главные особенности проблемно-тематического содержания и основные черты художественного своеобразия следующих «крупных» текстов автора.

По мысли М.М. Бахтина, роман становится главенствующим жанром в литературе и даже влияет на «романизацию» всех остальных жанров тогда, когда художественная деятельность ориентируется на современность, на настоящее, на время и мир как «непрерывное движение в реальное будущее, как единый, всеохватывающий и незавершенный процесс» [3, с. 473]. Таким образом, роман всегда современен, а в центре него находится герой, стремящийся «восполниться» с миром, оказывающийся в мире своей человечности, решающий онтологические и аксиологические задачи. Переход к роману в творчестве Винниченко, стремившегося к преобразованию действительности, новаторскому подходу к тематике и проблематике в своих произведениях, вполне закономерен.

Критика современниками его ранних романов похожа на критику ранних драматургических опытов Винниченко: «публицистика в лицах, а не художественное произведение» [5, с. 15], «какие-то этические трактаты», где «действующие лица кажутся не правдивыми, жизненными типажами, не людьми, а моральными схемами, публицистическими доказательствами» [9, с. 77]. Вместе с тем, современники писателя отмечали и закономерный переход к жанру романа:

> Винниченко еще раз повторил изложение той самой отвратительной «новой морали», с тем изменением, что в «На ступенях жизни» он дал лишь набросок, а в романе «Честность с собой», как уже свидетельствует сам заголовок, он развернул свой выпад в целостную, выразительную систему. Потому и выбрал форму романа, чтобы не быть так связанным формальной стороной, как в драматическом произведении [4, с. 7].

Современники писателя верно уловили функциональную необходимость выбора именно романной формы для развертывания центральной идеи Винниченко: «честность с собой»[4] требовала не наброска (как в драме), а целостной, развернутой системы аргументации и художественного исследования человеческих характеров, для которой роман с его эпической широтой и аналитическими возможностями явился адекватным и логичным воплощением. Таким образом, обращение к роману в начале 1910 гг. было для Винниченко глубоко закономерным и осознанным художественным выбором, детерминированным как внутренней логикой развития его творчества, так и сущностными свойствами самого жанра, а «Честность с собой» стал не просто первым романом, а необходимой художественной формой для вызревания и апробации новой этики.

[4] «Согласно Винниченко, честным с собой может считаться человек тогда, когда его мысли, чувства и поступки пребывают друг с другом в гармонии. <…> мировоззренческие установки украинского автора строятся в основном на синтезе марксизма, ницшеанских и фрейдистских идей» [2, с. 110].

Роман как экспериментальная лаборатория

Экспериментальность признана одной из характерных черт поэтики Винниченко. О.Г. Шупта-Вязовская отмечает: «Фигура Владимира Винниченко довольно выразительно ассоциируется с художественно-творческим экспериментом как своеобразной сверхзадачей писателя» [12, с. 339]. Принципиально важно, что экспериментальность у Винниченко не сводится к формальному новаторству ради новизны. Она проистекает из самой сути его мировоззрения: писатель рассматривает художественный текст как инструмент познания и вместе с тем как своего рода «реактив», позволяющий выявить скрытые свойства человеческой природы при столкновении с той или иной идеей. Под художественным экспериментом в контексте ранней романистики Винниченко понимается сознательно сконструированная автором ситуация, в которой определенная философско-этическая идея (в данном случае — принцип «честности с собой») подвергается проверке «живой жизнью»: сложным, часто непредсказуемым взаимодействием человеческих характеров, социальных обстоятельств, биологических инстинктов и глубинных психологических импульсов. Для такого эксперимента наилучшим образом подходит, как указывалось выше, жанр романа. Экспериментальность Винниченко не подразумевает готовых выводов. В опытной «пробирке» первых романов писатель проверял жизнеспособность своей этики. Мирон Купченко («Честность с собой»), пытаясь жить по законам «новой морали», сталкивается с трагическими противоречиями, которые никакая теория не могла предусмотреть. Автор не дает готовых ответов, он «лишь» фиксирует результаты опыта, что и делает роман подлинно экспериментальным. Поступки Мирона и других персонажей становятся следствием сложного переплетения сознательных установок и иррациональных импульсов. Так, Мирон проповедует легализацию проституции, но не может допустить, чтобы его собственная сестра оставалась в публичном доме, при разговорах с ней в его глазах появляется «что-то не то тоскливое, не то грустное» [15, с. 60], но вместе с тем и «любопытство» [15, с. 61], когда он, как посторонний, наблюдает за тем, как меняется отношение Маруси к своей «работе». «Новая мораль» предстает не в виде торжествующей доктрины, а в живой сложности, в противоречии между декларируемыми принципами и их непредсказуемым преломлением в реальности. Показательно, что наиболее последовательной носительницей идеи оказывается не сам Мирон, а его возлюбленная Дара, чьи решения и поступки демонстрируют парадоксальную цельность там, где герой-идеолог может колебаться. В стремлении быть честной с собой, она идет до конца, невзирая на устоявшиеся в обществе нормы морали: чтобы проверить подлинность своих чувств к главному герою Дара «снимает» на ночь мужчину в гостинице, поскольку, не имея долгое время физической близости с мужем, боится перепутать любовь и половое влечение.

Экспериментальный метод Винниченко довольно ярко проявился и во втором романе «На весах жизни», где революционер Хома систематически проверяет прочность убеждений окружающих. Наиболее показателен его эксперимент с художником Аркадием: Хома предлагает ему пятьсот франков за картину с условием, что тот публично уничтожит свое творение, над которым работал пять месяцев. Таким способом Хома хочет проверить, действительно ли Аркадий ставит искусство выше материальных благ и революционной идеологии, как тот не раз декларировал. Винниченко моделирует сцену в кафе, где происходит продажа картины, как лабораторное испытание: Хома наблюдает за реакцией «подопытного», фиксируя каждую деталь — от дрожания рук Аркадия до его показного равнодушия. Результат эксперимента оказывается неожидан-

ным для самого экспериментатора: художник, получив деньги и увидев, как его творение выбрасывают в мусор, в ярости бьет Хому, тем самым обнаруживая не столько приверженность искусству, сколько глубинную личностную связь с творчеством, ставшим частью его идентичности. Этот опыт демонстрирует: для Хомы «честность с собой» — не только этическая максима, но и инструмент познания человеческой природы, способ отделить подлинное от наносного, привитого общественными стереотипами.

Б. Пастух в своей работе о ранних романах писателя делает справедливый вывод:

> Модель письма Винниченко становится своеобразным художественным импульсом для углубления психологизма и раскрытия более широкого диапазона проблематики. Так что можно говорить про эксперимент, который "выводит" на особенности стиля, психологизма, тематики и ее художественного обрамления [8, с. 61].

Это замечание ключевое: эксперимент у Винниченко — не только тематическая или идейная категория, но и категория поэтики, поскольку он определяет сам способ отбора и организации художественного материала, нарративную структуру романов.

Типология героев

Мирон Купченко из романа «Честность с собой» открывает галерею «идейных» героев Винниченко, каждый из которых пытается строить свою жизнь в соответствии с определенной теорией. Важно подчеркнуть литературный генезис этого типа. Ю.А. Романов резонно отмечает:

> Будучи одновременно и революционером-практиком, направлявшим свою деятельность на «достижение социалистического идеала», и художником, читавшим Достоевского (которому «открывались противоречия и диссонансы грядущего потрясения основ»), Винниченко создал галерею образов «раскольниковского» типа [10, с. 284].

Действительно, тип героя-идеолога, проверяющего свою теорию жизнью и терпящего крах при столкновении с иррациональной сложностью бытия, восходит именно к творчеству Достоевского. Однако Винниченко существенно трансформирует этот тип, помещая его в контекст начала XX в. с его культом «новой морали», социалистических утопий и внимания к подсознанию. Он смещает акцент с метафизических последствий проверки «идеи» на психофизиологическую природу человека, вводя в повествование натуралистический дискурс: поведение героев и конструирование ими своих идей зачастую обусловлено биологическим началом. Так, например, идея Петра Заболотько из романа «Заветы отцов» о необходимости пересмотра норм «старой» морали и переустройства законов общества (устройства семейной жизни, отношения к проституции) детерминирована как его стремлением примирить «душу» (религиозное отношение к действительности) матери и «желудок» (стремление объяснять любое человеческое поведение физиологическими особенностями) отца, так и непосредственное близкое знакомство как врача с сифилисом и его последствиями не только для здоровья человека, но и для психики. Душевная болезнь (Тарас из романа «Честность с собой»), перенесенные в тюрьме лишения и тяготы (Хома из романа «На весах жизни»), чахотка (Мэри из романа «На весах жизни») – все это может обуславливать создание «идеи» героями романов Винниченко.

Мирон Купченко — образ, не сводимый исключительно к роли идеолога при всей его активной деятельности по пропаганде «новой морали». Помимо стремления к про-

поведи и последовательному воплощению в жизни принципа «честности с собой», этот герой наделен творческим даром. Живопись становится для него не только способом самоутверждения, но и интимным пространством, где он может оказаться уязвимым, но вместе с тем и подлинно человечным, сбросить свою маску всегда насмешливого и отстраненного «сверхчеловека». Это проявляется, например, в сцене, где Тарас хочет посмотреть картину Мирона, а тот в смущении (не характерном для этого героя) оттаскивает полотно в угол, не позволяя никому прикоснуться к этому сокровенному для него. Живопись остается для героя единственной зоной, куда он не допускает никого.

Хома из романа «На весах жизни» представляет собой иной вариант героя-идеолога. В отличие от Мирона, он не провозглашает развернутых теорий, а реализует свою идею в действиях, проверяя окружающих на подлинность чувств и убеждений. За его цинизмом и замкнутостью стоит глубокое разочарование в людях, вызванное личной травмой предательства самых близких людей (друга детства и жены). Стремление проверять всех оказывается не столько жестокостью, сколько попыткой найти человека, способного пройти испытание и заслужить доверие. Наиболее ярко это воплощается в сюжетной линии с Таней, которую герой постоянно ставит в ситуации нравственного выбора (заключает пари с Гломбинским о том, что она за большую сумму денег, в которых девушка нуждается, будет позировать обнаженной; грубо общается с ней и отказывается помогать в революционной работе и т.д). Хома это делает, чтобы отделить подлинное от поверхностного, «быть» от «казаться». Его собственное признание в любви Тане в автомобиле становится кульминационным моментом, когда идея оказывается повержена живым чувством.

Петр Заболотько из «Заветов отцов» — тип героя, создающего свою теорию в процессе развития сюжета. Исходно он разделяет сугубо физиологическое понимание человеческой природы, доставшееся ему в наследство от покойного отца, однако пережитые события заставляют его пересмотреть эти взгляды. Свою идею обновления морали он не просто проповедует, но проходит путь от навязчивого желания убеждать других к внутреннему принятию собственных принципов — тому, что Винниченко называл «честностью с собой». Этот путь отражен в сюжете: Петр сначала пишет из-за границы письма с наставлениями о «чистоте с самим с собой», затем публично выступает с лекцией о легализации проституции, а после провала этой идеи и обвинения в убийстве пациента принимает решение не защищаться, а отправиться в ссылку вместе с Тоней – тем самым он оказывается не над обществом и не вне его, а наравне с «униженными и оскорбленными», что и становится для него полным воплощением его теории.

Таким образом, тип «идейного» героя в ранних романах писателя представляет собой сложное динамичное явление. Каждый герой не сводится исключительно к своей теории, а наделен индивидуальными чертами: творческим даром (Мирон), личной травмой (Хома), способностью к переосмыслению (Петр); вместе с тем от романа к роману главный герой становится многограннее. Петр уже, в отличие от Мирона, изображается автором как человек, чье мировоззрение и поступки могут эволюционировать под давлением жизненных обстоятельств, а теория – трансформироваться в зависимости от пережитого. Мирон, Хома и Петр — три варианта развития типа героя-идеолога, три способа отношения к собственной теории. Всех их объединяет глубокий внутренний конфликт между сознательно выстроенной теорией и неподвластными разуму глубинами собственной психики. Галерея «новых» идейных героев Винниченко предстает не как ряд повторяющихся фигур, а как пространство эксперимента, где каждая следу-

ющая вариация позволяет автору исследовать новые грани противостояния сознательного и бессознательного, декларируемого и истинного. Это противостояние раскрывается через сюжетные коллизии, в которых герои систематически вступают в конфликт с собственными теориями: Мирон не может применить свою доктрину к сестре, Хома, проверяющий других на подлинность, сам оказывается во власти иррационального чувства, а Петр, проповедующий новую мораль, в финале принимает осуждение общества, не пытаясь оправдаться. Тем самым каждый из них в своем поражении или трансформации обнаруживает несостоятельность умозрительных конструкций перед лицом «живой жизни».

Особое место в системе персонажей ранних романов писателя занимают революционеры. В.Е. Панченко верно отметил, что Винниченко был первым автором в украинской литературе, создавшим целую галерею образов революционеров. Но если в его ранних рассказах 1900 гг. революционеры представлены в романтическом или героическом ореоле, то к 1910 гг. под влиянием разочарований после неудавшейся революции 1905 г. и полученного опыта пребывания в среде революционеров оптика существенно меняется:

> В. Винниченко делает досадные для себя открытия, которые заставляют его всерьез задуматься над моральными аспектами революции. <…>. Несоответствие лозунгов и практики, благородных целей и недостойных способов их достижения, взаимосвязь политики и этики — вот главные пункты раздумий и сомнений Винниченко [7, с. 22–23].

В «Честности с собой» революционеры, чье лицемерие и фарисейство разоблачает Мирон, представлены не как бесы, а как мелкие пакостники-бесенята, которые устроенной ими стачкой не помогают — только вредят рабочим:

> Между тем приготовления к забастовке производились как-то беспорядочно, небрежно, нервно. <…> все идет так, словно взяли на себя скучную, ненужную обязанность. Собирались деньги, и никто не знал, у кого касса. Выпускались прокламации, и ни один агитатор не видел их. <…> Беспорядок, неискренность, инертность! Толкуют о возрождении, а сами трупы; гальванизируют себя этими фразами о возрождении[5] [15, с. 123].

В результате: «Завод совсем открыт, начались работы. Уступок, конечно, никаких, наоборот: многих не приняли, плату убавили, заводят строгости. Рабочие — злы» [15, с. 192].

Парадокс заключается в том, что, декларируя борьбу за народ, социалисты на деле действуют против его интересов. В романе «Заветы отцов» Петр, уверенный, что революционеры-то должны проникнуться его идеей «новой морали», не находит у них поддержки:

> Не думал я, что с в а м и [разрядка автора. — *Е.Б.*] у меня будет такой разговор. Кто его знает, может, и правда я не понимаю ни социализма, ни его морали [14, с. 159].

В романе «На весах жизни» изображены революционеры в эмиграции: большинство из них разочарованы, растеряны, утратили прежние идеалы и живут сплетнями и интригами. Таким образом, принцип «честности с собой» оказывается не только

[5] Роман «Честность с собой» цитируется по: [15]. Необходимо отметить, что этот роман первоначально был написан Винниченко на русском языке, однако по авторской воле при его издании указывается, что это авторизованный перевод с украинского.

моральным требованием к личности, но и критерием оценки любой социальной деятельности, в том числе революционной. В первых романах Винниченко выражает важную и для дальнейшего творчества мысль: в среде революционеров не происходит автоматического изменения человека, он не становится более цельным, нравственным, счастливым. А социальное зло, по мысли Винниченко, не может быть уничтожено без изменения самой сущности человека, без его нравственного перерождения — эта мысль является ключевой во всем творчестве писателя и в рассматриваемых произведениях.

Поскольку писатель крайне внимателен к внутреннему миру человека, тем его «слоям», которые не поддаются вербализации и контролю, в его романах закономерно появление особого типа героя: человека с надломленной психикой и аффективным поведением. Образ героя-невротика становится одним из центральных в романах этого периода. Тарас Щербина из романа «Честность с собой», вышедший из тюрьмы психически больным человеком; Вера из этого же романа с ее нервными припадками, закончившая жизнь самоубийством; Шурка из романа «На весах жизни», страдающий от «темной мути» (болезни сексуального характера), навязчивых «сизых снов» и галлюцинаций; Аркадий, изнемогающий от рефлексии, самообмана и «самокопания»; Таня с ее истерическим «буйством»; Ника из «Заветов отцов» с его скрытыми травмами и суицидальными настроениями — все они вписываются в галерею травмированных, надломленных личностей, но в новой, модернистской оптике. Сам способ изображения невротических состояний у Винниченко носит ярко выраженный экспериментальный характер и сближается с открытиями современного ему психоанализа. В романах это проявляется через систему психологических мотивировок, где поступки героев детерминируются не столько социальными обстоятельствами или сознательным выбором, сколько глубинными, иррациональными импульсами или даже попросту физиологическим состоянием, как это происходит с глубоко больным Тарасом: «Разве я человек? Разве я имею убеждения? Раздражите меня кашлем, и я буду с ненавистью спорить с вами против того, что сам считаю верным…» [15, с. 107].

Винниченко не просто описывает болезненные состояния, но исследует их этиологию, показывая, как социальные и онтологические обстоятельства (тюрьма, эмиграция, экзистенциальное одиночество, страх смерти и т. п.) катализируют врожденную психическую лабильность героев. Невротизм становится у него не только тематической, но и структурообразующей категорией, определяющей сюжетные коллизии, систему мотиваций и общую эмоциональную атмосферу произведений.

Концепция «новой женщины»

Одним из наиболее существенных достижений Винниченко-писателя является создание им абсолютно нового для украинской литературы типажа героинь. По верному замечанию исследователя, «Мотря из “Красы и силы” по сути своего поведения начинает в творчестве Винниченко типологический ряд таких женщин как Дара — героиня романа “Честность с собой”, которая на ночь покупает себе мужчину, но несмотря на это является позитивным героем» [8, с. 26]. Именно Дара становится первой героиней, которая в полной мере воплощает черты главных женских образов последующей романистики Винниченко: самостоятельность, независимость, активность, самодостаточность, сильный характер, понимание своих гендерных потребностей и вместе с тем стремление к духовной свободе. Дара отказывается от навязанной обществом традиционной роли женщины: она становится тем персонажем, который «двигает» сюжет

и принимает решение в любовной коллизии. Именно в ее отношениях с Мироном впервые в романистике Винниченко наблюдается трансформация гендерной иерархии: мужчина в любовных отношениях оказывается пассивной стороной, женщина же берет на себя активную роль, традиционно не свойственную ей. Таким образом формируется типаж «новой» женщины в романах писателя.

Обновление женских образов в украинской поэзии и прозе наблюдается в творчестве многих писателей рубежа веков, что в целом характерно для русского и западноевропейского модернизма. Так, Иван Франко в своих произведениях создал образ роковой женщины, загадочной и недоступной, Михаил Коцюбинский изображал экзотическую женщину либо женщину-мечту, существующую больше в воображении героя, однако их героини оставались объектами мужского взгляда. Принципиально иной — субъектный — подход предложили Ольга Кобылянская и Леся Украинка, в чем творчестве появились «новые женщины»: свободные, волевые личности, способные к самостоятельному выбору и действию. В создании таких образов Винниченко можно поставить в один ряд с Кобылянской и Лесей Украинкой.

Наиболее детально разработанный женский образ в первых трех романах Винниченко — Таня из романа «На весах жизни». Ее внутренний мир раскрывается через постоянное колебание между «буйством» (энергичной, почти агрессивной активностью, которая в большой степени в романе направлена на спасение ее жениха, имеющего психическое заболевание) и «благостью» (глубокой, зачастую избыточной рефлексией, сомнениями в собственных силах, внутренней целостности и соответствии высоким идеалам). Таня фиксируется не только на состоянии Шурки, но и на своей неспособности ему помочь, почти постоянно испытывая чувство вины: «…я… ничтожная! Ничтожная, слабая, ни к чему не способная. Вот и все выводы» [13, с. 200]. Таким образом Винниченко демонстрирует неидеальность «новой женщины», то, что она является не только воплощением силы и независимости, но и личностью, которая расплачивается за свою осознанную жизнь, свой выбор сомнениями, глубокими внутренними конфликтами.

Созданные Винниченко типы женских характеров не только обогатили украинскую прозу начала XX в. новыми психологическими моделями, но и во многом предопределили развитие женской образности в литературе последующих десятилетий. Писатель представил женщину не как дополнение к герою-мужчине, а как самостоятельного субъекта действия, носителя сложного идейно-психологического конфликта, чей внутренний мир заслуживает столь же пристального анализа, как мир героя-идеолога. Этот принципиально новый подход открыл путь для дальнейших художественных экспериментов: именно в ранних романах писателя были заложены те художественные принципы изображения женщины, которые в 1920 гг. подхватили и развили представители «Расстрелянного возрождения», соединив винниченковский психологизм с новыми темами и идеологическими вызовами своего времени.

Психологизм в романах Винниченко

В контексте эстетического осмысления человеческого существования в условиях изменившихся социокультурных реалий начала XX в. писатели были вынуждены искать инновационные художественные формы, методы и средства выражения. Винниченко как один из наиболее ярких представителей этого процесса модернизации в украинской литературе активно внедрял новаторские подходы. В многообразии инструментов психологического изображения и выражения можно выделить два основных подхода: вну-

тренний (воспоминания, внутренние монологи, несобственно-прямая речь, сновидения и другие проявления подсознания) и внешний (передача психологической информации через действия, внешность, мимику, жесты и т. д.). В своих романах Винниченко соединяет оба подхода, *о*днако принципиальная особенность его метода заключается не просто в использовании разнообразных приемов по отдельности, а в их системном взаимодействии, подчиненном задаче исследования личности в моменты предельного напряжения. Писатель выстраивает повествование таким образом, что внешние события служат лишь катализатором для запуска глубинных психологических процессов. В этом смысле метод Винниченко можно определить как аналитический психологизм, ориентированный на обнаружение скрытых пружин человеческого поведения.

Ключевым принципом психологического письма Винниченко становится принцип контрастного сопоставления сознательного и бессознательного, декларируемого и истинного. Автор постоянно фиксирует разрыв между тем, что герой говорит о себе, и тем, что обнаруживается в его снах, оговорках, неконтролируемых жестах или неожиданных поступках. Так, в романе «На весах жизни» психологическое состояние Шурки становится понятно не столько посредством его диалогов с Таней, сколько через описание его мучительных «сизых снов», где причудливо переплетаются образы матери, паука, подушки, превращающейся в орудие удушения. Эти сновидения становятся для читателя основным каналом проникновения в подсознание героя, ту «темную муть», которая определяет поведение Шурки помимо его воли.

Художественные приемы в ранних романах Винниченко

Говоря о поэтике первых романов Винниченко, важно подчеркнуть, что новаторство писателя не было разрывом с предшествующей литературной традицией, а, скорее, ее творческим переосмыслением. Винниченко наследует лучшие достижения украинской реалистической прозы XIX в.: глубину психологического анализа, внимание к социальной детерминированности характера, мастерство бытописания. Однако он решительно трансформирует эти традиционные элементы, помещая их в контекст модернистского мироощущения с его интересом к подсознанию, парадоксам человеческого поведения, экспериментальной проверке этических теорий.

Художественная ткань первых романов Винниченко отличается рядом устойчивых черт, сформировавших его индивидуальный стиль. Так, В. Панченко отмечает:

> В романах Винниченко значительно уменьшился (по сравнению с ранней прозой) описательный элемент, возросла роль диалогов и полилогов, особенно — диалогов-поединков, в которых максимально, даже до публицистического «градуса», заостряются моральные, политические, философские позиции героев — участников диспутов [6, с. 123].

Специфика диалогов у Винниченко заключается не только в их идеологической насыщенности, но и в том, что они почти всегда имеют скрытый психологический подтекст. Персонажи говорят об одном, а подразумевают другое, и читатель постоянно ощущает напряжение между произнесенным словом и невысказанным чувством. Так, в романе «На весах жизни» во время разговора Хомы с Гломбинским о Тане внешне беседа носит деловой характер, но каждая реплика выдает гамму чувств: циничное торжество Гломбинского и внешнее спокойствие Хомы, за которым скрывается напряженная внутренняя борьба.

Принцип контраста реализуется Винниченко на разных уровнях поэтики. Например, контраст внешнего и внутреннего в поведении персонажей (внешняя холодность

Сани из «Заветов отцов» и ее сильное чувство и т. п.), контраст внутреннего состояния героя или героев и пейзажа (так, когда Таня идет по Парижу после самоубийства жениха, она видит обычную будничную жизнь города: «Гремели трамваи, завывали и гудели автомобили, между экипажей шныряли вездесущие велосипедисты. Люди шли с озабоченными, равнодушными, веселыми лицами. Бегали дети» [13, с. 260]).

Подход к конструированию финалов романов является одной из существенных черт поэтики Винниченко. Они практически всегда открыты: персонажи, пережив испытания, оказываются на пороге следующего этапа жизни. В подавляющем большинстве романы заканчиваются отъездом: герой, переживший кризис или крушение своей теории, не остается в неподвижности, а отправляется в путь. Этот мотив отъезда получит развитие в последующих романах, закрепляя за финалом функцию не завершения, а перехода к новому (пусть и неизвестному) этапу существования.

Необходимо отметить также принцип театрализации. Многие сцены строятся как драматические действа с четко обозначенными ролями и зрителями внутри текста. Такова сцена «покупки» картины Аркадия в кафе, которая разыгрывается как спектакль: есть режиссер (Хома), актер (Аркадий), массовка (собравшиеся эмигранты) и даже суфлер (Адольф). Эта театральность позволяет Винниченко показать условность происходящего и вместе с тем подчеркнуть, что жизнь социалистов и эмигрантов сама превратилась в театр.

Особого внимания заслуживает использование писем и дневниковых записей как форм психологического самораскрытия персонажей. Показателен эпизод, когда Мирон пишет Даре и тут же уничтожает письма, в которых признается в своих истинных чувствах к ней. Эти неотправленные послания становятся символом внутреннего запрета, которые идеолог «честности с собой» налагает на собственное чувство, боясь утратить контроль над собой и ситуацией. Письма и дневники выполняют в ранних романах Винниченко различные функции: от средства углубленного раскрытия характера (письма Сани и Дуни из «Заветов отцов», Тараса) до инструмента фиксации разрыва между высказанным и невысказанным (письма Мирона, дневник Аркадия).

Еще одним важным инструментом психологического анализа становится у Винниченко несобственно-прямая речь, позволяющая передать внутреннее состояние персонажа без авторского комментария. В романе «На весах жизни» таким образом раскрываются метания Тани после ухода Шурки с другой женщиной:

> Сначала мыслей не было никаких. Какой-то звон, боль, горячие волны чего-то обжигающего; куда-то надо тотчас бежать, кричать и бежать, почему-то не нужно бежать, нужно сесть и прислониться к спинке дивана, крепко, крепко, нужно сесть и что-то собрать, что-то уловить, понять, увидеть. Нет! Она срывалась и опять садилась [13, с. 73].

Художественная деталь в прозе Винниченко

Особую роль в произведениях Винниченко играет художественная деталь, которая служит для выражения душевных переживаний персонажей. Автор, как правило, не описывает состояние героя пространно, а передает его через точно найденный жест, мимику или движение. Так, например, сжатые губы и отстраненное, холодное выражение лица Хомы подчеркивают то постоянное внутреннее напряжение, которое испытывает этот персонаж, а «нервная струйка», пробегающая по лицу Веры свидетельствует о ее постоянной внутренней тревоге, которая впоследствии приведет к самоубийству.

Портрет и пейзаж часто изображаются в прозе Винниченко через призму восприятия героя, становясь инструментом психологического анализа. Так, внешность Петра и Сани описываются через взаимное восприятие при их первой встрече: Петр обращает внимание на мальчишеские движения девушки, ее «смело открытые губы», на которых «с откровенным вызовом играет улыбка» [14, с. 5], она – на его неуклюжесть и высокий рост, и при этом они производят сильное впечатление друг на друга (Петр уходя замечает, что Саня смотрит ему вслед «внимательно, серьезно, будто чем-то пораженная» [14, с. 6]). Эти два героя, в первую очередь, обращают внимание и во внешности, и в поведении друг друга на то, что им самим не характерно, то, что им отчасти не хватает. Портрет в романах Винниченко утрачивает характерную для украинской реалистической литературы конца XIX – начала XX века статичную описательную функцию и становится динамическим элементом психологического анализа. Внешность персонажа дается не только «объективно», но и через восприятие других героев, что позволяет одновременно раскрывать внутренний мир и того, кто смотрит. Более того, портретные детали (нервная струйка, пробегающая по лицу Веры, колени Тараса, как у кузнечика, непослушные усы Мирона, тонкие ноздри Дары и т. д.) становятся устойчивыми знаками внутреннего состояния персонажа, своего рода «психологическими лейтмотивами», сопровождающими героя на протяжении всего повествования.

Существенную роль в поэтике Винниченко играет психологизация жеста, который всегда наполнен внутренним смыслом. Так, жест Хомы в сцене в кафе в «На весах жизни», когда после удара Аркадия он «схватился рукой за стол и словно впился в него пальцами» [13, с. 167], говорит о психологическом состоянии первого больше, чем любой пространный внутренний монолог. Или Аркадий, который, получив деньги за свою картину, «небрежно сунул их смятыми в карман штанов, при этом как-то покачивал головой; будто что-то веселое и шутливое напевая про себя» [13, с. 166]. Эти детали — покачивание головой и напевание — точнее любых авторских комментариев передают его отчаянное состояние.

Не менее важную роль в изображении внутренних переживаний героев играет пейзаж, однако, и его Винниченко творчески трансформирует. Так, например, после полного драматизма диалога-поединка Мирона с его сестрой-проституткой Марусей, когда Дара и Тарас вышли на улицу, в изображении природы Винниченко трансформирует традиционный для украинской литературы XIX века параллелизм между состоянием природы и переживаниями героев. Ветер в этой сцене наделяется чертами живого существа: он «поджидал», «соскучился», «накинулся», «как верный пес», «рассердился», «налетел» и «толкнул» [15, с. 38–39]. Эта стихия, наделенная субъектностью, но при этом ощущаемая как иррациональная, подчеркивает внутреннее напряжение, которое герои только что пережили, что как раз и составляет проявление параллелизма, однако в его усложненной, модернизированной форме. Пейзаж в романах Винниченко становится активным участником действия, акцентируя психологическое состояние героев, но не являясь при этом его прямым отражением. Тем самым он обнажает глубинные, подчас неосознаваемые ясно самими героями переживания: экзистенциальную тревогу, нравственные сомнения, конфликт между инстинктом и разумом.

Выводы

Художественная форма романов «Честность с собой», «На весах жизни» и «Заветы отцов» отличается рядом устойчивых черт, сформировавших индивидуальный авторский стиль: редукция описательного элемента и возрастание роли диалогов-поединков, композиционная и стилевая контрастность, принцип театрализации,

психологически насыщенная деталь (особенно портретная и жестовая), а также открытые финалы, маркированные мотивом отъезда. Эти произведения представляют собой целостный этап формирования Винниченко-романиста. Объединенные общей проблематикой поисков «новой морали» и «нового человека», они демонстрируют последовательную эволюцию автора от идейного манифеста к более сложным структурам. Именно здесь закладываются основы экспериментального метода писателя, формируется типология героев, разрабатывается система приемов психологического анализа и определяются доминантные черты поэтики. Несмотря на то, что в первых романах идея подчас доминирует над художественностью, они стали необходимой творческой лабораторией, подготовившей появление вершинных романов Винниченко второй половины 1910 гг.

Список литературы

Исследования

1 *Байдалова Е.В.* Владимир Кириллович Винниченко. Биография политика и писателя на фоне эпохи // Славяноведение. 2020. № 5. С. 89–97.

2 *Байдалова Е.*В. Творчество В.К. Винниченко и его этико-философская концепция «переустройства» мира // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 106–121.

3 *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 506 с.

4 *Костельник Г.* Ламання душ. Львів: Добра книжка, 1923. 95 с.

5 *Миронець Н.* «Історія наша се боротьба за існування…» (Листування Є.Х. Чикаленка з В.К. Винниченком, травень-грудень 1908 р.) // Пам'ять століть. 2001. № 6. С. 3–33.

6 *Панченко В.* Будинок з химерами. Творчість Володимира Винниченка 1900–1920 рр. у європейському літературному контексті. Кіровоград: Народне слово, 1998. 272 с.

7 *Панченко В.* В. Винниченко і Ф. Достоєвський // Винниченкознавчи зощити. 2011. Вип. 4. С. 22–46.

8 *Пастух Б.* Ранні романи Володимира Винниченка. Львів: ПАІС, 2009. 159 с.

9 *Полуян С.В.* Винниченко. Третя книжка оповіданнів. Київ. 1910 // Українська хата. 1910. № 11. С. 76–77.

10 *Романов Ю.А.* Творчество Достоевского в трудах украинских литературоведов // Достоевский. Материалы и исследования: в 24 т. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 20. С. 265–285.

11 *Франко І.* Новини нашої літератури: Володимир Винниченко. Краса і Сила // Історія української та літературної критики літературознавства. Хрестоматія: у 3 кн. Київ: Либідь, 1998. Кн. 2: Навчальний посібник. Упор. П.М. Федченко. С. 145–147.

12 *Шупта-В'язовська О.Г.* До питання про мистецьке експериментаторство Володимира Винниченка // Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2011. Т. 24 (63), № 1. Ч. 2. С. 339–343.

Источники

13 *Винниченко В.* Твори: в 15 т. Видання друге. Київ; Відень: Видавніцтво Дзвін, 1919. Т. 6: Рівновага (Роман з життя емігрантів). 274 с.

14 *Винниченко В.* Твори: в 23 т. Харків: Рух, 1928. Т. XXII: Заповіт батьків. 202 с.
15 *Винниченко В.* Честность с собой. Записки курносого Мефистофеля. М.: Худож. лит., 1991. 464 с.

***

© 2026. Ekaterina V. Baydalova
Moscow, Russia

"EXPERIMENTAL LABORATORY": THE POETICS OF V.K. VINNICHENKO'S EARLY NOVELS ("HONESTY WITH ONESELF", "ON THE SCALES OF LIFE", "THE TESTAMENTS OF THE FATHERS")

Abstract: The paper explores the poetics of the early novels of Vladimir Vinnichenko (1880–1951) "Honesty with oneself", "On the Scales of Life", "The Testaments of the Fathers", considered as an integral stage in the formation of a novelist. The relevance of the work is due to the need of filling a gap in Russian literary criticism, where Vinnichenko's work has not yet been the subject of fundamental research, despite its key role in twentieth-century Ukrainian literature. The paper analyzes the functionality of the novel genre to embody the philosophical and ethical concept of "honesty with oneself", the typology of heroes (heroes-ideologists, revolutionaries, heroes-neurotics, "new woman"), as well as the main features of the artistic originality of these works. Special attention is paid to Vinnichenko's innovative psychologism, synthesizing the traditions of Russian, European and Ukrainian prose with the discoveries of contemporary psychoanalysis. The study identifies key techniques: dueling dialogues, the use of inappropriate direct speech, psychologization, theatricalization, and open finals. The author concludes that the first novels, for all their controversial character laid the foundation for Vinnichenko's experimental method, shaped his individual style, and prepared the appearance of the writer's landmark works of the second half of the 1910s, such as the novels "I Want!" and "The Notes of the Snub-Nosed Mephistopheles".

Keywords: Vladimir Vinnichenko, Ukrainian literature, early novels, poetics, psychology, hero-ideologist, "honesty with oneself", "new woman", artistic experiment

Information about the author: Ekaterina V. Baydalova — Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32A, 119334 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6263-8358
E-mail: e.baydalova@inslav.ru

Received: April 2, 2026
Approved after reviewing: May 12, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Baydalova, E.V. "'Experimental Laboratory': The Poetics of V.K. Vinnichenko's Early Novels ('Honesty with Oneself', 'On the Scales of Life', 'The Testaments of the Fathers')." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 178–192. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-178-192

References

1 Baidalova, E.V. “Vladimir Kirillovich Vinnichenko. Biografiia politika i pisatelia na fone epokhi” [“Vladimir Kirillovich Vinnichenko. Biography of a Politician and Writer against the Backdrop of an Era”]. *Slavianovedenie*, no. 5, 2020, pp. 89–97. (In Russ.)

2 Baidalova, E.V. “Tvorchestvo V.K. Vinnichenko i ego etiko-filosofskaia kontseptsiia ‘pereustroistva’ mira” [“V.K. Vinnichenko’s Creativity and his Ethical and Philosophical Concept of ‘Reorganization’ of the World”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 106–121. (In Russ.)

3 Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let* [*Issues of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years*]. Moscow, Khudozhestvennaia Literature Publ., 1975. 506 p. (In Russ.)

4 Kostelnik, G. *Lamannia dush*. Lviv, Dobra Knizhka Publ., 1923. 95 p. (In Ukranian)

5 Mironets, N. “‘Istoriia nasha se borotba za isnuvannia…’ (Listuvannia Є.Kh. Chikalenka z V.K. Vinnichenkom, traven-gruden 1908 r.)”. *Pam’iat stolit*, no. 6, 2001, pp. 3–33. (In Ukrainian)

6 Panchenko, V. *Budinok z khimerami. Tvorchist Volodimira Vinnichenka 1900–1920 rr. u єvropeiskomu literaturnomu konteksti.* Kirovograd, Narodne Slovo Publ., 1998. 272 p. (In Ukrainian)

7 Panchenko, V. “V. Vinnichenko i F. Dostoєvskii.” *Vinnichenkoznavchi zoshchiti*, vol. 4, 2011, pp. 22–46. (In Ukrainian)

8 Pastukh, B. *Ranni romani Volodimira Vinnichenka*. Lviv, PAIS Publ., 2009. 159 p. (In Ukrainian)

9 Poluian, S.V. “Vinnichenko. Tretia knizhka opovidanniv. Kiïv.” *Ukraïnska khata*, no. 11, 1910, pp. 76–77. (In Ukrainian)

10 Romanov, Iu.A. “Tvorchestvo Dostoevskogo v trudakh ukrainskikh literaturovedov” [“Dostoevsky's Work in the Works of Ukrainian Literary Critics”]. Dostoevskii. Materialy i issledovaniia: v 24 t. [*Dostoevsky. Materials and research*: v 24 vols.], vol. 20. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013, pp. 265–285. (In Russ.)

11 Franko, I. “Novini nashoï literaturi: Volodimir Vinnichenko. Krasa i Sila.” *Istoriia ukraïnskoï ta literaturnoï kritiki literaturoznavstva. Khrestomatiia:* u 3 kn., kn. 2: Navchalnii posibnik, comp. by P.M. Fedchenko. Kiev, Libid Publ., 1998, pp. 145–147. (In Ukrainian)

12 Shupta-V’iazovska, O.G. “Do pitannia pro mistetske eksperimentatorstvo Volodimira Vinnichenka.” *Ucheni zapiski Tavriiskogo natsionalnogo universitetu im. V.I. Vernadskogo.* Seriia: Filologiia. Sotsialni komunikatsiï, vol. 24 (63), no. 1, part 2, 2011, pp. 339–343. (In Ukrainian)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-193-203
УДК 81-23
ББК 81.1
Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. М.Б. Расторгуева
г. Воронеж, Россия

ОНИМЫ ПОВЕСТИ И. ГРЕКОВОЙ «ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ»

Аннотация: В данной статье отражены результаты анализа онимов повести «Хозяйка гостиницы» И. Грековой (год написания — 1975), представителя поколения писателей советского периода XX в. Под псевдонимом И. Грековой в начале 1960 гг. начала публиковаться в журнале «Новый мир» Е.С. Вентцель — известный советский математик, профессор, доктор наук, на тот момент автор научных трудов из области теории вероятности, прикладной математики и прочего. Малоизученность лексической составляющей русскоязычных произведений советского периода и важность ее изучения для анализа общего состояния русского языка на дальнейшем этапе развития определяют актуальность и новизну исследования. Основной целью статьи является рассмотрение онимов повести «Хозяйка гостиницы», в основе анализа которых лежит образ главной героини как краеугольного камня повествования. В ходе исследования были решены следующие задачи: рассмотрены онимы повести «Хозяйка гостиницы», выявленные при анализе посредством сплошной выборки, и распределены по тематическим группам и подгруппам в соответствии с этапами жизни героини, душевными привязанностями, социальным статусом, людей из ее окружения, а также выявлены и проанализированы топонимы и онимы повести из области культурно-исторического фона как основы формирования личности Веры Платоновны Ларичевой.

Ключевые слова: онимы, Грекова, литература советского периода, тематические группы и подгруппы, формирование образов героев, культурно-исторический аспект

Информация об авторе: Марина Борисовна Расторгуева — кандидат филологических наук, доцент, директор, Центр публикационной активности, Воронежский государственный технический университет, ул. Московский просп., д. 14, 394026 г. Воронеж, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5690-2308
E-mail: rast.mari@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.07.2025
Дата одобрения рецензентами: 29.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Расторгуева М.Б.* Онимы повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы» // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 193–203.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-193-203

Многие произведения XX в. обретают интерес у нового поколения читателей благодаря экранизациям. Так и случилось с повестью «Хозяйка гостиницы». Произведение написано в 1975 г., а в 2003 г. по повести С. Говорухиным был снят фильм «Благословите женщину», который вызвал большой отклик в обществе, что послужило поводом для многих зрителей вернуться к первоисточнику. Малоизученность лексической составляющей русскоязычных произведений советского периода XX в. и важность ее изучения для анализа общего состояния русского языка на дальнейшем этапе развития определяют *актуальность исследования*.

Онимы как яркое проявление авторской индивидуальности и дополняющая составляющая к образам героев произведений используются часто для уточнения формулировок, погружения читателя в культурно-исторический фон эпохи, знакомства его с мироощущением и мировосприятием определенного социального слоя. Оним в языкознании — «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации; в том числе антропоним, топоним, зооним, фитоним, анемоним, хромоним, астроним, космоним, теоним, идеоним, хрематоним, которые составляют различные разряды омонимов» [16].

Изучение онимов нашло свое отражение в работах Г.Ф. Ковалева [4], В.Н. Михайлова [6], В.И. Супруна [9], А.В. Суперанской [8], Н.В. Васильевой [2], Э.Б. Магазаник [5], О.И. Фоняковой [16], Эльвии Ваффа Хидир Мохаммед Али [1], С.А. Скуридиной [7], В.М. Калинкина [3], О.В. Старковой [10], М.Б. Расторгуевой [10, 11, 12, 13, 14], Н.В. Подольской [15], Е.Р. Савицкайте [112], Г.Н. Полевой [12] и др.

Объектом исследования, взятым для анализа автором статьи, являются онимы повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы», написанной в советский период; *предметом исследования* — специфика тематической разнонаправленности данного лексического пласта. *Научная новизна материала* состоит в том, что анализ проводится на материале повести «Хозяйка гостиницы» И. Грековой.

При всестороннем анализе материала были использованы следующие *методы*: метод сравнительного анализа, методы наблюдения и описания, метод сплошной выборки, статистический метод.

Главная героиня повести «Хозяйка гостиницы» — собирательный образ среднестатистической представительницы своей эпохи (действие произведения разворачивается в первой половине XX в.), женщины, выросшей и сформировавшейся в соответствии с жизненными устоями своего времени и окружения. В начале повести перед читателем она предстает в образе Верочки, старшей дочери в семье, улыбчивой, романтично настроенной. Постепенно она превращается в Веру — любимую и беззаветно любящую жену довольно деспотичного мужа-военного, которая занимается бытом и домом, переезжая с ним из гарнизона в гарнизон, каждый раз налаживая уют и тот образ жизни, который любил муж. В финале повести это уже Вера Платоновна, директор гостиницы по должности, а по сути — ее хозяйка, для которой коллектив — семья, постояльцы — желанные гости, быт — домашнее хозяйство в лучших традициях. Оптимизм, чувство юмора, фирменная улыбка в любой день, вне зависимости от настроения, трудолюбие, желание сделать любое дело как можно лучше, помочь людям и обогреть их своим душевным теплом — вот те черты характера, которые героиня проносит через всю свою жизнь. Как и многие представительницы слабого пола, героиня настроена очень романтично — «любит ушами»: слова для нее — неиссякаемый источник чувств и эмоций, и этот настрой сопровождает Веру всю жизнь.

Основная цель исследования — рассмотрение онимов в рамках тематических групп взаимоотношений главной героини в пространстве текста и их роль в формировании образов повести.

Данная цель предполагает решение следующих *задач*:

— всестороннее рассмотрение онимов, выявленных в процессе работы над текстом повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы»;
— распределение онимов повести по тематическим группам и — в некоторых случаях — по подгруппам;
— итоговая выборка статистических данных, выявление наиболее / наименее наполненных тематических групп (подгрупп);
— анализ отобранных лексических единиц с точки зрения семантического и культурно-исторического аспектов.

К онимам «относятся имена и прозвища людей, имена богов, различные географические названия (топонимы), клички животных (зоонимы) и многие другие названия» [12, с. 81]. Группа топонимов обычно довольно широко представлена подгруппами, среди которых выделяют дромонимы (названия путей сообщения), ойконимы (названия населенных мест), годонимы (названия улиц), агоронимы (названия площадей), микротопонимы (названия небольших незаселенных объектов), оронимы (названия гор), урбанонимы (названия городских объектов), хоронимы (названия административных единиц, стран), гидронимы (названия рек и озер) [8].

В повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы» нами были выделены следующие группы онимов:

— антропонимы;
— прозвища;
— зоонимы;
— онимы из области культурно-исторического фона, которые включают в себя фамилии реальных исторических лиц; названия произведений искусства и литературы, а также реалий, связанных с ними; названия предметов; названия СМИ; группа, связанная с вероисповеданием; музыкальные произведения;
— топонимы (ойконимы, хоронимы, урбанонимы, гидронимы).

В тексте повести «Хозяйка гостиницы» было обнаружена 131 лексическая единица онимов, представленных разнообразным по тематике материалом.

Так как главная героиня является центральной фигурой повествования, основные группы онимов были сформированы на основе ее взаимоотношений с другими героями и разными этапами ее жизни. Также отдельно представлена группа онимов, отражающих культурно-исторический аспект описываемой автором эпохи, и топонимы.

Группа «Вера и ее семья» включает в себя ее родителей, сестру, приемного брата. Данная тематическая группа представлена следующим составом онимов и 17 лексическими единицами:

— антропонимы (представлена 14 лексическими единицами): *Верочка Бутова, Платон Бутов (Платошка-бездельник), Женя (Женька, Евгения Платоновна), Анна Савишна (Анка Морозова* в молодости*), Дуняша*, *поп Савва, попадья Маланья, Платон Платонович Бутов, Иван Севастьянович, Семен.* Например, «В тысяча девятьсот тридцатом году Верочка Бутова кончила школу» [17, с. 1].

Антропонимы из данной тематической группы представлены как с точки зрения происхождения, так и с точки зрения их модификации, основанной на изменении социального статуса героев.

Так, в группе антропонимов, связанных с семьей Веры, встречаются имена древнегреческого происхождения (*Вера, Евгения, Платон, Дуняша, Маланья*) и древнееврейского (*Анна, Савва, Иван, Семен*).

Кроме того, следует отметить, что социальный статус героев часто подчеркивается автором с помощью модификации имен в ходе развития сюжета. Например, сестра Веры Женька со временем превращается в Евгению Платоновну, жену, а позже вдову высокопоставленного функционера; отец Веры, изначально Платошка-бездельник, до конца дней остается просто Платоном, человеком, достаточно безответственным по отношению к своей семье в плане материального обеспечения, без каких-либо мыслей об устройстве будущего, своего и своей семьи; мать Веры Анка превращается в Анну Савишну, несущую на себе все тяготы жизни семьи Бутовых, основную кормилицу, за счет труда которой выживает вся семья.

— прозвища (представлены 3 лексическими единицами): *Светит месяц* (прозвище отца Веры в молодости), *Ужик, Найденыш.* Например, «Платона Бутова в молодости прозвали ‘Светит месяц’ за то, что мастерски играл на балалайке известную эту песню — играл с переборами, с дребезгом, с лихим стуком костяшек по треугольной деке» [17, с. 5].

Лексика группы «Прозвища» в группе антропонимов, связанных с семьей Веры, отражает различные отличительные особенности их носителей: например, легкомысленность, бесшабашность, отсутствие ответственности, склонность к праздности (*Светит месяц*); внешность и определенные черты характера (склонность выйти сухим из воды, приврать, но без злого умысла – как безобидный уж) (*Ужик*) (порядок скобок); способ обретения (*Найденыш*).

Группа «Взаимоотношения Веры и ее мужа». Данная тематическая группа представлена следующим составом онимов и 11 лексическими единицами:

— антропонимы (представлена 11 лексическими единицами): *Ларичев Александр Иванович (Шура, Шуня, Шунечка* для Веры*, Шунчик* (так переворачивала с издевкой имя Маша Смолина), *Никордимыч, Юра, Наташа, Анна Петровна, Анна Михайловна, Михаил Карпович.* Например, «Его звали Ларичев Александр Иванович» [17, с. 11].

Антропонимы из данной тематической группы представлены как с точки зрения происхождения, так и с точки зрения социального статуса героев.

Так, в группе антропонимов, связанных с супружеской жизнью Веры, встречаются имена древнегреческого происхождения (*Александр, Юрий*), древнееврейского (*Анна, Михаил*) и латинского (*Наталья*).

Муж Веры только для нее и наедине — Шунечка, в остальных случаях в ходе повествования он предстает перед читателем Александром Ивановичем или полковником Ларичевым, что подчеркивает его особое положение как в семье (глава, человек, принимающий решение, чье слово остается последним в любой ситуации), так и на службе. Довольно сложный по характеру, во многом эгоистичный в отношении своей молодой жены, но очень надежный человек в жизненных ситуациях, Ларичев тяжел в общении, у окружающих вызывает противоречивые эмоции. Даже его сын от первого брака не называет его отцом, используя для именования Александра Ивановича местоимение «он».

Семейная пара героев Веры и Ларичева интересна и в плане значения имен. Александр в переводе означает «мужчина», «защитник», Вера — имя собственное, происходящее от нарицательного, с соответствующим значением. И действительно, в их паре муж был главой семьи, крепким плечом, добытчиком, достаточно жестким, но всегда порядочным и честным человеком, жена — надежным тылом, дающим уют, душевный комфорт, душой семьи. Отношения в паре строились на основе безусловного подчинения Веры своему мужу, ее служения ему во всех смыслах слова, полный отказ от своих желаний (например, Вера избавилась от ребенка, потому как так захотел муж). Вера так вспоминала об этих отношениях: «Любила. Сначала как девчонка, потом — как подданная» [17, с. 79].

— зоонимы (представлена 4 лексическими единицами): *Кузьма, Кузя, Кузема, Куцый*. Например, «Ты только послушай: Кузьма, Кузя, Кузема…» [17, с. 23].

Группа «Взаимоотношения Веры и ее подруги Маши Смолиной» представлена следующим составом онимов и 14 лексическими единицами:

— антропонимы (представлены 14 лексическими единицами):

Маша Смолина (Машенька), Вовка (Вовус, Владимир Модестович Смолин), Виктория (Вика, Викочка), Гриша. Например, «Маша Смолина, когда-то самая близкая, уходила все дальше» [17, с. 48].

Так, в группе антропонимов, связанных взаимоотношением Веры и Маши, встречаются имена древнегреческого (*Вера, Григорий*), старославянского (*Владимир*), латинского (*Виктория*) и древнееврейского происхождения (*Мария*).

Как и в ранее описанной группе онимов «Вера и ее семья», здесь социальный статус героев часто подчеркивается автором посредством модификации имен. Например, сын Маши, которого Вера любя называет Вовка и Вовус в начале повести, со временем превращается в Смолина Владимира Модестовича, статусного человека в медицинских кругах, известного стоматолога.

Группа «Взаимоотношения Веры и Кораблева» представлена следующим составом онимов и 4 лексическими единицами:

— антропонимы: *Ляля (Ляля Михайловна)*, *Виталий Петрович Кораблев (Таля), Софа*. Например, «Звали его Виталием Петровичем, фамилия — Кораблев» [17, с. 50].

Кораблев появился в жизни Веры практически сразу после смерти мужа. Знакомство случайное, в военном санатории, легкий курортный роман без всяких надежд на совместное будущее, который позже стал для Веры источником проблем, оставив большое разочарование. Изначально Кораблев внешне напомнил Вере мужа, чем и привлек ее внимание, но потом выяснилось, что Виталий человек непутевый, пьющий, за что был уволен из армии.

Виталий — имя с латинскими корнями, в переводе означает «жизненный, полный сил». Возможно, этот человек своим вниманием и вдохнул в Веру жизненную энергию, которой так не хватало после ухода мужа. Свое имя Кораблев преобразовал в Талю, что говорит о какой-то легкомысленности и несерьезности личности.

Группа «Вера и дачники». Данная тематическая группа представлена следующим составом онимов и 5 лексическими единицами:

— антропонимы (представлена 3 лексическими единицами): *Красовский, Маргарита Антоновна Кунина, Иевлева Мария Ивановна*. Например, «Раза два снимала комнату у Ларичевых знаменитая артистка Маргарита

Антоновна Кунина — лауреатка, народная, веселая, орденоносная, гремевшая по всей стране (на улице за нею бегали мальчишки и кричали: ‘Тэрзай меня, тэрзай!’ — фразу из нашумевшего фильма, где она играла престарелую кокетку)» [17, с. 45].

В группе антропонимов, связанных с данной группой омонимов, встречаются имена древнегреческого (*Маргарита*) и древнееврейского (*Мария*) происхождения.

Можно предположить, что прообразом актрисы Куниной послужила знаменитая Фаина Раневская — та же фактура внешнего вида, чувство юмора, профессия, бытовая неприспособленность и талант перевоплощения. Так реальная героиня своего времени нашла воплощение в образе героини повести как яркий символ эпохи.

— прозвища (представлена 2 лексическими единицами): *Пека, Зюзя*. Например, «Несколько лет подряд приезжала из Москвы семья генерала Ивлева — жена, Марья Ивановна, черноглазая толстуха с вечной завивкой, веселая, но паническая, топавшая по двору зелеными босоножками, и двое сыновей-погодков, Пека и Зюзя, — сущие дьяволы, но с обаянием» [17, с. 46].

Группа «Вера и ее работа в гостинице». Данная тематическая группа представлена следующим составом онимов и 7 лексическими единицами:

— антропонимы (представлена 7 лексическими единицами): *Михеев, Борис Григорьевич, Алла Тарасовна Зайцева, Соня Хохлова, Вася, Лидия Ивановна, Ольга Петровна*. Например, «Директор гостиницы Борис Григорьевич, болезненно тревожный немолодой человек с язвой кишечника, ходивший на работу с бутылкой кефира в портфеле, очень ценил Веру Платоновну и всячески ее поощрял: представлял ее к премии ежеквартально, повесил ее портрет на Доску почета» [17, с. 58].

В группе антропонимов, связанных с работой Веры, встречаются имена старославянского (*Борис*), древнегреческого (*Василий, Алла, София, Лидия*), древнескандинавского (*Ольга*) и древнееврейского (*Мария*) происхождения.

Группа «Взаимоотношения Веры и Юрлова». Данная тематическая группа представлена следующим составом онимов и 6 лексическими единицами:

— антропонимы (представлена 6 лексическими единицами): *Сергей Павлович Юрлов (Сереженька для Веры, дядя Сережа для Вики)), Желудев Николай Александрович, Люда, Алла.* Например, «На пороге стоял Юрлов — без шапки, светясь в лунном свете узкой серебряной головой с разметанными волосами» [17, с. 83].

В группе антропонимов, связанных с взаимоотношениями Веры и Юрлова, встречаются имена старославянского (*Людмила*), древнегреческого (*Алла, Николай*) и древнеримского (*Сергей*) происхождения.

Сергей Павлович Юрлов — особая душевная привязанность Веры. С ним Веру Платоновну жизнь свела уже в достаточно зрелом возрасте. Сама героиня говорит об этом так: «А здесь — равенство, простота, доверие, правда. Впервые. И как же ей повезло, что встретилось в жизни такое. Могла бы ведь и умереть, не узнав…» [17, с. 79]. У каждого из немолодых влюбленных — свой жизненный багаж, не всегда легкий, проблемы и заботы, но друг друга они воспринимают такими, какие они есть, со всеми плюсами и минусами.

Все три серьезных увлечения Веры в личной жизни — три разных жизненных позиции героини в парах: с мужем Вера была на вторых ролях, подчиняясь во всем;

с Кораблевым была ведущей, опорой, а он — ведомым; с Юрловым — равенство, золотая середина, то, к чему стремится основное количество женщин. Вере посчастливилось достичь гармонии в чувствах только в зрелом возрасте, приобретя жизненный опыт.

Группа топонимов повести представлена 24 лексическими единицами.

— ойконимы (представлена 11 лексическими единицами): *Москва*, *Петроград*, *Киев, Мурманск, Могилев, Рига, Дорогомилово, Ленинград, Кронштадт, Карловы Вары, Гурзуф.* Например, «Сейчас Могилев» [17, с. 11].

Родной город Веры через все повествование проходит без названия, автор только отдаленно намекает, что это место, скорее всего, в Крыму. Автор говорит о нем как о богатом приморском городе — со всеми реалиями бытовой жизни южных городов.

— хоронимы (представлена 6 лексическими единицами): *Дальний Восток, Зауралье, Урал, Древний Рим, Карельский перешеек, Советский Союз*. Например, «Куда только его не бросало: Киев, Мурманск, Дальний Восток» [17, с. 11]
— урбанонимы (представлена 5 лексическими единицами): *улица Проезжая, «Грант-отель», «Салют», Чумной форт, Синг-Синг.* Например, «Как в «Гранд-отеле» [17, с. 26]
— гидронимы (представлена 2 лексическими единицами): *Евксинский Понт, Маркизова лужа*. Например, «Вере нравилось, что они живут на берегу Евксинского Понта…» [17, с. 45]

Группа онимов культурно-исторического плана представлена следующими подгруппами и включает в себя 43 лексические единицы:

подгруппа, связанная с вероисповеданием (представлена 3 лексическими единицами): *Николай Угодник, Бог, Евангелие*. Например, «В углу икона — Николай Угодник» [17, с. 1]

— подгруппа, представленная именами и фамилиями реальных исторических лиц (22 лексических единиц): *Кузьма Крючков, кардинал Ришелье, Рамзес, Саския, Рембрант, принц Уэльский, Соломон, Ирод, Левитан, Кнут Гамсун, Пушкин, Станиславский, Тургенев, Николай Второй, академик Крылов, Петр Первый, Островский, Тютчев, Нинон де Лакло, Некрасов, Поленов, Мария Стюарт.* Например, «Одевался он чисто, даже щеголевато, единственный сапог начищал до зеркального блеска, бороду брил каждый день, а рыжие усы закручивал кольчиками, как у Кузьмы Крючкова — знаменитого казака-героя» [17, с. 2].
— подгруппа «Названия предметов» представлена 3 лексическими единицами: *швейная машинка «Зингер», «Казбек», сушилка для волос «Улыбка»*. Например, «Однако не проклял, выдал дочери даже приданое — сколько-то деньгами и швейную машину «Зингер» [17, с. 5]
— подгруппа «Музыкальные произведения» представлена 3 лексическими единицами: *Варшавянка, «Не слышны в саду даже шорохи», «Шумел камыш»*. Например, «Отец был за красных, у него в хате сходилась беднота, батраки и судьбой обиженные, пели «Варшавянку», кричали: «Долой буржуев!» [17, с. 7].
— подгруппа «Названия произведений искусства и литературы и реалий, связанных с ними» представлена 13 лексическими единицами:

Афродита, Подколесин, Золушка, Зеебрюггская операция, Горгона Медуза, «Спящая красавица», Эол, Диана, Малый атлас мира, Огудалова, «Бесприданница», «Христос и грешница», Мефистофель. Например, «Я увидел бы, как Афродита выходит из морской пены» [17, с. 10].

— подгруппа «Названия СМИ» представлена 1 лексической единицей: *«Иностранная литература»*. Например, «На журнал подписалась, «Иностранная литература» [17, с. 57].

На основании проведенного анализа были сделаны следующие выводы:

— онимы повести «Хозяйка гостиницы» И. Грековой представлены 131 лексической единицей, отличаются достаточным тематическим разнообразием — было выделено 9 тематических групп, пять из которых имеют подгруппы: группа топонимов; группа, представленная лексикой культурно-исторического фона; тематические группы «Вера и ее семья», «Взаимоотношения Веры и ее мужа», «Вера и дачники»;

— по количеству лексических единиц преобладает группа, представленная лексикой культурно-исторического фона (43 единицы), наименьшим количеством представлена группа «Взаимоотношения Веры и Кораблева» (4 лексические единицы);

— среди подгрупп наибольшей наполненностью отличается подгруппа, представленная именами и фамилиями реальных исторических лиц (22 лексические единицы) (группа лексики культурно-исторического фона), наименьшей — подгруппа ««Названия СМИ» (группа лексики культурно-исторического фона) представлена 1 лексической единицей.

Каждая из групп онимов отражает определенный этап развития в жизни главной героини и героев повести, периоды изменения политического строя страны, исторические события в проекции человеческих судеб, историко-культурологический фон эпохи в целом.

Можно предположить, что преобладание по количеству лексических единиц группы, представленной лексикой культурно-исторического фона, обусловлено общим достаточно высоким интеллектуальным уровнем героев — прообразов типичных представителей своей эпохи, их начитанностью, стремлением к образованности, формированию жизненных ориентиров.

Список литературы

Исследования

1 *Али Э.В.Х.М.* Интерпретации имен собственных как один из способов выражения основ мироздания личности (по материалам романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8–1 (86). С. 203–206.

2 *Васильева Н.В.* Литературная ономастика: традиционное и новое // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. С. 125–132.

3 *Калинкин В.М.* Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.

4 *Ковалев Г.Ф.* Литературная ономастика глазами литературоведов // Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2019. С. 213–225.

5 *Магазаник Э.Б.* Роль антропонима в построении художественного текста // Ономастика. М.: Наука, 1969. 261 с.

6 *Михайлов В.Н.* Специфика имен собственных в художественном тексте // Филологические науки. 1987. № 6. С. 79–82.
7 *Скуридина С.А.* Специфика именования главного героя в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Filologos. 2020. № 3. С. 76–83.
8 Суперанская А.В. Общая теория имени собственного // отв. ред. д-р филол. наук А.А. Реформатский. М.: Наука, 1973. 368 с.
9 *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно- эстетический потенциал. Волгоград: Перемена. 2000. 171 с.
10 *Расторгуева М.Б., Старкова О.В.* Географическая картина мира в лексическом эквиваленте как отражение воплощения художественных образов героев произведений (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин»). // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019. № 3 (43). С. 105–117.
11 *Расторгуева М.Б.* Топонимы как лексическая составляющая формирования образа картины мира (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин») // Вестник славянских культур. 2020. № 56. С. 179–186.
12 *Расторгуева М.Б., Савицкайте Е.Р., Полевая Г.Н.* К вопросу об употреблении имен собственных (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 79–87.
13 *Расторгуева М.Б.* К вопросу об использовании имен собственных в произведениях современной русскоязычной прозы (на примере антропонимов трилогии Д. Рубиной «Русская канарейка» // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 1 (57). С. 83–101.
14 *Расторгуева М.Б.* Онимы романа Д. Рубиной «Бабий ветер» // Вестник славянских культур. 2023. № 70. С. 250–260.
15 *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1978. 199 с.
16 *Фонякова О.И., Генералова Е.В.* Ономастика // Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. С. 229–232.

Источники

17 *Грекова И.* Хозяйка гостиницы. М.: Текст, 1998. 90 с.

***

© 2026. Marina B. Rastorgueva
Voronezh, Russia

ONYMS IN I. GREKOVA'S NOVEL "THE HOTEL OWNER"

Abstract: This paper provides results of the analysis of onyms in the novel "The Hostess of the Hotel" by I. Grekova (year of writing — 1975), a representative of the generation of writers of the Soviet period of the twentieth century. In the early 1960s, E.S. Ventzel, a well-known Soviet mathematician, professor, Doctor of Sciences, and at that time the author of scientific works in the field of probability theory, applied mathematics, and

others, began publishing in the journal Novy Mir under the pseudonym I. Grekova. The little-studied lexical component of Russian-language works of the Soviet period and the importance of studying it for analyzing the general state of the Russian language at a further stage of development determine the relevance and novelty of the research. The main purpose of the paper is to consider the onyms of the story "The Hostess of the Hotel", the analysis of which is based on the image of the main character as the cornerstone of the narrative. In the course of the study, the author solved following tasks: she considered the onyms of the story "The Hostess of the Hotel", identified through a continuous sample, and distributed into thematic groups and subgroups in accordance with the stages of the heroine's life, mental attachments, social status, people from her environment, and identified and analyzed toponyms and onyms of the story from the cultural and historical background as the basis for the formation of the personality of Vera Platonovna Laricheva.

Keywords: onyms, Grekova, literature of the Soviet period of the twentieth century, thematic groups and subgroups, formation of images of heroes, cultural and historical aspect

Information about the author: Marina B. Rastorgueva — PhD in Philology, Associate Professor, Director, The Publication Activity Center, *Voronezh State Technical University,* Moskovsky Ave. 14, 394026 Voronezh, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5690-2308
E-mail: rast.mari@mail.ru

Received: July 10, 2025
Approved after reviewing: June 29, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Rastorgueva, M.B. "Onyms in I. Grekova's Novel 'The Hotel Owner'." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 193–203. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-193-203

References

1 Ali, El'viia Vaffa Khidir Mokhammed "Interpretatsii imen sobstvennykh kak odin iz sposobov vyrazheniia osnov mirozdaniia lichnosti (po materialam romana D. Rubinoi 'Na solnechnoi storone ulitsy')" [Interpretation of Proper Names as one of the Ways of Expressing the Foundations of the Personal Universe (Based on Materials from the Novel by D. Rubina "On the Sunny Side of the Street")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8–1 (86), 2018, pp. 203–206. (In Russ.)

2 Vasil'eva, N.V. "Literaturnaia onomastika: traditsionnoe i novoe" ["Literary Onomastics: Traditional and New"]. *Voprosy onomastiki*, vol. 16, 2019, pp. 125–132. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.055 (In Russ.)

3 Kalinkin, V.M. *Poetika onima* [*Poetics of the Onym*]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999. 408 p. (In Russ.)

4 Kovalev, G.F. "Literaturnaia onomastika glazami literaturovedov" ["Literary Onomastics through the Eyes of Literary Scholars"]. *Voronezhskaia filologicheskaia shkola: istoriia, traditsii, sovremennost'* [*Voronezh Philological School: History, Traditions, Modern Times*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2019, pp. 213–225. (In Russ.)

5 Magazanik, E.B. "Rol' antroponima v postroenii khudozhestvennogo teksta" ["The Role of an Anthroponym in the Construction of a Literary Text"]. *Onomastika* [*Onomastics*]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 261p. (In Russ.)

6 Mikhailov, V.N. "Spetsifika imen sobstvennykh v khudozhestvennom tekste" ["Specifics of Proper Names in a Literary Text"]. *Filologicheskie nauki,* no. 6, 1987, pp. 79–82. (In Russ.)

7 Skuridina, S.A. "Spetsifika imenovaniia glavnogo geroia v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Specifics of Naming the Main Character in the Novel by F.M. Dostoevsky's 'Idiot'"]. *Filologos*, no. 3, 2020, pp. 76–83. https://doi.org/10.24888/2079-2638-2020-46-3-76-83 (In Russ.)

8 Superanskaia, A.V. *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [*General Theory of Proper Names*], ex. ed. DSc in Philology A.A. Reformatskii. Moscow, Nauka Publ., 1973, 368 p. (In Russ.)

9 Suprun, V.I. *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [*Onomastic Field of the Russian Language and its Artistic and Aesthetic Potential*]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 171 p. (In Russ.)

10 Rastorgueva, M.B., Starkova, O.V. "Geograficheskaia kartina mira v leksicheskom ekvivalente kak otrazhenie voploshcheniia khudozhestvennykh obrazov geroev proizvedenii (na primere romana D. Rubinoi 'Zheltukhin')" ["A Geographical Picture of the World in Lexical Equivalent as a Reflection of the Embodiment of Artistic Images of the Heroes of Works (Using the Example of D. Rubina's Novel 'Zheltukhin')"]. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia*, no. 3 (43), 2019, pp. 105–117. (In Russ.)

11 Rastorgueva, M.B. "Toponimy kak leksicheskaia sostavliaiushchaia formirovaniia obraza kartiny mira (na primere romana D. Rubinoi 'Zheltukhin')" ["Toponyms as a Lexical Component of the Formation of an Image of the World (Using the Example of D. Rubina's Novel 'Zheltukhin')"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur,* no. 56, 2020, pp. 179–186. (In Russ.)

12 Rastorgueva, M.B., Savitskaite, E.R., Polevaia, G.N. "K voprosu ob upotreblenii imen sobstvennykh (na primere romana D. Rubinoi 'Zheltukhin')" ["On the Issue of the use of Proper Names (By the Example of D. Rubina's Novel 'Zheltukhin')"]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, no. 3 (38), 2020, pp. 79–87 (In Russ.)

13 Rastorgueva, M.B. "K voprosu ob ispolzovanii imen sobstvennykh v proizvedeniiakh sovremennoi russkoiazychnoi prozy (na primere antroponimov trilogii D. Rubinoi 'Russkaia kanareika'" ["On the Issue of the Use of Proper Names in the Works of Modern Russian-language Prose (by the Example of the Anthroponyms of D. Rubina's Trilogy 'The Russian Canary'"]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 1 (57), 2022, pp. 83–101. (In Russ.)

14 Rastorgueva, M.B. "Onimy romana D. Rubinoi 'Babii veter'" ["Onyms in the Novel 'Women's Wind'"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 70, 2023, pp. 250–260. (In Russ.)

15 Podol'skaia, N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. Institut iazykoznaniia AN SSSR* [*Dictionary of Russian Onomastic Terminology. Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences*]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 199 p. (In Russ.)

16 Foniakova, O.I., Generalova E.V. "Onomastika" ["Onomastics"]. *Russkii iazyk. Shkol'nyi entsiklopedicheskii slovar'* [*Russian. School Encyclopedic Dictionary*]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2014, pp. 229–232. (In Russ.)

Вступительная статья к избранным материалам Международной научной конференции Санкт-Петербургского государственного университета «XXIV Славистические чтения памяти профессора Петра Андреевича Дмитриева и профессора Германа Ивановича Сафронова» (09.09.2026 – 12.09.2026)

Международная филологическая конференция «XXIV Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова» проводится в Санкт-Петербургском государственном университете с 1999 г. В нынешнем, 2026 г., уже в 24-й раз.

Имена руководителей кафедры славянской филологии СПбГУ второй половины XX в. Петра Андреевича Дмитриева и Германа Ивановича Сафронова устойчиво ассоциируются с «золотой» эпохой Ленинградской (Санкт-Петербургской) славянской филологии, с опорой на традиции которой развивается наша кафедра, основанная в далеком 1835 г. Участие в конференции их памяти привлекательно как для их бывших коллег по кафедре, так и для молодого поколения, которое не застало их при жизни, но через конференцию знакомится ближе с их научным наследием, что помогает в поиске новых решений и перспектив.

В предлагаемом читателю номере журнала представлено семь статей, подготовленных на основе докладов нашей нынешней конференции, посвященных вопросам славянского литературоведения, роли художественного перевода в рецепции литературы за рубежом и в развитии межкультурных связей славянского мира.

Многие из них оказались тематически связанными, что высвечивает общие направления исследований.

Четыре статьи так или иначе затрагивают проблемы теории и практики перевода и рецепции. Это статья профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Надежды Николаевны Стариковой о словенском художественном переводе в диахронии и синхронии; исследование доцента СПбГУ Олеси Сергеевны Сергиенко о чешском переводчике русской литературы Либоре Дворжаке; статья доцента СПбГУ Ольги Викторовны Раины и ее соавтора о роли западнославянских школьных программ в рецепции русской литературы за рубежом; исследование доцента СПбГУ Андрея Владимировича Бабанова и магистра Михаила Александровича Кустодиева, посвященное вкладу славистов-переводчиков Ленинградского университета в рецепцию славянских литератур во второй половине XX в.

Теме петербургской славистики, затронутой в статье А.В. Бабанова и М.А. Кустодиева, а также теме межкультурных славянских связей в Санкт-Петербурге XVIII в. – первой половины XIX в. посвящено исследование доцента СПбГУ Виктории Владиславовны Мущинской.

Проблемы межкультурных славянских связей и теории литературы привлекли внимание доцента СПбГУ Александры Витальевны Тоичкиной.

Славянскому литературоведению и полонистике посвящено исследование доцента СПбГУ Ольга Валерьевны Гусевой об истоках жанра детской литературы в Польше.

Петербургские (Ленинградские) литературоведы XX–XXI вв. — преподаватели кафедры славянской филологии СПбГУ Герман Иванович Сафронов, Всеволод Дмитриевич Андреев, Ирина Макаровна Порочкина, Наталия Кирилловна Жакова, Максим

Павлович Мальков, Марианна Леонидовна Бершадская, Сергей Иванович Николаев и другие — внесли фундаментальный вклад в развитие славистики.

Смеем надеяться, что преемственность их научных идей будет еще долго ощущаться в трудах их последователей — докладчиков и слушателей наших «Славистических чтений памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова».

М.Ю. Котова,
профессор кафедры славянской филологии СПбГУ,
заместитель Председателя Программного комитета конференции

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-206-217
УДК 81'255.2+821.16
ББК 83.3(0)41: 81.18
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Бабанов
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2026 г. М.А. Кустодиев
г. Санкт-Петербург, Россия

УЧАСТИЕ СЛАВИСТОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СЛАВИСТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ 1950-1960-Х ГГ.

Аннотация: Статья посвящена одной из сторон деятельности кафедры славянской филологии СПбГУ (в описываемый период — ЛГУ им. А.А. Жданова), ее сотрудников и выпускников. Рассматривается их вклад в межславянские культурные контакты через разного рода участие в проектах, связанных с изданием и иным представлением русскоязычной публике художественных произведений авторов из зарубежных славянских стран (Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия).

Рассматривается география мест реализации проектов (Москва, Ленинград, центры областей и автономных республик РСФСР, славянские страны, выпускающие свою национальную литературу в форме, доступной для советского читателя). Предпринимается попытка консолидировать информацию об опубликованных переводах преподавателей кафедры и выпускников, ставших профессионалами художественного перевода (в хронологических рамках, заданных в названии статьи), а также о других формах участия сотрудников и выпускников кафедры в реализации переводческих проектов, которые можно объединить понятием «экспертное сопровождение» (подача заявок, определение состава сборников, написание сопутствующих литературоведческих текстов и комментариев, редактирование, рецензирование).

Обозначаются задачи восполнения пробелов в доступных сведениях о рецепции славянских литератур в России (не только в обозначенный хронологический период): выявление публикаций, ушедших из активного читательского оборота, уточнение персоналий переводчиков и других участников реализации проектов.

Ключевые слова: рецепция славянских литератур, кафедра славянской филологии СПбГУ, художественный перевод

Информация об авторах:
Андрей Владимирович Бабанов — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7-9-11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2093-4965
E-mail: a.babanov@spbu.ru
Михаил Александрович Кустодиев — магистр филологии, библиотекарь, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7-9-11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-1945-2590
E-mail: m.kustodiev@spbu.ru
Дата поступления статьи: 14.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 20.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Бабанов А.В., Кустодиев М.А.* Участие славистов Ленинградского университета в славистических переводческих проектах 1950–1960 гг. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 206–217.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-206-217

Художественный перевод не является и не может быть самым массовым видом переводческой деятельности, но участие в этой деятельности — одно из показателей качества подготовки в том или ином учебном центре. Кроме того, художественный перевод, в случае его публикации, дает один из наиболее долгоживущих продуктов переводческой деятельности, становится элементом межкультурных контактов «пролонгированного действия». Эти обстоятельства объясняют интерес к библиографии художественных переводов, особенно когда речь идет об истории науки и межкультурных контактов.

В то же время работа над данной статьей показала, что даже в сравнительно недавнем прошлом остается немало страниц истории перевода, которые, не будучи зафиксированы в каких-то специализированных базах данных, могут надолго ускользнуть от внимания исследователей. Между тем период, к которому мы обратились, с точки зрения истории перевода со славянских языков на русский интересен по целому ряду причин.

В первые годы после Великой Отечественной войны сложилась исключительно благоприятная ситуация для самореализации переводчиков со славянских языков, в том числе и в сфере перевода художественной литературы. С одной стороны, переводчиков было мало (массовая подготовка в вузах началась только в 1943–1944 гг., т. е. первые выпуски пришлись на конец 1940-х гг.), а с другой стороны, возник большой объем «социального заказа», связанный с переходом славянских стран из довоенного «санитарного кордона» и мест пребывания враждебно настроенных русских эмигрантов в группу дружественных «стран народной демократии», что кардинальным образом изменило политику издательств в отношении их литератур — не только текущих, но и классического наследия.

В эти годы публикуются переводы поэзии, прозы, драматургии, литература для искушенного читателя и для детей и юношества, произведения современников и признанная классика (зачастую в новых переводах), выходят издания отдельных произведений, авторские сборники, антологии, тома «Избранных произведений», а некоторые классики удостаиваются многотомных собраний сочинений (А. Мицкевич, Б. Прус, Э. Ожешко, С. Жеромский, И. Вазов, А. Ирасек, Я. Гашек, Б. Нушич).

Проекты

Наибольший объем издательских проектов приходился на Москву, где находились центральные учреждения наиболее крупных всесоюзных и российских республиканских издательств, специализировавшихся на художественной литературе. В частности, именно такие издательства выпускали собрания сочинений, важные издательские серии (например, «Библиотека драматурга»), большие, иногда на два-три тома сборники, наиболее значительные отдельные произведения. При этом не исключались и проекты меньшего, а иногда и совсем малого объема, которых тоже было немало.

Ленинград заметно уступал Москве, но, несомненно, превосходил по масштабу издательской деятельности любой областной центр или столицу автономной республики. Многие готовившиеся здесь издания фактически предполагали адресата по всей России или даже по всему Советскому Союзу, поскольку здесь находились центральные учреждения некоторых издательств (правда, в основном не гуманитарного профиля), а некоторые издательства, базировавшиеся в Москве, имели в Ленинграде сильные отделения. Таковыми могли похвастаться Детгиз (позже — «Детская литература»), ГИХЛ (Государственное издательство художественной литературы, позже — «Художественная литература»), Издательство Академии Наук СССР (позже — «Наука»), «Искусство».

Проекты, реализовывавшиеся в ленинградских отделениях, иногда были достаточно амбициозны, например — «Избранное» Яна Кохановского, величайшего польского поэта XVI в., подготовленное издательством АН СССР, вышедшее в 1960 г. в серии «Литературные памятники» и до сих пор остающееся наиболее полным собранием произведений этого автора, переведенных на русский язык [16]. Одним из наиболее крупных славянских проектов ленинградского отделения издательства «Искусство» стал том комедий Йована Стерии-Поповича, вышедший в серии «Библиотека драматурга» в 1960 г. [26]. Ленинградское отделение «Художественной литературы» обычно готовило издания авторов второго плана, а если «в разработку» попадали авторы более известные, то работа велась над их менее известными произведениями (например, дилогия В. Реймонта «Комедиантка» и «Брожение» [24] намного менее известна, чем удостоенный Нобелевской премии четырехтомный роман «Мужики» или прославившийся благодаря экранизации А. Вайды двухтомный роман «Земля обетованная»). Ленинградский Детгиз («Детская литература») выпускал много разных по объему книг и разных по степени известности авторов. Некоторые проекты, осуществленные в этот период, в последующие годы неоднократно переиздавались, причем в разных издательствах. К наиболее удачным проектам можно отнести повесть Л.Е. Керна «Фердинанд Великолепный», впервые изданную в 1969 г. [14] и с тех пор выдержавшую не менее 14 изданий. Однако особое значение для кафедры славянской филологии имел проект, инициированный ее студентами и молодыми преподавателями и реализованный также в Детгизе — вышедший в 1955 г. том «Поэзия западных и южных славян» [23]. Эта книга, объединившая все отделения кафедры, представила творчество множества польских, чешских, словацких, болгарских, сербских, хорватских и словенских поэтов от истоков поэзии соответствующих стран до начала XX в. О ней еще не раз будет повод вспомнить в последующих разделах статьи.

Московскими и ленинградскими изданиями публикации переводов из славянских художественных литератур не исчерпывались. Книги славянских авторов в переводах на русский язык выходили и во многих областных и республиканских издательствах (Ростов-на-Дону, Саранск, Саратов, Свердловск и др.). В каждом отдельном издательстве таких проектов было немного, но в целом по стране набиралось ощутимое дополнение к продукции центральных издательств.

По содержанию эти издания не всегда были самостоятельны, особенно если речь идет о крупных произведениях. Например, роман Б. Пруса «Кукла», выпущенный московским Гослитиздатом в 1947 г. в переводе Н.И. Модзелевской, в 1957 г. был издан в Кишиневе, в 1958 г. — в Новосибирске, но эти издания ничего не добавляют к московским изданиям 1947, 1949, 1955, 1958 гг. В то же время сказки Ангела Каралийчева, вышедшие в Саранске в 1960 г. [12] отличаются и составом, и переводом от таких, например, изданий, как московское 1957 г. [13] и софийское 1958 г. [11] Переводы рассказов Б. Герца о школьнике по прозвищу «Самовар» вышли в одном и том же году (1959) в Ленинграде [20] и в Свердловске [8], в одном и том же переводе, но состав сборников, где они были опубликованы, не позволяет считать один производным от другого: свердловский сборник — это только рассказы Б. Герца, и их двенадцать, а в ленинградском рассказов Б. Герца только восемь, но зато есть рассказы еще семи авторов. Это, думается, достаточно убедительный аргумент в пользу того, чтобы при освещении вопросов рецепции славянских литератур в России более внимательно относиться к изданиям, выходившим не в Москве или в Ленинграде[1].

Нельзя не вспомнить и о том, что продвижением своей литературы к советскому читателю занимались и заинтересованные славянские страны. Формы публикаций могли быть разные. В Югославии, например, в 1968 г. выпустили четырехтомник избранных произведений Б. Нушича [17]. В Польше в конце 1950-х и в начале 1960 гг. журнал «Польша» на русском языке выходил с приложением брошюрки — тонкой, но почти равной по формату самому журналу; позже эта брошюрка стала частью журнала, т. е. вошла в общую нумерацию страниц, но довольно долго отличалась качеством бумаги. В Болгарии на протяжении десятилетий активно издавались книги болгарских авторов, классиков и современников, в переводе на русский язык. Только за интересующий нас период библиография таких изданий составила бы десятки позиций[2].

Наконец, можно отметить и как минимум один проект, не связанный с изданием перевода в печатной форме. В 1953 г. группа студентов-славистов сделала коллективный перевод пьесы в стихах молодого чешского драматурга П. Когоута «Хорошая песня», а Н.П. Акимов поставил эту пьесу на сцене Театра им. Ленсовета.

Инициаторы

Несомненно, самыми заметными участниками реализации проекта являются переводчики. Но прежде чем проект вступит в стадию реализации, должна появиться его идея, и если речь идет не об отдельном издании какого-то произведения, то можно с большой вероятностью принять, что идею выдвигает тот, кто в осуществленном издании будет фигурировать как «составитель». Когда идея проекта рождалась в среде университетских филологов-славистов (как было в случае сборника «Поэзия западных и южных славян»), то вполне естественно, что составителями были сотрудники кафедры славянской филологии[3]: В.Б. Оболевич (польская поэзия) [23, с. 491], И.М. Порочкина (чешская поэзия, словацкая поэзия) [23, с. 494], А.И. Хватов (болгарская поэзия) [23,

[1] Приходится самокритично признать, что упомянутое выше саранское издание сказок А. Каралийчева не было принято во внимание в недавней статье, посвященной переводу этих произведений на русский язык [5].

[2] Примером таких изданий в списке источников может быть [11].

[3] Строго говоря, в момент начала работы над этой книгой кафедры славянской филологии не было: с 1948 по 1955 существовали две кафедры: кафедра славянских литератур и кафедра славянского языкознания и перевода на славянские языки [4, с. 26–27]. Но поскольку период раздельного функционирования литературоведов и лингвистов был недолгим, а до и после него название было одно и то же, до для простоты изложения там, где это не имеет принципиального значения, мы этим организационным зигзагом пренебрегаем.

с. 497], В.К. Зайцев и Г.И. Сафронов (сербо-хорватско-словинская поэзия) [23, с. 499]. Как составитель словацкого раздела представлен также И.В. Иванов [23, с. 496], который во время начала работы над проектом был еще студентом чешского отделения [3, с. 87–88]. Научным редактором сборника стал С.С. Советов, литературовед-полонист, в период подготовки книги заведовавший кафедрой славянских литератур.

Однако сотрудники кафедры были востребованы в качестве экспертов и в других проектах. Тот же С.С. Советов был составителем «Избранного» Яна Кохановского [16], В.К. Зайцев — тома комедий Йована Стерии-Поповича [26], А.И. Хватов — сборника рассказов и фельетонов Б. Нушича «Ослиная скамья» [18], В.Б. Оболевич — сборников «Подлиза» [20] и «Польский юмор» [22]. Есть, хотя и редкие, примеры аналогичной работы для московских издательств: в 1955 г. вышла пьеса А. Ирасека «Одиночество», где составителя быть не может, поскольку это отдельное издание, но в качестве инициатора, видимо, выступил выпускник чешского отделения, а во время подготовки издания — аспирант кафедры В.Д. Савицкий, который не только перевел пьесу, но и написал к ней вступительную статью и комментарии [10]. Другой пример — сборник чешских рассказов «По второму кругу», вышедший в издательстве «Прогресс» в 1965 г., одним из составителей был И.В. Иванов [19].

Очень часто, но не всегда составитель становится автором сопроводительного текста (вступительной статьи, послесловия) и комментариев к тексту переводимого произведения. В этой роли тоже часто выступали сотрудники и выпускники кафедры славянской филологии: В.К. Зайцев [26], Я.В. Мацюсович [21], В.Б. Оболевич [16], В.Д. Савицкий [15], А.И. Хватов [18].

Переводчики

Инициатор проекта обычно становится в нем и переводчиком — иногда единственным (и такая ситуация может иметь место не только при выпуске произведения отдельным изданием, но и при издании сборников), иногда — одним из нескольких. Для изданий, инициированных сотрудниками кафедры славянской филологии в описываемый период, вторая ситуация была более характерна.

Так, в работе над томом «Избранного» Яна Кохановского в качестве переводчиков участвовали не только С.С. Советов (он же — составитель тома) и В.Б. Оболевич (он же автор включенной в том биографической статьи), но и недавний выпускник польского отделения С.П. Свяцкий (правда, больше всех перевел, ленинградский поэт В.А. Рождественский — примерно столько же, сколько все остальные переводчики издания) [16, с. 368–371].

Комедии Йована Стерии-Поповича переводили не только В.К. Зайцев (составитель и автор вступительной статьи), но и преподаватели сербского языка (Н.А. Грюнберг-Цветинович, И.В. Арбузова), а также и их бывшие студенты — А.И. Хватов, Е.А. Левашов [26]. А когда А.И. Хватов инициировал и возглавил работу над сборником рассказов и фельетонов Бранислава Нушича «Ослиная скамья» [18], то вся переводческая работа распределилась между ним и еще четырьмя переводчиками, из которых трое на тот момент были преподавателями кафедры (И.В. Арбузова, П.А. Дмитриев, Г.И. Сафронов), а одна — выпускница кафедры (М.И. Рыжова). Так что сборник получился стопроцентно кафедральный.

В работе над сборником рассказов, представляющих чешскую литературу 1950-х – начала 1960 гг. («По второму кругу»), участвовало в общей сложности 17 переводчиков. Среди них — все три составителя (один из них — ленинградец И.В. Иванов,

двое других, видимо, москвичи, поскольку сборник готовился в московском издательстве «Прогресс»). Среди остальных четырнадцати — три ленинградца (В.А. Каменская, О.М. Малевич, И.М. Порочкина), что для проекта, реализуемого в Москве, не так уж мало.

Иногда старший коллега, имевший некоторое влияние на проект, приводил в проект младшего коллегу, создавая ему возможность для переводческого дебюта (абсолютного или на новой площадке). Не единичны примеры, когда преподаватели кафедры, аспиранты или выпускники, уже добившиеся некоторых успехов в профессиональной деятельности, выполняя переводческую работу, привлекали в качестве соавторов студентов или младших коллег, недавно завершивших обучение. Такими были переводческие дуэты В.Д. Савицкого и О.М. Малевича [15], В.Б. Оболевича и С.П. Свяцкого [24], В.К. Зайцева и М.Л. Бершадской [26].

Как возможность старта для талантливых молодых переводчиков задумывался и уже упоминавшийся сборник «Поэзия западных и южных славян» [23]. Замысел этот в значительной мере реализовался. Многие переводчики, для которых публикация в этом томе была первой или одной из первых, в дальнейшем стали признанными профессионалами художественного перевода (В.К. Зайцев, И.В. Иванов (Инов), О.М. Малевич, М.И. Рыжова, С.П. Свяцкий, О.Н. Шестинский). Участниками сборника были также П.А. Дмитриев и Г.И. Сафронов, выполнившие ряд переводов для раздела сербской, хорватской и словенской поэзии. Их вспоминают прежде всего как выдающихся организаторов славистической науки и образования (не только как лидеров кафедры славянской филологии Ленинградского / Санкт-Петербургского университета), но и деятельность в сфере художественного перевода для них не ограничилась упомянутой антологией, а включенные в нее переводы были востребованы и через полвека, когда за продвижение сербской поэзии к русскому читателю взялось издательство «Вахазар» [6].

В этой книге можно обнаружить истоки многих последующих проектов — например, уже упомянутого выше тома Яна Кохановского. Следы работы над переводом его стихов неожиданно обнаруживаются до сих пор, об одной недавней находке речь пойдет в следующем разделе.

В завершение же раздела о переводчиках перечислим хотя бы некоторые крупные работы ленинградских славистов, вышедшие в этот период и без упоминания которых картина сделанного была бы весьма ущербна. В основном это работы тех, кто участвовал в сборнике «Поэзия западных и южных славян» и добился существенных успехов в своей дальнейшей переводческой карьере: С.П. Свяцкий (драма Юлиуша Словацкого «Балладина» [25, т. 2, с. 7–175]; драма Станислава Выспянского «Ноябрьская ночь» [7, с. 551–680]; роман Богдана Чешко «Поколение» [28]); В.К. Зайцев (поэма Ивана Францевича Гундулича «Осман» [9]). Несколько особняком стоит В.Д. Савицкий — один из первых выпускников славянского отделения. Он не участвовал в знаменитом сборнике, но зато начиная со второй половины 50-х гг. в его переводах вышло множество пьес чешских и словацких драматургов, рассказов и фельетонов. Библиография его переводческого наследия могла бы стать темой отдельной статьи.

Связь времен

Недавно в издании Яна Кохановского начала XIX в., находящегося в собрании НБ им. М. Горького СПбГУ, между 86 и 87 страницами был найден тетрадный листок с переводом четырех первых стихов 43-го псалма из переложения Псалтыри, осущест-

вленного Кохановским (Psałterz Dawidów). Текст польского переложения этого псалма расположен на этих же страницах. Приведем ниже оригинал и русский текст, записанный на вложенном (и, видимо, забытом в книге) листочке:

Niewinność, Panie, moię
Przyimi w obronę swoię:
Przeciw potwarzy żywey
I powieści fałszywey… (Ps. 43.1–4) [29, s. 86]

<Невинность, Господи, мою
В защиту преврати свою
Против людишек лживых
И россказней фальшивых:>

Атрибуция этого короткого перевода требует дополнительной работы. На сохранившемся в книге формуляре всего две записи о выдаче: от 26.09.1953 г. — <Свяцкий> (очевидно, С.П. Свяцкий, на момент записи — студент 4 курса польского отделения, нам известный как выдающийся переводчик польской литературы, в особенности поэзии [1, 2]) и от 14.04.1966 г. <Чумаков> (очевидно, С.Н. Чумаков, тоже студент польского отделения (на момент записи — 1 курс), в настоящее время — доцент кафедры зарубежной литературы Кубанского государственного университета и тоже переводчик польской поэзии). В принципе можно предположить в качестве автора перевода любого из этих двух читателей. Менее вероятно, что листок оставил кто-то третий, оставшийся незарегистрированным (например, не бравший книгу на дом, а только просмотревший ее на месте). Вероятность такого просмотра вполне реальна, но набросать при этом перевод, а потом забыть листок в книге — это уже как минимум сомнительно. Впрочем, кто-то третий мог появиться, когда книга была уже на руках у Свяцкого или Чумакова: почерк на листочке не похож на почерки записей в формуляре, а записи эти, по правилам библиотеки, должен делать читатель собственноручно. Может быть, набросок перевода сделал кто-то из друзей или знакомых читателя и оставил ему по каким-то причинам — для оценки, на память, как доказательство своих способностей? Но когда это было? В 1953 г. или в 1966 г.? Впрочем, сходство и несходство почерков — вещь обманчивая, убедительный ответ здесь часто может дать только профессиональная графологическая экспертиза.

В любом случае листок, оставшийся в книге, косвенно свидетельствует о том, что книга была на руках долго, о вложенном в нее наброске перевода успели забыть. Ну а долгое пребывание книги на руках более вероятно в случае Свяцкого, который дал несколько переводов произведений Я. Кохановского в книгу «Поэзия западных и южных славян», а переводил, скорее всего, еще больше, возможно, с прицелом на уже задуманный его наставником, С.С. Советовым том избранных произведений великого польского поэта эпохи Возрождения. Конец 1953 г. — это как раз время работы молодых переводчиков над произведениями для антологии. Для книги, изданной в 1960 г. [16], еще далеко, но и подготовка академического издания велась, несомненно, намного дольше, чем книги в «Детгизе».

На версию «пробы пера» косвенно указывает выбор переводимого текста. В 1950 г. текст, явно обозначенный как переложение фрагмента из Священного писания, по идеологическим соображениям не имел шансов быть опубликованным, тем более в издательстве, специализирующемся на книгах для детей и юношества. Да и вторич-

ность переводимого текста делала перспективу его публикации весьма сомнительной. Осознавал ли это переводчик? Трудно сказать. Но если речь шла именно о «пробе пера», то это было совершенно неважно, и даже наоборот: каким бы успешным ни оказался пробный перевод, если переводимый текст публиковать не планируется, то тот, кто его перевел, не становится автоматически конкурентом для переводчиков, уже участвующих в проекте.

Кто мог бы быть «экзаменуемым» переводчиком? На этот вопрос тоже ответить сложно, если вообще возможно. Но, развивая версию «пробы пера», можно предположить, что это И.В. Иванов. Во-первых, он — наиболее активный среди участников проекта и не случайно оказался единственным студентом, выступившим в качестве составителя. Во-вторых, он самый разносторонний переводчик — единственный, принявший участие во всех разделах книги, не только в чешском и словацком, что вполне закономерно, но и в югославском («сербо-хорватско-словинском») [23, с. 500], что тоже не удивляет, поскольку у богемистов вторым славянским языком чаще всего был сербохорватский, и в польском [23, с. 492–494], и даже в болгарском [23, с. 498]. На этом фоне вполне естественна попытка попробовать свои силы в переводе старопольской поэзии. Впрочем, это всего лишь версия, подтвердить которую (а скорее, все-таки, опровергнуть) могла бы графологическая экспертиза.

В любом случае найденный листок — это материализованная связь времен, мостик между библейскими временами царя Давида, создававшего псалмы, Возрождением, когда псалмы перелагал на польский язык Ян Кохановский, и XX в., когда его переложения попали в руки советских переводчиков. Это также мостик между двумя поколениями студентов-славистов, разделенных полутора десятилетиями (С.П. Свяцкий окончил университет в 1955 г., а С.Н. Чумаков — в 1970 г.), и нашими днями, когда найденный листок дает нам повод вспомнить о многих наших предшественниках.

Заключение

Завершая обзор деятельности ленинградских славистов — преподавателей-филологов и их воспитанников — в сфере художественного перевода в первые десятилетия существования кафедры славянской филологии СПбГУ следует сделать несколько выводов.

Во-первых, нельзя не признать, что вклад ленинградских славистов в славянско-русские литературные контакты был достаточно существенный. Учитывая технические и организационные реалии того времени, вряд ли он мог быть больше. Все-таки художественный перевод не был ни единственной, ни даже главной целью подготовки славистов в Ленинградском университете, а среди студентов и выпускников всегда находились энтузиасты, которым хватало сил и упорства для преодоления трудностей и реализации впечатляющих проектов.

Во-вторых, весьма вероятно, что в нашем представлении о литературных контактах (и связанных с ними иных контактах, например, театральных) могут присутствовать некоторые пробелы, имеющие как минимум две причины: с одной стороны, утерю информации о некоторых фактах, например, о публикациях, особенно журнальных или осуществленных в региональных издательствах; с другой стороны, утерю информации о людях, благодаря которым те или иные факты и события состоялись. Славистические студенческие группы в те годы были заметно больше нынешних, и зачастую мы ограничиваем свое знание достижениями их наиболее выдающихся представителей, постепенно утрачивая информацию о том, что сделали те, кто был в тени. Если

не противодействовать этой энтропии, то пробелы в нашем знании о прошлом славистики будут постоянно разрастаться.

История славистики в России убедительно показывает, что внешние обстоятельства существенно влияют на ее востребованность и продуктивность работы славистов. Нынешние времена — не самые благоприятные для славистических исследований и проектов в сфере межкультурных контактов. Но времена меняются, и сейчас самое время позаботиться о том, чтобы при очередном изменении конъюнктуры слависты могли достойно ответить на вызов времени, используя достижения прошлых ярких периодов, а не начинать свою очередную восходящую фазу с повторного открытия того, что уже было когда-то открыто.

Список литературы

Исследования

1 *Бабанов А.В.* Ленинградские слависты — переводчики художественной литературы: Святослав Павлович Свяцкий // Славистика (Андреевские чтения; Славяне в контексте мировой культуры; Славянское языкознание): сб. ст. по мат. LIII Междунар. научн. филол. конф. им. Л.А. Вербицкой 25–31 марта 2025 г. Санкт-Петербург. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. С. 44–53.

2 *Вишневский Г.* Польские тропы в Петербурге: Свяцкий, Слонимский, Британишский, Кочергин / пер. Н. Вертячих. М.: Худож. лит., 2015. 83 с.

3 *Иванова-Шелингер Т.Н.* «В храме добра и братства между людьми». К 70-летию выхода книги «Поэзия западных и южных славян» // Славистика (Андреевские чтения; Славяне в контексте мировой культуры; Славянское языкознание): сб. ст. по мат. LIII Междунар. научн. филол. конф. им. Л.А. Вербицкой 25–31 марта 2025 г. Санкт-Петербург. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025, с. 86-95.

4 Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: мат. к истории факультета. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Филол. ф-та Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 700 с.

5 *Guseva O., Babanov A., Mushchinskaya V.* Fairy Tales of Angel Karaliychev in Russian Translations // Bulgarian Language and Literature [Sofia]. 2022. Vol. 64, № 4. P. 355–366.

Источники

6 Антология сербской поэзии [в 3 т.] М.: Вахазар; РИПОЛ классик, 2004. Т. 1. 1067 с. М.: Вахазар; РИПОЛ классик, 2004. Т. 2. 1006 с. М.: Вахазар; РИПОЛ классик, 2006. Т. 3. 1006 с.

7 *Выспянский С.* Драмы. М.: Искусство, 1963. 713 с. (Серия «Библиотека драматурга»)

8 *Герц Б.* Похождения Самовара: Веселые рассказы для детей младш. и сред. школьного возраста. Свердловск: Книжное издательство, 1959. 96 с.

9 *Гундулич И.Ф.* Осман. Минск: Наука и техника, 1969. 427 с.

10 *Ирасек А.* Одиночество: Пьеса в трех действиях. М.: Искусство, 1955. 91 с.

11 *Каралийчев А.* Болгарские народные сказки. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 160 с.

12 *Каралийчев А.* Железный человек: Болгарские сказки. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 106 с.
13 *Каралийчев А.* Сказочный мир. М.: Детгиз, 1957. 127 с.
14 *Керн Л.Е.* Фердинанд Великолепный. М.: Прогресс, 1969. 158 с.
15 Классическая драматургия стран народной демократии: сб. пьес в 2 т. М.: Искусство, 1955. Т. 1. 585 с.
16 *Кохановский Я.* Избранные произведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 366 с. (Серия «Литературные памятники»)
17 *Нушич Б.* Избранные сочинения: в 4 т. Белград: Нолит, 1968. Т. 1. 270 с. Т. 2. 558 с. Т. 3. 298 с. Т. 4. 282 с.
18 *Нушич Б.* Ослиная скамья: Фельетоны, рассказы. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 363 с.
19 По второму кругу: Рассказы. М.: Прогресс, 1965. 616 с.
20 Подлиза: Польские рассказы. Л.: Детгиз, 1959. 112 с.
21 Польские народные легенды и сказки. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 376 с.
22 Польский юмор: [Сборник: Переводы] / сост. В. Оболевич. Л.; М.: Искусство, 1963. 207 с.
23 Поэзия западных и южных славян. Л.: Детгиз, 1955. 490 с.
24 *Реймонт В.* Комедиантка. Брожение: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1967. Т. 1: Комедиантка. 307 с. Т. 2: Брожение. 387 с.
25 *Словацкий Ю.* Избранные сочинения: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 1. 803 с. Т. 2. 702 с.
26 *Стерия-Попович Й.* Комедии. Л.; М.: 1960. 444 с. (Серия «Библиотека драматурга»)
27 *Фредро А.* Комедии. М.: Искусство, 1956. 504 с.
28 *Чешко Б.* Поколение. М.: Худож. лит., 1965. 231 с. (Серия «Зарубежный роман XX в.»)
29 *Kochanowski Ja.* Dzieła polskie. Warszawa: Drukarnia № 646 na Nowolipiu, 1803. T. 2. 467 s.

***

© 2026. Andrei V. Babanov, Mikhail A. Kustodiev
Saint Petersburg, Russia

THE PARTICIPATION OF LENINGRAD UNIVERSITY'S SLAVISTS IN SLAVISTIC TRANSLATION PROJECTS OF THE 1950s AND 1960s

Abstract: The paper deals with one aspect of the activities of the Department of Slavic Philology at St. Petersburg State University (which, during the period under consideration, was A.A. Zhdanov Leningrad State University), its staff, and alumni. It examines their contribution to inter-Slavic cultural contacts through various forms of participation in projects related to the publication and presentation of literary works by authors from foreign Slavic countries (Bulgaria, Poland, Czechoslovakia, and Yugoslavia) to the Russian-speaking public.

The study surveys the geography of the projects' implementation, encompassing Moscow, Leningrad, regional centers, and autonomous republics of the RSFSR, as well as the Slavic countries whose national literature was made accessible to the Soviet reader. The author attempts to consolidate information on published translations undertaken by the department's faculty members and its alumni who later became professional literary translators (within the chronological framework set out in the title). The paper also covers other forms of participation by staff and graduates in translation projects, which can be collectively termed “expert support”: submitting proposals, determining the composition of anthologies, writing accompanying literary-critical texts and commentaries etc.

The research outlines the tasks involved in filling gaps in the available data on the reception of Slavic literatures in Russia (not only within the designated chronological period), namely: identifying publications that have fallen out of active circulation, and clarifying the identities of translators and other participants involved in these projects.

Keywords: reception of Slavic literatures, Department of Slavic philology at the Saint-Petersburg State University, literaly translation

Information about the authors:

Andrey V. Babanov — PhD in Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9-11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2093-4965

E-mail: a.babanov@spbu.ru

Mikhail A. Kustodiev — MA in Philology, Librarian, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9-11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-1945-2590

E-mail: m.kustodiev@spbu.ru

Received: July 14, 2026

Approved after reviewing: August 20, 2026

Date of publication: September 25, 2026

For citation: Babanov, A.V. Kustodiev, M.A. “The Participation of Leningrad University's Slavists in Slavistic Translation Projects of the 1950s and 1960s.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 206–217. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-206-217

References

1 Babanov, A.V. “Leningradskie slavisty — perevodchiki khudozhestvennoi literatury: Sviatoslav Pavlovich Sviatskii” [“Slavists from Leningrad — Translators of Fiction and Poetry”: Sviatoslav P. Sviatskii]. *Slavistika (Andreevskie chteniia; Slaviane v kontekste mirovoi kultury; Slavianskoe iazykoznanie):* sbornik statei po materialam LIII Mezhdunarodnoi nauchnoi filologicheskoi konferentsii im. L.A. Verbitskoi 25–31 marta 2025 g. Sankt-Peterburg [*Slavistics (Andreev's Readings: Slavonic People in the World's Culture Context; Slavic Linguistics):* Collection of Articles Based on Materials of the 53rd International Scientific Philological Conference Named in Honor of Lyudmila A. Verbiczkaja March 25–31, 2025, St. Petersburg]. St Petersburg, Publishing and Polygraphic Association of Graduate Schools, 2025, pp. 44–53. (In Russ.)

2 Vishnevskii, G. *Polskie tropy v Peterburge: Sviatskii, Slonimskii, Britanishskii, Kochergin* [*Polish Traces in Petersburg: Sviacki, Slonimski, Britanishski, Kochergin*], trans. by N. Vertiachikh. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 2015. 83 p. (In Russ.)

3 Ivanova-Shelinger, T.N. "'V khrame dobra i bratstva mezhdu liudmi'. K 70-letiiu vykhoda knigi 'Poeziia zapadnykh i iuzhnykh slavian'" ["'In the Temple of Kindness and Fraternity of People' 70 Years of the Publication of 'The Poetry of Western and Southern Slavic Nations'"]. *Slavistika (Andreevskie chteniia; Slaviane v kontekste mirovoi kultury; Slavianskoe iazykoznanie):* sbornik statei po materialam LIII Mezhdunarodnoi nauchnoi filologicheskoi konferentsii im. L.A. Verbitskoi 25–31 marta 2025 g. Sankt-Peterburg [*Slavistics (Andreev's Readings: Slavonic People in the World's Culture Context; Slavic Linguistics):* Collection of Articles Based on Materials of the 53rd International Scientific Philological Conference Named in Honor of Lyudmila A. Verbiczkaja March 25–31, 2025, St. Petersburg]. St Petersburg, Publishing and Polygraphic Association of Graduate Schools, 2025, pp. 86–95. (In Russ.)

4 *Filologicheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy k istorii fakulteta* [*Philological Faculty of St Petersburg State University. Materials for the History of the Faculty*]. 4th ed., corr. and rev. St. Petersburg, St. Petersburg State University Philolology Faculty Publ., 2008. 700 p. (In Russ.)

5 Guseva, Olga, Babanov, Andrey, Mushchinskaya, Viktoria. "Fairy Tales of Angel Karaliychev in Russian Translations." *Bulgarian Language and Literature* [Sofia], vol. 64, no. 4, 2022, pp. 355–366. (In English)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-218-226
УДК 821.162.1
ББК 83.3(4Пол)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. О.В. Гусева
г. Санкт-Петербург, Россия

ПУТЕВОЙ ОЧЕРК В РАННЕЙ ПОЛЬСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОКАМ ЖАНРА

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к литературе путешествий, в основе которой лежит описание странствия, освоения нового пространства и знакомства с иной культурой. Одним из жанров широко понимаемой литературы путешествий является путевой очерк, в котором автор делится непосредственными наблюдениями за бытом, нравами и природой посещаемых мест. Цель статьи — рассмотреть путевой очерк как культурный феномен ранней польской детской литературы, показать его значение в формировании национально ориентированной словесности для юных читателей. Материалом исследования послужили путевые очерки основоположницы польской детской беллетристики К. Таньской-Хоффмановой. В статье впервые системно рассматриваются место путевого очерка и его роль в учебно-воспитательном дискурсе формирующейся в первой четверти XIX в. польской детской литературы. Анализируются композиция произведений и затронутые автором темы, подчеркивается интерес писательницы не только к истории и географии, но также к народным говорам, фольклору и этнографии. В результате исследования сделаны выводы о нравственно-патриотической направленности ранних путевых очерков, формировавших внутренние моральные ориентиры читателя и воспитывавших в нем любовь и преданность своей Родине, а также о влиянии национально-ориентированного творчества первой польской детской писательницы на детскую литературу Польши.

Ключевые слова: детское чтение, литература путешествий, путевой очерк, польская детская литература, К. Таньская-Хоффманова

Информация об авторе: Ольга Валерьевна Гусева — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8680-666X
E-mail: o.guseva@spbu.ru

Дата поступления статьи: 05.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 23.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Гусева О.В.* Путевой очерк в ранней польской детской литературе: к истокам жанра // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 218–226. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-218-226

Современные исследователи, занимающиеся изучением «географической литературы», включают в это понятие беллетризованные и научно-популярные сочинения, описания странствий, путеводители, репортажи, письма из путешествий, очерковые жанры, травелоги. В рамках данного направления отдельно рассматривается литература путешествий — реальных или вымышленных, проходящих по подлинным, экзотическим или фантастическим местам. Этот жанр формируется в европейской детской литературе на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием «большой» литературы, он стоит у истоков оригинальной литературы для детей на русском языке [3, с. 9], также он сыграл важную роль в формировании польской детской прозы. Из литературы путешествий уже на раннем этапе выделился путевой очерк — художественно-публицистический жанр, позволяющий его создателю вступить в непосредственное общение с читателем, свободно излагать занимательный и познавательный материал, включать в ткань повествования легенды, новеллы, лирические отступления и др. В отличие от писателя-беллетриста, автор очерка описывает жизнь в ее непосредственности, он оперирует реальными фактами, которые осмысляет в соответствии со своими целями. Отбирая и типизируя материал, очеркист часто преследует воспитательно-дидактические цели, что делает путевой очерк идеальным жанром ранней детской литературы.

Классическим путевым очеркам и современным травелогам посвящена обширная научная литература, в которой рассматривается их эволюция, структура, особенности стиля и поэтики. Неплохо изучены очерковые жанры, включая путевые очерки и травелоги, в русской детской литературе [1, 2, 4]. Путевой очерк и его влияние на формирование национального самосознания хорошо изучены в польском литературоведении. Монументальный анализ литературы путешествий эпохи разделов Польши предложила Я. Камионка-Страшакова [7]. Значение литературных путешествий в литературе эпохи романтизма подчеркивали С. Буркот [6, с. 98], М. Бонк [5, с. 25], эту тему в литературе польского Просвещения рассматривал Р. Пшибыльский [8]. Таким образом, **актуальность** статьи определяется интересом современного литературоведения к широко понимаемому явлению «географической литературы» и его жанровой дифференциации. **Новизна** данного исследования определяется обращением к истории формирования жанра путевого очерка в польской детской литературе.

Описание путешествия стоит у истоков складывавшейся в XVIII в. жанровой системы литературы для юных читателей. Развитие этого направления в европейской детской литературе XVIII в. было обусловлено просветительской моделью воспитания. Данная концепция ставила целью формирование многогранной личности, обладающей масштабным мышлением и выходящей за рамки локального социокультурного пространства. Повествования о далеких и опасных странствиях, о знаменитых мореплавателях, о великих географических открытиях были призваны углубить познания ребенка в области географии, этнографии, ботаники, зоологии и других наук. К числу подобных произведений относились «Приключения Телемаха» Ф. Фенелона — первый образец мировой детской классики, переведенный с французского на многие европейские языки и хорошо известный польским читателям в нескольких версиях. Для детей издаются серии беллетризованных описаний экспедиций, в России и Польше огромную популярность приобретают рассказы о путешествиях немецкого писателя И.Г. Кампе. Особым ответвлением литературы путешествий становится робинзонада — этот жанр был призван показать пример воспитания физически и духовно зрелого героя, способного преодолевать любые жизненные сложности и преграды. Окончательно оформившись

на рубеже XVIII–XIX вв., художественные описания дальних странствий и биографии их участников прочно вошли в жанрово-тематический репертуар детских изданий и остаются в нем до нашего времени.

Многообразие и широта мира, представленные в ранних польских публикациях для детей, сопоставимы с репрезентацией географического пространства в первом русском детском журнале «Детское чтение для сердца и разума», издававшемся по инициативе Н.И. Новикова в 1795–1789 гг. «Детское чтение» служило средством «открытия мира» для юных читателей [1, с. 26]. И русские, и польские издатели в этот период действовали в рамках сложившейся в просветительских кругах педагогической установки «полезного увеселения».

К началу XIX в., когда эпоха научных открытий новых географических территорий была в целом завершена, интерес к теме странствий и приключений не угас. Однако с дальних странствий акцент смещается на знакомство с родной страной. Эта тенденция отчетливо проявилась как в западноевропейской, так и в отечественной и польской словесности для детей. В частности, в русской детской литературе первой половины XIX в. развивается тема путешествия по Российской империи с познавательными целями: рассказывая о приключениях героев, авторы знакомят читателей с географическим и этнографическим многообразием отечества [2, с. 134].

Спецификой зарождающейся польской детской литературы начала XIX в. стала национальная ориентированность, стремление привить юным читателям интерес к родному языку, словесности и истории. В этот период из книг для детей практически исчезает приключенческая составляющая, авторы концентрируются на назидательных и познавательных моментах. Программу национального воспитания подрастающего поколения разработала и реализовала в своих произведениях создательница польской детской литературы Клементина Таньская-Хоффманова (1798–1845). Она же стала автором первых в польской детской беллетристике путевых очерков и писем из путешествия, которые рассказывали не об экзотических землях, а о родной стране, которой уже не было на политической карте Европы. Данные сочинения выполняли важную воспитательную миссию, способствуя формированию национальной идентичности поколения, рожденного в эпоху разделов Польши.

В 1824–1828 гг. К. Таньская (вторая часть фамилии появится уже после замужества в 1829 г.) издавала первый в Польше детский журнал «Развлечения для детей» (пол. “Rozrywki dla Dzieci”), в котором история и география родной страны играли ведущую роль. Летом 1824 г. издательница совершила первое путешествие по польским землям, посетив Пулавы. В мае 1826 г. она побывала в окрестностях Люблина, в августе 1826 г. — на Подлясье, в 1827 г. — в Кракове, летом 1828 г. — в Сандомире. Каждому путешествию она посвятила подробный путевой очерк, по образцу образовательных путешествий XVIII в. Все очерки были опубликованы в «Развлечениях», они полностью соответствовали учебно-воспитательному дискурсу просветительской литературы, были направлены на интеллектуальное развитие и моральное формирование личности. Новаторством Таньской стал историко-патриотический акцент, направленный на сохранение исторической памяти. О значимости этих очерков для издательницы свидетельствует тот факт, что описания нескольких путешествий занимают целый номер журнала, а Кракову посвящены полностью четыре номера. Таньская описывала свои путешествия в эпистолярной форме, обращаясь к младшей подруге, «милой Анельке». В результате получился не столько путеводитель, сколько собрание эмоциональных и сентиментальных наблюдений, жанр которых мы можем определить как «путевые

очерки». Таньская, никогда не бывавшая за границей, была противницей заграничных путешествий, в образовательных целях она рекомендовала юным читателям знакомство с родными землями. Ее путевые очерки содержат богатейший краеведческий материал, географические и исторические сведения. Основное внимание писательница уделяет истории тех земель, через которые проезжает, историческим деятелям, которые были связаны с этими территориями.

Одним из важнейших в патриотическом воспитании становится занимающее целый номер журнала описание путешествия в Пулавы — имение князей Чарторыских, где силами владельцев был создан первый польский музей — храм Сивиллы. В нем Чарторыские собирали артефакты, имеющие национальное значение. Таньская описывает боевые знамена, маршальские жезлы, мечи и сабли знаменитых военачальников, королевские регалии, портреты королей и исторических деятелей. «Я бы хотела, чтобы родители ради образования привозили в Пулавы своих деток», — пишет издательница [10, № 18, с. 271]. Путешествие в Чернолесье, расположенное недалеко от Люблина имение великого польского поэта XVI в. Яна Кохановского, дает ей возможность рассказать об этом создателе польского литературного языка. Не менее важным представляется описание Кракова, который в этот период имел статус Вольного города, но находился под протекторатом России, Австрии и Пруссии (1815–1836 гг.). Этот небольшой провинциальный город, в прошлом столица, в период разделов играл важную объединяющую роль сокровищницы национальной истории. Таньская не касается современной ей политической ситуации, она делится своими эмоциями и ощущениями:

> И вот, я в Кракове; я с трудом в это верю, я в этом древнем городе, в этой столице, в месте упокоения польских королей, в этом гнезде стольких великих и ученых мужей [15, № 46, с. 498].

В четырех очередных номерах журнала она подробнейшим образом описывает достопримечательности, легенды, традиции и окрестности Кракова. Эмоциональности описаниям придает контраст между тем, что она знает о славе древней польской столицы и тем, что она видит: безлюдные улицы провинциального города, огромную и тихую рыночную площадь, которая помнит важнейшие события национальной истории, превращенный в казармы королевский замок. Для логического объединения в путевых очерках всех польских земель Таньской было необходимо описание и тех, которые были включены в состав Прусского королевства. Путешествие в прусскую часть Польши совершила не сама писательница, она воспользовалась письмами корреспондента, скрытого за инициалами К.Л.С. Для путешественника по Пруссии важнейшим событием становится посещение Торуни — родного города М. Коперника, и Фромборка, где работал великий астроном. Визит в замок крестоносцев в Мальборке дает автору возможность рассказать историю ордена крестоносцев и величайшей победы польского оружия под Грюнвальдом в 1410 г.

Описание маршрута путешествия становится основным композиционным приемом и стержневым элементом текста. Остановки в пути используются для описания местности, дороги, природных объектов, населенных пунктов, их истории и достопримечательностей. Таньская приводит сведения о полезных ископаемых региона, занятиях жителей, их быте. Путешественница обращает внимание на руины замков, придорожные часовенки, деревенские костёлы, надгробные плиты, но добавляет и собственные впечатления: «Есть здесь начальная школа, почти три тысячи жителей и славные булочки» [13, № 39, с. 91]. В эпоху, когда иллюстрация в журнале или книге была

редкостью, наполненный деталями пейзаж в очерках Таньской выполняет функцию «рисунка», стимулируя воображение юных читателей.

Необходимо отметить, что краеведческие очерки Таньской находились в русле общих тенденций, характерных и для русской литературы того времени. В этот период в России также появляются описания Твери, Торжка, Клина, Валдая, Новгорода, Нижнего Новгорода и других городов. В отечественных книгах для юных читателей первой половины XIX в. поиски национальной идентичности и трансляция культурного наследия — как и в польской традиции, — выражались в пробуждении глубокого интереса к истории и географии своей страны [2, с. 136].

Несмотря на то, что Таньская дебютировала в 1818 г., как и основоположник польского романтизма Адам Мицкевич, ее раннее творчество ближе к традициям Просвещения, нежели зарождающегося нового литературного направления. Круг ее общения был связан с Пулавами — имением князей Чарторыских, служившим центром польского сентиментализма [9, с. 42]. В своих текстах писательница цитирует стихотворения поэтов-сентименталистов Ф. Князьнина и Ф. Карпиньского, посвященные тем местам, через которые пролегает ее маршрут. Фокус на красоту природы, особенности архитектуры, описания садов и парков характерны для сентиментальной прозы. Путешественницу в равной степени привлекали уголки первозданной природы, рукотворные ландшафты, костёлы и монастыри, заброшенные замки и жилища простого народа. Созерцая старинные руины, Таньская представляет, как некогда кипела здесь жизнь, какие пышные балы проходили в этих покоях, и сокрушается, что некогда величественные залы ныне заросли диким кустарником. Но описание древних развалин имело не только сентиментальный ореол — оно выполняло важную воспитательную функцию, напоминая о былом величии родины и ее нынешнем упадке. Драматический контраст между прошлым и настоящим был обращен к эмоциям впечатлительных читателей, опосредованно формируя их способ восприятия и оценки окружающего мира.

Писательницу также интересует уклад жизни местных жителей, возмущают их предрассудки, ей «ранит сердце» вид деревенских лачуг без печей, которые топятся по-черному [14, № 45, с. 442]. Она также обращает внимание на говор крестьян, сравнивая речь жителей разных регионов. Еще до появления первых научных трудов, посвященных польской этнографии, Таньская собирает предания и легенды, связанные с землями, через которые лежит ее маршрут, приводит этимологию топонимов, описывает наряды крестьян и их традиции. Она отмечает, как безгранично любит беседовать с простыми людьми и использует любую возможность для этого в путешествии. Огромное удовольствие доставляет ей слушать народные песни, знакомиться с обычаями. Одним из ранних описаний народных обрядов стала «Свадьба Марыси и Яся. Деревенская забава» (“Wesele Marysi i Jasia. Zabawa wiejska”), включенная в описание поездки по Люблинскому воеводству [11, № 32; 12, № 33]. В форме пьесы Таньская воссоздала богатый комплекс традиционных ритуалов, охватывающий сватовство, сговор, обручение, сам день бракосочетания и последующие гуляния. Все обряды сопровождаются народными песнями, о которых писательница замечает: «то без рифмы, то без склада, но напрямую из уст местных крестьянок, наверняка они многих рассмешат». Однако ее саму при этом «живейшим образом волнует все народное» [12, № 33, с. 119–120]. «Свадьба Марыси и Яся», на три десятилетия опередившая эпохальный этнографический труд О. Кольберга «Народ», до сих пор остается ценнейшим источником по польской этнографии.

В путевых записках Таньской появляются и планы будущих произведений. Осматривая руины дворца Любомирских в Яновце, она вспоминает, как когда-то юная Франчишка Красиньская встречалась здесь с королевичем Каролем, сыном Августа III, и, если бы деревья умели говорить, они бы рассказали их историю любви. Но о романе легкомысленной Франчишки и королевича, их тайном браке расскажет сама Таньская в повести «Дневник Франчишки Красиньской» (1825). Посещение Чернолесья — имения величайшего поэта польского Возрождения Яна Кохановского — наводит ее на мысль ближе познакомиться с его жизнью и творчеством. Эту идею она будет вынашивать много лет, и в 1828 г. появится повесть «Ян Кохановский в Чернолесье». Вспоминая Ю.У. Немцевича, автора первого польского исторического романа «Ян из Тенчина», Таньская призывает своих соотечественниц к занятиям литературой: «почему бы и нам, женщинам, не попробовать своих сил в этом благородном деле» [10, № 18, с. 286]. Проезжая через люблинские владения короля Яна III Собеского, она мечтает написать роман о временах этого великого полководца, но этим планам не суждено было реализоваться.

Оказавшись в эмиграции, Таньская-Хоффманова попыталась продолжить традицию путевых очерков, опубликовав в журнале «Новые развлечения для детей» (пол. "Nowe Rozrywki dla Dzieci") в 1834 г. подробное описание своей поездки в Дрезден. Но зарубежные впечатления не привлекли особого внимания читателей, что лишний раз подчеркивает значимость отечественной тематики. Посвященные польским землям путевые очерки Таньской-Хоффмановой еще долго сохраняли свою популярность, они входили в ее собрания сочинений, которые переиздавались в 1833, 1849, 1876–1877 и 1898 гг.

Таким образом, первая польская детская писательница заложила традицию путевых очерков, в которых подчеркивала важность изучения родного языка, знакомства с его диалектами, фольклором, этнографией. Ее произведения описывали путешествие с позиции взрослого наблюдателя, который знакомит читателя с географическими, этнографическими и историческими сведениями, призванными расширить знания об отчестве. Она не пыталась подстраиваться под детскую речь, обращаясь к юным читателям как к равным, что уходило корнями в традиции эпохи Просвещения, но оказалось востребованным и в литературе первой половины XIX в. Влияние основоположницы польской словесности для детей и ее авторитет были огромны. По стопам Таньской-Хоффмановой пошли многочисленные последователи. Циклы путешествий по польским землям публиковались на страницах периодики первой половины столетия, включая журналы «Еженедельник для детей» ("Tygodnik dla Dzieci", 1829), «Журнал для детей» ("Magazyn dla Dzieci", 1835–1836, 1845), «Зоря» ("Zorza", 1843–1844), «Друг детей» ("Przyjaciel Dzieci", 1848–1852). Во второй половине XIX в. число периодических изданий для подрастающего поколения заметно увеличивается, многие из них отводят значительное место путевой прозе, выходят и самостоятельные сборники. В круг детского чтения вошли краеведческие очерки Ю.И. Крашевского и В. Сырокомли и других авторов, писавших для взрослой аудитории. Путешествия по родной стране, которой уже не было на политической карте, стали важнейшим средством сохранения исторической памяти подрастающего поколения. Неизменное убеждение авторов, издателей и педагогов в том, что жанр путевых очерков необходим для формирования национального самосознания сохранялось в польской литературе вплоть до обретения страной независимости в 1918 г.

Список литературы

Исследования

1 *Алпатова Т.А.* Пути репрезентации географического пространства в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 24–43. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-24-43

2 *Димяненко А.А.* Дети-путешественники в детской литературе XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 127–139. https://doi.org/10.25205/2410-7883-2019-2-127-139

3 *Димяненко А.А., Казакова Е.О.* «Стремление к мироведению»: дискуссии о географической литературе для детей в последней трети XVIII – первой трети XX веков // Детские чтения. 2024. № 2 (26). С. 9–32. https://doi.org/10.31860/2304-5817-2024-2-26-9-32

4 *Маслинская С.Г.* Что я видел: Ребенок-наблюдатель в советской детской литературе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2021. Вып. 63. С. 85–94 https://doi.org/10.15382/sturIV202163.85-94

5 *Bąk M.* W obronie podróżowania. Znaczenie podróży w polskiej literaturze romantycznej // Tematy i Konteksty. 2024. № 19 (14). S. 365–375. https://doi.org/10.15584/tik.2024.23.

6 *Burkot S.* Polskie podróżopisarstwo romantyczne. Warszawa: PWN, 1988. 449 s.

7 *Kamionka-Straszakowa J.* “Do ziemi naszej”. Podróże romantyków. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1988. 507 s.

8 *Przybylski R.* Ogrody romantyków. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1978. 403 s.

9 *Winek T.* Romantyczna pisarka jako wydawczyni. Klementyna z Tańskich Hoffmanowa // Sztuka Edycji. Studia Tekstologiczne i Edytorskie. 2023. T. 24, № 2. S. 41–48. https://doi.org/10.12775/SE.2023.0023

Источники

10 Rozrywki dla Dzieci / Wyd. Hoffmanowa K., z Tańskich. Warszawa: [s. n.], 1825. R. 2. T. 3. № 18. S. 262–326.

11 Rozrywki dla Dzieci / Wyd. Hoffmanowa K., z Tańskich. Warszawa: [s. n.], 1826. R. 3. T. 6. № 32. S. 51–106.

12 Rozrywki dla Dzieci / Wyd. Hoffmanowa K., z Tańskich. Warszawa: [s. n.], 1826. R. 3. T. 6. № 33. S. 107–162.

13 Rozrywki dla Dzieci / Wyd. Hoffmanowa K., z Tańskich. Warszawa: [s. n.], 1826. R. 4. T. 7. № 39. S. 88–139.

14 Rozrywki dla Dzieci / Wyd. Hoffmanowa K., z Tańskich. Warszawa: [s. n.], 1826. R. 4. T. 8. № 45. S. 419–497.

15 Rozrywki dla Dzieci / Wyd. Hoffmanowa K., z Tańskich. Warszawa: [s. n.], 1826. R. 4. T. 8. № 46. S. 498–561.

***

© 2026. Olga V. Guseva
St. Petersburg, Russia

TRAVEL ESSAY IN EARLY POLISH CHILDREN'S LITERATURE: TO THE ORIGINS OF THE GENRE

Abstract: The relevance of this paper is due to the interest of contemporary literary studies in travel literature, which is based on descriptions of wandering, exploring of new spaces and different cultures. One of the genres of broadly understood travel literature is a travel essay, in which the author shares first-hand observations of the life, customs, and nature of the places visited. The aim of this paper is to examine the travel essay as a cultural phenomenon of the early Polish children's literature and to demonstrate its significance in the formation of nationally oriented literature for young readers. The research material is based on the travel essays of K. Tańska-Hoffmanowa, the founder of Polish children's fiction. For the first time, the author systematically examines the place of the travel essay and its role in the educational discourse of Polish children's literature emerging in the first quarter of the 19th century. The study analyzes composition of the works and the themes addressed by the author, emphasizing the writer's interest not only in history and geography, but also in vernaculars, folklore, and ethnography. The author concludes that the early travel essays had a moral and patriotic focus, shaping the reader's inner moral compass and fostering love and devotion to their Homeland. It also highlights the influence of the nationally oriented work of the first Polish children's writer on Polish children's literature.

Keywords: children's reading, travel literature, travel essay, Polish children's literature, K. Tańska-Hoffmanowa

Information about the author: Olga V. Guseva — PhD in Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8680-666X
E-mail: o.guseva@spbu.ru

Received: May 05, 2026
Approved after reviewing: August 23, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Guseva, O.V, "Travel Essay in Early Polish Children's Literature: To the Origins of the Genre." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 218–226. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-218-226

References

1 Alpatova, T.A. "Puti reprezentatsii geograficheskogo prostranstva v zhurnale 'Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma' (1785–1789)" ["Ways of representing geographical space in the magazine 'Children's Reading for the Heart and Mind' (1785–1789)"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 24–43. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-24-43 (In Russ.)

2 Dimianenko, A.A. “Deti-puteshestvenniki v detskoi literature XIX veka” [“Children-travelers in Children's Literature of the 19th Century”]. *Siuzhetologiia i siuzhetografiia*, no. 2, 2019, pp. 127–139. https://doi.org/10.25205/2410-7883-2019-2-127-139 (In Russ.)

3 Dimianenko, A.A., Kazakova, E.O. “‘Stremlenie k mirovedeniiu’: diskussii o geograficheskoi literature dlia detei v poslednei treti XVIII – pervoi treti XX vekov” [“‘Striving for World Knowledge’: Discussions about Geographical Literature for Children in the Last third of the 18th – First Third of the 20th Centuries”]. *Detskie chteniia*, no. 2 (26), 2024, pp. 9–32. https://doi.org/10.31860/2304-5817-2024-2-26-9-32 (In Russ.)

4 Maslinskaia, S.G. “Chto ia videl: Rebenok-nabliudatel v sovetskoi detskoi literature” [“What I Saw: An Observer Child in Soviet Children's Literature”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.* Series IV: Pedagogika. Psikhologiia [Pedagogy. Psychology], vol. 63, 2021, pp. 85–94. (In Russ.)

5 Bąk, Magdalena. “W obronie podróżowania. Znaczenie podróży w polskiej literaturze romantycznej.” *Tematy i Konteksty*, no. 19 (14), 2024, pp. 365–375. https://doi.org/10.15584/tik.2024.23 (In Polish)

6 Burkot, Stanisław. *Polskie podróżopisarstwo romantyczne*. Warszawa, PWN Publ., 1988. 449 p. (In Polish)

7 Kamionka-Straszakowa, Janina. *“Do ziemi naszej”. Podróże romantyków.* Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 1988. 507 p. (In Polish)

8 Przybylski, Ryszard. *Ogrody romantyków.* Kraków, Wydawnictwo Literackie Publ., 1978. 403 p. (In Polish)

9 Winek, Teresa. “Romantyczna pisarka jako wydawczyni. Klementyna z Tańskich Hoffmanowa.” *Sztuka Edycji. Studia Tekstologiczne i Edytorskie*, vol. 24, no. 2, 2023, pp. 41–48. https://doi.org/10.12775/SE.2023.0023 (In Polish)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-227-235
УДК 821.161.2
ББК 83.3(2=Рус)528 Гоголь Н.В.
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Тоичкина
г. Санкт-Петербург, страна Россия

ОБРАЗ Н.В. ГОГОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. КУЛИША

Аннотация: В исследовании рассматривается проблема образа героя в жанре литературной биографии. В первой трети XIX в. в русской культуре утверждается право поэта на биографию. Личность писателя становится предметом литературного исследования. В этот период писатель в общественном сознании начинает ассоциироваться со святым, уподобляется проповеднику, подвижнику и мученику. Одним из первых это понял Н.В. Гоголь, который стремился выстроить свою жизнь в соответствии с требуемым обществом идеалом. П.А. Кулиш (1819–1897) стал составителем первой посмертной биографии писателя. В 1856 г. отдельным изданием в двух томах вышли «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя». Понимание Гоголя как святого духовидца определило концепцию жизни и творчества писателя. В «Записках» перед читателем предстают два образа: образ Гоголя как героя и образ самого Кулиша как автора создаваемой биографии. Работа с материалом у Кулиша подчинена, с одной стороны, задаче нащупать нерв, связующий жизнь и творчество писателя. С другой — проследить процесс самовоспитания великого человека, его духовное становление. В «Записках» Кулишу пришлось решать, как совмещались в Гоголе писатель-сатирик и глубоко верующий христианин. Для Кулиша Гоголь как человек и писатель был образцом христианина. В «Записках» он создает идеальный образ творца-духовидца, подвижника и наставника. Этому идеалу сам он стремился подражать в течение всей своей жизни.

Ключевые слова: образ Гоголя, Кулиш, биография, творец-духовидец, мифологизация

Информация об авторе: Александра Витальевна Тоичкина — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3723-1553
E-mail: a.toichkina@spbu.ru

Дата поступления статьи: 05.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 19.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Тоичкина А.В.* Образ Н.В. Гоголя в творчестве П.А. Кулиша // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 227–235.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-227-235

Исследование биографии известного писателя, написанной другим писателем, ставит нас перед необходимостью учитывать специфику жанра литературной биографии, который формировался в европейских литературах Нового времени на протяжении XVII–XIX вв. Конечно, сама по себе биография — древний жанр. Как пишет Е.В. Иванова, «Генезис биографического жанра в европейской традиции восходит к “Сравнительным жизнеописаниям” Плутарха, “Агриколе” Тацита, “Жизни двенадцати цезарей” Светония и другим памятникам античной культуры» [2, с. 8]. В XIX в. определяющее влияние на европейскую традицию жанра биографии оказал английский писатель, историк и философ Томас Карлейль. Его книга «Герои, почитание героев и героическое в истории» вышла в 1841 г. (на русский язык она была переведена В.И. Яковенко и вышла в 1891 г.). Концепция Карлейля органически связана с эпохой романтизма.

> В представлении Карлейля герои — великие люди, «посланные в этот мир», они возможны только в эпоху веры, в эпохи же, когда люди не хотят верить, не хотят героев, — герои не рождаются [2, с. 13].

«Великие люди, — пишет Карлейль в первой беседе, — каким бы образом мы о них не толковали, всегда составляют крайне полезное общество. Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку мы все-таки выигрываем кое-что от соприкосновения с ним. Он — источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благодетельно и приятно. Это — свет, озаряющий мир, свет, освещающий тьму мира; это не просто возженный светильник, а, скорее, — природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо» [3, с. 24].

По словам Ю.М. Лотмана, «Каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографией”. Здесь очевидна связь с тем, что каждая культура создает идеальную модель, тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определенной свободой выбора своей модели поведения» [4, с. 365]. В русской культурной традиции Лотман связывал жанр биографии эпохи романтизма со средневековой агиографией:

> С романтической точки зрения, усилие воли, напряжение деяний требуется, чтобы присвоить человеку индивидуальное поведение. Со средневековой позиции, мнимое и тленное разнообразно, вечное и истинное едино. Величайшие усилия требуются для того, чтобы приблизиться к вечным образцам поведения. Но в обоих случаях речь идет об усилиях в выборе поступка там, где, с точки зрения общей нормы, выбора нет. Именно это выделяет человека и делает его «носителем биографии» [4, с. 366].

В первой половине XIX в. в русской культуре утверждается право поэта на биографию, растет биографическая мифологизация, в частности, И.А. Крылова и А.С. Пушкина. Личность писателя делается предметом литературного исследования, возникает проблема повествователя и образа героя.

> Биография становится понятием более сложным, чем сознательно выбранная маска. Она подразумевает наличие внутренней истории. А поскольку история осознается в этот период как движение от бессознательности к сознательности, то биография — акт постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление. Только «искание истины» дает общественно-культурное полномочие создавать произведения, которые в контексте данной культуры могут восприниматься как ее тексты [4, с. 372].

Еще в XVIII в., в эпоху развития русской литературной традиции, «писатель занял то место, которое предшествующий этап отводил святому — проповеднику, подвижнику и мученику. Ассоциация эта покоилась на вере в особую силу слова и его интимную связь с истиной. Как святой, так и писатель подвижничеством должен был доказывать свое право говорить от лица Высшей Правды. Первым это понял — и ужаснулся этому — Гоголь. <…> Отсюда требование, выдвинутое в "Авторской исповеди": "Сгорать явно, в виду всех, желаньем совершенства". Путь этот толкал писателя к тому, чтобы занять позицию проповедника и пророка» [4, с. 374].

Н.В. Гоголь оказал значительное влияние на украинского писателя П.А. Кулиша (1819–1897). Лично они знакомы не были. После смерти Гоголя Кулиш стал собирать материалы для составления первой посмертной его биографии. В первой половине 1850 гг. Кулиш опубликовал целый ряд сочинений, посвященных биографии Гоголя (таких, как «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», «Несколько слов о Гоголе. Отрывок литературного письма»[1], «Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя», «Опыт биографии Н.В. Гоголя со включением до сорока его писем»[2]). В 1856 г. отдельным изданием в двух томах вышли «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем с портретом Н.В. Гоголя»[3].

Кулиш писал С.Т. Аксакову по поводу своего «Опыта биографии» Гоголя, что Гоголь-писатель давно был для него ясен, но Гоголь-человек казался ему загадочным существом до тех пор, пока в его руках не очутились письма, вошедшие в «Опыт» [10, с. 188]. По этим письмам он угадал в Гоголе-писателе Гоголя-человека. Концепция Гоголя, которую воплотил Кулиш в своем «Опыте», была близка семье Аксаковых. В.С. Аксакова писала М.Г. Карташевской: «Замечательно то, что Кулиш не знал прежде Гоголя и во многом ошибался на счет его; но по мере того, как ему открывались сведения, как он вчитывался в письма самого Гоголя, ему уяснялся его образ и великое значение Гоголя, как человека»[7, с. 84]. Понимание Гоголя как святого духовидца определило концепцию «Опыта биографии». И с этой концепцией образа писателя связан главный прием построения его образа в «Опыте» — включение текстов его писем. Как пишет П.В. Михед, «Прообразом для книги стали "Выбранные места из переписки с друзьями" Гоголя. Именно письма в книге Кулиша становятся центральным звеном беллетристического рассказа автора и главной формой представления читателю портрета Гоголя» [5, с. 244].

Уже в «Опыте» Кулиш формулирует свое понимание биографии как жанра:

> Жаль, что мы не вошли еще, так сказать, во вкус биографии и как-то холодно собираем материал для этого рода сочинений, а между тем едва ли в каком-нибудь другом роде могут быть совмещены серьезный интерес истории, глубокие психологические исследования и самый роскошный романтизм. Поэтому-то, может быть, хорошая биография появляется только в литературах народов, стоящих уже на высокой ступени общественного развития. Там она находит

[1] В 1852 г. Кулиш публикует «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» в «Отечественных записках» [11, с. 189–201] и отдельной брошюрой «Несколько слов о Гоголе. Отрывок литературного письма» [12].

[2] В 1854 г. под псевдонимом Николай М. Кулиш печатает в февральском, мартовском и апрельском номерах «Современника» сложившийся на тот момент вариант «Опыта биографии Николая Васильевича Гоголя» [13, 14, 15]. Кроме того, публикует «Опыт биографии Н.В. Гоголя со включением до сорока его писем» [16].

[3] См. также: «Хронологическая канва работы П.А. Кулиша над биографией Н.В. Гоголя» (сост. И.А. Виноградов) [8, с. 628–630].

> много ценителей, следовательно, много и деятелей для скопления материалов, из которых уже потом такой человек, как Вальтер Скотт, как Вашингтон Ирвинг, как Томас Мур, строит целое и вечное создание. Будем надеяться, что и наши знаменитые личности не останутся без подробных мемуаров для будущих биографов. Что касается до пишущего эти строки, то он, понимая вполне важность предмета, старался разузнать от кого только мог обо всем касавшемся Гоголя и желает лучше быть в своем изложении отрывочным, нежели пренебречь каким-нибудь известным ему моментом жизни поэта [9, с. 140].

Кулиш в полной мере отдавал себе отчет, реализации каких целей и задач требует от него труд по написанию биографии такого художника, как Гоголь. Ведь Гоголь был его земляком, великим писателем, подвижником. Его неожиданная и загадочная смерть поразила русское общество. Кулиш стремился ответить на остро поставленный временем вопрос о смысле явления Гоголя в русской жизни, в русской культуре. И ответ должен был быть правдивым. Но при этом сам Кулиш осмыслял личность Гоголя при помощи литературных приемов. И в двух томах «Записок о жизни Николая Васильевича Гоголя» складываются, с одной стороны, образ Гоголя, который тщательно выстраивает из собранных материалов, а с другой — образ самого Кулиша, автора создаваемой биографии.

Кулиш в кратком предисловии объяснял, почему окончательный вариант своего труда он назвал «Записки», а не как предыдущий вариант «Опыт биографии». В ряду причин важно выделить последний, четвертый пункт: «…обширность предпринятой мною работы, обнятая мною полнее при ближайшем знакомстве с делом, заставила меня приостановиться с дальнейшими биографическими выводами и обратить свою книгу в простой сборник известий о Гоголе, — сборник, который может еще пополниться новыми записками и изустными рассказами знавших Гоголя лично и по которому со временем можно будет написать его биографию» [8, с. 84]. В «Опыте» материалов было меньше, и портрет Гоголя в интерпретации Кулиша был выписан более рельефно, чем в последующих «Записках».

Для Кулиша концепция жанра литературной биографии является художественной в существе своем. Так, в заключение описания первого периода жизни Гоголя в «Записках», Кулиш пишет:

> Как ни много, на первый раз, собрано у меня материалов для каждого из трех периодов жизни поэта, но из этого не следует еще строить истории его жизни так систематически, так последовательно и заключительно, как развивается роман или поэма. Я только покажу читателю разные стороны его житейского и поэтического характера, сколько это раскрылось для самого меня из известных доселе фактов и письменных документов, но далеко еще то время, когда можно будет в заглавии подобного сочинения написать «Полная биография» [8, с.134].

Тем не менее, ряд приемов и своего рода скрепы, разработанные биографом еще в «Опыте», подчиняют материал в «Записках» задачам создания определенного образа писателя.

В «Записках» (как и в «Опыте») биография Гоголя поделена на три периода, повествование ведется в хронологическом порядке и значительное место занимают письма. В первой части для Кулиша образ Гоголя-писателя выстраивается как воплощение наработанного в истории украинского народа потенциала. Так, осмысляя историю предков Гоголя, в частности, полковника надднестрянской Украины Остапа Гоголя, Кулиш пишет:

> Конечно, ни один луч в сиянии этой звезды не зависит от зловещего блеска, озарившего личность Остапа Гоголя; но любопытно, однако ж, знать, в каком разряде людей, в каком быту и при каких обстоятельствах вырабатывалась в минувшие века жизненная сила, которой в наши дни, дивной игрой природы, сообщился таинственный огонь поэзии [8, с. 86].

Далее Кулиш вводит понятие «внутренней биографии». Именно с целью раскрытия механизма взаимодействия жизни и творчества писателя биограф помещает в «Записках» его письма:

> Гоголь сам — лучший свой биограф, и если бы были напечатаны все его письма, то не много нужно было бы прибавить к ним объяснений для уразумения истории его внутренней жизни [8, с. 152].

Работа с материалом у Кулиша подчинена, с одной стороны, задаче нащупать нерв, связующий жизнь и творчество. С другой — проследить процесс самовоспитания великого человека, его духовное становление. Кулиш сам признается в своих сомнениях и вопросах:

> Я за тем и предлагаю эти вопросы, что они сильно занимали меня, пока я не выяснил себе личности Гоголя; ибо я не всегда питал к нему те чувства, с которыми теперь начертываю историю его внешней и внутренней жизни. Сомнения, недоумения, негодование на кажущуюся пошлость его поступков, презрение к мнимой его надменности и кичливости и другие тягостные и неприятные чувства, которые возбуждал Гоголь в разные времена своей жизни в истинных своих почитателях, были и моими чувствами; и чем больше я ценил талант его, тем сильнее восставал в душе против того, что я называл тогда темными сторонами его характера.<…> Но когда передо мной открылись все материалы для его биографии, которые читатель найдет в этой книге, и я вошел в более близкие отношения с душою поэта, мои сомнения и недоверчивость к нему начали уступать место вере в искренность его убеждений и удивлению к его постоянным усилиям возвыситься над самим собою [8, с. 247].

Соответственно, выбор и расположение материалов (писем, воспоминаний, комментариев биографа) не являются случайными:

> Необходимо самому читателю пройти до конца испытующим умом все проявления характера и души Гоголя, сколько сохранено их от забвения в этом сборнике, и, по мере своей способности, анализировать столь высокий и трудный предмет, составить себе собственное убеждение [8, с. 247].

Этот метод втягивания читателя в материал через письма главного героя биографического сочинения взят из практики художественной литературы. Кулишу важно создать образ Гоголя в сознании читателя через приобщение к его личной переписке. Этой задаче подчинен как отбор писем, так и признания биографа о трудностях его пути познания «души поэта».

Конечно, в «Записках» Кулишу пришлось решать проблемы соотношения творчества и биографии писателя, психологии творца и самого творческого процесса. Для этого он и использовал прием соотношения «внутренней» и «внешней» биографий Гоголя, что, в конце концов, позволило ему написать о том, как сочетались «в душе поэта» писатель-сатирик и христианин.

Эта тема была важна для самого Кулиша. Как пишет, Е.К. Нахлик:

> Миропонимание Кулиша основывалось на религиозной, главным образом христианской, вере в Бога как разумной и доброй «великой силе, которая породила закон жизни», дала начало всему сущему, которая направляет развитие человечества к добру и истине и является залогом «перевеса правды над ложью». Направленный Богом общественно-исторический процесс имеет, по Кулишу, высокую, благородную цель: «Человеческий род, среди своей темноты и ошибок, без устали творит божественное дело правды и жизни». <…> В служении «Богу жизни, Богу правды» и видел писатель предназначение человека, смысл его земного существования, считая, что только через «разумные и благие» поступки как мерило его ценностей и заслуг человек обретает свое праведное бессмертие. Идея правды-истины и высокой моральности была для Кулиша божественным императивом, положенным в основу человеческого бытия, его развития и обновления, и он придерживался убеждения, что эта идея, вместе с мета-идеей Царства Божьего, есть и всегда будет вектором развития человечества. Религиозные убеждения были источником философского оптимизма и жизненной стойкости Кулиша, который верил как в «вещь реальную из реальнейших» в «бессмертие разумного и благого дела», которое одно не гибнет на свете, а обязательно становится частью «извечного достояния рода людского», дает свои ростки и плоды даже тогда, когда не дает сразу каких-то зримых результатов. С точки зрения Кулиша, то, что сделает «в чистоте мысли своей» даже «самый незначительный добрый человек», «на вечных весах духа Божьего» будет весить больше, чем временный самый бессовестный перевес «людской ошибки или зла над подлинной правдой» [6, с.487-488][4].

Кулиш понимал литературный труд как служение Богу, как служение Истине. Для него правда была высшим критерием смысла его творческой писательской деятельности. И в личности Гоголя он открывал идеал писателя-христианина. Одна из задач его как биографа состояла в необходимости показать путь становления Гоголя как писателя-христианина, как писателя-пророка.

Тема сложной внутренней борьбы в душе Гоголя, христианина и художника, занимает важное место уже в «Опыте». В третьем периоде биографии Гоголя Кулиш описывает историю с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» и вторым томом «Мертвых душ». Он прослеживает внешние события сквозь призму внутренней борьбы в душе своего героя:

> Он написал было уже второй том «Мертвых душ», но, повинуясь своему непреложному внутреннему суду, сжег его вместе с прочими своими произведениями, существовавшими в рукописи, как недостойное обнародования. Пробовал писать вновь, но ничего его не удовлетворяло. Христианин и художник спорили еще в нем, друг с другом и не слились в одно животворное духовное существо [9, с. 131].

Так появились «Выбранные места», так, по Кулишу, писался второй том «Мертвых душ». И, в конце концов, «совершилось в Гоголе беспримерное перерождение, торжество христианина над художником и потом возрождение художника в христианине, — словом, душевное пересоздание, возведшее его на ту степень поэтического творчества, на которой он явился во втором томе “Мертвых душ”» [9, с. 131]. В «Записках» эта тема усложняется за счет введения большого корпуса материалов писем и свидетельств современников. Тем не менее, концепция образа Гоголя как писателя-христианина выдерживается до конца. В третьей части и в связи с событием неожиданной смерти Гоголя эта тема является стержневой. Так Кулиш обращается к рукописям произведений (в частности, записям Гоголя ко второму тому «Мертвых душ»). В последней главе «Записок» он пишет, что Гоголь «не смотрел на себя собственно как на деятеля литературного. “Дело мое проще и ближе (говорил он); дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всякий человек, не только один я. Дело мое *душа* и *прочное дело*

[4] Перевод с украинского языка автора статьи.

жизни". Он смотрел на себя просто как на существо, которому "повелено было быть в мире и освобождаться от своих недостатков"; но это самоочищение постоянно соединялось в нем с тем, что он на своем собственном языке называл *прочным делом жизни*» [8, с. 597]. По мысли Кулиша, Гоголь «смертью своею доказал, что он был не только истинный христианин, но и покорнейший сын Православной Церкви» [8, с. 246].

В.В. Вейдле писал, что задача биографа «затронуть тот основной узел творческой судьбы, которым жизнь привязана к искусству» [1, с. 131]. Кулиш пытался не просто затронуть эту важнейшую проблему. Он ставил и вопрос о природе творческого акта:

> Внутренний акт творчества есть тайна, так же неразгаданная психологией, как физиологией — зарождение жизни в существе органическом; но любопытству нашему доступен по крайней мере внешний процесс перехода изящных идей в изящные формы, и наблюдение этого процесса, кроме интереса для всякого мыслящего человека, полезно для руководства молодых талантов [8, с. 545].

Кулиш видел в этой теме перспективу потенциальной реализации жанра литературной биографии как в некотором роде учебника для молодых писателей.

Кулишу в «Записках» удалось охватить практически весь круг проблем, выдвинутых на повестку дня развитием жанра биографии в европейских литературах. В своих сочинениях о Гоголе он отработал определенную художественную стратегию создания образа великого писателя — подвижника, пророка, мученика. Образ Гоголя выстраивается в многообразии фактов его жизни, через слово самого писателя, в непростом соотношении фактов жизни и их оценок (как самим Гоголем, так и кругом его современников). Образ Гоголя — это идеал Кулиша. И в свете этого идеала рельефно выступает образ его биографа, который стремится подражать своему великому учителю.

Список литературы

Исследования

1 *Вейдле В.В.* Об искусстве биографа // Биография в истории культуры. Сб. ст. М.: Рутения, 2018. С. 127–136.

2 *Иванова Е.В.* Биография как жанр: западноевропейская и русская традиция // Биография в истории культуры. Сб. ст. М.: Рутения, 2018. С. 7–38.

3 *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории: публикация беседы Томаса Карлейля / пер. с англ. В.И. Яковенко. СПб.: Ф. Павленков, 1898. 340 с.

4 *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Талинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 365–376.

5 *Михед П.В.* У истоков «православного» гоголеведения: Пантелеймон Кулиш // Н.В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: сборник докладов. М.: КДУ, 2006. С. 231–253.

6 *Нахлік Є.К.* Особливості релігійно-філософського світогляду Пантелеймона Куліша // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2006–2007. № 15. С. 487–497.

7 *Петров В.* Пантелеймон Куліш у п'ядесяті роки. Життя. Ідеологія. Творчість. Том перший. Київ: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1929. 561 с.

Источники

8 *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М.: ИМЛИ РАН, 2003.704 с.

9 *Кулиш П.А.* Николай Васильевич Гоголь. Опыт биографии. М.: Альтернатива-Евролинц, 2003. 244 с.

10 *Куліш П.О.* Повне зібрання творів. Листи. Київ: Критика, 2009. Т. II: 1850–1856. 672 с.

11 <*Кулиш П.А.*> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» // Отечественные записки. 1852. Т. LXXXI, №4 (апрель). Отд. 8. С. 189–201.

12 <*Кулиш П.А.*> Несколько слов о Гоголе. Отрывок литературного письма. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 15 с.

13 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. 1854. Т. XLIII, №2 (февраль). Отд. 2. С. 36–92.

14 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. 1854. Т. XLIII, №3 (март). Отд. 2. С. 1–84.

15 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя // Современник. 1854. Т. XLIV №4 (апрель). Отд. 2. С. 91–154.

16 <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя со включением до сорока его писем. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854. 208 с.

***

© 2026. Aleksandra V. Toichkina
St. Petersburg, Russia

THE IMAGE OF N.V. GOGOL IN THE WORKS OF P.A. KULISH

Abstract: The study examines the issue of hero`s image in the genre of literary biography. In the first third of the 19th century, the poet's right to biography was asserted in Russian culture, and biographical mythologization was growing. At this time, the writer in the public consciousness begins to be associated with the saint, likened to a preacher, ascetic and martyr. N.V. Gogol was one of the first to understand this, and he sought to build his life in accordance with the ideal required by society. P.A. Kulish (1819–1897) was the author of the first posthumous biography of the writer. In 1856, “Notes on the Life of Nikolai Vasilyevich Gogol” was published. Understanding Gogol as a holy visionary determined the concept of biography compiled by Kulish. Kulish's work with the material subordinates, on the one hand, to the task of feeling the nerve connecting life and creativity. On the other hand, it is necessary to trace the process of self-education of the great man, his spiritual formation. Kulish in the “Notes” creates an ideal image of the creator-visionary, ascetic and mentor. It was an ideal he himself sought to emulate throughout his life.

Keywords: the image of Gogol, Kulish, biography, visionary creator, mythologization

Information about the author: Aleksandra V. Toichkina — DSc in Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3723-1553
E-mail: a.toichkina@spbu.ru
Received: June 05, 2026
Approved after reviewing: August 19, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Toichkina, A.V. "The Image of N.V. Gogol in the Works of P.A. Kulish." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 227–235. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-227-235

References

1 Veidle, V.V. "Ob iskusstve biografa" ["About the Art of the Biographer"]. *Biografiia v istorii kultury*. *Sbornik statei* [*Biography in the History of Culture. A Collection of Papers*]. Moscow, Ruteniia Publ., 2018, pp. 127–136.(In Russ.)

2 Ivanova, E.V. "Biografiia kak zhanr: zapadnoevropeiskaia i russkaia traditsiia" ["Biography as a Genre: Western European and Russian Traditions"]. *Biografiia v istorii kultury*. Sbornik statei [*Biography in the History of Culture. A Collection of Papers*]. Moscow, Ruteniia Publ., 2018, pp. 7–38. (In Russ.)

3 Karleil, T. *Geroi i geroicheskoe v istorii: publikatsiia besedy Tomasa Karleilia* [*Heroes and the Heroic in History: A Conversation with Thomas Carlyle*], trans. from V.I. Iakovenko. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1898. 340 p. (In Russ.)

4 Lotman, Iu.M. "Literaturnaia biografiia v istoriko-kulturnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)" ["Literary Biography in the Historical and Cultural Context (On the Typological Relationship between the Text and the Author's Personality)"]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stati v trekh tomakh* [*Selected Articles in Three Volumes*], vol. 1. Talinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 365–376. (In Russ.)

5 Mikhed, P.V. "U istokov 'pravoslavnogo' gogolevedeniia: Panteleimon Kulish" ["At the Origins of 'Orthodox' Gogol Studies: Panteleimon Kulish"] *N.V. Gogol i Russkoe Zarubezhe: Piatye Gogolevskie chteniia: sbornik dokladov* [*N.V. Gogol and the Russian Diaspora: The Fifth Gogol Readings: A Collection of Papers*]. Moscow, KDU Publ., 2006, pp. 231–253. (In Russ.)

6 Nakhlik, E.K. "Osoblivosti religiino-filosofskogo svitogliadu Panteleimona Kulisha" ["Features of Panteleimon Kulish's Religious and Philosophical Worldview"]. *Ukraïna: kulturna spadshchina, natsionalna svidomist, derzhavnist*, no. 15, 2006–2007, pp. 487–497.(in Ukrainian)

7 Petrov, V. *Panteleimon Kulish u p'iadesiati roki. Zhittia. Ideologiia. Tvorchist* [*Panteleimon Kulish in the 1850s. Life. Ideology. Creation*], vol. 1. Kiïv, Z drukarni Vseukraïnskoï Akademiï Nauk Publ., 1929. 561 p. (in Ukrainian)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-236-246
УДК 821.161.2
ББК 63.3(49=41)5
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© **2026 г. В.В. Мущинская**
г. Санкт-Петербург, Россия

СЛАВЯНЕ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В XVIII В. – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Аннотация: Петербург считают историко-культурным феноменом. Он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Именно в Петербурге уже в XVIII в. активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Именно «просветительская» роль Петербурга, по убеждению Д. Лихачева, определила существенные черты его культуры. Однако Санкт-Петербург — это не только историко-культурный феномен, это еще и часть общероссийского культурного пространства. Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать, какое место в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в. занимали представители западных и восточных славян. Сразу после своего возникновения Санкт-Петербург становится культурным пространством, где для славян открывались новые возможности не только карьерного роста, но и интеллектуальной самореализации. «Петербургские украинцы» были активными участниками процесса становления Петербурга центром европеизма в России. Русско-чешские взаимные связи в XVIII в. – первой трети XIX в. развивались неравномерно, но поступательно. В основном, они были связаны с музыкой. Словацкое присутствие в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX проявлялось прежде всего не в литературе или изобразительном искусстве, а в медицине, естественных науках, картографии, академической переписке, просветительском книгоиздании. Однако они были более или менее случайными и не имели систематического характера.

Ключевые слова: культурное пространство, Санкт-Петербург, восточные славяне, западные славяне

Информация об авторе: Виктория Владиславовна Мущинская — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0667-8990
E-mail: v.mushinskaya@spbu.ru

Дата поступления статьи: 11.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 19.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026

Для цитирования: *Мущинская В.В.* Славяне в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 236–246. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-236-246

Тема возникновения и развития Петербурга относится к числу хорошо исследованных и освещенных страниц российской истории. Но, как отмечает А.С. Запесоцкий: «если основные элементы петербургской исторической фактологии постепенно становятся бесспорными, то это совершенно невозможно констатировать в отношении общей оценки роли и места Петербурга в истории страны и ее культуры» [6, с. 193].

Петербург называют историко-культурным феноменом. Он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Распространенным является взгляд на Петербург как на «своего рода огромный портал, при посредстве которого Россия могла бы знакомиться с ценностями и новинками европейской, в основе своей романо-германской цивилизации» [13, с. 5].

Однако Санкт-Петербург — это не только историко-культурный феномен, это еще и часть общероссийского культурного пространства. С точки зрения А.И. Александровского культурное пространство «может трактоваться как определенная географическая территория, культурный ареал, обладающая своими культурными особенностями» [1, с. 25].

Как подчеркивает Е.В. Орлова, «культурное пространство обнаруживает себя как некую материальную и духовную реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысляет его природные признаки. Изначально чисто топологические признаки перерабатываются в так называемую «вторую природу» — культурное пространство. Человек, как творец культуры, творит и пространство своего обитания» [10, с. 5].

Таким образом, культура как «вторая природа» создается человеком и социумом, а следовательно, обязательным условием существования культурного пространства является человек и его деятельность.

С другой стороны, как считает А.Н. Быстрова «культурное пространство — это также пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.» [2, с. 39].

В отношении Российской империи, с точки зрения С.Н. Иконниковой, следует говорить о так называемой «архитектонике культурного пространства», в его многомерности и динамизме. Культурное пространство органично сочетает историческую преемственность, непрерывность и дискретность [7, с. 34].

Именно в Петербурге уже в XVIII в. активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Развитие научных и учебных заведений здесь происходит чрезвычайно быстрыми темпами.

Цель данной статьи — рассмотреть, какое место в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в. занимали представители западных и восточных славян.

Украинцы в Санкт-Петербурге

В XVIII в. усиливается отток украинцев из Левобережной Украины в Россию и, частности, в Санкт-Петербург. Это учащиеся и студенты, представители духовен-

ства, учителя, переводчики и делопроизводители. Выходцы из Малороссии преподают в духовных или светских учебных заведениях, работают переводчиками, канцеляристами и копиистами в Синоде, Сенате или Коллегии иностранных дел и др. Это связано с тем, что «экономическая и социальная интеграция населения Малороссии с 20 гг. XVIII в. в состав империи, оказала ощутимое воздействие на общественное сознание малороссиян и привела к повышению привлекательности великорусской карьеры» [9, с. 73–74]. С конца XVIII в. Санкт-Петербург становится одним из центров новой украинской словесности. Выходцы с Левобережной Украины являются издателями многих популярных журналов в период 1760–1780 гг.

Так, очень известным писателем и издателем был Рубан Василий Григорьевич (1742–1795). Издавал журналы: «Ни то, ни се», «Трудолюбивый муравей», «Старина и новизна». Начиная с 1773 г., В.Г. Рубан издал следующие собственные сочинения: 1773 г. «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России, с приобщением украинских трактатов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числе народа и пр.». Это издание имело успех и уже в 1777 г. потребовалось его второе издание, а одновременно В. Рубаном была составлена и издана в Петербурге «Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка прежде бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також землеописания, с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений». Самому Рубану в «Краткой летописи» принадлежит главным образом редакционная обработка, так как летописный свод событий до 1734 г. был прислан ему Георгием Конисским; более поздние события и списки начальствующих лиц сообщил А.А. Безбородко, а землеописание и прочие сведения составил кто-то из Украины. В виде дополнения к «Краткой летописи» в том же году появилось «Землеописание Малыя России, изъясняющее города, местечки, реки, число монастырей и церквей и сколько где выборных казаков, подпомощников и посполитых по ревизии 1764 года находилось». Это «Землеописание» начинается топографическим очерком Малороссии и содержит довольно много статистических сведений. Подробнее других описан Полтавский полк, почти о всех городах которого приведены краткие исторические данные; в конце «Землеописания» был приложен алфавитный географический указатель.

Журнал «Санкт-петербургский вестник» (1778–1781) издавал Брайко Григорий Леонтьевич (род. в нач. 1740 гг. – 1793) вместе с Я.Б. Княжниным и Б.Ф. Арндтом. В журнале активно пропагандировались конституционные идеи, печатались призывы облегчить участь крепостных; важное значение имел критико-библиографический отдел.

Журналы «Зеркало света» (1786–1787 гг.), «Лекарство от скуки и забот» (1786–1787 гг.), «Детский месяцеслов с краткою историею, географиею и хронологиею всеобщею и российскою и примечания из астрономии» (1787, 1792–1794 гг.) издавал Федор Осипович Туманский (1757–1810). Особо следует отметить журнал «Российский магазин». В этом издании печатались статьи по истории и топографии Санкт-Петербурга и его окрестностей, генеалогии знаменитых русских дворянских родов, этнографические исследования. Здесь же Туманский опубликовал «Летописец Малыя России», к которому добавил небольшое дополнение в виде комментария «Изъяснение малороссийских речений в предшедших листах», где он пояснял значение непонятных слов.

В российской историографии Григорий Андреевич Полетика (1725–1784) фигурирует прежде всего в контексте книжной культуры второй половины XVIII в. А кроме того, как подчеркивал Н.М. Василенко, «Григорий Андреевич прямо или косвенно содействовал пробуждению в малорусской интеллигенции того стремления к самосознанию, которое выразилось в изучении прошлого и настоящего малорусскаго народа» [3, с. 237]. Исследователь Т.Ф. Литвинова подчеркивает, что «пример Г.А. Полетики интересен также с точки зрения изучения проблемы формирования единого российско-украинского культурно историографического пространства. Характерно, что в письмах Григория Андреевича из северной столицы (при всем его очевидном украинском патриотизме) не встречается мотивов "ностальгии" или же антитезы "они — мы", нет неприятия южанином "болотного, низкооблачного, сумрачного Петербурга", то есть ничего такого, что станет чуть ли не обязательным у последующих поколений. И этому не следует особенно удивляться, поскольку человек эпохи Просвещения, такой как Г.А. Полетика (да и другие), растворен в культуре Просвещения и в стилистике классицизма. Эта "растворенность" облегчала процесс «вписывания в российское интеллектуально-культурное пространство, а также в ту его часть, которая испытывала на себе мощное воздействие просветительско-классицистских импульсов» [8, с. 84].

В 1798 г. было опубликовано сочинение «Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ» Якова Михайловича Марковича (1776–1804). При подготовке труда Маркович использовал сборники материалов, собранные Адрианом Чепой. В этом произведении Маркович описал историю Малороссии с древнейших времен до первой половины XI в.: быт, фольклор, способ ведения хозяйства, государственно-политическое устройство Гетманщины, а также природу и историю Малороссии. Эта книга должна была стать началом историко-географического описания Малороссии, но работа осталась незавершенной. Кроме того, он начал составлять словарь, который также остался незаконченным.

В 1777 г. в Санкт-Петербурге опубликована первая работа по украинской этнографии Гр. Калиновского «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ».

В 1798 г. публикуется «Энеида» И.П. Котляревского. В 1818 г. «Грамматика малороссійскаго нарѣчія» А.П. Павловского. В 1819 г. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ песней» М. Цертелева.

Особое внимание следует уделить Словарю Академии Российской (СПб., 1789–1794). В Словаре можно обнаружить заимствования из украинского языка, которые, в зависимости от закрепления их в русском языке, делятся на две группы. Часть слов, включенная составителями в словарь, позднее выпала из русского языка, напр. балакаю — 'простон. Говорю что неважное, разговариваю о дѣлахъ маловажныхъ. Мы увидѣвшись съ нимъ побалакали' [12, т. 1, с. 87], гай — 'сл. старин. Роща. Слово сие во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ и въ Малороссии донынѣ употребительно' [13, т. 2, с. 16] и др. В словаре В. Даля эти слова сопровождаются пометой «юж.», «юж. зап.». В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.М. Ушакова подобного рода слова уже не находим. Вторая группа слов в Словаре Академии Российской– это слова, которые не выпали из русского литературного языка, но и не стали широко употребительными, т. к. обозначают специфические украинские реалии, напр. горѣлка — 'в Малороссии так называется хлебное, простое вино' [13, т. 2, с. 262], гетьман — 'так назывался главный начальник над Малороссийским козацким войском' [13, т. 2, с. 36], курень — 2.

У запорожских казаков называлось строение, состоящее из одного большого и разных малых домов в одном месте [14, т. 3, с. 1088] и др.

Украинские стихи и народные песни, распространяясь в устной форме, стали закрепляться в рукописных сборниках. Первые печатные русские сборники-песенники XVIII – нач. XIX вв. включают достаточно большое количество украинских песен. Так М. Сперанский насчитал в 30 песенниках от 80 до 380 малороссийских песен [12, с. 128–129]. В «Сборнике пѢсенъ», изданном Н.И. Новиковым в 1778 г., украинских песен — 21, среди них: «Да орал мужик при дорозѢ», «Ах, под вишнею, под черешнею», «Видкиль идешь? От Дунаю» и др. В песеннике «Молодчик з молодкою на гуляньѢ с пѢсельниками, поющими новыя пѢсни» (1790) — 15 украинских песен, среди них: «Била жинка мужика», «Черешенька, вышенька, наробыла лишенька» и др. [12, с. 128–129]. Украинские народные песни и стихи в русских рукописных и печатных сборниках второй половины XVIII – начала XIX вв. свидетельствуют о близости и понимании их русским народом.

Чехи в культурном пространстве Санкт-Петербурга

Немало выходцев из чешских земель Австрийской империи и Саксонии привлекала Россия. Они прибывали с желанием послужить ей, воспользоваться возможностью реализоваться в профессии и улучшить свое материальное положение. Прибывшие на русскую землю богемцы были представителями разных общественных слоев: не только обычные люди, но и армейцы, высококвалифицированные специалисты, представители творческих профессий [11, с. 3].

И.М. Порочкина и И.В. Инов в книге «Чехи в Петербурге» отмечают, что в исторической памяти русского народа ярче всего запечатлелась деятельность чешских музыкантов на территории России [11, с. 7].

В 1748 г. в оркестр графа А.П. Бестужева-Рюмина был приглашен Ян Антон Мареш (1719–1794) — валторнист, виолончелист, композитор. С 1752 г. Мареш служил при царском дворе. Известен как создатель так называемого русского рогового оркестра. Более двадцати лет возглавлял Придворный оркестр роговой музыки.

У истоков петербургского Филармонического общества стоял Антонинт Булант (1751–1821). Проявил себя как талантливый организатор русской музыкальной жизни. Среди написанных им произведений наибольшую популярность завоевала опера «Сбитенщик» (1783), которая принадлежит к популярным произведениям русского музыкального театра XVIII в.

Одним из организаторов музыкальной жизни в России был Арношт Ванчура (1750 – ок. 1801) — композитор, музыкант-исполнитель. В Эрмитажном театре 27 сентября 1787 г. состоялась премьера его комической оперы «Доблестный и смелый герой Архидиетич». Одним из первых он стал издавать музыкальный альманах.

В историю русской музыки вошел своими сочинениями для фортепиано Игнатий Францевич Гельд (1784–1816). Написал учебник игры на фортепиано.

Учеником российского певца, гусляра, композитора, собирателя народных песен В.Ф. Трутовского был Иван Богумир Прач (? – ок. 1815). Он получил известность как прекрасный педагог и методист. В 1790 издал сборник записанных им русских народных песен в обработке для голоса и фортепиано (некоторые напевы взяты из собрания В.Ф. Трутовского, ч. 1–3, 1776), составленный совместно с Н.А. Львовым — автором вступительной статьи к сборнику, которая явилась первым научным

трактатом о русской народной музыке. В сборнике традиционные русские песни впервые названы народными и систематизированы по жанрам. Мелодии песен снабжены фортепианным сопровождением.

Первую российскую картинную галерею для всеобщего обозрения устроил Мартин Фердинанд Квадаль (Хватал) (1736–1808) — художник, автор картины «Коронация Павла I и Марии Федоровны».

Известный чешский филолог и историк, видный деятель чешского Просвещения и национального возрождения Йозеф Добровский (1753–1829) посетил в 1792–1793 гг. с научными целями Швецию и Россию, где изучал языки и литературы славянских народов. Результаты его научной поездки были кратко изложены в книге, опубликованной в Праге в 1796 году: „Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland". 17 августа 1792 г. Й. Добровский прибыл в научную командировку в Санкт-Петербург. Ученый работал в Библиотеке Императорской Академии наук, где сделал собственное описание древнерусских рукописей и старопечатных книг. В настоящее время этот список хранится в Библиотеке Народного музея в Праге.

Ученый также занимался в библиотеке Александро-Невской лавры и в «Собрании российских древностей» А.И. Мусина-Пушкина, ознакомился с собранными в Синоде по указу Екатерины II от 11 августа 1791 г. древними рукописями, привезенными из различных монастырей и церквей. Имеются основания предполагать, что, находясь в Петербурге, Й. Добровский мог видеть в «Собрании российских древностей» Мусина-Пушкина рукопись «Слова о полку Игореве». Общеизвестно, что ученый считал «Слово о полку Игореве» величайшим памятником древнерусской литературы. Й. Добровский писал: «Поэма об Игоре, рядом с которой ничего нельзя поставить!» Под руководством Й. Добровского его учениками и коллегами (Й. Юнгманом, В. Ганкой, Й. Мюллером, С. Рожнаем) были осуществлены самые ранние в Европе переводы «Слова о полку Игореве». В 1820 г. ученый стал членом Российской Академии наук и Вольного общества любителей российской словесности в Санкт-Петербурге.

Иоахим Штернберк (1755–1808) провел в России семь месяцев. По возвращении на родину ученый издал написанные им на основе собственных дневников книги «Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг» (1793) и «Замечания о России на основании путешествия, предпринятого в 1792–1793 гг. (1794).

Под российскими знаменами в XVIII в. служили выходцы из чешских земель. Так, важную для России победу под Нарвой (1702) одержал выходец из Моравии генерал Георг Бенедикт Огильви (1651–1710).

На русскую службу был принят Вейсбах Иоганн-Бернард (Девейсбах, Вейзбах, WeißbachJohann-Bernhard) (1665–1735) полковник, командир Белгородского драгунского полка, бригадир (1707), генерал-майор (1709), генерал-поручик (1718), выполнял дипломатические поручения (1718), член Военной коллегии, генерал-лейтенант, генерал от кавалерии (1725), командующий Украинским корпусом, граф (1726), командующий Низовым корпусом (1730), генерал-губернатор Киева (1731), умер во время подготовки похода в Крым (РИО. 11. С. 440; справочники; РГВИА. 489. Оп. 1. Д. 7395. Л. 31).

Так же известен Франц Николаевич Кличка (1730–1786) — генерал-поручик; Иркутский, Новгородский, Курский и Орловский генерал-губернатор. Кличка усердно занимался культурно-просветительской работой. Он часто бывал в Санкт-Петербурге, добиваясь аудиенции у Екатерины II по делам иркутской губернии, в которой учредил ряд библиотек и музеев [11, с. 132].

Уроженцы словацких земель в культурном пространстве Санкт-Петербурга

Словацко-российские культурно-просветительские и научные контакты в XVIII в. были весьма разнообразны. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонденция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных наук осуществлялись по инициативе ученых и сыграли важную роль в развитии просветительства и культуры в странах Центральной и Восточной Европы [4, с. 20].

Переписка петербургских академиков с иностранными коллегами является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини, а также русские ученые Готлиб Зигфрид Байер, Христиан Гольдбах и Иоганн Георг Гмелин. Матей Бел одним из первых осознал важность нового научного центра в Европе — Петербурга, пытался организовать обмен книгами, рукописями и научной информацией. Хотя Бел в Петербурге постоянно не жил, без него невозможно описать включение словацкой науки в международное пространство Петербургской академии наук.

В 1718 г. в Санкт-Петербург приехал врач и натуралист, уроженец Спишских Влахов Ян Моллетер (Миллетер, Малетер) для участия в создании минералогической коллекции. Вероятно, его работа была связана с формированием естественно-научных собраний новой российской столицы. По неясным причинам он не завершил начатое и примерно через год вернулся в Левочу. Моллетера можно рассматривать как одного из первых документально известных специалистов со словацких земель, привлеченных к созданию научной и музейной инфраструктуры Петербурга.

Первым врачом-словаком, работавшим в России во второй половине XVIII в., был Пал Дьендьеши (1707–1770). В 1753 г. он получил назначение на должность врача в Петербургском морском госпитале, затем — на должность главного врача морского шляхетного кадетского корпуса — одного из наиболее привилегированных учебных заведений России. Занимался преподавательской деятельностью и участвовал в подготовке врачебных кадров. В 1763 г. Дьендьеши было пожаловано звание придворного доктора [5, с. 102–108].

Еще более выдающейся была карьера Христиана Пекена (1731–1779) на российской медицинской службе. Он начал карьеру с должности военного врача в Петербурге, а затем в Москве. После возвращения в Петербург он стал главным врачом в госпитале. После учреждения государственной медицинской коллегии Христиан Пекен получил там место секретаря. Для Пекена это было важным событием и означало проявление доверия, которое он заслужил бескорыстной работой и обширной публикационной деятельностью. Коллегия должна была контролировать степень квалификации работающих врачей и давать рекомендации и оценки по медицинским вопросам. Каждый медик, который принял решение работать по специальности на территории Российского государства, должен был выдержать специальный экзамен в коллегии [4, с. 39]. Работая в приемной комиссии коллегии, Христиан Пекен таким образом проверил квалификацию десятков врачей, который решили практиковать в России.

В 1770 г., когда в России вспыхнула эпидемия чумы, Пекен помогал принимать меры по предотвращению распространения заразы. За большой вклад в развитие медицины в России Екатерина II в 1779 г. назначила его лейб-медиком [там же]. Под его руководством был составлен и опубликован первый русский лечебник “Pharmacopea

Rossica", который стал ценным и популярным помощником в русской медицинской практике. Лечебник рассылался всем больницам, аптекам и практикующим лекарям. Христиан Пекен писал и популярно-просветительские книги для простого народа по медицине о способах лечения разных заболеваний. На протяжении нескольких лет вышли четыре издания его «Домашнего лечебника», в количестве от 2 до 7 тысяч экземпляров, что по тем временам считалось огромным тиражом. В этой объемной книге, которая была издана на русском языке, Пекен последовательно упомянул обо всех факторах, влияющих на здоровье. В отдельных главах книги он охарактеризовал способы лечения различных наиболее распространенных заболеваний наиболее доступными средствами. Отдельную часть книги составляла «Домашняя аптечка», в которой он перечислил множество наиболее известных лекарств, как в виде порошков, так и солей, эликсиров, эссенций и масел самого разного состава. Там же он описал и рецепты по их приготовлению и рекомендации по их применению [4, с. 40].

Матвей Пекен (1755–1819) — сын Христиана Пекена, родился в Санкт-Петербурге. Получил образование в Геттингене, где стал доктором медицины, после чего вернулся в Россию. Работал в Санкт-Петербургском генеральном адмиралтейском госпитале, преподавал акушерство и другие медицинские дисциплины. В конце 1780-х – начале 1790 гг. Матвей Пекен участвовал в подготовке проекта высшего медицинского училища и руководил устройством его здания на Аптекарском острове. Он также занимался переводом и подготовкой медицинской учебной литературы. Как отмечает М. Даниш: «словацко-русские связи в области медицины имеют особый характер, проистекающий из характера медицинской науки. Эта наука своей практической ориентацией главным образом в XVIII столетии, когда было много войн и появлялись неизвестные болезни, давала возможность врачам решать проблемы здравоохранения. Если в силу разных причин они не могли реализовать себя на родине, то уезжали за границу [4, с. 41].

Таким образом, Санкт-Петербург становится тем культурным пространством, где для славян открывались новые возможности не только для карьерного роста, но и для интеллектуальной самореализации. «Петербургские украинцы» были активными участниками процесса становления Петербурга центром европеизма в России.

Русско-чешские взаимные связи в XVIII в. — первой трети XIX в. развивались неравномерно, но поступательно. В основном, они были связаны с музыкой. Как отмечают И.М. Порочкина и И.В. Инов «творческой энергии чешских музыкантов хватило с избытком и на Россию» [11, с. 7].

Словацкое присутствие в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. — первой трети XIX проявлялось прежде всего не в литературе или изобразительном искусстве, а в медицине, естественных науках, картографии, академической переписке, просветительском книгоиздании. Однако эти связи были более или менее случайными и не имели систематического характера.

Таким образом, культурное пространство Санкт-Петербурга хранит память о деятельности украинцев, чехов и словаков, которые внесли свой вклад в его развитие.

Список литературы

Исследования

1 *Александровский А.И.* «Украинский вопрос» в культурном пространстве Российской империи первой половины XIX в.: дис. … канд. культурологии. М., 2019. 170 с.

2 *Быстрова А.Н.* Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 24–40.
3 *Василенко Н.М.* К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя // Киевская старина. 1894. Ноябрь. С. 264–270.
4 *Даниш М.* Из истории словацко-российских связей в XVIII веке // Запад — Восток. 2017. № 10. С. 2047.
5 *Егоров А.В.* Забытые страницы из истории российско-венгерских научных связей в эпоху просвещения: Пал Дьендьеши // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2026. Т. 10, вып. 4. 188 с.
6 *Запесоцкий А.С.* Культура: взгляд из России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Гуманит. ун-та профсоюзов; М.: Наука, 2014. 848 с.
7 *Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. 2-е изд., доп., перераб. СПб.: Питер, 2005. 474 с.
8 *Литвинова Т.Ф.* Григорий Андреевич Полетика: «Публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. №2 (6). С. 79–86.
9 Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки. Колл. монография. М.: Изд-во ИСл РАН, 2018. 528 с.
10 *Орлова Е.В.* Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). С. 1–12.
11 *Порочкина И.М., Инов И.В.* Чехи в Санкт-Петербурге. СПб.: Глобус, 2003. 160 с.
12 *Сперанский М.* Малорусская пѢсня в старинныхъ русскихъ печатныхъ пѢсенниках // Этнографическое обозрѢние. 1909. №2–3. М.: Изд. Этнографическаго ОтдѢла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѢ, 1910. С. 120–144.
13 *Спивак Д.Л.* Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб.: Алетейя, 2005. 527 с.

Источники

14 Словарь Академии Российской 1789–1794. М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2001. Т. 1: А-В. 688 с.
15 Словарь Академии Российской 1789–1794. М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2002. Т. 2: Г-Ж. 744 с
16 Словарь Академии Российской 1789–1794. М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2002. Т. 3: З-Л. 832 с.

***

© 2026. Victoriia V. Mushchinskaia
St. Petersburg, Russia

SLAVS IN THE CULTURAL SPACE OF ST. PETERSBURG IN THE 18TH CENTURY – THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Abstract: The paper considers St. Petersburg as a historical and cultural phenomenon. He it was originally planned and created as a scientific and educational center. It was in St. Petersburg that, already in the 18th century, a stratum of educated people was actively forming, and the best artistic and scientific forces from all over Russia and abroad flocked here. According to D. Likhachev, it was the "enlightenment" role of St. Petersburg that determined the essential features of its culture. However, St. Petersburg is not only a historical and cultural phenomenon, it is also a part of the all-Russian cultural space. The purpose of this study is to analyze what place in the cultural space of St. Petersburg in the 18th century — the first third of the nineteenth century was occupied by representatives of Western and Eastern Slavs. Immediately after its inception, St. Petersburg became a cultural space where new opportunities opened up for Slavs not only for career growth, but also for intellectual self-realization. The St. Petersburg Ukrainians were active participants in the process of St. Petersburg becoming the center of Europeanism in Russia. Russian-Czech mutual relations in the 18th century and the first third of the 19th century developed unevenly, but steadily. They were mostly related to music. The Slovak presence in the cultural space of St. Petersburg in the 18th century and the first third of the 19th century was manifested primarily not in literature or the visual arts, but in medicine, natural sciences, cartography, academic correspondence, and educational book publishing. However, they were more or less random and did not have a systematic character.

Keywords: cultural space, St. Petersburg, Eastern Slavs, Western Slavs

Information about the author: Victoriia V. Mushchinskaia — PhD in Philology, Docent, Saint Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0667-8990
E-mail: v.mushinskaya@spbu.ru

Received: July 11, 2026
Approved after reviewing: August 19, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Mushchinskaia, V.V. "Slavs in the Cultural Space of St. Petersburg in the 18th Century – the First Third of the 19th Century." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 236–246. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-236-246

References

1 Aleksandrovskii, A.I. *"Ukrainskii vopros" v kulturnom prostranstve Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX v.* [*The "Ukrainian Issue" in the Cultural Space of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century": PhD Dissertation Thesis*]. Moscow, 2019. 170 p. (In Russ.)

2 Bystrova, A.N. “Kulturnoe prostranstvo kak predmet filosofskoi refleksii” [“Cultural Space as a Subject of Philosophical Reflection”]. *Filosofskie nauki*, no. 12, 2004, pp. 24–40. (In Russ.)

3 Vasilenko, N.M. “K istorii malorusskoi istoriografii i malorusskogo obshchestvennogo stroia” [“Towards the History of Little Russian Historiography and the Little Russian Social System”]. *Kievskaia starina*, November, 1894, pp. 264–270. (In Russ.)

4 Danish, Miroslav. “Iz istorii slovatsko-rossiiskikh sviazei v XVIII veke” [“From the History of Slovak-Russian Relations in the 18th Century”]. *Zapad — Vostok*, no. 10, 2017, pp. 20–47. (In Russ.)

5 Egorov, A.V. “Zabytye stranitsy iz istorii rossiisko-vengerskikh nauchnykh sviazei v epokhu prosveshcheniia: Pal Dendeshi” [“Forgotten Pages from the History of Russian-Hungarian Scientific Relations in the Age of Enlightenment: Pal Gyongyoshi”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*, vol. 10, is. 4, Izhevsk, Izdatelskii tsentr “Udmurtskii universitet”, 2026. 188 p. (In Russ.)

6 Zapesotskii, A.S. *Kultura: vzgliad iz Rossii* [*Culture: View from Russia*]. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo Gumanit. un-ta profsoiuzov; M.: Nauka, 2014. 848 p. (In Russ.)

7 Ikonnikova, S.N. *Istoriia kulturologicheskikh teorii* [*The History of Cultural Theories*]. 2-e izd., dop., pererab. SPb.: Piter, 2005. 474 p. (In Russ.)

8 Litvinova, T.F. “Grigorii Andreevich Poletika: ‘Publichnyi intellectual’ vtoroi poloviny XVIII v.” [“Grigory Andreevich Poletika: ‘Public Intellectual’ of the Second Half of the 19th Century”]. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriies: Istoricheskie nauki [History], no. 2 (6), 2015, pp. 79–86. (In Russ.)

9 *Malorossy vs ukraintsy: Ukrainskii vopros v nauke, gosudarstvennoi i kulturnoi politike Rossiiskoi imperii i SSSR* [*Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian Question in Science, State and Cultural Policy of the Russian Empire and the USSR*]. *Ocherki. Koll. monografiia*. M.: Izd-vo ISl RAN, 2018. 528 p. (In Russ.)

10 Orlova, E.V. “Kulturnoe prostranstvo: opredelenie, spetsifika, struktura”. [“Cultural Space: Definition, Specifics, Structure”]. *Analitika kulturologii*, vol. 3 (18), 2010, pp. 1–12. (In Russ.)

11 Porochkina, I.M., Inov, I.V. *Chekhi v Sankt-Peterburge* [*Czechs in St. Petersburg*]. SPb.: Globus, 2003. 160 p. (In Russ.)

12 Speranskii, M. “Malorusskaia pЂsnia v starinnykh russkikh pechatnykh pЂsennikakh” [“Malorossiiskie Songs in Old Russian Printed Songbooks”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2-3, 1909. Moscow, Izdanie Etnograficheskogo Otdela Imperatorskogo Obshchestva Liubitelei Estestvoznaniia, Antropologii i Etnografii, sostoiashchego pri Moskovskom universitete Publ., pp. 120–144. (In Russ.)

13 Spivak, D.L. *Metafizika Peterburga. Frantsuzskaia tsivilizatsiia* [*Metaphysics of St. Petersburg. French civilization*]. SPb.: Aleteiia, 2005. 527 p. (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-247-260
УДК 821.161.2
ББК 63.3(49=41)5
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. М.Ю. Котова
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2026 г. О.В. Раина
г. Санкт-Петербург, Россия

О РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН[1]

Аннотация: В статье рассматриваются условия формирования русского культурного кода у поляков, словаков и чехов во второй половине XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа польских, словацких и чешских школьных учебных программ по литературе, российской и западнославянской литературоведческой компаративистики, а также имеющихся переводов художественных произведений русских писателей на западнославянские языки. Материалом служит обширная актуальная российская и западнославянская научная литература по рецепции, имагологии, теории и критике перевода, библиографические сведения о переводах на западнославянские языки Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, а также западнославянские школьные учебники и рабочие программы по литературе, используемые сегодня в Польше, Словакии и Чехии. Выводы, к которым приходят авторы данного исследования, проясняют роль кода русской литературы в культурном фоне выпускников средних школ и гимназий (лицеев) Польши, Словакии и Чехии. По сравнению с Польшей и Словакией, в Чехии объемы изучения русской литературы в настоящий момент несколько больше, но остаются минимальными — не более 5% от общего списка рекомендованных ученикам для изучения художественных произведений мировой литературы. Однако высокий уровень научных исследований по литературоведческой компаративистике, традиционно высокое качество западнославянских переводов русской литературы XX–XXI вв. остаются объективной основой для возможностей повышения роли русской литературы в культурном фоне западных славян в будущем.

Ключевые слова: рецепция, русская литература, польская культура, словацкая культура, чешская культура, школьные учебные программы

Информация об авторах:
Марина Юрьевна Котова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

[1] Авторы выражают благодарность консультантам-выпускникам СПбГУ: профессору, доктору филологических наук, Кшиштофу Кусалю (E-mail: kkusal@ahe.lodz.pl), словацкому лектору СПбГУ, магистру филологии Кристине Новаковой (novak.kristi@gmail.com), доктору филологии Светлане Михловой (E-mail: antonin.kret@seznam.cz).

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0861-8652
E-mail: m.kotova@spbu.ru
Ольга Викторовна Раина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6281-8148
E-mail: o.raina@spbu.ru
Дата поступления статьи: 15.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 20.08.2026
Дата публикации: 21.09.2026
Для цитирования: *Котова М.Ю., Раина О.В.* О рецепции русской литературы в культурном пространстве западнославянских стран // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 247–260.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-247-260

Вступление

Целью статьи является прояснение роли кода русской литературы в культурном фоне выпускников средних школ и гимназий (лицеев) указанных стран.

В своем исследовании мы опираемся на труды предшественников [7–9, 16, 19 и др.].

Рецепция русской литературы в западнославянских странах имеет многовековую историю, в которой выделяются различные периоды для каждой страны.

Наиболее сложный и противоречивый характер носит рецепция русской литературы в Польше, что обусловлено многими драматическими событиями в российско-польских отношениях в XIX-XX вв. В XIX в. романы Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого оказали большое влияние на польских писателей-позитивистов; на рубеже XIX–XX вв. поляки зачитывались поэзией А. Блока и С. Есенина; в период ПНР (1945–1989), когда русская литература в учебных программах стала обязательной, несмотря на скрытое сопротивление части польского общества, наблюдался искренний интерес к А.П. Чехову и М.А. Булгакову. В постсоветский период (с 1989 г. по настоящее время) произошло переосмысление канона и смена акцентов с масштабной школьной классики на современную независимую прозу.

Волнообразное развитие чешского восприятия русской литературы отражает то искренний интерес к «братской славянской культуре», то политическое сопротивление. В XIX в., в эпоху национального возрождения, переводы Н.В. Гоголя становились частью процесса создания собственной национальной идентичности. Чешская школа перевода, как одна из лучших, по-прежнему способствует переизданию произведений Достоевского, Толстого, Гоголя, Чехова. Исследованиями и переводами занимаются старейшие вузы Чешской Республики.

Процесс рецепции русской литературы в Словакии прошел путь от общеславянской идеи Я. Коллара к профессиональному академическому осмыслению. До сих пор на словацкий язык регулярно переводятся как произведения Л.Н. Толстого, Достоевского, Пушкина, так и современная проза. В Университете им. Я.А. Коменского в Братиславе и в других ведущих академических и образовательных учреждениях регулярно издаются монографии по истории русской литературы и проблемам ее перевода.

Традиции художественного перевода русской литературы в западнославянских странах

На кафедре славянской филологии СПбГУ научное направление теории и практики перевода с 50-х гг. XX в. занимает приоритетное положение, как в учебных планах, так и в научной деятельности.

Польша

Проведенная в 2023/2024 учебном году во время филологической практики студентов-полонистов каталогизация польских переводов в библиотеке кафедры славянской филологии СПбГУ (как части Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ) выявила около ста польских художественных переводов с различных языков, изданных в 40-е – 90 гг. XX в. Среди них 72% приходится на переводы русской литературы, например, произведений Пушкина (8 наименований), Л. Толстого (6 томов), М. Горького (6), Гоголя (3), В. Катаева (3), К. Паустовского (3) и др.

Польская теория перевода развивалась от ранних подходов адаптации текста к современному пониманию функционального соответствия, определяемого через призму прагматики и когнитивной лингвистики [25, 30]. Ключевой вклад внес Станислав Баранчак, предложивший разделение переводов на самостоятельные и интегрированные, а также Ольгерд Войтасевич, разработавший лингвистическую модель анализа [21, 33].

Словакия

Словацкая школа переводоведения основана в Университете города Нитры трудами профессора Антона Поповича (1933–1984), которые определили вектор развития словацкой теории художественного перевода на многие десятилетия [28, 32]. Оценка объема художественных переводов с русского и других языков, издававшихся в Словакии во второй половине XX в., а также характеристика их рецепции в словацком обществе дана в исследованиях по истории перевода и рецепции К. Беднаровой, М. Кусой, С. Паштековой, Л. Вайдовой, М. Лизонь и др. [9–10, 22, 26, 31].

Среди словацких переводов в библиотеке кафедры славянской филологии СПбГУ представлены переводы произведений Пушкина Лермонтова, А.С. Грибоедова, Л. Толстого, Достоевского, Есенина, А. Толстого, А. Фадеева, И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Пастернака и др. Базовым источником для изучения рецепции русской литературы в Словакии является, бесспорно, имеющийся в библиотеке кафедры фундаментальный словацкий «Словарь русской литературы XI–XX вв.» [29].

Показательно мнение историка словацкого художественного перевода Катарины Беднаровой:

> Tá istá politická moc, ktorá sa preklad snažila rôznymi spôsobmi ideologicky obmedzovať, ho na druhej strane podporovala v zmysle vytvárania ekonomických, vydavateľských a profesionálnych podmienok, čo slovenskému umeleckému prekladu pomohlo rozvinúť sa, rásť a nesporne aj kultivovať záhradu cudzej literatúry.
>
> (Перевод со словацкого: Та же политическая сила, которая пыталась различными способами идеологически ограничить перевод, поддерживала его с точки зрения создания экономических, издательских и профессиональных условий, которые помогали словацкому художественному переводу развиваться, расти и, несомненно, взращивать сад иностранной литературы) [22, с. 58].

Чехия

Чешская теория художественного перевода формировалась в трудах Я. Врхлицкого (1853–1912), Б. Матезиуса (1888–1952), Й. Левого (1926–1967) и многих других исследователей, создавших одну из самых сильных школ переводоведения в Славии.

Как показала последняя рекаталогизация 2025/2026 гг. в рамках филологической практики студентов-богемистов, библиотека кафедры СПбГУ в своей чешской части насчитывает 230 наименований чешских переводов с разных языков мира, изданных в 50-е – 90 гг. XX в., среди которых 56% — переводы с русского языка, например, переводы произведений Пушкина (8 наименований), Горького (8 наименований), Гоголя (7 наименований), Л. Толстого (6 томов), Н. Лескова (6 наименований), Чехова (5 наименований), Лермонтова (4 тома) и многих других русских писателей.

Изучение русской литературы в школе в западнославянских странах

Как показывает наш анализ актуальных западнославянских школьных учебников и программ, произведения русских классиков со второй половины XX в. и по сей день включены в разных объемах в обязательную школьную программу в Польше (в рамках предмета «Польский язык»), в Словакии (как часть дисциплины «Словацкий язык и литература»), в Чехии (на уроках чешского языка и литературы).

Польша

В учебных программах по польскому языку и литературе для основных школ на текущий учебный год 2025/2026 в списке польских и зарубежных литературных произведений нет ни одного произведения русской художественной литературы [35].

В польских учебных программах для лицеев предусмотрено изучение только двух произведений русской литературы — «Преступления и наказания» (“Zbrodnia i kara”) Достоевского (среди семнадцати обязательных для изучения во втором классе лицея художественных произведений польской и зарубежной литературы) и «Мастера и Маргариты» (“Mistrz i Małgorzata”) Булгакова (для третьего класса лицеев в расширенном списке дополнительной литературы) [41].

Рецепции русской литературы в Польше посвящен ряд исследований российских и польских литературоведов о восприятии творчества Л. Толстого, Достоевского, Есенина, Горького, Шолохова и других русских писателей [1, 3, 11–13, 20 и др.].

Словакия

Месту русской литературы в образовательном дискурсе Словакии посвящены статьи Н. Цингеровой и И. Дулебовой [5, 23].

В Словакии, в основной средней школе, наряду со словацкой литературой и зарубежной литературой (американской, английской, немецкой, французской и др.) в 5–6 классе в наши дни изучается только один русский автор — И.А. Крылов (в учебнике приводятся две его басни в словацком переводе: «Павлин и Соловей» и «Волк и Ягненок» [36].

При составлении учебных программ по словацкому языку и литературе словацкие средние специальные школы и гимназии полагаются на образовательные стандарты, рекомендованные в 2009 г. Государственным педагогическим институтом Словакии [34]. В этой программе разработан «Список тематических модулей» (“Zoznam tematických modulov”) (7 позиций), среди которых в первом-пятом модулях указаны и русские авторы. В модуле 1 «Эпическая поэзия» (“Epická poézia”) указаны Пушкин «Евгений Онегин» (“Eugen Onegin”) и Есенин «Анна Снегина» (“Anna Sneginová”). Во втором тематическом модуле «Краткая эпическая проза» (“Krátka epická próza”) значатся Л.Н. Толстой «Казаки» (“Kozáci”) и Чехов «Дом с мезонином» (“Dom s mezanínom”). В третьем тематическом модуле «Лирическая поэзия» (“Lyrická poézia”) указаны Пушкин, Лермонтов, Есенин и В. Хлебников «В этот день голубых медведей» (“Deň modrých medveďov”). В тематическом модуле 4 «Большая эпическая

проза» ("Veľká epická próza") среди обязательных произведений указан Пушкин «Капитанская дочка» (Kapitánova dcéra); а в рекомендованных на выбор — Толстой «Война и мир» ("Vojna a mier"), «Анна Каренина» ("Anna Kareninová"); Достоевский «Преступление и наказание» ("Zločin a trest"); Горький «Макар Чудра» ("Makar Čudra"); В. Набоков «Смех в темноте» ("Smiech v tme"); Солженицын «Один день Ивана Денисовича» ("Jeden deň Ivana Denisoviča"); В. Астафьев «Печальный детектив» ("Smutná detektívka"). В пятом модуле «Драма» ("Dramatická literatúra") рекомендован Пушкин «Борис Годунов» ("Boris Godunov").

В седьмом тематическом модуле «История искусства и литературы» ("Dejiny literatúry"), включающем 11 периодов — от «Греческой античной литературы» ("Grécka antická literatúra") до «Драм абсурда против тоталитарного режима» ("Absurdná dráma proti totalitnému režimu"), русские авторы также указаны в нескольких периодах. Это шестой подраздел «Классицизм» ("Klasicizmus") — Г.Р. Державин (G.R. Deržavin a jeho ódy); седьмой подраздел «Романтизм» ("Romantizmus") — Пушкин, Лермонтов, И.С. Тургенев; восьмой подраздел «Реализм» ("Realizmus") — Толстой, Достоевский «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» ("Zločin a trest", "Idiot", "Diablom posadnutí"); девятый подраздел «Модерн и авангард» ("Moderna a avantgarda") — Блок, Есенин, Хлебников, Чехов «Дом с мезонином» ("Dom s mezanínom"), И. Бунин «Митина любовь» ("Miťova Láska"); десятый подраздел «Послевоенное восстановление повествовательной и интенциональной прозы» ("Povojnové obnovenie naratívnej a intencionálnej prózy") — В. Некрасов «В окопах Сталинграда» ("V stalingradských zákopoch"), В. Тендряков «Свидание с Нефертити» ("Stretnutie s Nefertiti"), В. Липатов «Еще до войны» ("Ešte pred vojnou"), «Ангажированная литература в борьбе с тоталитарными режимами» ("Angažovaná literatúra v boji s totalitnými režimami") — Солженицын «В круге первом» ("V prvom kruhu"); «Появление развлекательной и игровой абсурдной литературы» ("Nástup literatúry zábavy, hravosti a nonsensu") — Набоков «Лолита» ("Lolita").

Учебные программы словацких государственных и частных гимназий разрабатываются с учетом указанных стандартов. К примеру, доступный в интернете документ «Учебные основы» ("Učebné osnovy") гимназии в г. Вельки Кртиш предусматривает, среди прочих обязательных словацких и зарубежных литературных произведений, изучение «Капитанской дочки» Пушкина — на странице 26 в разделе «Литература романтизма» ("Romantická Literatúra") наряду со словацкими произведениями С. Халупки, А. Сладковича, Я. Краля и Я. Ботто указано и это произведение Пушкина [40]. Учебный план частной гимназии в г. Жилина полностью повторяет рекомендации стандарта как в области структуры курса, так и в списках рекомендованной литературы [38].

Чехия

Чешские школьники в рамках обязательной школьной программы по литературе изучают не только национальную чешскую литературу, но и художественные произведения других стран (американскую, английскую, немецкую, французскую и др.) разных периодов и литературных направлений.

Министерство образования Чехии не дает рекомендованного списка литературы для изучения в школе [37].

На чешском книжном рынке предлагается огромное количество учебников, учебных пособий и хрестоматий по литературе для основных школ, средних школ и гимназий. Приведем для примера два из них, изданных в 2020 и в 2022 гг. В третьем издании 2022 г. чешского учебного пособия по литературе для среднеспециальных школ указаны

следующие русские авторы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Лев Толстой, Достоевский, Чехов, Маяковский, Хлебников, Блок, Есенин, Ахматова, Цветаева, М. Горький, Л.Н. Андреев, Булгаков, Бунин, Бабель, Пильняк, Пастернак, А. Грин, Паустовский, Солженицын, Шукшин, Набоков, Айтматов [27]. Во втором издании 2020 г. чешского 4-томного учебника по литературе для среднеспециальных школ указаны следующие русские авторы: для первого года обучения — Крылов; для второго года обучения — Лермонтов, Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев, Гончаров; для третьего года обучения — Есенин; для четвертого года обучения — Солженицын, В. Высоцкий, Набоков [24].

Основные и средние школы, а также гимназии и среднеспециальные образовательные учреждения сами создают учебные программы дисциплины «Чешский язык и литература», как например гимназия в городе Ледеч-над-Сазавоу, которая в сентябре 2025 г опубликовала на своем сайте «Школьный список названий чешской и мировой литературы к устному экзамену на аттестат зрелости», состоящий из 145 наименований (Školní seznam titulů z české a světové literatury k ústní maturitní zkoušce) [39]. Каждый выпускник гимназии при подготовке к этому экзамену должен выбрать минимум 20 произведений из этого списка, но с учетом следующих условий: минимум по 2 произведения из прозы, поэзии и драмы; максимум по 2 произведения одного и того же автора; из мировой и чешской литературы XVIII в. — минимум 2 произведения; из мировой и чешской литературы XIX в. — минимум 3 произведения; из мировой литературы XX в. — минимум 4 произведения, из чешской литературы XX в. —минимум 4 произведения, из мировой и чешской литературы XXI в. — минимум 2 произведения [39]. Если принять во внимание, что русские авторы указаны гимназией только в двух периодах — в списке мировой и чешской литературы XIX в. (всего 32 наименования, в том числе русских — 4: А.С. Пушкин «Евгений Онегин» (“Evžen Oněgin”, переводчик O. Mašková), «Пиковая дама» (“Piková dáma”, переводчик B. Mathesius); Н.В. Гоголь «Ревизор» (“Revizor”, переводчик Z. Mahler); Л.Н. Толстой «Анна Каренина» (“Anna Kareninová”, переводчик T. Hašková)) и в списке мировой литературы XX в. (всего наименований — 40 в том числе русских — 3: М.А. Булгаков «Собачье сердце» (“Psí srdce”, переводчик A. Morávková), А. И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича» (“Jeden den Ivana Děnisoviče”, переводчики A. Nováková, S. Machonin), В.В. Набоков «Лолита» (“Lolita”, переводчик P. Dominik)), то становится ясно, что количество выбранных русских произведений не будет большим (русские книги в общем списке рекомендованной чешской и мировой литературы составляют около 5%). Чешской литературе уделено здесь чуть больше места — 41% от общего списка. Половину списка составляют произведения мировой литературы (кроме русской) [39].

Стоит заметить, что в заключении ко всем чешским и словацким учебным программам есть важная рекомендация об использовании в учебном процессе научных трудов по литературоведению. К их числу, безусловно, относятся исследования чешских и российских филологов И. Поспишила, О. Рихтерека, Й. Шаура, Л.Н. Будаговой, С.А. Шерлаимовой, Н.К. Жаковой, А.В. Амелиной и многих др. [2, 4, 6, 14–15, 17–18].

Заключение

Основные тексты русской литературы, таким образом, занимают в текущем учебном году очень скромную часть польского, словацкого и чешского школьного образовательного дискурса.

Фундаментальные российские и западнославянские академические исследования рецепции русской литературы в западнославянских странах частично заполняют эту лакуну и являются перспективной основой для формирования рецепции русской литературы у будущих поколений.

Анализ актуальной ситуации в школьном образовании трех западнославянских стран демонстрирует наибольшую последовательность рецепции русской литературы в Чехии по сравнению с польскими и словацкими учебными программами по литературе, значительно сократившими список произведений русских писателей для изучения в школе, гимназии и средних специальных учебных заведениях. Но и в Чехии объемы изучения русской литературы остаются минимальными — не более 5% от списка рекомендованных текстов, куда входят важнейшие произведения чешской и мировой литературы.

Выражаем надежду, что вопросы рецепции русской литературы в западнославянских странах, затронутые в данной статье, получат в будущих исследованиях дальнейшую углубленную разработку с учетом исторического опыта и перспектив развития.

Список литературы

Исследования

1 *Адельгейм И.Е.* Имагологические исследования В.А. Хорева и проблема восприятия России в (межвоенной) Польше [в связи с варшавской конференцией «Русская литература и культура в межвоенной Польше»] // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 472–483.

2 *Амелина А.В.* Восприятие русской литературы в чешской периодике 1920 гг. (журнал «Розправы Авентина») // Studia Litterarum. 2022. №4. С. 212–231. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-russkoy-literatury-v-cheshskoy-periodike-1920-h-gg-zhurnal-rozpravy-aventina (дата обращения: 20.05.2026).

3 *Боровски М.* Заметки о рецепции Ф.М. Достоевского в Польше // Достоевский и современность: Мат. XXV Междунар. Старорусских Чтений 2010 г. / ред. В.В. Дудкин. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. объединенного музея-заповедника, Дома-музея Ф.М. Достоевского, 2011. С. 40–49.

4 *Будагова Л.Н.* Восприятие Гоголя в литературах западных и южных славян // Дом Н. В. Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека. URL: https://www.domgogolya.ru/science/researches/1163/# (дата обращения: 20.05.2026).

5 *Дулебова И.* Особенности восприятия русской литературы в современной словацкой студенческой аудитории // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. Саратов: Изд-во Поволжского ин-та управления им. П.А. Столыпина, 2015. С. 135–139.

6 *Жакова Н.К.* Чешская литература конца XVIII–XIX веков: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. 91 с.

7 *Злочевская А.В.* Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (2006–2015 гг.): аннотированная библиография // Stephanos. 2018. №1 (27). С. 264–273. URL: http://www.stephanos.ru/izd/2018/2018-27-20.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

8 *Злочевская А.В.* Чешская и словацкая литературоведческая русистика: конец XX – начало XXI в. // Stephanos. 2020. №4 (42). С. 9–18. URL: http://www.stephanos.ru/izd/2020/2020-42-01.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

9 *Куса М.* Словацкие переводы русской литературы последних лет // Stephanos. 2020. № 6 (44). С. 9–22.

10 *Лизонь М.* Факторы трансформации места русской художественной литературы в Словакии после 1989 г. в сфере образования и на книжном рынке // Philology. 2020. № 3 (27). С. 21–29.

11 *Листван Ф.* Рецепция творчества Михаила Шолохова в Польше // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 13–24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-tvorchestva-mihaila-sholohova-v-polshe (дата обращения: 20.05.2026).

12 *Пиотровска И.* Специфика польской рецепции Л.Н. Толстого в свете оппозиции «Россия — Европа» (на материале юбилейных откликов 1908 г.) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2019. № 1. С. 352–367. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-polskoy-retseptsii-l-n-tolstogo-v-svete-oppozitsii-rossiya-evropa-na-materiale-yubileynyh-otklikov-1908-g (дата обращения: 20.05.2026).

13 *Подсосонный С.* Современный польский Достоевский: рецепция писателя в ежедневнике “Gazeta Wyborcza” (1989–2019). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2024. 722 с.

14 *Поспишил И.* Феномен Центральной Европы и русский культурный элемент в чешской среде (Несколько заметок по поводу метаморфоз чешской рецепции) // Slavic-Eurasian Research Center. University in Sapporo, Japan. URL: https://share.google/ptXp1Q1yct0td8joD (дата обращения: 20.05.2026).

15 *Рихтерек О.* К вопросу о чешском восприятии русской литературы «серебряного века» // Slavica Litteraria. 2012. Т. 15, вып. 1. С. 25–33.

16 *Розинская О.В.* Библиография польских научных работ по русской литературе за последние двадцать лет: учебно-вспомогательное аннотированное библиографическое пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2020. 52 с.

17 *Шаур Й.* Актуальные процессы в чешской рецепции русской литературы (2012–2016) // Русистика: вчера, сегодня, завтра. Юбилейная междунар. научн. конф., посвящ. 50-летию Общества русистов Болгарии и 50-летию Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. София: Изд-во Общества русистов Болгарии, 2018. С. 593–600.

18 *Шерлаимова С.А.* О современных чешских концепциях художественного перевода // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Изд-во ИСл РАН, 2016. С. 75–86. (Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»)

19 *Шешкен А.Г., Винокурова Л.А.* О Достоевском и не только. Русская литература в Чехии // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 385–398. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-dostoevskom-i-ne-tolko-russkaya-literatura-v-chehii (дата обращения: 20.05.2026).

20 *Шубникова-Гусева Н.И.* Есенин в Польше (1918–1939): рецепция и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.

21 *Barańczak S.* Przekład jako “samoistny” i “związany” obiekt interpretacji (na marginesie niektórych polskich tłumaczeń Gottfrieda Benna) / ed. by J. Baluch // Z teorii i historii przekładu artystycznego: materiały z konferencji naukowej w Szczawnicy, 17–19 marca 1972. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1974. S. 47–74.

22 *Bednárová K.* Rukoväť dejín prekladu na Slovensku II. (Situácia slovenského umeleckého prekladu v 20. storočí). Bratislava: Univerzita Komenského, 2015. 66 s.
23 *Cingerová N., Dulebová I.* Трансформация восприятия ключевых имен и произведений русской классической литературы в образовательном дискурсе Словакии (до и после 1989 года) // Roczniki humanistyczne. 2023. T. 71, №7. C. 135–154.
24 *Jiříčková E., Štrpková K., Mazalová V.* Nová literatura 4. Učebnice pro 4. ročník SŠ. 2. vydání. Praha: Vydavatelství Taktik International, 2020. 120 s.
25 *Marton W.* Equivalence and Congruence in Transformational Contrastive Studies // Studia Anglica Posnaniensia [Poznań]. 1968. Вып. 1. C. 53–62.
26 *Pašteková S.* Proces, kánon, recepcia: historiografické, translatologické a interpretačné aspekty skúmania ruskej literatúry. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2013. 140 s.
27 *Polášková T., Milotová D., Dvořáková Z.* Literatura — přehled středoškolského učiva. 3. vydání. Třebič: Nakladatelství Ing. Petra Mrákotová, 2022. 232 s.
28 *Popovič A.* Teória umeleckého prekladu. Aspekty textu a literárnej metakomunikácie. Bratislava: Tatran, 1975. 295 s.
29 Slovník ruskej literatúry 11. – 20. Storočia / red. O. Kovačičová. Bratislava: Veda, 2007. 581 s.
30 *Tabakowska E.* Cognitive Linguistics and the Poetics of Translation. Tübingen: Gunter Narr, 1993. 146 s.
31 *Vajdová L.* Recepčná tradícia a preklad // Chiméra prekladania / ed. D. Sabolová. Bratislava: Veda, USvL SAV, 1999. S. 67–100.
32 *Valentová M.* Anton Popovič a jeho nitrianska translatologická škola // World Literature Studies. 2017. Vol. 9, no. 2. S. 49–61.
33 *Wojtasiewicz O.A.* Wstęp do teorii tłumaczenia // O sztuce tłumaczenia Wrocław: Ossolineum, 1957. S. 347–352.

Источники

34 *Gregorová I., Lapitka M., Somorová R., Vaškaninová K., Dvořák, K.* Štátny vzdelávací program. Slovenský jazyk a literatúra. Posúdila a schválila ÚPK pre slovenský jazyk a literatúru. Bratislava: NIVaM, 2009. URL: https://www.statpedu.sk/files/articles/dokumenty/statny-vzdelavaci-program/slovensky_jazyk_a_literatura_isced3.pdf (дата обращения: 20.05.2026).
35 Lektury szkolne 2026/2027 – lista dla szkoły podstawowej i średniej // Blog Tantis.pl.URL:https://tantis.pl/blog/lektury-szkolne-2025-2026-lista-dla-szkoly-podstawowej-i-sredniej/?srsltid=AfmBOoq4XWaRr12-PoyAFXi9P13vAY1ZGfRyL-r-VmqSgXyGuCCnCP7X (дата обращения: 20.05.2026).
36 Páv a slávik, Vlk a jahňa (bájky) ~ Čitateľský denník / Zones.sk. URL: https://www.zones.sk/studentske-prace/citatelsky-dennik/39507-pav-a-slavik-vlk-a-jahna-bajky/ (дата обращения: 20.05.2026)
37 Rámcový vzdělávací program pro gymnázia: RVP G. Praha: Výzkumný ústav pedagogický, 2007. 101 s. URL: https://share.google/INzAJ50ILQqwFYuLp (дата обращения: 20.05.2026).
38 Slovensky-jazyk-a-literatura // Súkromné gymnázium — Škola pre výnimočných, domov pre všetkých. URL: https://ssag.sk/slovensky-jazyk-a-literatura URL: https://ssag.sk/studovna/files/pc.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

39 Školní seznam titulů z české a světové literatury k ústní maturitní zkoušce // Gymnázium, Střední odborná škola a Vyšší odborná škola Ledeč nad Sázavou. URL:https://www.gvi.cz/cz/skolni-seznam-titulu-zceske-a-svetove-literatury-k-ustni-maturitni-zkousce-676/ (дата обращения: 20.05.2026).

40 Učebné osnovy // Gymnázium A.H. Škultétyho Veľký Krtíš. URL: http://www.gahsvk.edu.sk/info/SkVP-4G-2015-2016-osnovy.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

41 Wykaz lektur — Ośrodek Rozwoju Polskiej Edukacji za Granicą // Strona główna — Ośrodek Rozwoju Polskiej Edukacji za Granicą. URL: https://orpeg.gov.pl/ksztalcenie-na-odleglosc/liceum-ogolnoksztalcace/wykaz-lektur/ (дата обращения: 20.05.2026).

***

© 2026. Marina Yu. Kotova
St. Petersburg. Russia

© 2026. Olga V. Raina
St. Petersburg. Russia

ON THE RECEPTION OF RUSSIAN LITERATURE IN THE CULTURAL SPACE OF WEST SLAVIC COUNTRIES

Abstract: This paper examines the development of a Russian cultural code among Poles, Slovaks, and Czechs in the second half of the 20th and first quarter of the 21st centuries. It analyzes Polish, Slovak, and Czech school literature curricula, Russian and West Slavic comparative literary studies, and existing translations of Russian literary works into West Slavic languages. The material draws on extensive current Russian and West Slavic scholarly literature on reception, imagology, translation theory, and criticism, bibliographic data on translations into West Slavic languages from the Gorky Research Library of St. Petersburg State University, as well as West Slavic school textbooks and literature curricula used today in Poland, Slovakia, and the Czech Republic. The conclusions reached by the authors of this study clarify the role of Russian literature in the cultural background of high school and lyceum graduates in Poland, Slovakia, and the Czech Republic. Compared to Poland and Slovakia, the volume of Russian literature studied in the Czech Republic is currently somewhat greater, but remains minimal — no more than 5% of the total list of works of world literature recommended for students. However, the high level of scholarly research in comparative literary studies and the traditionally high quality of West Slavic translations of Russian literature from the 20th and 21st centuries remain an objective basis for potential enhancing of the role of Russian literature in the cultural background of Western Slavs in the future.

Keywords: reception, Russian literature, Polish culture, Slovak culture, Czech culture, school curricula

Information about the authors:
Marina Yu. Kotova — DSc in Philology, Professor, Department of Slavic Philology, St. Petersburg State University. Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0861-8652
E-mail: m.kotova@spbu.ru

Olga V. Raina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Slavic Philology, St. Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6281-8148
E-mail: o.raina@spbu.ru
Received: July 15, 2026
Approved after reviewing: August 20, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Kotova, M.Yu., Raina, O.V. "On the Reception of Russian Literature in the Cultural Space of West Slavic Countries." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 247–260. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-247-260

References

1 Adelgeim, I.E. "Imagologicheskie issledovaniia V.A. Khoreva i problema vospriiatiia Rossii v (mezhvoennoi) Polshe (v sviazi s varshavskoi konferentsiei 'Russkaia literatura i kultura v mezhvoennoi Polshe')" ["Imagological Studies of V.A. Khorev and the Issue of Perception of Russia in (Interwar) Poland (in Connection with the Warsaw Conference 'Russian Literature and Culture in Interwar Poland')"]. *Slavianskii almanakh*, no. 1–2, 2019, pp. 472–483. (In Russ.)

2 Amelina, A.V. "Vospriiatie russkoi literatury v cheshskoi periodike 1920-kh gg. (zhurnal 'Rozpravy Aventina')" ["Perception of Russian literature in the Czech Periodicals of the 1920s (Journal 'Rozpravy Aventina'")]. *Studia Litterarum*, no. 4, 2022, pp. 212–231. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-russkoy-literatury-v-cheshskoy-periodike-1920-h-gg-zhurnal-rozpravy-aventina (Accessed 20 May 2026). (In Russ.)

3 Borovski, M. "Zametki o retseptsii F.M. Dostoevskogo v Polshe" ["Notes on the Reception of F.M. Dostoevsky in Poland"]. *Dostoevskii i sovremennost:* Materialy XXV Mezhdunarodnykh Starorusskikh Chtenii 2010 g. [*Dostoevsky and Modernity:* Proceedings of the 25th International Old Russian Readings 2010], ed. V.V. Dudkin. Velikii Novgorod, Novgorod State United Museum-Reserve, Dostoevsky Memorial House Museum Publ., 2011, pp. 40–49. (In Russ.)

4 Budagova, L.N. *Vospriiatie Gogolia v literaturakh zapadnykh i iuzhnykh slavian* [*Perception of Gogol in the Literatures of the Western and Southern Slavs*]. Available at: https://www.domgogolya.ru/science/researches/1163/# (Accessed 20 May 2026) (In Russ.)

5 Dulebova, I. "Osobennosti vospriiatiia russkoi literatury v sovremennoi slovatskoi studencheskoi auditorii" ["Features of the Perception of Russian Literature in the Modern Slovak Student Audience"]. *Sotsiokulturnye problemy iazyka i kommunikatsii* [*Socio-cultural Issues of Language and Communication*]. Saratov, Povolzhsky Institute of Management Publ., 2015, pp. 135–139. (In Russ.)

6 Zhakova, N.K. *Cheshskaia literatura kontsa XVIII–XIX vekov:* uchebnoe posobie [*Czech Literature of the Late 18th – 19th Centuries:* A Textbook]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2003. 91 p. (In Russ.)

7 Zlochevskaia, A.V. "Izuchenie russkoi literatury v Chekhii i Slovakii (2006–2015 gg.): annotirovannaia bibliografiia" ["The Study of Russian Literature in the Czech Republic and Slovakia (2006-2015): Annotated Bibliography"]. *Stephanos*, no. 1 (27),

2018, pp. 264–273. Available at: http://www.stephanos.ru/izd/2018/2018-27-20.pdf (Accessed 20 May 2026). (In Russ.)

8 Zlochevskaia, A.V. "Cheshskaia i slovatskaia literaturovedcheskaia rusistika: konets XX – nachalo XXI v." ["Czech and Slovak Literary Russian Studies: Late 20th – Early 21st Centuries"]. *Stephanos*, no. 4 (42), 2020, pp. 9–18. Available at: http://www.stephanos.ru/izd/2020/2020-42-01.pdf (Accessed 20 May 2026). (In Russ.)

9 Kusa, M. "Slovatskie perevody russkoi literatury poslednikh let" ["Slovak Translations of Russian Literature of Recent Years"]. *Stephanos*, no. 6 (44), 2020, pp. 9–22. (Accessed date: 20.05.2026). (In Russ.)

10 Lizon, M. "Faktory transformatsii mesta russkoi khudozhestvennoi literatury v Slovakii posle 1989 g. v sfere obrazovaniia i na knizhnom rynke" ["Factors Transforming the Place of Russian Fiction in Slovakia after 1989 in Education and the Book Market"]. *Philology*, no. 3 (27), 2020, pp. 21–29. (In Russ.)

11 Listvan, F. "Retseptsiia tvorchestva Mikhaila Sholokhova v Polshe" ["Reception of Mikhail Sholokhov's Work in Poland"]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, 2009, pp. 13–24. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-tvorchestva-mihaila-sholohova-v- polshe (Accessed 20 May 2026). (In Russ.)

12 Piotrovska, I. "Spetsifika polskoi retseptsii L.N. Tolstogo v svete oppozitsii 'Rossiia — Evropa' (na materiale iubileinykh otklikov 1908 g.)" ["Specifics of the Polish Reception of L.N. Tolstoy in Light of the 'Russia — Europe' Opposition (Based on the Anniversary Responses of 1908)"]. *Slověne = Slovѣne. International Journal of Slavic Studies*, no. 1, 2019, pp. 352–367. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-polskoy-retseptsii-l-n-tolstogo-v-svete-oppozitsii-rossiya-evropa-na-materiale-yubileynyh-otklikov-1908-g (Accessed 20 May 2026). (In Russ.)

13 Podsosonnyi, S. *Sovremennyi polskii Dostoevskii: retseptsiia pisatelia v ezhednevnike "Gazeta Wyborcza" (1989–2019).* [*Modern Polish Dostoevsky: The Writer's Reception in the Daily Gazeta Wyborcza (1989–2019)*] Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2024. 722 p. (In Russ.)

14 Pospishil, I. "Fenomen Tsentralnoi Evropy i russkii kulturnyi element v cheshskoi srede (Neskolko zametok po povodu metamorfoz cheshskoi retseptsii)" ["The Phenomenon of Central Europe and the Russian Cultural Element in the Czech Environment (Several Notes on the Metamorphoses of Czech Reception)"]. *Slavic-Eurasian Research Center*. University in Sapporo, Japan. Available at: https://share.google/ptXp1Q1yct0td8joD (Accessed 20 May 2026). (In Russ.)

15 Rikhterek, O. "K voprosu o cheshskom vospriiatii russkoi literatury 'serebrianogo veka'" ["On the Issue of the Czech Perception of Russian Literature of the 'Silver Age'"]. *Slavica Litteraria*, no. 15, 2012, pp. 25–33. (In Russ.)

16 Rozinskaia, O.V. *Bibliografiia polskikh nauchnykh rabot po russkoi literature za poslednie dvadtsat let:* uchebno-vspomogatelnoe annotirovannoe bibliograficheskoe posobie [*Bibliography of Polish Scientific Works on Russian Literature over the Past Twenty Years:* A Textbook-Supporting Annotated Bibliographic Manual]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2020. 52 p. (In Russ.)

17 Shaur, I. "Aktualnye protsessy v cheshskoi retseptsii russkoi literatury (2012–2016)" ["Current Processes in the Czech Reception of Russian Literature (2012–2016)"]. *Rusistika: vchera, segodnia, zavtra.* Iubileinaia mezhdunarodnaia nauchnaia

konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu Obshchestva rusistov Bolgarii i 50-letiiu Mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo iazyka i literatury [*Russian Studies: Yesterday, Today, Tomorrow*. Anniversary International Scientific Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Bulgarian Russian Studies Society and the 50th Anniversary of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature]. Sofiia, Obshchestvo rusistov Bolgarii Publ., 2018, pp. 593–600. (In Russ.)

18 Sherlaimova, S.A. "O sovremennykh cheshskikh kontseptsiiakh khudozhestvennogo perevoda" ["On Modern Czech Concepts of Literary Translation"]. *Khudozhestvennyi perevod i ego rol v literaturnom protsesse Tsentralnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy* [*Literary translation and its role in the literary process of Central and Southeastern Europe*]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 75–86. (Series "Sovremennye literatury stran Tsentralnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy" [Modern Literatures of the Countries of Central and South-Eastern Europe]) (In Russ.)

19 Sheshken, A.G., Vinokurova, L.A. "O Dostoevskom i ne tolko. Russkaia literatura v Chekhii" ["On Dostoevsky and More. Russian Literature in the Czech Republic"]. *Slavianskii almanakh*, no. 1–2, 2025, pp. 385–398. (In Russ.)

20 Shubnikova-Guseva, N.I. *Esenin v Polshe (1918–1939): retseptsiia i interpretatsiia* [*Yesenin in Poland (1918–1939): Reception and Interpretation*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)

21 Barańczak, Stanisław. "Przekład jako "samoistny" i "związany" obiekt interpretacji (na marginesie niektórych polskich tłumaczeń Gottfrieda Benna)." *Z teorii i historii przekładu artystycznego*. Krakow, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 1974, pp. 47–74. (In Polish)

22 Bednárová, Kristina. *Rukoväť dejín prekladu na Slovensku II. (Situácia slovenského umeleckého prekladu v 20. storočí).* Bratislava, Univerzita Komenského Publ., 2015. 66 p. (In Slovak)

23 Cingerová, Nina, Dulebová, Irina. "Transformatsiia vospriiatiia kliuchevykh imen i proizvedenii russkoi klassicheskoi literatury v obrazovatelnom diskurse Slovakii (do i posle 1989 goda)" ["Transformation of Perception of Key Names and Works of Russian Classical Literature in the Educational Discourse of Slovakia (Before and after 1989)"]. *Roczniki humanistyczne*, vol. 71, no. 7, 2023, pp. 135–154. (In Russ.)

24 Jiříčková, Eva, Štrpková, Kateřina, Mazalová, Veronika. *Nová literature 4. Učebnice pro 4. ročník SŠ.* 2. vydání. Praha, Vydavatelství Taktik International Publ., 2020. 120 p. (In Czech)

25 Marton, Waldemar. "Equivalence and Congruence in Transformational Contrastive Studies." *Studia Anglica Posnaniensia* [Poznań], no. 1, 1968, pp. 53–62. (In English)

26 Pašteková, Soňa. *Proces, kánon, recepcia: historiografické, translatologické a interpretačné aspekty skúmania ruskej literatúry*. Bratislava, VEDA, vydavateľstvo SAV Publ., 2013. 140 p. (In Slovak)

27 Polášková, Taťána, Milotová, Dagmar, Dvořáková, Zuzana. *Literatura — přehled středoškolského učiva.* 3. vydání. Třebič, Nakladatelství Ing. Petra Mrákotová Publ., 2022. 232 p. (In Czech)

28 Popovič, Anton. *Teória umeleckého prekladu. Aspekty textu a literárnej metakomunikácie.* Bratislava, Tatran Publ., 1975. 295 p. (In Slovak)

29 *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. Storočia*, ed. O. Kovačičová. Bratislava, Veda Publ., 2007. 581 p. (In Slovak)

30 Tabakowska, Elżbieta. *Cognitive Linguistics and the Poetics of Translation*. Tübingen, Gunter Narr Publ., 1993. 146 p. (In English)
31 Vajdová, Libuša. "Recepčná tradícia a preklad." *Chiméra prekladania*, ed. D. Sabolová. Bratislava, Veda, USvL SAV Publ., 1999, pp. 67–100. (In Slovak)
32 Valentová, Mária. "Anton Popovič a jeho nitrianska translatologická škola." *World Literature Studies*, vol. 9., no. 2, 2017, pp. 49–61. (In Slovak)
33 Wojtasiewicz, Olgierd Adrian. "Wstęp do teorii tłumaczenia." *O sztuce tłumaczenia*. Wrocław, Ossolineum Publ., 1957, pp. 347–352. (In Polish)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-261-271
УДК 821.163.6.0 (81'25)
ББК 83.3(4Сло)7
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. Н.Н. Старикова
г. Москва, Россия

СЛОВЕНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ: О КОНЦЕПЦИИ ОДНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Аннотация: В статье представлен актуальный научный проект переводоведческих исследований словенских ученых, реализованный на базе Люблянского университета и Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств, — "Zgodovina slovenskega literarnega prevoda" (2023). Опираясь на наиболее значимые современные теоретические концепции транслатологии, национальные труды по литературному переводу и результаты переводческой практики, ее создатели проанализировали роль перевода в развитии словенской литературы и сделали попытку представить обобщающую картину связей между словенской культурой и культурами других народов через диахроническую парадигму двусторонних переводов: на словенский язык и со словенского языка**.** Двухчастная структура монографии подчинена двум главным векторам верификации: историческому и культурологическому. В первом томе в диахроническом ключе представлены история становления литературного перевода и эволюция переводческих традиций как значимые компоненты национального литературного процесса, второй том содержит социологически и культурологически ориентированный анализ феномена перевода как мощного просветительского фактора и двустороннего культурного трансфера в его синхроническом измерении. Хронология развития национального перевода раскрывается в рамках шести исторических этапов: от древних письменных памятников до Реформации, от Барокко к Просвещению, в XIX в., в межвоенный период, в титовскую эпоху и в течение трех десятилетий существования независимой Республики Словении. Во втором томе внимание сфокусировано на проблемах культурного диалога и обмене литературными переводами с носителями основных западных, славянских, а также ряда других крупных языков мира, двусторонних переводов зарубежных и национальных классиков и отдельных литературных жанров, в заключительном разделе представлены портреты выдающихся словенских переводчиков мировой литературы, аккумулирующих национальный переводческий потенциал.

Ключевые слова: словенский литературный перевод, переводопоток, диалог культур, переводообмен, словенские литературные переводчики, культурный трансфер

Информация об авторе: Надежда Николаевна Старикова — доктор филологических наук, заведующая отделом, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.
Иностранный член Словенской академии наук и искусств
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru
Дата поступления статьи: 28.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 24.09.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Старикова Н.Н.* Словенский художественный перевод в диахронии и синхронии: о концепции одного национального проекта // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 261–271.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-261-271

Переводить мировые художественные шедевры — это путь к освобождению словенского духа от ограниченности и скованности.
О. Жупанчич [30, с. 228]

Художественный перевод является одной из важнейших составляющих межкультурной коммуникации, способствует взаимообогащению культурных парадигм разных народов, соприкосновению их языковых сознаний. Переводная литература активно участвует в формировании и закреплении литературных норм и моделей, поэтому переводоведческие исследования позволяют прослеживать не только межкультурные отношения, но и динамику изменений внутри исходной и принимающей литературы.

Современное словенское теоретическое переводоведение имеет устойчивую традицию [4, 16, 22, 28]. Недавнее ее достижение — двухтомная «История словенского литературного перевода» (“Zgodovina slovenskega literarnega prevoda”, 2023), фундаментальный проект, в котором объектом научного описания является национальная история перевода и переводческих взаимосвязей словенской культуры с другими мировыми культурами, проводится анализ и оценка отдельных переводческих достижений. Исследование ориентировано также на изучение практики перевода: что переводилось, кем переводилось, в каких условиях, в каком социальном и политическом контексте осуществлялась переводческая деятельность. Работа велась на базе Люблянского университета и Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (НИЦ САНИ), участие в ней принимало также Общество словенских литературных переводчиков. Проект был поддержан Государственным агентством науки Республики Словения. В состав авторского коллектива вошли шестьдесят четыре исследователя, представляющие практически весь «срез» современного филологического знания Словении: лингвисты, литературоведы, компаративисты, культурологи, переводоведы, теологи, библиотековеды, главным редактором выступила профессор Люблянского университета, доктор филологии Найк К. Покорн.

Коллектив ставил перед собой задачу, опираясь на ряд современных теоретических переводоведческих концепций, национальные труды по литературному переводу и результаты переводческой практики пролить свет на роль перевода и переводчиков в развитии словенской литературы, языка и культуры и представить объективную картину связей между словенской культурой и культурами других народов через диахроническую парадигму переводов как на словенский язык, так и со словенского языка.

Двухчастная структура монографии обусловлена двумя главными направлениями исследования: историческим и культурологическим. В первом томе в диахроническом ключе представлены история становления литературного перевода и эволюция переводческих традиций как значимые компоненты национального литературного процесса, второй том содержит социологически и культурологически ориентированный анализ феномена перевода как мощного просветительского фактора и двустороннего культурного трансфера в его синхроническом измерении.

Первый том — «История словенского литературного перевода. Обзор исторического развития» — открывается развернутым абзацем об участии создателей издания в научных проектах и программах, после него располагается список авторского коллектива, далее следуют вводный блок, состоящий из трех разделов: вводной главы об истории национального перевода, обзора зарубежных переводоведческих исследований и описания структуры монографии, и основная часть, состоящая из тридцати четырех глав, которые в хронологическом порядке освещают основные этапы развития словенского литературного перевода и сопутствующие им социокультурные и литературные явления. Последняя, тридцать пятая глава посвящена обзору национальных исследований по теории перевода.

Масштабность научного замысла диктовала необходимость четкого определения научных критериев и подходов, которые сформулированы в первых двух указанных главах первого тома: «Об истории словенского литературного перевода» Найк К. Покорн и «Обзор зарубежных трудов по истории литературного перевода» Р. Грошеля. В первой штудии раскрыта концептуальная основа исследования, обозначены методологическая и этическая установки, которых придерживались авторы при реализации проекта. Особо подчеркнута просветительская миссия словенских литературных переводчиков для развития и стандартизации словенского языка и литературы, включая переводческую деятельность представителей словенских диаспор Австрии и Италии, а также словенских эмигрантских сообществ Аргентины и США. Найк К. Покорн конкретизирует терминологическое содержание применяемых понятий «литература» и «литературный перевод», аргументирует выбор текстов. Дефиниция «литература» трактуется ею по Т. Иглтону, как функциональная, а не онтологическая, т. е. обозначающая не собственно художественные произведения, закрепленные в письменной форме и обладающие имманентными свойствами, а все тексты, которые определенное сообщество, воспринимает как литературные [9, p. 9]. Поэтому в монографию включен анализ переводов знаковых богословских сочинений, а также ряд теоретических и философских античных трактатов, в которых современные лингвисты видят опорные точки формирования словенского литературного языка. Аналогичным образом — функционально — определен термин «литературный перевод»: это все тексты, которые «целевая культура-реципиент принимает в качестве литературных переводов» [31, s. 23]. Основная работа велась с печатным корпусом, лишь в исключительных случаях рассматривались переводы манускриптов (например, религиозных текстов эпохи барокко, оставшихся в рукописях из-за цензурных запретов своего времени). Неизбежное многообразие, даже эклектичность авторских подходов (историко-литературный, социокультурный, текстологический, лингвистический, статистический, биографический), связанных с числом участников проекта и различиями их специализаций, поставили перед главным редактором вопрос о поисках общего системного знаменателя. Найк К. Покорн останавливается на «методе множественной причинности» Э. Пима (монография «Метод в истории перевода», 1998). Согласно предложенной им при изучении переводческой

практики методологической системе следует вычленять один фактор и использовать его для объяснения, поскольку на перевод влияет множество обстоятельств, а любая причинно-следственная связь по своей природе множественна, неизбежно диффузна и многогранна, при этом сам перевод является средством культурного воздействия [17, p. 144]. Словенская исследовательница полагает, что такой подход «продуцирует сочетание текстового анализа с анализом рынка, биографическими данными, интервью, а также архивными и историческими исследованиями» [31, s. 26], то есть удовлетворяет необходимость в комплексности и междисциплинарности проводимого анализа. Из вводной главы также следует, что при освещении проблематики переводообмена авторами учитывались разработки И. Эвен-Зохара о положении переводной литературы в литературной полисистеме и его теоретическая концепция «центра и периферии» [10, p. 45–51]. При представлении персоналий литературных переводчиков использовалось понятие «габитус», одно из основных в теории П. Бурдьё [6, p. 16–17], трактуемое как многоаспектный результат индивидуализированной социокультурной истории. Персона переводчика представлена в монографии как фигура социального актора, способного активно развивать адаптивный габитус, тонко реагирующий на практические требования переводческой практики, способствующий ее эволюции и трансформации. Для аргументации выбора исследуемых языков перевода используется социокультурная матрица Й. Хейльброна. В своем исследовании “Перевод как культурная мировая система” (1999) этот нидерландский социолог делит языковые группы на четыре категории. На вершине пирамиды находится гиперцентральный язык — английский, переводы с которого составляют не менее 40% всех книжных переводов в мире, на втором месте — центральные языки, каждый из которых занимает примерно 10–12% мирового книжного рынка переводов, сегодня в эту группу входят французский и немецкий, до распада Советского Союза в нее входил и русский язык. Третья группа охватывает полупериферийные языки с долей 1–3% мирового рынка переводов и включает испанский, итальянский, датский, шведский, польский, чешский и русский. Последнюю, наиболее массовую группу составляют периферийные языки, не занимающие 1% мирового рынка; среди них такие, как китайский, арабский, португальский, которые, несмотря на большое количество носителей, занимают маргинальное место в мировой системе перевода, так как с этих языков переводится относительно мало [11, p. 306–307]. Словенский язык также принадлежит к последней, периферийной группе. Также языковая селекция (о конкретном наборе языков речь пойдет ниже) обусловлена интенсивностью двусторонних контактов, географической близостью, местом литературы на конкретном языке в мировой литературной парадигме, продолжительностью двусторонней переводческой традиции. В основе критериев отбора иностранных авторов, переводы произведений которых анализируются в монографии, лежат их роль в мировом литературном процессе и рейтинги в национальных литературах.

В аналитическом обзоре зарубежных трудов по теории переводоведения и истории перевода акцент сделан на тех работах, которые могут быть рассмотрены как отправные точки для изучения диахронической парадигмы словенского литературного перевода. К базовым научным транслатологическим трудам Грошель относит коллективную монографию «Переводчики сквозь историю» (1995), «Невидимость переводчика» (1995) Л. Венути, международную энциклопедию перевода «Übersetzung. Translation. Traduction» (2004–2011), «Энциклопедию переводоведения издательства “Routledge”» (2020) [19, 23, 27–26]. Автором главы были также проанализированы девятнадцать изданий по генеалогии переводов, включая и обобщающие труды [1,

12, 21], и лингво-культурологически ориентированные работы, в которых переводческая практика исследуется как на материале «больших» европейских языков: английского, немецкого, французского, итальянского, испанского [2, 8, 13, 20, 24–25], так и «малых»: словацкого, хорватского, ирландского, чешского, финского, сербского [3, 5, 7, 14–15, 18]. Лингво-культурологическая ситуация периферии, характерная для функционирования этих языков, наиболее близка словенской. В своем подходе к хронологии и системе периодизации авторы «Истории словенского литературного перевода», подчеркивает Грошель, опираются на теорию литературного перевода финского языка, предложенную Х. Рииконеном в книге «История финской литературы» (2007). Финский ученый структурировал периодизацию истории переводов в соответствии с политическими периодами национальной истории: эра шведского правления (1250–1809 гг.), эра автономии в составе Российской империи (1809–1917 гг.), эра независимости (с 1917 г.). Хронология становления переводческой деятельности в Словении в русле модели Рииконена представлена шестью историко-политическими эпохами: от древних письменных памятников до Реформации; период Барокко и Просвещения, XIX в.; межвоенный период; эра СФРЮ и почти три с половиной десятилетия существования независимой Республики Словении.

В первом хронологическом отрезке внимание авторов сконцентрировано на переводах рукописных и печатных богослужебных текстов и словарях, их роли в формировании книжно-письменной традиции; переводах Священного писания и Библии и их значения для становления художественной литературы. Далее исследуется переводческая практика в период секуляризации, в фокус внимания авторов попадают первые литераторы-переводчики эпохи Просвещения Ф. Дев и У. Ярник, а также первые переведенные на словенский язык драматургические произведения. Обзор развития переводческой практики в XIX в. включает главы о журнальной стратегии в сфере переводов (на примере литературно-критического издания «Люблянский звон»), об истории формирования первых книжных переводческих серий и о переводах исторического романа. Анализ переводческой деятельности в межвоенный период проблемно-тематически расширяется за счет введения новых дискурсов: эмигрантского и историографического. Так, одна из глав этого раздела содержит обзор переводов представителей словенской диаспоры в США, в другой рассматриваются опубликованные в историях словенской литературы обзорные статьи о переводах. Самый большой объем и самый выраженный разброс углов зрения наблюдается в главах, раскрывающих переводческую проблематику периода социализма. Условно здесь можно выделить три основных направления исследования: влияние идеологии на переводческую деятельность (трансформация переводческих векторов, административный ресурс в книгоиздании, цензура, деятельность Общества литературных переводчиков); исследование и популяризация перевода после Второй мировой войны; переводчики и издательства словенского зарубежья (Италия, Австрия) и эмиграции (Канада, Австралия). Чрезвычайно интересна глава «Влияние переводов на развитие новых художественных эталонов в поэзии» (И. Новак-Попов), в которой рассмотрены принципы межлитературной коммуникации в сфере поэзии и влияние переводов на обновление национальных поэтических форм. Для словенской поэтической переводческой традиции характерно, что многие выдающиеся поэты прошлого и современности — О. Жупанчич, А. Градник, Б. Водушек, М. Клопчич, М. Бор, И. Минатти, Я. Менарт, Ц. Злобец, Т. Павчек, В. Тауфер, Н. Графенауэр, А. Бергер, Борис А Новак и др. — известны и как одаренные переводчики мировой поэзии. Все они видят в стихотворном переводе возможность по-новому раскрыть

потенциал родного языка, обогатить его фонетически и ритмически, считают эту языковую деятельность равнозначной созданию собственных стихотворений. В то же время перенос и адаптация иноязычных художественных моделей и структур на словенскую почву становится стимулом для развития их собственного творчества, т. е. для современного словенского стихосложения переводная поэзия имеет формирующее значение [31, s. 428]. Это наблюдение Новак-Попов подтверждает высказывание Ц. Злобеца: «Переводы иностранных авторов с самого начала были тесно связаны с траекторией моей поэзии и (возможно?) работа над ними помогает мне так долго[1] сохранять творческое вдохновение» [29, s. 321].

Современное состояние переводоведения независимой Словении отражено в двух заключительных главах тома, где речь идет о переориентации переводческих векторов, смене идеологических отношений рыночными и национальной программе стимулирования переводческой деятельности.

Второй том монографии называется «История словенского литературного перевода. Словенская литература в диалоге с зарубежьем». Его открывают две небольшие, отчасти дублирующие друг друга главы, в первой представлена структура тома, вторая теоретически освещает проблематику двусторонних переводческих контактов как культурного трансфера. Далее располагаются три раздела: первый включает девятнадцать глав, раскрывающих парадигму обмена литературными переводами с носителями почти двух десятков языков. Восемнадцать глав второго раздела посвящены истории переводов отдельных литературных жанров и классиков зарубежных литератур, в том числе словенской, в третьем сгруппированы портреты сорока пяти выдающихся словенских переводчиков мировой литературы. Главы первого раздела, расположенные в алфавитном порядке языков, содержат обзорные и статистические сведения о переводах на словенский язык художественных текстов, написанных на ведущих романо-германских (английский, немецкий, французский, итальянский, испанский), славянских (болгарский, македонский, польский, русский, словацкий, чешский, центрально-южнославянские языки[2]) языках, а также арабском, древнегреческом и латыни, китайском, японском, венгерском и языках Индии, и, наоборот, о переводах со словенского на эти языки. Заключает раздел глава о языковых лакунах национального переводопотока, к которым относятся, в частности, турецкий, албанский, латышский языки.

Второй раздел содержит подраздел (три главы) о жанровых предпочтениях в области перевода на словенский язык. Речь идет о самых различных художественных номинациях: обслуживающих музыкальное искусство (либретто, романсы, песни), сказках, а также романах в жанре фэнтези (Дж. Толкин, Дж. Роулинг, К Льюис). Остальные пятнадцать глав обращены к персоналиям и дают представление о том, когда и какими темпами словенцы знакомились с классиками мировой литературы, а также кто из словенских авторов получил мировую известность благодаря переводам. Таковых два: это Ф. Прешерн и И. Цанкар, истории переводов на иностранные языки творческого наследия каждого посвящено по главе. Компанию национальным романтику и реалисту составили Гомер, Данте, Петрарка и Дж. Боккаччо, объединенные в одну главу, У. Шекспир, Т. Тассо, А. Манцони, И.В. Гёте, А. Пушкин, Ф. Достоевский, Г. Сенкевич,

[1] Злобец Ц. (1925–2018).

[2] «…термин введен для боснийского, сербского, хорватского и черногорского языков как преемников сербохорватского, поскольку речь идет не только о периоде существования СФРЮ, но и о времени провозглашения независимых государств Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория с их официальными, зафиксированными в конституции языками» [31, s. 827].

Г. Ибсен, Пиранделло, Дж. Джойс и П. Целан. Авторы глав о переводах классиков мировой литературы в целом придерживались единой схемы изложения: после развернутой характеристики творчества и определения статуса автора в мировой и национальной культуре следует обзор переводов, информация о конкретных переводчиках, наблюдения о рецепции. Иллюстративные примеры переводов отсутствуют (исключение составили Гомер и Целан).

В третьем разделе второго тома после статьи о статусе литературного переводчика и краткого введения к разделу располагаются сорок пять портретов выдающихся словенских переводчиков. Выбор персоналий был основан на внешних («объективных») критериях: деятельность на протяжении XX–XXI вв., переводы только на словенский язык, присуждение национальных премий в области перевода (премии имени А. Совре, не менее 2-х раз, более чем за 1 произведение/антологию или по совокупности заслуг; премии имени Ф. Прешерна или премии фонда Ф. Прешерна в номинации «перевод»). На момент выхода книги в представленной портретной галерее фигурировало семнадцать здравствующих переводчиков: самая старшая В. Пацхайнер-Кландер родилась в 1932 г., самая младшая Н. Грошель — в 1975 г. Статьи-портреты расположены в хронологическом порядке, открывает галерею крупнейший национальный поэт первой половины XX в. О. Жупанчич. Поэты составляют приблизительно треть от общего числа включенных в книгу мастеров перевода (А. Градник, Б. Водушек, М. Клопчич, М. Бор, И. Минатти, Т. Павчек, Я. Менарт, В. Тауфер, Борис А. Новак и др.), хотя, конечно, есть знаковые поэтические имена, которые из-за следования формальным критериям в выборку не попали, например, М. Есих. Что касается собственно переводчиков, то этот ряд весьма репрезентативен и дает адекватное представление о развитии национального перевода: А. Совре, Й. Видмар, Я. Модер, Я. Градишник, В. Клабус, Д. Байт внесли важный вклад в расширение литературного кругозора словенских читателей. Антон Совре (1885–1963) — один из основоположников национальной переводческой традиции, переводчик «Илиады» и «Одиссеи», познакомивший соотечественников с такими античными авторами, как Софокл, Еврипид, Платон, Геродот, Гораций и др. Самая престижная национальная премия в области перевода носит его имя. Янез Градишник (1917–2009) профессионально переводил с английского (Дж. Лондон, Э. Хемингуэй, Марк Твен, Дж. Джойс, Р. Киплинг), немецкого (Т. Манн, Г. Гессе, Г. Бёлль, Ф. Кафка), французского (А. Камю) и русского языков: роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» увидел свет в его переводе в 1971 г., это был первый перевод произведения в СФРЮ. Драго Байт (р. 1948) — ведущий здравствующий переводчик русской литературы, в его послужном списке проза Ф. Достоевского, И. Бунина, М. Булгакова, Б. Пильняка, А. и Б. Стругацких, А. Битова, В. Ерофеева, поэзия О. Мандельштама, И. Бродского, научные тексты М. Бахтина и В. Шкловского.

Статьи, снабженные фотопортретами, написаны по единому образцу: биография, переводческая деятельность, краткий обзор творчества (при наличии), издательская/редакторская деятельность (при наличии), размышления о теории и практике перевода (при наличии), библиография. Завершают монографию пояснительный и именной указатели.

«История словенского литературного перевода» — обобщающий, энциклопедически информативный и весьма полезный для исследователей-гуманитариев проект профессионального научного коллектива, благодаря которому был собран, проанализирован, структурирован, диахронически и синхронически рассмотрен колоссальный фактический материал об истории, феноменологии и практике национального перевода

и переводоведения. Он вносит значительный вклад в адекватную оценку места и роли перевода в национальной культуре, дает комплексное представление о развитии культурных и литературных связей словенцев с другими народами мира.

Список литературы

Исследования

1 *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта; Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2006. 406 с.

2 *Alcini L.* Storia e teoria della traduzione letteraria in Italia. Perugia: Guerra, 1998. 120 p.

3 *Bednarova K.* Rukovať dejin prekladu na Slovensku. Bratislava: Univerzita Komenskeho, 2015. 67 s.

4 Bela knjiga o prevajanju / ur. Barbara Pregelj. Ljubljana: Društvo slovenskih književnih prevajalcev, 2018. 180 s.

5 *Biletić B.* Hrvatska književnost u susjedstvu. Pula: Istarski ogranak Društva hrvatskih književnika, 2017. 308 s.

6 *Bourdie P.* In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Stanford: Stanford University Press, 1990. 223 p.

7 *Cronin M.* Translating Ireland: Translation, Languages, Cultures. Cork: Cork University Press, 1996. 229 p.

8 Die Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung. Berlin: Erich Schmidt, 2000. Vol. 16**.** 412 s.

9 *Eagleton T.* Literary Theory. Oxford: Basil Blackwell, 2003. 243 p.

10 *Even-Zohar I.* The Position of Translated Literature Within the Literary Polysystem // Poetics Today. 1990. №1 (11). P. 45–51.

11 *Heilbron J.* Towards a sociology of translation: book translations as a cultural world system // Critical readings in Translation Studies / ed. M. Baker. London; N. Y.: Routledge, 2009. P. 304–316.

12 Histoire de la traduction litteraire en Europe mediane: des origines a 1989. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. 434 p.

13 Histoire des traductions en langue francaise. 1–4. Lagrasse: Presses universitaires de Rennes, 2019. Vol. 4**.** 1920 p.

14 *Hrala M.* Kapitoly z dějin českeho překladu. Praha: Karolinum, 2002. 271 s.

15 *Janićijević J.* Književni prevod i prevodna književnost. Beograd: Idea, 1999. 119 s.

16 *Novak Boris A.* Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2011. 616 s.

17 *Pym A.* Method in Translation History. Manchester: St. Jerome Publishing, 1998. 234 p.

18 *Riikonen H.* Suomennoskirjallisuuden historia. 1–2. Helsinki: SKS, 2007. Vol. . 697 s.

19 Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, N. Y.: Routledge, 2020. 897 p.

20 *Ruiz Casanova J. F.* Aproximacion a una historia de la traduccion en Espana. Madrid: Catedra, 2000. 535 p.

21 *Sibinović M.* 1979. Original i prevod. Uvod u istoriju i teoriju prevođenja. Beograd: Privredna štampa, 1979. 191 s.

22 *Stanovnik M*. Slovenski literarni prevod 1550–2000. Ljubljana: Založba ZRC, 2005. 315 s.
23 Translators through History. Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 1995. 345 p.
24 The Oxford guide to literature in English translation. Oxford: Oxford University Press, 2000. 656 p.
25 The Oxford History of Literary Translation in English. 1–4. Oxford: Oxford University Press, 2006. Vol. 4**.** 612 p. Oxford: Oxford University Press, 2010. Vol. 5. 550 p.
26 Übersetzung. Translation. Traduction. 1–3. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2004. Vol. 1. 1135 s. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2006. Vol. 2. 772 s. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2011. Vol. 3. 117 s.
27 *Venuti L*. The Translator's Invisibility. London; N. Y.: Routledge, 1995. 366 p.
28 *Vevar Š*. Vrvohodska umetnost prevajanja. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2013. 386 s.
29 *Zlobec C*. To in ono, a ves čas eno samo. Izpoved prevajalca – brez zardevanja in slabe vesti // Prevajalci o prevodu 2: od J. Modra do J. Milič / ur. Majda Stanovnik. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016. S. 320–332.
30 *Župančič O*. Pomen prevodov za našo duševnost // Prevajalci o prevodu 1: od Trubarja do Župančiča / uredila Majda Stanovnik. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2013. S. 227–228.

Источники

31 Zgodovina slovenskega literarnega prevoda. I. del: Pregled zgodovinskega razvoja, II. del: Slovenska literatura v dialogu s tujino. Ljubljana: Založba Univerze: Cankarjeva založba, 2023. 1366 s.

***

© 2026. Nadezhda N. Starikova
Moscow, Russia

SLOVENIAN LITERARY TRANSLATION OF DIACHRONY AND SYNCHRONY: ON THE CONCEPT OF ONE NATIONAL PROJECT

Abstract: The paper presents a current research project by Slovenian scholars in translation studies, "Zgodovina slovenskega literarnega prevoda" (2023), implemented at the University of Ljubljana and the Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts. Drawing on the most significant contemporary theoretical concepts of translatology, national works on literary translation, and the results of translation practice, its authors analyzed the role of translation in the development of Slovenian literature and attempted to present a general picture of the connections between Slovenian culture and the cultures of other nations through the diachronic paradigm of two-way translations: into and from Slovenian. The two-part structure of the monograph is subordinated to two main vectors of verification: historical and cultural. The first volume presents a diachronic account of the development of literary translation and the evolution of trans-

lation traditions as significant components of the national literary process. The second volume offers a sociologically and culturally oriented analysis of the phenomenon of translation as a powerful factor of enlightenment and a two-way cultural transfer in its synchronic dimension. The chronology of the development of national translation is revealed within six historical stages: from ancient written monuments to the Reformation, from the Baroque to the Enlightenment, in the 19th century, during the interwar period, during the Tito era, and during the three decades of the independent Republic of Slovenia. The second volume focuses on issues of cultural dialogue and the exchange of literary translations with speakers of the main Western, Slavic, and several other major world languages, bilateral translations of foreign and national classics and individual literary genres, and also presents portraits of outstanding Slovenian translators of the world literature, accumulating the national translation potential.

Keywords: Slovenian literary translation, translation flow, dialogue of cultures, translation exchange, Slovenian literary translators, cultural transfer

Information about the author: Nadezhda N. Starikova — DSc in Philology, Corresponding Member of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, Head of the Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave, 32A, 119334 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

Received: July 28, 2026
Approved after reviewing: August 24, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Starikova, N.N. “Slovenian Literary Translation of Diachrony and Synchrony: On the Concept of One National Project.” *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 81, 2026, pp. 261–271. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-261-271

References

1 Neliubin, L.L., Huhuni, G.T. *Nauka o perevode (istoriia i teoriia s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [Alcini, Laura. *Storia e teoria della traduzione letteraria in Italia*. Perugia, Guerra Publ., 1998. 120 p. (In Italian)
2 Bednarova, Katarina. *Rukovať dejin prekladu na Slovensku*. Bratislava, Univerzita Komenskeho Publ., 2015. 67 s. (In Slovak)
3 *Bela knjiga o prevajanju / uredila Barbara Pregelj*. Ljubljana, Društvo slovenskih književnih prevajalcev Publ., 2018. 180 s. (In Slovenian)
4 Biletić, Boris. *Hrvatska književnost u susjedstvu*. Pula, Istarski ogranak Društva hrvatskih književnika Publ., 2017. 308 s. (In Croatian)
5 Bourdie, Pierre. *In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 223 p. (In English)
6 *Cronin M. Translating Ireland: Translation, Languages, Cultures*. Cork, Cork University Press, 1996. 229 p. (In English)
7 *Die Göttinger Beiträge zur internationalen Übersetzungsforschung*, vol. 16**.** Berlin, Erich Schmidt Publ., 2000**.** 412 s. (In German)
8 Eagleton, Terry. *Literary Theory.* Oxford, Basil Blackwell, 2003. 243 p. (In English)
9 Even-Zohar, Itamar. “The Position of Translated Literature Within the Literary Polysystem.” *Poetics Today*, no. 1 (11), 1990, pp. 45–51. (In English)

10 Heilbron, Johan. "Towards a Sociology of Translation: Book Translations as a Cultural World System." *Critical Readings in Translation Studie*, ed. by M. Baker. London, New York, Routledge Publ., 2009, pp. 304–316. (In English)
11 *Histoire de la traduction litteraire en Europe mediane: des origines a 1989*. Rennes, Presses universitaires de Rennes Publ., 2019. 434 p. (In French)
12 *Histoire des traductions en langue francaise. 1–4*, vol. 4. Lagrasse, Presses universitaires de Rennes Publ., 2019. 1920 p. (In French)
13 Hrala, Milan. *Kapitoly z dějin českeho překladu*. Praha, Karolinum Publ., 2002. 271 s. (In Czech)
14 Janićijević, Jovan. *Književni prevod i prevodna književnost*. Beograd, Idea Publ., 1999. 119 s. (In Serbian)
15 Novak, Boris A. *Salto immortale. Študije o prevajanju poezije*. Ljubljana, Založba ZRC SAZU Publ., 2011. 616 s. (In Slovenian)
16 Pym, Anthony. *Method in Translation History*. Manchester, St. Jerome Publ., 1998. 234 p. (In English)
17 Riikonen, Hannu K. *Suomennoskirjallisuuden historia. 1–2*, vol. 1. Helsinki, SKS Publ., 2007. 697 s. (In Finnish)
18 *Routledge Encyclopedia of Translation Studies.* London, New York, Routledge Publ., 2020. 897 p. (In English)
19 Ruiz Casanova, José Francisco. *Aproximacion a una historia de la traduccion en Espana.* Madrid, Catedra Publ., 2000. 535 p. (In Spanish)
20 Sibinović, Miodrag. 1979. *Original i prevod. Uvod u istoriju i teoriju prevođenja.* Beograd, Privredna štampa Publ., 1979. 191 s. (In Serbian)
21 Stanovnik, Majda. *Slovenski literarni prevod 1550–2000*. Ljubljana, Založba ZRC Publ., 2005. 315 s. (In Slovenian)
22 *Translators through History*. Amsterdam, John Benjamins Publ. Company, 1995. 345 p. (In English)
23 *The Oxford guide to literature in English translation*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 656 p. (In English)
24 *The Oxford History of Literary Translation in English. 1–4*. Oxford, Oxford University Press, 2006. Vol. 4. 612 p. Oxford, Oxford University Press, 2010. Vol. 5. 550 p. (In English)
25 *Übersetzung. Translation. Traduction*. 1–3. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2004. Vol. 1. 1135 s. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2006. Vol. 2. 772 s. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2011. Vol. 3. 117 s. (In German)
26 Venuti, Lawrence. *The Translator's Invisibility.* London, New York, Routledge Publ., 1995. 366 p. (In English)
27 Vevar, Štefan. *Vrvohodska umetnost prevajanja*. Ljubljana, Cankarjeva založba Publ., 2013. 386 s. (In Slovenian)
28 Zlobec, Ciril. "To in ono, a ves čas eno samo. Izpoved prevajalca — brez zardevanja in slabe vesti". *Prevajalci o prevodu 2: od J Modra do J Milič*, uredila Majda Stanovnik. Ljubljana, Založba ZRC, ZRC SAZU Publ., 2016, pp. 320–332. (In Slovenian)
29 Župančič, Oton. "Pomen prevodov za našo duševnost." *Prevajalci o prevodu 1: od Trubarja do Župančiča,* uredila Majda Stanovnik. Ljubljana, Založba ZRC, ZRC SAZU Publ. 2013, pp. 227–228. (In Slovenian)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-272-287
УДК 81'25
ББК 81.18
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. О.С. Сергиенко
г. Санкт-Петербург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ЛИБОРА ДВОРЖАКА КАК ПЕРЕВОДЧИКА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена исследованию индивидуального стиля чешского переводчика русской литературы Либора Дворжака. Актуальность работы обусловлена современным интересом переводоведения к личности переводчика как субъекту художественного перевода и необходимости выявления устойчивых особенностей его переводческой манеры. Цель исследования заключается в реконструкции идиостиля Л. Дворжака посредством анализа повторяющихся переводческих решений, выявляемых при работе с произведениями русских писателей XIX–XX вв. Материалом исследования являются переводы произведений М.А. Булгакова, А.П. Чехова и С.Д. Довлатова, а также литературно-критические отклики на переводы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. В работе используются методы сопоставительного анализа оригинала и перевода, контекстуального анализа и анализа переводческих стратегий. Проведенный анализ показывает, что переводческий идиостиль Л. Дворжака определяется стремлением сохранить художественную функцию оригинала при выборе средств выражения, соответствующих современному чешскому языку. Установлено, что устойчивость его переводческой манеры проявляется в закономерном выборе способов передачи языковых элементов с учетом их семантической, стилистической и культурной значимости в тексте.

Ключевые слова: Либор Дворжак, идиостиль переводчика, художественный перевод, русская литература в чешских переводах

Информация об авторе: Олеся Сергеевна Сергиенко — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2374-717X
E-mail: o.sergienko@spbu.ru

Дата поступления статьи: 15.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 26.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Сергиенко О.С.* Особенности идиостиля Либора Дворжака как переводчика русской художественной литературы // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 272–287. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-272-287

Проблема проявления личности переводчика в художественном переводе имеет давнюю традицию в переводоведении, однако на различных этапах развития дисциплины осмыслялась по-разному. В классических трудах по теории перевода основное внимание уделялось вопросам адекватной передачи художественного своеобразия оригинала, прежде всего индивидуального стиля автора, тогда как личность переводчика рассматривалась главным образом в контексте допустимых границ творческой интерпретации текста [3, 7, 12]. С конца XX в. исследовательский интерес постепенно смещается к самому переводчику как субъекту переводного текста. Важным этапом в этом процессе стала статья Т. Германса "The Translator's Voice in Translated Narrative" («Голос переводчика в переводном повествовании»), в которой было введено понятие *translator's voice* («голос переводчика»), позволившее рассматривать перевод как текст, в котором неизбежно проявляется индивидуальное присутствие переводчика [21]. Последовательную методологию изучения индивидуального стиля переводчика предложила М. Бейкер, определившая *translator's style* («стиль переводчика») как совокупность устойчивых языковых особенностей, повторяющихся в корпусе переводов одного переводчика [15]. Дальнейшее развитие данная проблематика получила в исследованиях Дж. Мандея, рассматривающего индивидуальный голос переводчика в связи с его языковыми, оценочными и идеологическими решениями [22–23], а также Ж. Боаз-Байер, анализирующей переводческий выбор в рамках когнитивной стилистики художественного перевода [16].

В современной переводоведческой литературе отсутствует единая терминология для обозначения устойчивых индивидуальных особенностей переводческой деятельности. В англоязычной традиции наиболее распространены понятия *"translator's style"* («стиль переводчика») и *"translator's voice"* («голос переводчика»), тогда как в отечественном переводоведении используются термины индивидуальный стиль переводчика, идиостиль переводчика и языковая личность переводчика. Различные аспекты проявления личности переводчика в художественном переводе рассматриваются в работах Е.Б. Дзапаровой, Л.В. Крупник, Ю.А. Кранышевой, С.М. Тиллоевой, Е.Н. Трёкиной, А.Д. Ладуренко, Д.Р. Рахматуллиной, Л.Э. Безменовой, С.В. Мангушева и др. [1, 4–6, 9, 11].

Несмотря на широкое освещение данной проблематики, большинство существующих исследований сосредоточено либо на теоретическом осмыслении феномена личности переводчика, либо на анализе отдельных переводов, произведений или переводческого творчества конкретных авторов. Работы, направленные на реконструкцию идиостиля переводчика посредством выявления повторяющихся переводческих решений, реализуемых в различных переводах, по-прежнему остаются немногочисленными.

Именно этим обстоятельством определяется актуальность настоящего исследования, обусловленная возрастающим интересом современного переводоведения к личности переводчика как самостоятельному субъекту художественного перевода и необходимостью дальнейшего изучения его идиостиля. Особую значимость в этой связи приобретает выявление повторяющихся переводческих решений, позволяющих отличить индивидуальные особенности переводческой манеры от решений, продиктованных художественной спецификой конкретного произведения.

В настоящем исследовании идиостиль переводчика рассматривается как совокупность устойчивых особенностей переводческой манеры, проявляющихся в повторяемости переводческих решений и сохраняющихся при работе с различными художественными текстами. В основе исследования лежит предположение о том, что единичные

переводческие решения могут быть обусловлены особенностями конкретного произведения, тогда как их повторяемость в переводах различных авторов свидетельствует о наличии устойчивых особенностей переводческой манеры.

Предлагаемое понимание идиостиля определяет цель исследования, которая заключается в реконструкции идиостиля чешского переводчика русской литературы Либора Дворжака посредством выявления устойчивых особенностей его переводческой манеры на материале переводов русской художественной литературы. Для достижения поставленной цели сопоставляются переводы произведений различных русских писателей, что позволяет выявить повторяющиеся переводческие решения, не обусловленные особенностями отдельного художественного текста, и тем самым реконструировать закономерности переводческой манеры Л. Дворжака.

Либор Дворжак (род. 6 июня 1948 г., Хеб, Чехословакия) — чешский переводчик русской литературы, журналист и литературный критик. За несколько десятилетий переводческой деятельности им были выполнены переводы произведений русской классической и современной литературы, благодаря чему его творчество представляет собой репрезентативный материал для исследования индивидуальной переводческой манеры.

Значительная часть его детства прошла в Москве, где отец Либора Дворжака работал в составе дипломатической миссии, что во многом определило его ранний интерес к русскому языку и литературе. После возвращения в Чехословакию Дворжак поступил на философский факультет Карлова университета, где изучал философию и русский язык; университет он окончил в 1974 г. Именно в этот период окончательно сформировался его интерес к художественному переводу русской литературы, которым он профессионально занимается с середины 1970 гг.

За несколько десятилетий переводческой деятельности Дворжак познакомил чешского читателя с произведениями русской классической и современной литературы. Среди наиболее значительных его переводов — произведения А.П. Чехова, М.А. Булгакова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, С.Д. Довлатова, В.Г. Сорокина, братьев Стругацких и других русских авторов [28]. Благодаря широте переводческого репертуара и многолетней работе Л. Дворжак стал одним из ключевых посредников в восприятии русской художественной литературы современным чешским читателем. За перевод «Окаянных дней» И.А. Бунина Л. Дворжак в 2006 г. получил премию Йозефа Юнгмана, а в 2012 г. вместе с братом Миланом был удостоен премии Рудольфа Медека за вклад в развитие чешско-российских культурных связей и популяризацию русской литературы и культуры в Чехии.

Первой отечественной публикацией, посвященной переводческой деятельности Либора Дворжака, стала статья автора настоящего исследования «Современные чешские переводчики русской литературы — братья Либор и Милан Дворжаки» (2013) [10]. В ней впервые в отечественной богемистике была предпринята попытка охарактеризовать место братьев Дворжаков в современной чешской переводческой традиции. В работе отмечались широкий жанровый диапазон переводчика, стремление сделать русскую литературу доступной современному чешскому читателю, а также ориентация на естественность чешского языка и функциональную передачу художественного воздействия оригинала. Хотя вопрос об идиостиле переводчика специально не ставился, в статье были обозначены отдельные особенности его переводческой манеры, впоследствии отмечавшиеся другими исследователями.

Одним из первых специальных исследований переводческой деятельности Л. Дворжака стала бакалаврская работа П. Позняка "Libor Dvořák jako překladatel ruské humoristické literatury" («Либор Дворжак как переводчик русской юмористической литературы», 2010). На материале переводов произведений А.П. Чехова, М.М. Зощенко и С.Д. Довлатова автор показывает, что Дворжак последовательно стремится сохранить коммуникативное воздействие оригинала, уделяя особое внимание передаче разговорной речи, экспрессивной лексики и юмористического эффекта [26]. Хотя исследование не ставит задачи реконструкции идиостиля переводчика, в нем выявляются отдельные устойчивые особенности его переводческой практики.

В дальнейшем внимание исследователей смещается к анализу отдельных переводов и рецепции творчества Дворжака. Особое место занимает статья К. Хлупачовой "Vášnivé sepětí s originálem? Přednosti a zápory překladatelské továrny" («Страстное единение с оригиналом? Преимущества и недостатки переводческого конвейера», 2014), а также другие ее публикации [17–20]. Исследовательница отмечает неоднозначность переводческой стратегии Дворжака: высоко оценивая его способность передавать языковую игру, стилистическую полифонию, разговорную речь и жанровые стилизации в переводах современной прозы, она одновременно указывает на усиление экспрессивности, использование обще-чешского разговорного интердиалекта (obecná čeština) и возможное сглаживание индивидуальных речевых характеристик персонажей в переводах классики. Несмотря на критический характер отдельных наблюдений, работы Хлупачовой представляют интерес для настоящего исследования, поскольку позволяют выявить повторяющиеся особенности переводческой манеры Дворжака.

Критическая оценка перевода романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» получила продолжение в рецензии А. Росовой "Poněkud uspěchaní Bratři Karamazovovi" ("Несколько поспешные 'Братья Карамазовы'", 2014), где отдельные недостатки перевода связываются с ограниченными сроками подготовки издания, однако признается удачность ряда переводческих решений [27].

Значительный интерес для настоящего исследования представляет магистерская диссертация Я. Ошкеровой "Kritická analýza dvou českých překladů Bulgakovova románu Mistr a Markétka se zaměřením na lexikální stránku jazyka" («Критический анализ двух чешских переводов романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" с акцентом на лексическую сторону языка», 2016). Автор сопоставляет перевод Л. Дворжака с классическим переводом А. Моравковой, анализируя передачу собственных имен, фразеологизмов, разговорной и экспрессивной лексики, реалий, историзмов, библейской и иноязычной лексики. Полученные результаты позволяют выявить ряд устойчивых особенностей переводческой манеры Дворжака и сопоставить их с данными исследований, выполненных на материале произведений других авторов [24].

Важным этапом изучения рецепции переводов Дворжака стала магистерская диссертация К. Попсуевичовой "Vývojové tendence české kritiky překladu se zaměřením na odborné a laické ohlasy překladové tvorby Libora Dvořáka" («Тенденции развития чешской критики перевода с акцентом на профессиональную и читательскую рецепцию переводческого творчества Либора Дворжака», 2018). В работе систематизированы профессиональные и читательские отклики на переводы Дворжака и сопоставлены оценки критиков с высказываниями самого переводчика. Однако основной объект исследования составляет рецепция переводов, а не реконструкция идиостиля переводчика [25].

Отдельные аспекты переводческой манеры Дворжака рассматриваются в статье И.А. Герчиковой «Русская литература в чешских переводах (Либор Дворжак)» (2017),

посвященной главным образом переводам произведений С.Д. Довлатова. Исследовательница отмечает глубокое понимание переводчиком индивидуальной манеры писателя, стремление передать его интонацию, ритм и мелодику повествования, а также свободное владение разговорной и ненормативной лексикой [2]. По наблюдениям Герчиковой, Дворжак в целом сохраняет семантико-стилистическую и функциональную эквивалентность оригинала, хотя отдельные переводческие решения могут сопровождаться некоторыми неточностями.

Отдельные аспекты работы Дворжака с языковым и культурным материалом рассматриваются в исследованиях, выполненных под руководством О.С. Сергиенко. Н.В. Пьянкова в магистерской диссертации «Национально-специфические реалии прозы С. Довлатова и их отражение в переводе на чешский язык» (СПбГУ, 2025) показывает, что выбор способов передачи реалий определяется их художественной функцией и контекстом. Исследование демонстрирует, что переводчик сочетает различные приемы — функциональный аналог, транскрипцию, калькирование, генерализацию и описательный перевод — в зависимости от задачи конкретного фрагмента [8].

У.А. Чуванова в курсовой работе «Лингвокультурологические особенности перевода рассказов А.П. Чехова на чешский язык» (СПбГУ, 2026) сопоставляет переводы рассказов «Ванька», «Человек в футляре» и «Душечка», выполненные Ф. Голешовским и Л. Дворжаком. Автор показывает, что устойчивость переводческой манеры Дворжака проявляется не в использовании одних и тех же приемов, а в последовательности принципов выбора переводческого решения в зависимости от художественной функции языковой единицы [13].

Новейшим исследованием переводческой деятельности Либора Дворжака является магистерская диссертация А. Алексеевой “Komparativní analýza nového českého překladu Dostojevského románu Idiot” («Сопоставительный анализ нового чешского перевода романа Ф.М. Достоевского “Идиот”», 2025). Работа посвящена сопоставлению нового перевода романа с предыдущими чешскими переводами и русским оригиналом, прежде всего в аспекте передачи речевых характеристик персонажей и особенностей идиостиля Достоевского. Вместе с тем исследование ограничено материалом одного произведения и не ставит задачи реконструкции индивидуальной переводческой манеры Дворжака в целом [14].

Одной из важнейших особенностей переводческой концепции Дворжака является понимание перевода как исторически обусловленного процесса, связанного с изменением языка и читательского восприятия. Сам переводчик неоднократно подчеркивал необходимость обновления классических переводов, поскольку каждое новое поколение получает возможность заново обратиться к произведениям мирового литературного наследия. Эта мысль звучит в его интервью К. Попсуевичовой: “Víte, ono je to tak, že většinou po těch třiceti, ale častěji po čtyřiceti, padesáti letech ty předchozí překlady zastarávají, protože náš jazyk je neustále v pohybu. Literární čeština je jazyk poměrně mladý, takže díky tomu potřeba pořídit nové překlady” («Понимаете, дело в том, что обычно через тридцать, а чаще через сорок-пятьдесят лет прежние переводы устаревают, поскольку наш язык постоянно развивается. Литературный чешский язык сравнительно молод, поэтому возникает необходимость создавать новые переводы») [25, с. 76].

Именно такое понимание задач художественного перевода во многом определяет особенности работы Дворжака: стремление к языковой естественности, отказ от искусственной архаизации классических текстов, предпочтение синтаксически более прозрачных конструкций и активное использование выразительных возможностей совре-

менной чешской речи. Вместе с тем эти же принципы становятся предметом наиболее существенной критики в чешском переводоведческом дискурсе.

Таким образом, существующие работы позволяют выявить отдельные особенности переводческой манеры Либора Дворжака: ориентацию на естественность чешского языка, стремление к передаче коммуникативного и стилистического воздействия оригинала, активное использование разговорных средств и различных способов передачи культурно маркированной лексики. В ряде работ указывается также на тенденцию к сглаживанию индивидуальных речевых характеристик персонажей, когда различия между авторскими голосами могут частично уступать место узнаваемой манере самого переводчика. Вместе с тем до настоящего времени не предпринималось комплексного анализа идиостиля переводчика как системы устойчивых решений, проявляющихся при работе с произведениями различных русских авторов.

Настоящее исследование направлено на реконструкцию устойчивых особенностей переводческой манеры Либора Дворжака посредством анализа его переводов, сопоставления результатов предшествующих работ и обращения к высказываниям самого переводчика о принципах художественного перевода. Материалом исследования стали переводы произведений М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита»), А.П. Чехова (рассказы «Ванька», «Человек в футляре», «Душечка») и С.Д. Довлатова («Зона», «Чемодан»), дополненные обращением к литературно-критическим откликам на переводы романов Л.Н. Толстого («Война и мир») и Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»). В центре внимания находятся не отдельные переводческие приемы как таковые, а закономерности их выбора, позволяющие выявить индивидуальные принципы работы с художественным текстом. Исходным является предположение, что повторяемость переводческих решений в произведениях различных авторов и жанров свидетельствует о наличии устойчивых черт переводческого идиостиля.

Наиболее отчетливо индивидуальные особенности переводчика обнаруживаются при выборе языковых средств для передачи тех единиц оригинала, которые обладают не только семантическим, но и стилистическим и культурным значением в структуре художественного текста.

При переводе ономастики Дворжак использует различные стратегии в зависимости от характера имени. Нейтральные антропонимы и топонимы, как правило, передаются посредством транскрипции, тогда как семантически мотивированные, так называемые «говорящие» имена получают функционально обусловленную передачу средствами чешского языка. Особенно последовательно эта тенденция проявляется в переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где Л. Дворжак вступает в своеобразный диалог с первым чешским переводом А. Моравковой (1969), предлагая собственные решения в тех случаях, когда прежний перевод уже сформировал определенную традицию.

Так, Дворжак стремится сохранить авторскую форму имени, если она имеет художественную значимость. Например, имя **Иуда из Кариафа** он передает как *"Jidáš z Kariotu"* («Иуда из Кариота»), тогда как А. Моравкова использует традиционную новозаветную форму *"Jidáš Iškariotský"* («Иуда Искариот»). При этом оба переводчика сохраняют посредством транскрипции имя **Иешуа Га-Ноцри** — *Ješua Ha-Nocri*, воспроизводя авторскую номинацию персонажа [24, с. 51].

Особенно ярко индивидуальный подход Дворжака проявляется при передаче «говорящих» имен. Фамилию **Бездомный** переводчик передает как *Bezdomovec* («бездомный»), тогда как у Моравковой используется вариант *Bezprizorný* («беспризорный»),

создающий иной семантический акцент. Фамилия **Коровьев** получает у Дворжака форму *Kravinkin*, актуализирующую ассоциацию с чешским словом *kraviny* («чепуха, ерунда») и тем самым усиливающую комический потенциал имени [24, с. 46].

Различные подходы проявляются и при переводе прозвищ. Так, **Крысобой** у Моравковой передается как *"Krysobijce"* («крысобой»), сохраняющий внутреннюю форму оригинального имени, тогда как Дворжак использует вариант *"Krysolov"* («крысолов»). Ошкерова считает вариант Моравковой более точным с точки зрения семантики исходного имени [24, с. 53]. Для анализа идиостиля Дворжака этот пример важен как свидетельство того, что переводчик не всегда стремится к максимально буквальному воспроизведению внутренней формы имени, выбирая иные способы языкового выражения его характеристики. Сходная ситуация наблюдается при переводе фамилии **Лиходеев**: вариант Дворжака *Mizerov* (от *mizera* — «мерзавец, подлец») связан с современным обозначением отрицательной оценки, тогда как *Lotrov* Моравковой восходит к слову *"lotr"* («злодей, негодяй»), имеющему более книжный оттенок. Оба решения сохраняют характеризующую функцию имени, но реализуют ее разными средствами чешского языка.

Иная закономерность проявляется при переводе произведений А.П. Чехова, где большинство имен собственных не обладает выраженной семантической мотивированностью. Как показывает У.А. Чуванова, в таких случаях Дворжак преимущественно сохраняет русскую ономастику посредством транскрипции: *Vaňka Žukov, Konstantin Makaryč, Bělikov, Čimša-Gimalajskij* и др. Однако при наличии внутренней мотивировки имени он также стремится передать его художественную функцию. Так, кличка **Вьюн** передается как *"Piskoř"* («вьюн», название рыбы), тогда как Ф. Голешовский использует вариант *Mřínek* — название другой рыбы, известной в русском, как голец [13, с. 25]. Таким образом, в переводах Чехова сохраняется тот же принцип: Дворжак ориентируется прежде всего на сохранение художественной функции имени, а не на формальное воспроизведение его структуры.

Аналогичный подход проявляется и в работе с фразеологическими единицами. Анализ переводов А.П. Чехова, М.А. Булгакова и С.Д. Довлатова показывает, что Дворжак избегает механического воспроизведения компонентов исходного выражения и ориентируется на передачу его семантического содержания, стилистической окраски и коммуникативного эффекта. В зависимости от характера единицы и ее функции в тексте переводчик использует различные способы передачи — фразеологические эквиваленты, аналоги, трансформацию устойчивых выражений и стилистически маркированные замены.

Показателен в этом отношении перевод компаративного фразеологизма **«сечь как Сидорову козу»** в рассказе А.П. Чехова «Ванька». Как отмечает Е. Чуванова, буквальное воспроизведение русского образа было бы неэффективным, поскольку антропонимический компонент **Сидорова** и образ козы не обладают аналогичной культурной значимостью в чешском языке [13, с. 29]. А. Голешовский использует близкий по структуре сравнительный оборот *"bít jako nezralé žito"* («бить как незрелую рожь»), сохраняя модель исходного выражения. Дворжак выбирает другой путь — *"seřezat jako psa"* («исхлестать как собаку»), заменяя исходный образ чешским фразеологическим аналогом. Такое решение позволяет сохранить экспрессивность выражения и воспроизвести его воздействие на читателя средствами чешской фразеологии.

В переводах произведений С.Д. Довлатова особенно заметно внимание Дворжака к передаче разговорной стихии оригинала. П. Позняк отмечает, что переводчик

использует чешские устойчивые выражения, совпадающие с русскими по значению и стилистической функции, но в отдельных случаях выбирает более экспрессивные варианты [26, с. 56]. Так, реплика **«Все не как у людей!»** передается как *"Pořád nějaký extrabuřty!"* («вечно какие-то заморочки, выкрутасы»). Стилистически маркированное выражение *extrabuřty* позволяет сохранить раздраженно-ироническую интонацию оригинала, а форма *nějaký* вместо литературного *nějaké*, характерная для обще-чешского разговорного интердиалекта (obecná čeština), усиливает эффект устной речи.

Сходный принцип проявляется при переводе реплики **«Такой материал всегда проскочит. Мать-героиня — это вроде беспроигрышной лотереи»** в рассказе С.Д. Довлатова «Аристократка» — *"Takovej materiál se do čísla dostane vždycky. Matka-hrdinka, to je prostě tutovka"* [26, с. 57]. Вместо сохранения исходной метафоры Дворжак использует разговорную лексему *"tutovka"* («верняк, беспроигрышное дело»), а форма *takovej* вместо литературного *takový* дополнительно маркирует разговорный характер высказывания. В данном случае переводчик компенсирует утрату образной структуры оригинала за счет стилистически близкого средства современного чешского языка.

В диссертации Я. Ошкеровой мы находим ценный материал для исследования — сводную таблицу фразеологизмов «Мастера и Маргариты» и их чешских соответствий в переводах А. Моравковой и Л. Дворжака [24, с. 63–65]. Яркий пример работы Дворжака с паремиологическим фондом языка перевода представляет передача выражения **«Лечит подобное подобным»** в романе «Мастер и Маргарита». А. Моравкова использует близкий по образности аналог *"Vyrážejte klín klínem"* («выбивайте клин клином»), тогда как Дворжак обращается к чешской пословице *"Čím ses zkazil, tím se naprav"* («чем испортился, тем исправляйся»), трансформируя ее заменой глагола *"zkazit"* («испортить, испортиться») на стилистически маркированный компонент *"zmařit"* («погубить, свести на нет»): *Čím ses zmařil, tím se naprav*. В результате сохраняется пословичная структура и афористичность выражения, однако готовая языковая единица получает индивидуальную адаптацию в соответствии с контекстом произведения.

Еще один пример связан с переводом выражения **«Тут вся соль в разоблачении».** Если Моравкова передает его нейтральным оборотом *"Celý vtip je v odhalení"* («весь смысл заключается в разоблачении»), то Дворжак использует чешский фразеологизм *"Jádro pudla je přece v tom odhalení"* («ядро пуделя заключается именно в этом разоблачении»). Выражение *jádro pudla* восходит к немецкому *des Pudels Kern*, связанному с образом пуделя из «Фауста» И.В. Гёте. В контексте булгаковского романа, насыщенного фаустовскими мотивами, выбор этого фразеологизма приобретает дополнительную смысловую значимость, актуализируя один из важных культурных пластов произведения.

Таким образом, анализ перевода собственных имен и фразеологических единиц позволяет выявить важную закономерность идиостиля Л. Дворжака: переводчик ориентируется не на формальное соответствие исходной единице, а на сохранение ее художественной функции. Его переводческая стратегия сочетает точное воспроизведение семантически значимых элементов, использование ресурсов чешской фразеологии и стилистическую адаптацию текста к языковому сознанию современного читателя.

Работа с национально-специфической лексикой позволяет выявить еще одну устойчивую особенность переводческой манеры Л. Дворжака: при передаче реалий он ориентируется не на формальное воспроизведение исходной единицы, а на сохранение ее функции в художественном тексте. Выбор конкретного переводческого решения определяется характером реалии, степенью ее культурной маркированности

и значимостью для создания образа эпохи, социальной среды или речевой характеристики персонажа. В переводах Дворжака используются различные способы передачи реалий — транскрипция, функциональный аналог, генерализация, описательный перевод, — однако во всех случаях переводчик стремится сохранить тот художественный эффект, который выполняет реалия в оригинале.

Одним из наиболее частотных приемов является транскрипция — прежде всего в тех случаях, когда реалия непосредственно связана с русской культурой и ее замена могла бы привести к утрате национальной специфики. Так, в переводах рассказов А. П. Чехова Дворжак сохраняет такие этнографические реалии, как **«валенки»** (*"válenky"*), **«самовар»** (*"samovar"*), **«копейка»** (*"kopejka"*) и общественно-политическое понятие **«губерния»** (*"gubernie"*) [13, с. 44–63]. В данных случаях транскрипция оказывается функционально оправданной: переводчик не стремится устранить культурную дистанцию, а сохраняет принадлежность предмета или понятия к русской действительности.

Вместе с тем сохранение национального компонента не является для Дворжака самоцелью. Если использование транскрипции не является необходимым для понимания текста, переводчик прибегает к другим способам передачи, в частности к генерализации или родо-видовой замене. Так, русские реалии **«щи»**, **«ямщик», «тулуп»** передаются как *"polívka"* («суп»), *"kočí"* («кучер») и *"kožich"* («шуба, меховая одежда») соответственно [13, с. 22]. В этих случаях утрачивается часть историко-культурной информации, однако сохраняется функциональная роль реалии в повествовании: для читателя остается понятной ситуация, в которой действует персонаж.

Другой тип решения связан с использованием функциональных аналогов — единиц языка перевода, способных вызвать у читателя сходные культурные ассоциации. Например, при передаче реалии **«сапожник»** Дворжак использует чешское слово *švec*, которое обозначает соответствующую профессию в культуре перевода и выполняет аналогичную функцию в тексте [13, с. 47]. Подобный прием показывает, что переводчик в ряде случаев предпочитает не сохранять внешнюю форму реалии, а искать единицу, которая будет восприниматься чешским читателем как естественная и функционально равнозначная.

Особенно отчетливо эта стратегия проявляется в переводах произведений С.Д. Довлатова. В работе Н.В. Пьянковой отмечено, что при передаче национально-специфических реалий из повестей «Чемодан» и «Зона» Дворжак стремится сохранить не только предметное значение, но и социально-культурные ассоциации, связанные с советской действительностью. Так, реалия **«Березка»** получает в переводе обозначение *"tuzex"* («Тузекс») — название чешской системы магазинов, которые, как и советская «Березка», были связаны с продажей дефицитных товаров [8, с. 51]. Стилистическая чувствительность Дворжака проявляется и при передаче социально маркированной лексики. Например, слово **«фарцовщик»** переводится как *"vekslák"* («фарцовщик, спекулянт») и *"překupník"* («перекупщик») [8, с. 53]. Выбор данных соответствий важен не только в аспекте значения, но и с точки зрения речевой характеристики персонажей: переводчик сохраняет сниженную, связанную с теневой экономикой окраску исходной лексемы. Таким образом, работа с реалиями у Дворжака зависит от его общей установки на воспроизведение живой речи и социального контекста.

В переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» интерес представляет передача названия литературной организации МАССОЛИТ. А. Моравкова сохраняет аббревиатуру *MASOLIT* и сопровождает ее пояснением, тогда как Л. Дворжак предлагает вариант *Všelidolit* (ассоциируемый с выражением *Všelidová literatura* — «Всенарод-

ная литература») [24, с. 68]. Если решение Моравковой ориентировано на сохранение внешней формы советского названия, то Дворжак создает самостоятельное словообразовательное решение, передающее характерный для советской эпохи принцип идеологически маркированных названий организаций. Тем самым переводчик воспроизводит не буквальную структуру реалии, а ее функцию в художественном пространстве романа — связь бюрократической формы с сатирическим изображением литературной среды.

Таким образом, анализ передачи реалий позволяет выявить еще одну устойчивую черту идиостиля Л. Дворжака: переводчик варьирует способы передачи в зависимости от культурной и художественной значимости единицы. Он сохраняет реалии посредством транскрипции, адаптирует их с помощью функциональных аналогов, использует генерализацию или пояснительный перевод, если это необходимо для восприятия текста. Как и при переводе имен и фразеологизмов, определяющим принципом становится не формальное соответствие оригиналу, а воспроизведение его культурного, стилистического и коммуникативного потенциала.

Проведенный анализ переводов произведений М.А. Булгакова, А.П. Чехова и С.Д. Довлатова, дополненный обращением к критическим откликам на переводы романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, позволяет выявить устойчивые черты индивидуальной переводческой манеры Дворжака. При этом речь идет не о наборе разрозненных приемов, обусловленных спецификой отдельных текстов, а о целостной стратегии, основанной на понимании задач художественного перевода: стремлении сохранить художественную функцию как каждой единицы языка оригинала, так и каждого оригинального произведения в целом, одновременно обеспечив его полноценное восприятие современным чешским читателем.

Одной из наиболее заметных черт переводческой манеры Дворжака является ориентация на функциональную адекватность перевода, понимаемую в отечественной традиции переводоведения как соответствие переводческого решения содержанию, художественной функции и коммуникативной задаче исходного текста. Эта особенность особенно отчетливо проявляется при передаче фразеологических единиц, реалий и «говорящих» имен: переводчик либо подбирает функционально близкое средство чешского языка, либо творчески преобразует исходную единицу, если это позволяет сохранить ее роль в художественной системе произведения. Подобный подход объясняет и наиболее характерные особенности его работы с классическими текстами: стремление преодолеть временную дистанцию между оригиналом и современным читателем, сохранив при этом художественную специфику произведения и его воздействующий потенциал.

Существенной составляющей идиостиля Дворжака является ~~также~~ ориентация на живой современный чешский язык и его выразительные средства. Вместе с тем именно эта черта наиболее часто вызывает дискуссии в критике: стремление к естественности и выразительности может вступать в противоречие с необходимостью сохранения стилистической дистанции исходного текста.

Таким образом, своеобразие переводческой манеры Либора Дворжака определяется стремлением сохранить художественную специфику оригинала при выборе таких средств ее выражения, которые отвечают современному состоянию чешского языка и особенностям восприятия современного читателя. Неоднозначная рецепция его переводов в чешской критике связана не с отсутствием последовательной стратегии, а, напротив, с ярко выраженным авторским характером переводческих решений.

Переводы Дворжака не стремятся оставаться незаметным посредником между автором и читателем: они отражают определенное понимание задач переводчика и роли классической литературы в современной культуре. Стремление к языковой естественности, динамичности повествования и активному использованию выразительных возможностей современной чешской речи сочетается в них с вниманием к семантической, стилистической и культурной функции отдельных элементов оригинала.

Именно это сочетание сохранения художественной функции исходного текста и осознанной творческой роли переводчика позволяет рассматривать Либора Дворжака как одного из наиболее самобытных современных представителей чешской школы перевода русской литературы.

Список литературы

Исследования

1 *Дзапарова Е.Б.* Творческая индивидуальность переводчика как компонент художественного перевода // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. №2. С. 301–306.

2 *Герчикова И.А.* Русская литература в чешских переводах (Либор Дворжак) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: сб. научн. тр. / отв. ред. Е.С. Узенева. М.: Изд-во ИСл РАН, 2017. С. 434–442. (Серия «Славянский мир в третьем тысячелетии»; вып. 12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-literatura-v-cheshskih-perevodah-libor-dvorzhak (дата обращения: 09.07.2026).

3 *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

4 *Кранышева Ю.А.* Проблема индивидуального стиля переводчика (на материале сопоставительного анализа переводов романа «Гарри Поттер и философский камень» Дж.К. Роулинг) // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова. 2015. №2. С. 48–55. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-individualnogo-stilya-perevodchika-na-materiale-sopostavitelnogo-analiza-perevodov-romana-garri-potter-i-filosofskiy-kamen-dzh (дата обращения: 12.07.2026).

5 *Крупник Л.В.* Личность переводчика как субъективный фактор художественного перевода (на материале книги Л. Уоллиса «Бен-Гур») // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Н. Новгород: ООО «АЛЬБА», 2013. Вып. 3. С. 121–129.

6 *Ладуренко А.Д.* Роль языковой личности переводчика при переводе художественных текстов на примере цикла книг Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер» // Дальневосточный филологический журнал. 2023. №1–2. С. 99–108.

7 *Левый И.* Искусство перевода / пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 396 с.

8 *Пьянкова Н.В.* Национально-специфические реалии прозы С. Довлатова и их отражение в переводе на чешский язык: магистерская дис. [Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2025. 78 с.

9 *Рахматуллина Д.Р., Безменова Л.Э., Мангушев С.В.* Языковая личность переводчика и прагматическая вариативность перевода (на материале перево-

дов романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 1343–1350. https://doi.org/10.30853/phil20240195

10 *Сергиенко О.С.* Современные чешские переводчики русской литературы — братья Либор и Милан Дворжаки // Пятые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Мат. секции XLII Междунар. филол. Конф. 11–17 марта 2013 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. С. 63–71.

11 *Тиллоева С.М., Трёкина Е.Н.* Роль личности переводчика при переводе художественного текста // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. мат. Междунар. научн.-практич. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Екатеринбург: Издат. дом «Ажур», 2023. С. 237–245.

12 *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 304 с.

13 *Чуванова У.А.* Лингвокультурологические особенности перевода рассказов А.П. Чехова на чешский язык: курсовая работа [Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2026. 62 с.

14 *Alexejeva A.* Komparativní analýza nového českého překladu Dostojevského románu Idiot: diplomová práce [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2025. 148 s. URL: https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/203127 (дата обращения: 06.07.2026).

15 *Baker M.* Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // Target. International Journal of Translation Studies. 2000. Vol. 12, № 2. P. 241–266. https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak

16 *Boase-Beier J.* Stylistic Approaches to Translation. Manchester: St. Jerome Publishing, 2006. 176 p.

17 *Chlupáčová K.* Prohraná překladatelská válka // A2. 2011. № 10. URL: https://advojka.cz/a2-article/2011-10-prohrana-prekladatelska-valka (дата обращения: 02.07.2026).

18 *Chlupáčová K.* Nový překlad Dostojevského Bratrů Karamazových // iLiteratura. URL: https://www.iliteratura.cz/clanek/32739-dostojevskij-fjodor-michajlovic-bratri-karamazovi (дата обращения: 02.07.2026).

19 *Chlupáčová K.* Vášnivé sepětí s originálem? Přednosti a zápory překladatelské továrny // A2. 2014. № 18. URL: https://advojka.cz/a2-article/2014-18-vasnive-sepeti-s-originalem (дата обращения: 02.07.2026).

20 *Chlupáčová K.* Nový překlad próz A. P. Čechova // iLiteratura. URL: https://www.iliteratura.cz/clanek/35143-cechov-anton-pavlovic-clovek-ve-futralu (дата обращения: 02.07.2026).

21 *Hermans T.* The Translator's Voice in Translated Narrative // Target. International Journal of Translation Studies. 1996. Vol. 8, № 1. P. 23–48.

22 *Munday J.* Style and Ideology in Translation: Latin American Writing in English. N. Y.; London: Routledge, 2008. 261 p.

23 *Munday J.* The Creative Voice of the Translator of Latin American Literature // Romance Studies. 2009. Vol. 27, № 4. P. 246–258.

24 *Oškerová J.* Kritická analýza dvou českých překladů Bulgakovova románu Mistr a Markétka se zaměřením na lexikální stránku jazyka: diplomová práce [Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, Katedra slavistiky]. Olomouc, 2016. 107 s.

25 *Popsujevičová K.* Vývojové tendence české kritiky překladu se zaměřením na odborné a laické ohlasy překladové tvorby Libora Dvořáka: diplomová práce [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2018. 79 s.
26 *Pozniak P.* Libor Dvořák jako překladatel ruské humoristické literatury: bakalářská práce [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav slavistických a východoevropských studií]. Praha, 2010. 69 s.
27 *Rosová A.* Poněkud uspěchaní Bratři Karamazovovi // Plav. 2014. №9. URL: https://www.svetovka.cz/2014/09/09-2014-recenze-rosova (дата обращения: 02.07.2026).

Источники

28 Libor Dvořák // Databazeknih.cz. URL: https://www.databazeknih.cz/prekladatele/libor-dvorak-331 (дата обращения: 11.05.2026).

***

© 2026. Olesya S. Sergienko
St. Petersburg, Russia

FEATURES OF LIBOR DVOŘÁK'S IDIOSTYLE AS A TRANSLATOR OF RUSSIAN LITERARY FICTION

Abstract: The paper examines the individual style of Libor Dvořák, a Czech translator of Russian literature. The relevance of the study is determined by the current interest of translation studies in the translator as a subject of literary translation and by the need to identify the stable features of an individual translating style. The aim of the research is to reconstruct Dvořák's translator's idiolect through the analysis of recurring translation decisions revealed in his work with literary texts by Russian writers of the 19th and 20th centuries. The research material comprises Dvořák's translations of works by Mikhail Bulgakov, Anton Chekhov, and Sergei Dovlatov, as well as literary-critical responses to his translations of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky. The study employs comparative analysis of original texts and translations, contextual analysis, and the analysis of translation strategies. The results demonstrate that Dvořák's translator idiostyle is characterized by the effort to preserve the artistic function of the original while selecting means of expression corresponding to contemporary Czech. The analysis shows that the consistency of his translatorial style is manifested in the systematic choice of ways to render linguistic elements with regard to their semantic, stylistic, and cultural significance within the text.

Keywords: Libor Dvořák, translator's style, literary translation, Russian literature in Czech translations

Information about the author: Olesya S. Sergienko — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2374-717X
E-mail: o.sergienko@spbu.ru

Received: July 15, 2026
Approved after reviewing: August 26, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Sergienko, O.S. "Features of Libor Dvořák's Idiostyle as a Translator of Russian Literary Fiction." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 272–287. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-272-287

References

1 Dzaparova, E.B. "Tvorcheskaia individualnost perevodchika kak komponent khudozhestvennogo perevoda" ["Creative Individuality of the Translator as a Component of Literary Translation"]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova*, no. 2, 2012, pp. 301–306. (In Russ.)

2 Gerchikova, I.A. "Russkaia literatura v cheshskikh perevodakh (Libor Dvorzhak)" ["Russian Literature in Czech Translations (Libor Dvořák)"]. *Slavianskii mir v tretem tysiacheletii. Etnicheskie, konfessionalnye, sotsiokulturnye komponenty identichnosti narodov Tsentralnoi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy*: sbornik nauchnykh trudov [*The Slavic World in the Third Millennium. Ethnic, Religious, and Sociocultural Components of the Identity of the Peoples of Central, Eastern, and Southeastern Europe:* Collection of Scholarly Papers], ex. ed. E.S. Uzeneva. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 434–442 (Series "Slavianskii mir v tretem tysiacheletii" [Slavic World in the Third Millennium]; vol. 12) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-literatura-v-cheshskih-perevodah-libor-dvorzhak (Accessed 09 July 2026). (In Russ.)

3 Komissarov, V.N. *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [*Translation Theory (Linguistic Aspects)*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)

4 Kranysheva, Iu.A. "Problema individualnogo stilia perevodchika (na materiale sopostavitelnogo analiza perevodov romana 'Garri Potter i filosofskii kamen' Dzh.K. Rouling)" ["The Issue of the Translator's Individual Style (Based on a Comparative Analysis of Translations of J.K. Rowling's Novel 'Harry Potter and the Philosopher's Stone')"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati imeni Ivana Fedorova*, no. 2, 2015, pp. 48–55. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-individualnogo-stilya-perevodchika-na-materiale-sopostavitelnogo-analiza-perevodov-romana-garri-potter-i-filosofskiy-kamen-dzh (Accessed 12 July 2026). (In Russ.)

5 Krupnik, L.V. "Lichnost perevodchika kak subiektivnyi faktor khudozhestvennogo perevoda (na materiale knigi L. Uollisa 'Ben-Gur')" ["The Translator's Personality as a Subjective Factor in Literary Translation (Based on L. Wallace's Novel 'Ben-Hur')"]. *Aktualnye voprosy perevodovedeniia i praktiki perevoda* [*Current Issues in Translation Studies and Translation Practice*], vol. 3. Nizhnii Novgorod, OOO "ALBA" Publ., 2013, pp. 121–129. (In Russ.)

6 Ladurenko, A.D. "Rol iazykovoi lichnosti perevodchika pri perevode khudozhestvennykh tekstov na primere tsikla knig Dzh.K. Rouling 'Garri Potter'" ["The Role of the Translator's Linguistic Personality in Translating Literary Texts (Based on J.K. Rowling's 'Harry Potter' Series)"]. *Dalnevostochnyi filologicheskii zhurnal*, no. 1–2, 2023, pp. 99–108. (In Russ.)

7 Levyi, I. *Iskusstvo perevoda* [*The Art of Translation*], trans. from Czech, and *introd*. Vl. Rossels. Moscow, Progress Publ., 1974. 396 p. (In Russ.)

8 Piankova, N.V. *Natsionalno-spetsificheskie realii prozy S. Dovlatova i ikh otrazhenie v perevode na cheshskii iazyk*: magisterskaia dissertatsiia [*Nationally Specific Realities of S. Dovlatov's Prose and Their Representation in Translation into Czech*: Master's Thesis]. [Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, 2025. 78 p. (In Russ.)

9 Rakhmatullina, D.R., Bezmenova, L.E., Mangushev, S.V. "Iazykovaia lichnost perevodchika i pragmaticheskaia variativnost perevoda (na materiale perevodov romana Dzh. Ostin 'Gordost i predubezhdenie')" ["The Translator's Linguistic Personality and Pragmatic Variability of Translation (Based on Translations of J. Austen's Novel 'Pride and Prejudice')"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 17, issue 4, 2024, pp. 1343–1350 https://doi.org/10.30853/phil20240195 (In Russ.)

10 Sergienko, O.S. "Sovremennye cheshskie perevodchiki russkoi literatury — bratia Libor i Milan Dvorzhaki" ["Modern Czech Translators of Russian Literature — Brothers Libor and Milan Dvořák"]. *Piatye Andreevskie chteniia. Slavianskie literatury i literaturnye vzaimosviazi.* Materialy sektsii XLII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii 11–17 marta 2013 g. [*The Fifth Andreev Readings. Slavic Literatures and Literary Interrelations.* Proceedings of the Section of the 42th International Philological Conference, March 11–17, 2013]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2013, pp. 63–71. (In Russ.)

11 Tilloeva, S.M., Trekina, E.N. "Rol lichnosti perevodchika pri perevode khudozhestvennogo teksta" ["The Role of the Translator's Personality in Literary Translation"]. *Iazyk v sfere professionalnoi kommunikatsii:* sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov i studentov [*Language in the Sphere of Professional Communication:* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of University Teachers, Postgraduate Students, Master's Students, and Undergraduate Students]. Ekaterinburg, Izdatelskii dom "Azhur" Publ., 2023, pp. 237–245. (In Russ.)

12 Fedorov, A.V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy)* [*Foundations of General Translation Theory (Linguistic Problems)*]. *4nd ed., rev. and edd.* Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1983. 304 p. (In Russ.)

13 Chuvanova, U.A. *Lingvokulturologicheskie osobennosti perevoda rasskazov A. P. Chekhova na cheshskii iazyk*: kursovaia rabota [*Linguocultural Features of Translating A.P. Chekhov's Short Stories into Czech*: Course Paper]. [Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, 2026. 62 p. (In Russ.)

14 Alexejeva, Antonie. *Komparativní analýza nového českého překladu Dostojevského románu Idiot*: diplomová práce. [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2025. 148 p. Available at: https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/203127 (Accessed 06 July 2026). (In Czech)

15 Baker, Mona. "Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator." *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 12, no. 2, 2000, pp. 241–266. https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak (In English)

16 Boase-Beier, Jean. *Stylistic Approaches to Translation*. Manchester, St. Jerome Publ., 2006. (In English)

17 Chlupáčová, Kamila. "Prohraná překladatelská válka." *A2*. No. 10. 2011. Available at: https://advojka.cz/a2-article/2011-10-prohrana-prekladatelska-valka (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
18 Chlupáčová, Kamila. "Nový překlad Dostojevského Bratrů Karamazových." *iLiteratura*. Available at: https://www.iliteratura.cz/clanek/32739-dostojevskij-fjodor-michajlovic-bratri-karamazovi (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
19 Chlupáčová, Kamila. "Vášnivé sepětí s originálem? Přednosti a zápory překladatelské továrny." *A2*. No. 18. 2014. Available at: https://advojka.cz/a2-article/2014-18-vasnive-sepeti-s-originalem (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
20 Chlupáčová, Kamila. "Nový překlad próz A.P. Čechova." *iLiteratura*. Available at: https://www.iliteratura.cz/clanek/35143-cechov-anton-pavlovic-clovek-ve-futralu (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
21 Hermans, Theo. "The Translator's Voice in Translated Narrative." *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 8, no. 1, 1996, pp. 23–48. (In English)
22 Munday, Jeremy. *Style and Ideology in Translation: Latin American Writing in English*. New York, London, Routledge Publ., 2008. 261 p. (In English)
23 Munday, Jeremy. "The Creative Voice of the Translator of Latin American Literature." *Romance Studies*, vol. 27, no. 4, 2009, pp. 246–258. (In English)
24 Oškerová, Jana. *Kritická analýza dvou českých překladů Bulgakovova románu Mistr a Markétka se zaměřením na lexikální stránku jazyka*: diplomová práce. [Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, Katedra slavistiky]. Olomouc, 2016. 107 p. (In Czech)
25 Popsujevičová, Kateřina. *Vývojové tendence české kritiky překladu se zaměřením na odborné a laické ohlasy překladové tvorby Libora Dvořáka*: diplomová práce. [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2018. 79 p. (In Czech)
26 Pozniak, Pavel. *Libor Dvořák jako překladatel ruské humoristické literatury*: bakalářská práce. [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2010. 69 p. (In Czech)
27 Rosová, Anna. "Poněkud uspěchaní Bratři Karamazovovi." *Plav*. No. 9. 2014. Available at: https://www.svetovka.cz/2014/09/09-2014-recenze-rosova (Accessed 02 July 2026). (In Czech)

Искусствоведение
History of Arts

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-288-301
УДК 726.6.5.03
ББК Щ.85.113(2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.М. Салимов
г. Тверь, Россия

© 2026 г. М.А. Салимова
г. Тверь, Россия

О ВОЗМОЖНОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ УТРАЧЕННЫХ ХРАМОВ НА ПРИМЕРЕ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ УЛЬЯНОВСКОМ (УЛЬЯНОВО) ЗУБЦОВСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа выполнена в рамках научной деятельности Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) и при реализации Программы фундаментальных научных исследований Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ — филиал Центрального научно-исследовательского и проектного института Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации)

Аннотация: Несмотря на активно возрождающийся интерес к истории православных храмов, на сегодняшний день на территории страны еще очень много культовых объектов находится в забвении, часть из них в полуразрушенном состоянии, а многие полностью утрачены и не всегда точно можно определить их местоположение. Поиск остатков разрушенных зданий, прежде всего, проводится с помощью архитектурно-археологических исследований, которым предшествуют историко-архивные изыскания. Когда сведений о том, где стоял храм, не сохранилось даже среди старожилов, определить ориентировочное место предстоящих поисков может только детальный анализ источников. При этом место утраченного храма, особенно в сельской местности, имеет важное значение, и в сакральном смысле (намоленное), и в градостроительном — поскольку церкви или церковные комплексы, как правило, становились доминантами в застройке населенного пункта. Таким примером стал Успенский храм в селе Ульянове (Ульяновском) Зубцовского района Тверской области. Это здание, выстроенное в центре села в первой трети XIX в., в период активного использования в провинции классицистических форм, было разрушено в 1940 гг., а его место занял невыразительный куб Дома культуры второй половины XX в.

Ключевые слова: Тверская область, Зубцовский район, Успенская церковь в селе Ульяновском, локализация утраченных храмов

Информация об авторах:
Алексей Маратович Салимов — доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Ярославское ш., д. 26, 129337 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8807-4554
E-mail: sampochta@mail.ru
Марина Анатольевна Салимова — реставратор, ООО «Научно-Реставрационное Объединение», пл. Сокольническая, д. 4а, эт. 3, помещ. IV, комн. 34, оф. 309, 107113 г. Москва, Россия.
E-mail: sampochta@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.05.2026
Дата одобрения рецензентами: 01.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Салимов А.М., Салимова М.А.* О возможности локализации утраченных храмов на примере Успенской церкви в селе Ульяновском (Ульяново) Зубцовского района Тверской области // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 288–301. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-288-301

К началу XX в. на территории Тверской губернии действовало 812 приходов и 28 монастырей, итого — 840 комплексов. Конечно, культовых построек в целом было еще больше. Поскольку нередко приход имел не один храм, а в окрестных деревнях к нему относилось еще несколько часовен. Сегодня на государственной охране в Тверской области состоит 553 церкви, 48 колоколен и 45 монастырей, всего — 646. Следует уточнить, что колокольни как отдельный объект обычно ставят на охрану при утрате храма. К декабрю 2025 г. в Тверской епархии насчитывалось 359 действующих храмов, 66 часовен и 13 монастырей, т. е. всего отдельных культовых объектов и в целом комплексов 438.

Понятно, что границы губернии и области несколько разнятся, однако, следует заметить, что при перераспределении пограничных земель некоторое количество храмов как убывало, так и прибывало. Эти цифры позволяют говорить о том, что на сегодняшний день находится в забвении еще очень много церковных зданий, часть из них — в полуразрушенном состоянии, а многие полностью утрачены, и не всегда можно точно определить их местоположение. Вот о такой ситуации и пойдет речь — об утраченной Успенской церкви села Ульяново Зубцовского района.

Центр села Ульяново в Зубцовском районе Тверской области обозначен сегодня малоинтересным архитектурным сооружением — Домом культуры, возведенным во второй половине XX в. Однако строящаяся в настоящее время к югу от него часовня, опосредованно напоминает нам о том, что до середины XX столетия на главной торговой площади этого населенного пункта, которое еще в 1940 гг. называлось Ульяновским, возвышалось здание церкви Успения Богоматери, выстроенной в первой трети XIX в. (иллюстрация 1).

Иллюстрация 1 — Здание Дома культуры, стоящее на главной площади села Ульяново в Зубцовском районе Тверской области.
Слева от него — недостроенная часовня. Вид с юго-востока. Фото авторов. Июль 2025 г.
Figure 1 — The Building of the House of Culture, Located on the Mainsquare of the Village of Ulyanovo in the Zubtsovsky District of the Tver Region.To his Left is an Unfinished Chapel. View from the South East. Photos by the Authors. July 2025

Информация о разрушенном, по мнению краеведов, зимой 1941/1942 г. здании [1, с. 4; 3, с. 5], сосредоточенная в основном на Интернет-ресурсах, не позволяет сказать что-либо конкретное о его местоположении. Задачей данной работы стал сбор материалов по истории храма, анализ которых позволил бы «привязать» утраченное сооружение к современной планировочной схеме села.

Историко-архивные и библиографические исследования проводились во всех тех хранилищах (архивах, музеях, библиотеках), в которых могли быть найдены интересующие нас документы. Основные материалы об Ульяновских храмах сосредоточены в Государственном архиве Тверской области (ГАТО). В процессе работы изучались описи его фондов, в которых можно было бы выявить источники, содержащие сведения о строительной истории культовых построек Ульяновского. Особый интерес представляют несколько фондов ГАТО. В первую очередь, это фонд Тверской духовной консистории, где сосредоточены не только клировые ведомости, фиксирующие состояние церкви на протяжении всего периода ее существования, но и конкретные дела по строительной истории храма (Ф. 160. Оп. 1, Оп. 7). Графические материалы, как правило, сосредоточены в двух фондах. В фонде Тверской губернской строительной и дорожной комиссии (Ф. 97) хранятся дела за 1833–1865 гг. К сожалению, дело об освидетельствовании придельного храма села Ульяновского за 1846 г. утрачено. В последующие годы, вплоть до революции, строительные мероприятия контролировались Строительным отделением Тверского губернского правления (Ф. 466. Оп. 1), однако относящееся к 1871 г. дело о перестройке трапезной Успенской церкви в Ульяновском, из этого фонда утрачено. В фонде Тверской губернской чертежной (Ф. 852. Оп. 9, Оп. 17) имеются как графические, так и письменные дела, фиксирующие планировку и межевание

этих земель в начале — середине XIX в. Существует также фонд Зубцовской уездной землеустроительной комиссии (Ф. 1049. Оп. 1), в котором сохранилось дело о выделе земли крестьянам селения Ульяновского, в котором есть план земельного надела с фиксацией центра села, на котором, однако, церковный двор не выделен.

Изучение других фондов, в которых можно было бы найти материалы по интересующему нас храму, результатов не дало. В фонде Тверской губернской ученой архивной комиссии (Ф. 103. Оп. 1) было обнаружено дело, фиксирующее факт уничтожения межевых дел по губернии за 1875–1907 гг., всего 33 описи. Возможно, план на село Ульяновское был среди ликвидированных дел.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва — Ф. 1354. Оп. 497; Ф. 1355. Оп. 1) сохранился план генерального межевания и экономические примечания села Ульяновского второй половины XVIII в. Аналогичный план имеется и в ГАТО с приложением межевой книги 1824 г. Полный перечень имущества Ульяновской церкви 1900 гг. содержится в Страховой оценке недвижимости, находящейся в Петербурге в Российском государственном историческом архиве (РГИА Ф. 799. Оп. 33). В фондах Зубцовского филиала Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ) хранятся лишь две статьи, опубликованные в районной газете.

Судьба утраченного храма — каменной Успенской церкви в селе Ульяновское волнует неравнодушных граждан, поэтому на различных сайтах имеются материалы по этой теме, а в открытых источниках помещено несколько дореволюционных снимков, запечатлевших площадь с храмом, и видеоролик о селе и его храме. В одной из статей, посвященной истории этого села, говорится о том, что данный населенный пункт впервые был упомянут в писцовой книге 1539 г. [1, с. 4]. Однако детально ознакомившись с материалами, содержащимися в этом источнике, нам не удалось в составе Горицкого стана волости Хорвач (а именно в границах этого административно-территориального образования помещает село Ульяновское автор вышеуказанной статьи) обнаружить это село [6, с. 90–100]. Можно предположить, что в первой половине XVI в. оно называлось как-то иначе, но даже если так оно и было, то в любом случае этот населенный пункт в тот период относился к числу деревень и, следовательно, не имел на своей территории культового сооружения[1].

И все же выводить появление храма в селе Ульяновском за пределы позднего средневековья не следует. Данный вывод базируется на документальном свидетельстве, повествующем о том, что в середине XVII в. в Ульяновскую церковь поступило Евангелие, которое изготовили в 1648 г. (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 286. Л. 31–31 об., 82–83). Этот факт дает основание считать, что деревянная церковь в селе Ульяновском могла появиться еще в середине — конце XVI в. или после Смуты начала XVII в. Наиболее же ранние сведения о самом храме относятся к 1720 г., когда здесь была выстроена новая деревянная Успенская церковь с приделом св. Пафнутия Боровского (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16418. Л. 117). Десятью годами ранее село Ульяновское отметила перепись 1710 г., обозначив его в качестве вотчины Пафнутьево-Боровского монастыря [3, с. 5], что объясняет наличие в Ульяновском храме придела, посвященного святому Пафнутию Боровскому.

Более зримо присутствие в селе церкви было зафиксировано планами Ульяновского, выполненными в конце 1770 гг. (иллюстрации 2–3) и письменным источником второй половины 80-х – начала 90 гг. XVIII в. (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1694. Л. 140. № 1188).

[1] До революции селом назывался тот населенный пункт, в котором был храм.

Иллюстрация 2 —Успенская церковь на плане села Ульяновского Зубцовского уезда Тверской губернии. 1779 г. (ГАТО. Ф. 852. Оп. 18. Д. 1081)
Figure 2 — Assumption Church on the Village Plan of the Ulyanovsk Zubtsovsky District of the Tver Province. 1779 (STAR. Fund (Coll) 852. Opis (Inventory) 18. File 1081)

Иллюстрация 3 — Успенская церковь на плане села Ульяновского Зубцовского уезда Тверской губернии. 1779 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 497. Д. У-14 кр.)
Figure 3 —Assumption Church on the Village Plan of the Ulyanovsk Zubtsovsky District of the Tver Province. 1779. (RSHA. Fund (Coll.). 1354. Opis' (Inventory). 497. File У-14 r)

В 1814 г. рядом с возведенным в петровское время храмом началось строительство каменной церкви с тем же наименованием, но уже с двумя приделами. Один из них должен был повторить посвящение Пафнутьевского придела деревянного храма, а вто-

рой собирались освятить во имя Казанской Богоматери (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2825. Л. 1). Настрой ульяновского причта и прихожан именно на такое развитие событий позволяет предполагать, что после завершения каменной Успенской церкви деревянную собирались, возможно, разобрать, передав (продав) оставшийся «конструктор» в какой-нибудь другой, нуждающийся в культовом сооружении населенный пункт. Не исключено также, что активно развивающееся с XVIII в. в качестве крупного торгового центра село [1, с. 4] могло позволить себе не одну церковь, а целый храмовый комплекс. Однако, если такие намерения и были, то после 30 апреля 1815 г. от них пришлось отказаться. В этот день в результате большого пожара, случившегося «от неосторожного топления бани <…> згорели все почти обывательския домы и деревянная церковь». Под «почти всеми» домами следует понимать гибель «пятидесяти девяти крестьянских дворов с пристройками» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2820. Л. 1, 9; РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 451. Л. 1–1 об.).

Несмотря на столь масштабное бедствие, жители села успели вытащить из горевшего храма всю церковную утварь, «кроме двух, от сильнаго жара разтопившихся колоколов», от которых осталось «меди пуд до семидесяти» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2820. Л. 1, 9; РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 451. Л. 1–1 об.; ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2825. Л. 6). Это событие естественным образом избавило священнослужителей и прихожан от необходимости заниматься судьбой деревянной церкви, и они сконцентрировали свои усилия на завершении строительства каменного храма. В итоге, в сентябре 1818 г. Успенская церковь в селе Ульяновском была в целом завершена, но к освящению в это время были готовы только находящиеся в трапезной приделы: Казанской Богоматери и Пафнутия Боровского. Содержащееся в источнике 1818 г. описание основного объема фиксирует его в качестве четверика площадью 19,3 х 19,3 аршин (13,7 х 13,7 м) с примыкающим с востока полуциркульным алтарем. С севера и юга основной объем украшали четырехколонные портики, которым на стенах четверика соответствовали пилястры.

Включавшая в свой состав два придела трапезная, окончание которой документ связывает с 1817 г., превышала по ширине основной объем, поскольку ее ширина составляла 34,5 аршина (24,5 м), а длина равнялась 17,5 аршин (12,5 м). «По правую сторону» (с юга) 27 ноября 1818 г. в ней освятили придел «Казанския Божия Матери», а «по левую» (с севера) — «преподобнаго Пафнутия» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2825. Л. 1–4, 6, 11).

Пришедшееся на 1814 г. начало строительства каменного храма в селе Ульяновском позволяет с уверенностью говорить не только об ориентации его архитектурных форм на классицистическую стилистику, но и предварительно обозначить возможного автора этого храма. Известно, что подобные крупные сооружения в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. нередко проектировались губернскими архитекторами. В 1812–1814 гг., когда мог быть выполнен проект Ульяновской церкви, таковым являлся Николай Николаевич Легранд [5, с. 84]. Тем не менее, 1810 гг. отмечены активным участием в этой деятельности Андрея Алексеевича Трофимова, который весной 1811 г. оставил должность губернского архитектора, занимал он ее почти 23 года (1788–1811 гг.) [5, с. 81]. Опираясь на сложившийся за эти годы авторитет, он оставался весьма востребованным мастером и в первой половине — середине 1810 гг., вплоть до своей кончины в 1816 г. (ГАТО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 3553. Л. 6). К примеру, около 1816 г. им был подготовлен проект колокольни для Троицкого Калязина монастыря (ГАТО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 3553. Л. 6). Он же, вероятно, на рубеже XVIII–XIX вв. стал автором Успенского собора в Зубцове, который выстроили в 1800–1801 гг. [4, с. 74].

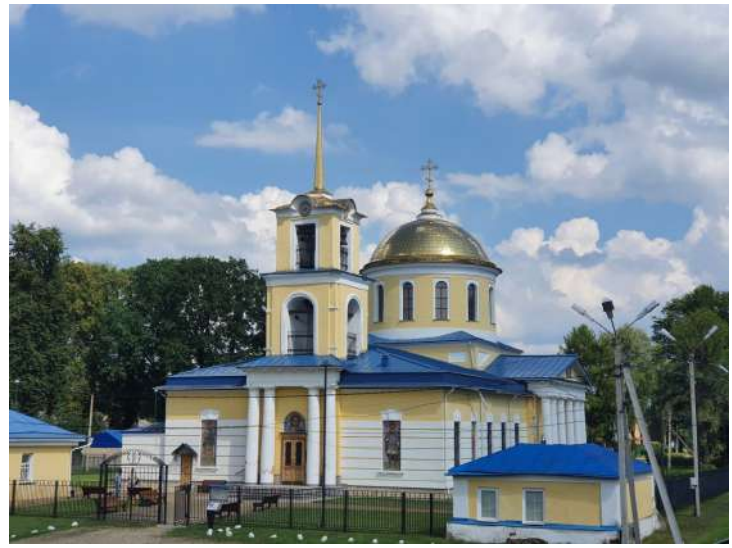

Иллюстрация 4 —Успенский собор в Зубцове. Начало XIX в., 1830 гг.
Вид с юго-запада. Фото авторов. Июль 2025 г.
Figure 4 —Assumption Cathedral in Zubtsov. Early 19th Century, 1830s. View from the Southwest.
Photos by the Authors. July 2025

Иллюстрация 5 — Успенский собор в Зубцове. Начало XIX в., 1830 гг.
Вид с юго-запада. Фото авторов. Июль 2025 г.
Figure 5 — Assumption Cathedral in Zubtsov. Early 19th Century, 1830s.View from the Southwest.
Photos by the Authors. July 2025

Памятник был перестроен в начале — середине 1830 гг., при соотнесении его современных архитектурных форм (иллюстрации 4–5) с вышеприведенным описанием Успенской церкви в селе Ульяновском есть основание считать главный храм Зубцова во многом аналогом Ульяновской церкви. Однако наиболее существенным аргументом в пользу версии о проектировании А.А. Трофимовым Успенского храма в Ульяновском служит подготовленный в 1813–1814 гг. проект еще одной церкви в Зубцовском уезде — Никольской в селе Дорофеевском (иллюстрация 6).

Иллюстрация 6 — А.А. Трофимов. Проект Никольской церкви в селе Дорофеево Зубцовского уезда Тверской губернии. 1813–1814 гг. (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 990. Л. 18а)
Figure 6 — A.A. Trofimov. The Project of St. Nicholas Church in the Village of Dorofeevo, Zubtsovsky District, Tver Province. 1813–1814 (STAR. Fund (Coll) 160. Opis (Inventory) 7. File 990. Sheets 18a)

Не повторяясь в деталях, и в том, и в другом случае в 1813–1814 гг. зодчий создает классицистические по облику храмы. Об этом, несмотря на плохое качество снимка, свидетельствует фотография Успенской церкви в Ульяновском, сделанная в начале XX в. (иллюстрация 7).

Иллюстрация 7 — Успенская церковь в селе Ульяновском. Вид с запада. Фото начала XX в.[2]
Figure7 — Assumption Church in the Village of Ulyanovsk. View from the West. Early 20th Century

[2] Село Ульяново. Зубцовский округ, вехи истории: фильм // RUTUBE. URL: https://rutube.ru/video/db610e1de0e436ed25dcfc5c7017bc7f/ (дата обращения: 17.07.2025).

Строили храм долго, в отчете 1818 г. отмечено, что в отличие от трапезной основной объем (четверик) церкви к этому времени был возведен только на половину своей высоты («стены выведены по перекрышку боковых дверей и связи положены»), а алтарь (полуциркульная апсида) — «по свод купола». Но решетки в существующие окна нижней половины четверика в 1818 г. уже были вставлены. Что касается колокольни, то к сентябрю 1818 г. ее выстроили только «по первой этаж», основу которого составили четыре, вероятно, квадратных в плане столба. Отметим, что при создании нижнего яруса колокольни к «правому» столбу пристроили свечную лавку со «сторожкой», а к двум «задним» столбам — «две палатки для хранения церковных вещей» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2825. Л. 3–4, 6). Вероятно, эти пристройки возвели из дерева.

Окончательное завершение храма пришлось на первую половину 1830 гг., потому что только в 1834 г. был освящен основной Успенский престол Ульяновской церкви (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16435. Л. 170–170 об.; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 53) [7, с. 284]. Одновременно «с введением в эксплуатацию» главного сооружения села рядом с храмом в структуре деревянной церковной ограды была выстроена каменная часовня (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 53 об.).

В начале — первой половине 1850 гг., когда вокруг храма была устроена каменная ограда с каменными же лавками (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16452. Л. 153), был расписан Успенский храм (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2825. 1853 г.).

В конце 50-х – 60 гг. XIX в. работы по обновлению церкви получили продолжение. Это выразилось в том, что в 1860 г. был отлит новый 200-пудовый колокол (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2499. Л. 1), в 1863-м исправлены придельные иконостасы (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2502. Л. 1, 6), в 1866 г. в северо-западную часть ограды встроили новую каменную сторожку (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16468. Л. 299), а в 1869-м недалеко от храма появился деревянный амбар «для ссыпки хлеба» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16472. Л. 292 об.; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 53 об.). Наконец, в 1871 г. предполагалось «распространить» трапезную Успенского храма, вероятно для того, чтобы увеличить служебную площадь приделов (ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Дело 1871 года выбыло). Однако утрата повествующего об этом намерении документа не позволяет в настоящее время сделать однозначный вывод о характере проведенных в начале 1870 гг. работ. Да и состоялись ли они вообще?

В том же 1871 г. реконструировали выстроенную в 1866 г. каменную сторожку, доведя ее длину до 12 аршин (8,5 м), очевидно, расширение было связано с устройством двух печей «русской и голландской» (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 53). Похоже, именно она была фрагментарно запечатлена на фотографии начала XX в. в нижнем левом углу снимка (см. иллюстрацию 7).

Начало 1880 гг. ознаменовалось росписью стен трапезной (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2506. Л. 2 об. – 3), а в середине 80 гг. XIX в. была возобновлена настенная живопись в самой Успенской церкви (ГАТО. Ф. 160. Оп. 7. Д. 2508. Л. 1, 3). Тогда же (в 1880–1882 гг.) получила развитие хозяйственная «инфраструктура» храмовой территории — были выстроены «навес на деревянных столбах» и бревенчатый деревянный сарай (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 53 об. – 54). Продолжением этих мероприятий стало масштабное жилищное строительство, осуществленное с целью обеспечить домами священнослужителей Ульяновской церкви. Произошло это между 1884 и 1895 гг. (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16469. Л. 338; ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16470. Л. 337–337 об.; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 53 об. – 54).

В 1906 г. «иеромонахом Николо-Угрешскаго монастыря о. Иларием, с разрешения Высокопреосвященнейшаго Алексия Тверскаго» была «пожертвована в Ульяновский храм икона с вложеннным в ней ковчегом». В ковчеге хранились: «часть Креста Господня и частицы следующих мощей: 1. Святой Мироносицы Марии Магдалины, 2. Священно-мученика Иероося Афонскаго, 3. Священно-мученика Харлампия, 4. Великомученника целителя Пантелеймона, 5. Святаго мученика Трифона, 6. Преподобно-мученицы Параскевы (26 авг.) и 7. Преподобнаго Федора Студийскаго» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16472. Л. 292).

В 1907 г. Тверская духовная консистория разрешила двум ульяновским псаломщикам «построить церковные дома <…> на скопленный для сей цели капитал». Эти здания возвели в 1911 г. (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16472. Л. 292 об.; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 2027. Л. 58).

Накануне Первой мировой войны был выполнен план центральной части Ульяновского, на котором можно ориентировочно обозначить местоположение Успенской церкви (иллюстрация 8).

Иллюстрация 8 — Центральная часть села Ульяновского на плане 1913 г. Стрелка указывает на ориентировочное местоположение Успенской церкви (ГАТО. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 22)

Figure 8 — The Central Part of the Village of Ulyanovsk on the Plan of 1913 The arrow Points to the Approximate Location of the Assumption Church (STAR. Fund (Coll) 1049. Opis (Inventory) 1. File 22)

Все выявленные материалы, расширяя наше представление о масштабах постройки и ее окружении, тем не менее, не позволяют сделать вполне определенные выводы о ее местоположении. Локализовать храм помогают снимки Базарной площади, сделанные в начале XX в. Один из них фиксирует площадь с колокольни, захватывая каменные здания конца XIX – начала XX в. (иллюстрация 9), другой, ориентированный на запад, запечатлел в центре села его основную сакральную «доминанту» — Успенскую церковь (иллюстрация 10).

**Иллюстрация 9 — Центральная (Базарная) площадь в селе Ульяновском.
Вид с востока (с колокольни Успенской церкви).
Фото начала XX в. из открытых источников в сети Интернет, архив авторов**
**Figure 9 — The Central (Market) Square in the Village of Ulyanovsk. View from the East (from the Bell Tower of the Assumption Church).
Early 20th Century Photos from open Sources on the Internet, Archive of Authors**

**Иллюстрация 10 — Центральная (Базарная) площадь в селе Ульяновском. Вид с запада.
Слева — Успенская церковь. Фото начала XX в. [2, с. 9]**
Figure10 — The Central (Market) Square in the Village of Ulyanovsk. View from the West. On the left is the Assumption Church. Photo from the Beginning of the 20th Century [2, p. 9]

Благодаря уцелевшим к настоящему времени в западной части площади нескольким каменным зданиям дореволюционной поры, которые присутствуют на снимках начала XX в., мы можем с известной долей вероятности «привязать» храм к современной топосъемке. Получается, что существовавшая еще в конце 30-х – начале 40 гг. XX в. и утраченная в 1940 гг. церковь Успения Богоматери находилась на месте выстроенного во второй половине XX в. Дома культуры, при этом собственно храм, апсида и фрагмент южной части трапезной вполне могли не попасть под новое строение (иллюстрация 11).

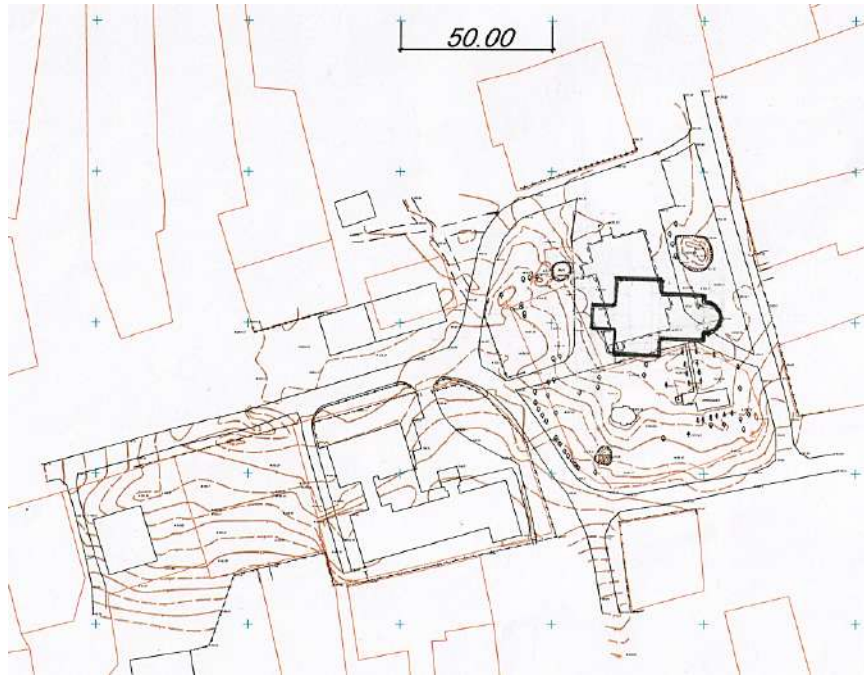

Иллюстрация 11 — Схема «привязки» Успенской церкви в селе Ульяново к современной топографической ситуации. Выполнена авторами
Figure 11 — The Scheme of "Linking" the Assumption Church in the Village of Ulyanovsk to the Modern Topographic Situation. Made by the Authors

Окончательный же ответ на вопрос о точном местоположении храма в селе Ульяновском дадут архитектурно-археологические исследования, опирающиеся на проведенные архивные изыскания.

Список литературы

Исследования

1 *Кутейников С.* Ульяново. Точка на карте района // Зубцовская жизнь. 2001. 14 июня. С. 4.
2 *Мотов В.* Врач Паулюса // Зубцовская жизнь. 2008. № 47. 20 ноября. С. 4.
3 *Подвойский Н.* История церкви в Ульянове и строительство часовни // Зубцовская жизнь. 2019. № 44. 31 октября. С. 5.
4 Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область: в 6 ч. / отв. ред. Г.К. Смирнов. М.: Academia, 2015. Ч. 4. 384 с.

5 *Смирнов Г.К.* Тверские губернские архитекторы (1776–1918 годы): краткий обзор // Меж двух столиц: тверская архитектура и монументальное искусство XVIII – середины XX века. Тверь: Изд. Алексей Ушаков, 2018. С. 77–93.

Источники

6 Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилдище, 2005. 758 с.

7 Тверской епархиальный статистический сборник / сост. И. Добровольский. Тверь: Тип.-лит. Ф.С. Муравьева, 1901. 772 с.

Список сокращений

ГАТО — Государственный архив Тверской области.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.
РГИА — Российский государственный исторический архив. С-Петербург.
ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей.

***

© 2026. Alexey M. Salimov,
Tver, Russia

© 2026. Marina A. Salimova
Tver, Russia

ON THE POSSIBILITY OF LOCALIZING LOST CHURCHES USING THE EXAMPLE OF THE ASSUMPTION CHURCH IN THE VILLAGE OF ULIANOVSKOYE (ULIANOVO) IN THE ZUBTSOVSKY DISTRICT OF THE TVER REGION

Acknowledgements: The work was carried out in terms of the scientific activities of the National Research Moscow State University of Civil Engineering and the implementation of the Program of Fundamental Scientific Research of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation).

Abstract: Today, despite actively reviving interest in the history of Orthodox churches, there are still many religious sites in the country, some of the min a dilapidated state, and many are completely lost so that it is not always possible to accurately determine their location. The search for the remains of destroyed buildings, of course, is carried out with the help of architectural and archaeological research, which is preceded by historical and archival research. When information about the site where the temple stood has not been preserved even among the old-timers, only a detailed analysis of the sources can determine the approximate location of the upcoming searches. At the same time, the location of the lost temple, especially in rural areas, is important, both in the sacred sense (sacred) and in terms of the urban planning, since churches or church complexes, as a rule, became dominant in the development of the settlement. Such an example was the Assumption Church in the village of Ulyanovsk (Ulianovskoye) in the

Zubtsovsky district of the Tver region. This building, built in the center of the village in the first third of the 19th century, during the period of active use of classical forms in the province, was destroyed in the 1940s, and its place was taken by the featureless cube of the House of Culture in the second half of the 20th century.

Keywords: Tver region, Zubtsovsky district, Assumption Church in the village of Ulyanovsk, localization of lost churches

Information about the authors:
Aleksey M. Salimov — DSc in Arts, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Yaroslavskoye High., 26, 129337 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8807-4554
E-mail: sampochta@mail.ru
Marina A. Salimova — Restorer, Scientific and Restoration Association, Sokolnicheskaya Sq., 4a, fl. 3, apart. IV, room 34, of. 309, 107113 Moscow, Russia.
E-mail: sampochta@mail.ru

Received: May 29, 2026
Approved after reviewing: June 01, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Salimov, A.M., Salimova, M.A. "On the Possibility of Localizing Lost Churches Using the Example of the Assumption Church in the Village of Ulianovskoye (Ulianovo) in the Zubtsovsky District of the Tver Region." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 288–301. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-288-301

References

1 Kuteinikov, S. "Ulianovo. Tochka na karte raiona" ["Ulyanovo. A Point on the Map of the District"]. *Zubtsovskaia zhizn*, 2001, June 14, p. 4. (In Russ.)
2 Motov, V. "Vrach Pauliusa" ["Paulus' Doctor"]. *Zubtsovskaia zhizn*, no. 47, November 20, 2008, p. 4. (In Russ.)
3 Podvoiskii, N. "Istoriia tserkvi v Ulianove i stroitelstvo chasovni ["The History of the Church in Ulyanovsk and the Construction of the Chapel"]. *Zubtsovskaia zhizn*, no. 44, October 31, 2019, p. 5. (In Russ.)
4 *Svod pamiatnikov arkhitektury i monumentalnogo iskusstva Rossii. Tverskaia oblast:* v 6 ch. [*The Code of Monuments of Architecture and Monumental Art of Russia. Tver Region*: in 6 parts], part 4, ex. ed. G.K. Smirnov. Moscow, Academia Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)
5 Smirnov, G.K. "Tverskie gubernskie arkhitektory (1776–1918 gody): kratkii obzor" ["Tver Provincial Architects (1776–1918): a Brief Overview"]. *Mezh dvukh stolits: tverskaia arkhitektura i monumentalnoe iskusstvo XVIII – serediny XX veka* [*Between Two Capitals: Tver Architecture and Monumental Art of the 18th – mid-20th Century*]. Tver, Izdatel Aleksei Ushakov Publ., 2018, pp. 77–93. (In Russ.)

Abbreviations

STAR — The State Archive of the Tver Region.
RSAAA — The Russian State Archive of Ancient Acts. Moscow.
RSHA — Russian State Historical Archive. St. Petersburg.
TSUM — Tver State United Museum.

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-302-322
УДК 7.045
ББК 63.3(4Юго.Сер); 85.03(2)
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. М.М. Тренихин
г. Москва, Россия

«ОН БЫЛ ИСКРЕННИМ ДРУГОМ РОССИИ». САВВА ГРУИЧ — СЕРБСКИЙ ПОСЛАННИК В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. АТРИБУЦИЯ ПОРТРЕТА

Аннотация: В статье исследуется фотография последней четверти XIX в. с изображением Саввы Груича (1840–1913) — сербского военного и государственного деятеля, участника Сербско-турецкой войны 1876–1877 гг. в армии генерала Михаила Черняева. Позднее он проявил себя в качестве видного дипломата, в том числе дважды будучи посланником Сербии в Российской империи (1885–1887 и 1897–1899). Ранее Груич проходил обучение в Санкт-Петербурге в Михайловской артиллерийской академии (с 1865 г.). Позднее он будет занимать высокие должности военного министра, министра иностранных дел, главы правительства Сербии. Рассматриваемый фотографический портрет Саввы Груича (изначально — портрет неизвестного полковника) удалось атрибутировать благодаря изучению наград. Особенно интересен пример ношения ордена Святого Станислава 2-й степени со звездой с мечами — случай в иконографии портретов уникальный, но задокументированный посредством фотографии. В статье рассмотрены нормативные документы, регламентирующие правила ношения орденов в разные периоды XIX в. Тематика данного исследования, благодаря историко-предметному методу атрибуции, находится на пересечении фалеристики, искусствоведения и источниковедения, а также наследия славянских стран.

Ключевые слова: Орден Святого Станислава, Российская империя, Сербия, медаль, орден, статут, награды, фалеристика, атрибуция, портрет, старая фотография

Информация об авторе: Михаил Михайлович Тренихин — кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), ул. Земляной Вал, д. 73, 109004 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-6307-9065
E-mail: trenihinm@yandex.ru

Дата поступления статьи: 24.05.2025
Дата одобрения рецензентами: 24.11.2025
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Тренихин М.М.* «Он был искренним другом России». Савва Груич — сербский посланник в Санкт-Петербурге. Атрибуция портрета // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 302–322.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-302-322

Введение

Традиционными методами атрибуции произведений живописи и графики являются стилистический, технико-технологический и иконографический. Но в наше время их дополняет еще один — историко-предметный атрибуции. Одной из основополагающих его составляющих, как произведений портретной живописи конца XVIII–XIX вв., так и ранней дореволюционной фотографии, является доскональное знание наградных систем Российской империи и стран Европы.

Изменения в самой наградной системе являются одним из точнейших датирующих признаков (к примеру, русифицированный знак бывшего польского ордена Святого Станислава с двуглавыми орлами, введенный в российскую наградную систему в самом конце 1831 г., не мог появиться у кавалера ранее 1832 г.). В отдельных случаях по наградам в совокупности с униформологическими признаками удается установить датировку создания портрета с точностью до полугода или года.

Не менее важной составляющей наградного набора являются медали и знаки отличия, чье учреждение было приурочено к конкретному событию. Они указывают на участие их обладателя в той или иной военной кампании.

Для атрибуции приходится привлекать множество письменных источников: адрес-календари (месяцесловы), Списки кавалерам по старшинству, Списки военным и статским чинам по старшинству, периодические издания (например, «Русский Инвалид»), «полковые истории», справочники, биографические статьи.

Не только портреты конца XVIII – первой половины XIX в., но и более поздние изображения, например, старые фотографии конца XIX – начала XX в., запечатлевшие ныне неизвестных людей, предполагают необходимость атрибуции.

Пожалуй, наиболее значимыми, наглядными и результативными трудами, посвященными историко-предметному методу атрибуции, являются монографии кандидата исторических наук Александра Владимировича Кибовского «500 неизвестных» [9, с. 3–110] и «800 неизвестных» [10].

Из недавних публикаций, посвященных данной тематике в научных изданиях, можно выделить статьи 2024–2025 гг. Они касаются и вопросов фотографии XIX в. [1, т. 26, с. 588–597; 13, т. 15, с. 62–68], и атрибуции гравюрных портретов [3, с. 66–75], и рецензий на раннее упомянутую онографию «800 неизвестных» [14, с. 217–222; 15, с. 222–225]. Иногда фотографии атрибутируют в сборниках «Русские портреты XVIII – начала XX в. Материалы по иконографии» [36, с. 134]. Периодически вопросов атрибуции фотографий касается фалерист-исследователь Сергей Николаевич Головин [7; 5, с. 179–185].

Автор данного исследования также не чужд данному вопросу и затрагивал его в интервью с С.Н. Головиным [2].

Наконец, тема Русско-турецкой войны и предшествующих ей антитурецких восстаний и отражение этих тем в наградах входит в круг научных интереса автора. Ряд статей по теме был опубликован в 2010–2025 гг. [21, с. 62–64; 22, с. 166–180; 18, с. 74–81; 20, с. 114–119].

Портрет неизвестного известного и уникальное сочетание знаков ордена Святого Станислава

В одной из частных московских коллекций находится фотографический портрет. Личность изображенного на нем офицера не была известна. Исследование портрета необходимо было начать с анализа наград, как одного из важнейших датирующих признаков фотографических портретов служащих XIX в.

Иллюстрация 1–2 — Фотография посланника Королевства Сербия в Российской империи, полковника Саввы Дмитриевича Груича (1840–1913). Санкт-Петербург, Фотоателье Карла Бергамаско (1830–1896). 1886–1887 гг. Атрибуция Михаила Тренихина. Коллекция Михаила Тренихина

Figure 1-2 — Photograph of the Ambassador of the Kingdom of Serbia to the Russian Empire, Colonel Savva Dmitrievich Gruich (1840–1913). St. Petersburg, Photo Studio of Karl Bergamasco (1830–1896). 1886–1887. Attribution by Mikhail Trenikhin. Collection of Mikhail Trenikhin

Среди всего наградного наибольший интерес представляет знак на чресплечной ленте и звезда российского ордена Святого Станислава I степени, сочетающийся и еще одной звездой, но с мечами, а также большим шейным крестом с мечами ордена Святого Станислава II степени.

Иллюстрация 3 — Знаки ордена Святого Станислава на фотографии (для удобства добавлен негатив):
1-й степени — чресплечная лента и звезда (верхняя);
2-й степени: шейный знак (большой крест) с мечами и звезда с мечами (нижняя)
Фотоколлаж Михаила Тренихина

Figure 3 — Signs of the Order of St. Stanislaus in the Photo (a Negative is Added For Convenience):
1st Class – Shoulder Ribbon and Star (Top);
2nd Class: Neck Badge (Large Cross) With Swords and Star with Swords (Bottom). Photo Collage by Mikhail Trenikhin

Как известно, этот орден изначально был польским. Учрежден 7 мая 1765 г. королем польским и великим князем литовским Станиславом Августом Понятовским в память его патрона и покровителя Польши святого Станислава [24]. После разгрома Наполеона по решению Венского конгресса Варшавское герцогство вошло в состав Российской империи. Манифестом от 1815 г. император Александр I сохранил орден в качестве награды для уроженцев Польши, разделив его на 4 степени. К 1-й и 2-й степеням полагалась серебряная звезда. Следующий император Николай I уточнял положение об ордене «имея ввиду Указы, данные Нашим блаженной памяти, Августейшим Братом и Предшественником, от 1 декабря 1815 года, 4 декабря 1816 года и 17 июня 1817 года», что указано в «Манифесте Императора Николая I от 2 сентября 1829 года об Ордене Св. Станислава» [26, с. 402].

Иллюстрация 4 — Российская империя. Знаки ордена Святого Станислава 2-й степени: шейный знак (большой крест) с мечами и звезда с мечами [28]
Figure 4 — Russian Empire. Signs of the Order of St. Stanislaus 2nd Class: Neck Badge (Large Cross) With Swords and Star With Swords [28]

В 1831 г., после подавления Польского восстания 1830–1831 гг., наряду с польским орденом Белого Орла был причислен к орденам Российской империи. В итоге он стал самым младшим и самым массово вручаемым орденом до 1917 г. Но до 1839 г. вручался он, как и прежде — в четырех степенях.

И тут следует перечислить, как выглядели знаки для каждой из четырех степеней, согласно положению 1831 г.:

> **Первая степень**, крест красный финифтяный на волнистой ленте [шелковой муаровой. — М.Т.] красного цвета шириною в 4 ¼ дюйма с двойною белою каймою, носимый через правое плечо, со звездою на левой стороне груди; по краям креста узенькие три полоски, а на острых концах оного находятся малые золотые шары, между коими золотые полукруги; в углах же креста с четыр ех сторон Российские двух-главые [так в оригинале. — *М.Т.*] орлы, а в середине на белом финифте, окруж енном золотою полосою, имеющего зел еный венок, находится Латинский его вензель Святого Станислава, изображенный тако: SS.

Звезда шитая, серебряная, носимая на левой стороне груди; в округе же оной, имеющем три полосы, из коих крайние золотые, а средняя зеленого цвета, находится девиз оного. Praemiando incitat (награждая поощряет), а в средине в малом золотом кругу Латинский вензель, изображенный: SS.

Вторая степень: Тот же крест, носимый на шее, на такой же ленте, шириною в три дюйма с одинаковую звездою.

Третья степень, тот же крест, носимый на шее, на такой же ленте, шириною в 1 ½ дюйма.

Четвертая степень, тот же крест, носимый в петлице, меньшей величины, на такой же ленте, шириною в 1 ½ дюйма [29, с. 355–356]

Иллюстрация 5 — Способы ношения 4-х степеней ордена Святого Станислава (1815–1839). Прорисовка Михаила Тренихина
Figure 5 — Wearing the 4 Classes of the Order of St. Stanislaus (1815–1839). Drawing by Mikhail Trenihin

Фактически же «между орденскими крестами и звездами I и II степени, подобно орденам Святого Георгия и Святого Владимира, на тот момент не было различия, за исключением способа ношения». [6, с. 16–17] Этот вид знаков называли «большим крестом».

О том, что представлял из себя орден Святого Станислава II степени со звездой, вручаемый в этот период, наиболее полно писал Сергей Николаевич Головин [6, с. 16–23], он так описывает дальнейшие события, произошедшие в иерархии орденских степеней:

> 28 мая 1839 года императорским указом упразднялась IV степень ордена, при этом кавалеры IV степени были переименованы в кавалеры III степени, а кавалеры III степени были переименованы в кавалеры II степени. Однако на деле это означало упразднение «неудобной» II степени со звездой, так как в этот же день утверждался новый орденский статут, согласно которому II степень разделялась на две ступени: орден, украшенный императорской короной, и орден без оной. Кавалеры же ордена Святого Станислава II степени со звездой, коих на рубеже второй половины XIX века в живых насчитывалось 172 человека, продолжали носить прежние знаки ордена, в память о короткой, но яркой ушедшей эпохе в Российской наградной системе [6, с. 23].

Итак, с разделением ордена в 1839 г. на три степени, вторая (шейная) степень ордена лишалась звезды. Однако же комплекты знаков ордена Святого Станислава 2-й степени со звездой встречаются и в конце XIX в. В чем же дело? Такие комплекты

использовались для награждения иностранных подданных. Очевидно, это было сделано для повышения статуса ордена, но сам орденский статут такой возможности не предусматривал. Т. е. речь идет не о правилах, а о практике. Иностранный подданный, пожалованный этим орденом, получал из Капитула орденскую грамоту, презентационную коробку с надписью «Знаки ордена Святого Станислава II степени со звездой»; звезду, идентичную обычной, входящей в комплект I степени; крест большого размера (де-факто, I степени) и шейную ленту [см. подстрочную сноску № 1]. Так на рубеже веков это были знак и звезда производства мастерской Альберта Кейбеля (1854–1910), поставляющей награды для Капитула орденов.

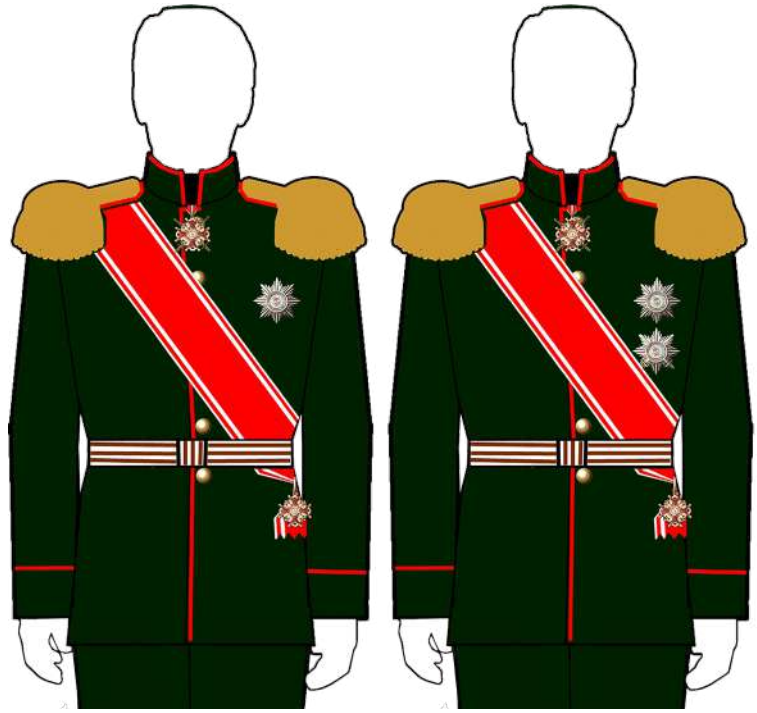

Иллюстрация 6 — Ношение 2-й степени ордена Святого Станислава с мечами при имеющейся 1-й степени. Справа — как должно было быть согласно статуту, слева — вариант, представленный на фотографии полковника Саввы Груича. Прорисовка Михаила Тренихина
Figure 6 — Wearing the 2nd Class of the Order of St. Stanislaus With Swords, With the 1st Class is Already Available. On the Right, as it Should be According to the Statute, and on the Left, as it Appears in the Photograph of Colonel Savva Gruich. Drawing by Mikhail Trenikhin

Но были и правила ношения орденов. Так:

> 1) орденские знаки Св. Станислава младших степеней, если оные пожалованы за военные подвиги, снимаются при пожаловании высших степеней сего ордена. <…> 3) Крест ордена Св. Станислава второй степени, пожалованный с мечами за военные подвиги, носится и при первой степени сего ордена [37, с. 131].

Тут все соответствует правилам, и наш кавалер все сделал верно. Но под звездой ордена I степени у него располагалась звезда ордена II степени с мечами. Ни в каких официальных документах на тот период не было ни такого вида наград, также неизвестны и подобные примеры ношения. Официально ко II степени ордена Святого Станислава не предусматривалось звезды, тем более — с мечами.

Иллюстрация 7 — Российская империя. Комплект знаков ордена Святого Станислава 2-й степени со звездой (для награждения иностранных подданных). Санкт-Петербург. Мастерская Альберта Кейбеля, 1899–1905 гг. Оригинальный футляр красной кожи с золотым тиснением[1]
Figure 7 — Russian Empire. Set of the Order of St. Stanislaus, 2nd Class, with a Star (for Awarding Foreign Subjects). St. Petersburg. Albert Keibel's Workshop, 1899–1905. Original Red Leather Case with Gold Embossing

Звезда для II степени осталась формально для награждения иностранцев и не попадала под общие правила ношения. И тут мы видим определенный юридический казус. Такое ношение не было возможным согласно статуту, но было законным, поскольку грамоты подписывались императором. «За собственноручным подписанием Его Императорского Величества даются грамоты или рескрипты на ордены» — все высшие, но и на первую степень младшего в наградной системе Ордена Святого Станислава [36, с. 27].

Но учитывая вс е вышеизложенное, рассматриваемая нами фотография — уникальный иконографический пример.

Интересен и тот факт, что наш кавалер, будучи полковником, имеет орден Святого Станислава I степени, при том, что «при награждении орденами в порядке постепенности, соблюдаются следующие правила, по коим не должны быть назначаемы: <…> орден Св. Станислава первой степени лицам, состоящим в чинах ниже Действительного Статского Советника и занимающим должности ниже пятого класса <…> Награждение орденами первых степеней, мимо младших орденов, зависит единственно от Высочайшего благоусмотрения» [37, с. 25].

[1] Интернет-аукцион «Знакъ» №2 от 19.05.2007, лот № 18. URL: https://www.znak-auction.ru/archive/5/0/2.htm#5ccdd7 (дата обращения: 31.07.2026).

Иллюстрация 8 — Российская империя. Знак для окончивших курс наук в Михайловской Артиллерийской академии образца 1866 г. [25, 30]
Figure 8 — Russian Empire. Badge for Graduates of the Mikhailovskaya Artillery Academy, Model of 1866 [25, 30]

Какие еще знаки и награды есть у нашего кавалера? С левой стороны груди из-под станиславовской ленты выглядывает академический знак Российской империи, а именно — Знак об окончании Михайловской артиллерийской академии. По поводу учреждения этого и знаков других военных академий имелся отдельный указ:

> Именной, объявленный в приказ Военного Министра «О знаках отличия, в замен аксельбанта, для окончивших курс наук в Военных Академиях».
>
> Государь Император Высочайше соизволил:
>
> 1 Офицерам, окончившим курс в Военных Академиях, вместо ныне присвоенного им аксельбанта, носить особый знак отличия, согласно прилагаемым при сем описанию и рисункам.
>
> 2 Знак сей сохраняется во всех чинах, до генеральского включительно, а также при переходе из одного ведомства в другое и по выходе в отставку; — и
>
> 3 Носить сей знак при всех формах военных и гражданских, как при мундирах, так и сюртуках и мундирных фраках, на правой стороне груди [30, с. 684–685].

Таким образом, носил этот знак наш герой согласно правилам.

Иллюстрация 9 — Королевство Сербия. Шейный знак и звезда ордена Таково [23, с. 41, 44]
Figure 9 — Kingdom of Serbia. Neck Badge and Star of the Order of Takovo [23, c. 41, 44]

Кроме того, у нашего кавалера кроме российских наград на иностранной военной форме имеются и иностранные награды. Знак и звезда ордена Таково (серб. Орден Таковског Крста) Королевства Сербия [23, p. 18–119]. Эта награда была учреждена в 1865 г. как памятная, переучреждена уже 1876 г. и в1903 г. ликвидирована при смене династии Обреновичей на Карагеоргиевичей. Однако, те, кто получил ордена Таковского креста до этого времени, продолжали их носить [23, p. 72].

Кроме этого, на левой стороне груди видна награда Королевства Греция — Звезда ордена Спасителя степени Большого креста [19].

Иллюстрация 10 — Королевство Греция. Звезда Ордена Спасителя [19]
Figure 10 — Kingdom of Greece. Star of the Order of the Savior [19]

На правой стороне груди имеются три иностранных медали. Их принадлежность предварительно можно определить по способу складывания ленты — лента-колодка, сложенная треугольником, характерна для Австрийской империи (а позднее Австро-Венгрии), эту же моду восприняли балканские славянские страны — Сербия, Черногория и Болгария. Но, вероятнее всего, при наличии сербского ордена Таково утверждать, что это — сербские медали. Об этом может говорить и прямая лента, сложенная треугольником у второй и третьей медалей. В таких двух вариантах их носили в Сербии в 1880-е – 1900 гг. Рельеф с изображениями на самих медалях не виден — они бликуют.

Именно поиск конкретных медалей привел автора к фундаментальному труду, посвященному наградам Сербии — книге словенца Павла Цара и хорвата Томислава Мухича «Сербские и югославские ордена и знаки отличия: с 1859 по 1941 годы», изданной в Вене в 2009 г. [23].

Иллюстрация 11 — Фотографии Саввы Груича. В 1878 г. Коллекция Небойши Митровича. После 1904 г. (1912. — *М.Т.*). Коллекция Любомира Стевовича [23, с. 112, 175]
Figure 11 — Photographs of Savva Grujić. In 1878. Collection of Nebojša Mitrović. After 1904 (1912. — *M.T.*). Collection of Ljubomir Stević [23, p. 112, 175]

И при просмотре наград за военные события Сербско-турецких войн 1876 и 1877–1878 гг. (шла параллельно с Русско-турецкой в виде второго фронта) в материале про Золотую медаль «За храбрость» 1877 г. для офицеров (серб. Златна kолајна за храброст 1877) [23, p. 374–375], в качестве приведенного примера ношения была найдена фотография 1878 г. из коллекции Небойши Митровича. Весьма напоминающая внешне нашего кавалера, но в более молодом возрасте. Более пышная борода, но на груди — тот самый, рассмотренный выше знак об окончании Михайловской артиллерийской академии. Медаль на фотографии 1878 года (№11) с хорошо различимым рельефом, на котором виден профиль князя Милана Обреновича, своим очерта-

нием совпадала с той, которая располагается фотографии № 1. Один из важных признаков – форма очков. На фотографиях № 11 (1878 и 1912 годов) – такие же элегантные овальной формы стекла, как и на рассматриваемой нами фотографии № 1. На фотографии в книге Царя и Мухича было указано имя кавалера — Савва Груич. Благодаря алфавитному указателю была найдена и еще одна фотография Груича с датировкой после 1904 г. (судя по всему — 1912) года из коллекции Любомира Стевовича [23, p. 112]. На ней кавалер запечатлен уже в пожилом возрасте и имеет более обширный наградной набор. На шее — знак ордена Таковского креста, как и на фотографии № 1 (правда, тут представлен знак с мечами, в отличие от гражданского варианта на фотографии № 1). На груди имеется звезда такого ордена Таковского креста. А в колодке располагаются шесть наград. Первая — знак сербского ордена Белого орла (серб. Орден Белог Орла) IV, или V степени. Определить точнее не представляется возможным, так как знаки IV степени были позолочены, а V степени — серебряными. Но на черно-белой фотографии эта разница не видна. Кстати, вопросам цветопередачи на фотографиях рубежа XIX–XX вв. была посвящена статья специалиста по истории форменной одежды Российской императорской армии Владимира Владимировича Глазкова [4, с. 16–22]. Далее в колодке расположены знак французского ордена Почетного легиона (IV, или V степени, но на сербских колодках, как правило, не помещали розетки офицерских орденов IV степени) и четыре сербские медали, из которых хорошо видна медаль в память об избрании Петра I Карагеоргиевича (1844–1921) королем Сербии и возвращении династии Карагеоргиевичей (серб. Медаља за успомену избора краља Петра I. и повратка династије Карађорђевић), учрежденная в 1903 г. [23, p. 490–492]. И тут совокупность иконографических признаков, говорила о том, что это — точно персона с найденной нами фотографии. Это была невероятная исследовательская удача.

Савва Груич — сербский дважды посланник в Петербурге

Приведем биографию Саввы Груича из дореволюционной Военной энциклопедии (но убрав сокращения):

> Груич, Савва Дмитриевич, сербский военный и государственный деятель; родился в 1840 году, воспитанник Белградского военного училища, в 1861 году был произведен в подпрапорщики артиллерии и вскоре был отправлен в Пруссию для практического изучения артиллерийского дела. Желая получить высшее теоретическое артиллерийское образование, Груич поступил на русскую службу и, зачисленный в 1864 году в 23-ю артиллерийскую бригаду, в 1865 году поступил в Михайловскую артиллерийскую академию, по окончании которой два года работал при Санкт-Петербургском арсенале. В 1870 году Груич возвратился в Сербию. В 1873 году он был уволен из сербской армии за обличительную статью против военного министра, но в том же году принят снова на службу и назначен сперва начальником арсенала в Крагуеваце, а затем и начальником артиллерийского управления. Во время сербско-турецкой войны он состоял начальником артиллерии в армии генерала Черняева и отличился в делах при Бабиной главе, Алексинаце и Делиграде. Назначенный в 1877 году военным министром, Груич произвел в сербской армии много целесообразных реформ и дал ей новую организацию. В 1879 году Груич был назначен генеральным консулом в Болгарию, в 1882 году — посланником в Афины, в 1887 году — посланником в Санкт-Петербург, но в том же году снова стал военным министром и главой сербского правительства. В 1891 году Груич был назначен председателем государственного совета, в 1892 году — послом в Константинополь, в 1893 году — снова министром-президентом, а в 1897 году — вторично послом в Санкт-Петербург. В 1899 году Груич был обвинен в покушении на жизнь короля Милана, отставлен от должности и привлечен к суду, на который он, однако, не явился, оставшись за границей. С падением Милана в 1900 году Груичу были возвращены все его права и звания [8, с. 515].

Немало упоминаний о персоне Саввы Груича встречается в дореволюционной российской прессе. Особенно часто — в газете «Русский инвалид». Там, кстати, при изложении непосредственно по следам событий, некоторые даты отличаются от приведенных в Военной энциклопедии. «Бывший военный министр, Савва Груич, назначен сербским посланником в Россию» [31, с. 2].

Эта информация требует уточнения, так как в 1879 г., когда впервые были установлены внешние отношения между Княжеством Болгария и Сербией, Груич был отправлен в Болгарию в качестве первого дипломатического представителя Сербии.

> Того же числа [29 января 1886 года. — *М.Т.*] Государь Императоръ изволилъ принимать вновь аккредитованного при Высочайшем Дворе сербского чрезвычайного посланника и полномочного министра, полковника Савву Груича, который имелъ честь вручить Его Величеству свои кредитивные грамоты. Вслед засим полковник Груич имел честь быть представленным Ея Величеству Государыне Императрице [32, с. 1].

> В субботу, 13-го июня, сербский посланник полковник Савва Груич имел честь вручить Его Величеству Государю Императору в Петергофском дворце свои отзывные грамоты. В тот же день полковник Савва Груич имел честь откланяться Ея Величеству Государыне Императрице [33, с. 2].

> Бывший русский посланник в Белграде барон Розен уезжает из Белграда. Новый сербский посланник в Петербурге Груич уже выехал к своему посту [34, с. 2].

Спустя год после выхода тома Военной энциклопедии, где о нем была напечатана биографическая статья, Савва Груич скончается, не дожив трех недель до своего 73-летия. Это случится 3 ноября 1913 г.

Об этом также сообщит газета «Русский инвалид»:

> В Белграде, в возрасте 73 лет, скончался выдающийся политический и военный деятель Сербии, генерал Савва Груич, бывший военным министром во время сербско-турецкой освободительной войны 1876 года. Он дважды был министром-президентом: в 1887 году до отказа от престола короля Милана и с 1903 по 1905 гг.
>
> Генерал Груич дважды был посланником в С.-Петербурге; он был искренним другом России и все помнящие его у нас и ценившие его деятельность с должным благоговением отнесутся к памяти почившего бойца за родину [35, с. 5]

В наши дни Савва Груич попал в фокус внимания кандидата исторических наук, доцента кафедры истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова Людмилы Васильевны Кузьмичевой [11, с. 248–255; 12, с. 219–238].

Среди прочего интересен факт:

> В 1861 г. его направили на обучение в Прусскую военную академию, чтобы подготовить из него офицера-артиллериста. <…> Он прервал обучение, чтобы на стороне повстанцев принять участие в Польском восстании 1863 г., после чего служил в артиллерийской бригаде в Санкт-Петербурге [12, с. 230].

Автор связывает участие в восстании на стороне поляков с первоначальным увлечением молодого Груича социалистическими идеями. Но о том, насколько молодой артиллерист успел поучаствовать в событиях, нам неизвестно. Также, и это для нас очень важно, что автор уточняет даты первой командировки Груича в Россию в качестве посланника Сербии — назначение в декабре 1885 г. и прибытие в Петербург в январе 1886 г. [11, с. 250–251].

Иллюстрация 12 — Определение медалей на фотографии Саввы Груича. 1) Княжество Сербия. Золотая медаль «За храбрость» 1877 г. для офицеров [23, с. 375];
2.1) Российская империя. Медаль «В память русско-турецкой войны 1877–1878 годов» из светлой бронзы. 1878. Коллекция Михаила Тренихина;
2.2) Княжество Сербия. Серебряная медаль «За храбрость» 1877–1878 гг. Коллекция Михаила Тренихина;
3) Княжество Сербия. Медаль «В память Сербско-турецкой войны 1876, 1877, 1878 годов». Коллекция Михаила Тренихина
Figure 12 — Identification of Medals in the Photo of Sava Grujić.
1) Principality of Serbia. Gold Medal for Bravery 1877 for Officers [23, p. 375];
2.1) Russian Empire. Medal “In Commemoration of the Russo-Turkish War of 1877-1878” made of Light Bronze. 1878. Collection of Mikhail Trenikhin;
2.2) Principality of Serbia. Silver Medal “For Bravery” of 1877–1878. Collection of Mikhail Trenikhin;
3) Principality of Serbia. Medal “In Commemoration of the Serbian-Turkish War of 1876, 1877, and 1878”. Collection of Mikhail Trenikhin

Возвращаясь к двум неопределенным на нашем портрете медалям, можно сделать предположение, что поскольку они меньше диаметром первой, имеющей 34 мм, форма ушка медали и ее диаметр могут говорить о том, что это — русская медаль. Наиболее подходящей должна быть «В память Русско-турецкой войны 1877–1878 годов»

диаметром 27 мм. Но тогда она носилась кавалером не на оригинальной Андреевско-Георгиевской ленте. Также есть вероятность, что это — сербская серебряная медаль «За храбрость» 1877–1878 гг. Она носилась на ленте цветов сербского флага, но ее ушко более вытянуто от медального диска. Так что мы склонны считать, что это именно русская награда.

Третья, последняя медаль на нашей фотографии диаметром порядка 34 мм (как у первой медали) по форме ушка медали и размеру — почти наверняка сербская медаль «В память Сербско-турецкой войны 1876, 1877, 1878 годов» (серб. Споменица на Српско-турски рат 1876., 1877. и 1878.) [23, p. 426–431], которая известна в России по легенде на аверсе как медаль «За освобождение и независимость». Диаметр этой медали — 33 мм, что вполне соотносится с изображением на снимке.

Заключение

Не забудем и то, что на снимке указано место съемки — Санкт-Петербург, Фотоателье Карла Бергамаско — итальянца, который многие годы работал в России, а прожил с 1830 по 1896 гг. [16].

Известно, что ателье Карла Бергамаско работало до 1891 г. И именно эта дата помогла нам определить время съемки. Не раннее 1891 г. Значит, что повторное назначение на должность посланника в Санкт-Петербруге в 1897 г. не годится, ателье уже не работало. Посланником Сербии в Санкт-Петербурге (в первый раз) он был с 1885 г. (но прибыл в январе 1886) до июня 1887 г. В том же 1887 г. Сава Груич был произведен в генералы. И это четко датирует нам фотографию именно 1886–1887 гг.

FELIX KANITZ

Das Königreich Serbien

und

das Serbenvolk

von der Römerzeit bis zur Gegenwart

Dritter Band: Staat und Gesellschaft

Durchgesehen und ergänzt

von

BOGOLJUB JOVANOVIĆ

LEIPZIG
VERLAG VON BERNHARD MEYER
1914.

250 Geschichtliche Vorgänge unter Milan Obrenović IV. und Alexander I. (1868–1903).

Lauf liessen. Die Unzufriedenheit war so allgemein und tiefgehend, dass die radikalen Kabinettsmitglieder als Blitzableiter versagten und ihre Reformvorschläge scharf kritisiert sahen. Als auch Vujićs Finanzprogramm in den fortschrittlichen Parteikreisen und in der ausländischen Bankenpresse auf heftigen Widerstand stiess, erklärte der durch diese allgemeine Opposition beeinflusste König die Verwirklichung des mit dem Ministerium vereinbarten Programms für unmöglich. Am 25. April 1888, nach stürmischer, bis 11 Uhr nachts fortgesetzter Beratung, demissionierte das Grujićsche Kabinett.

Abermals erschien auf der Bildfläche Nikola Hristić, diesmal mit dem durch kleine Palastvorgänge vielgenannten Kosta Protić (Krieg), Mijatović (Äusseres), Vladan Djordjević (Kultus und Handel), Djordje Pantelić (Justiz), Mita Rakić

General Sava Gruić.

(Finanzen) und Mihail Bogićević (Bauten). Nach seinem bereits typischen Rezepte schritt der „Ordnungsmächer" zur Auflösung der Skupština, die den vorgelesenen k. Ukaz mit dem Rufe: „Es lebe das Volk!" beantwortete. — Es wäre schwer zu sagen, welcher Farbe das Kabinett angehörte. Durchschnittlich lange im Dienste stehende Männer, suchten einzelne, wie Vladan Djordjević, den Unterricht und die Volkswirtschaft durch zweckdienliche Gesetze zu heben. So verbot er dem Klerus streng die Einmengung in die politischen Händel usw. Obgleich aber gerade unter diesem Ministerium sich die Eröffnung der Bahnlinie Belgrad—Salonik vollzog, von der man goldene Berge sich versprach, und der König auf Ristićs Bitte dessen ältestem Sohne die diplomatische Laufbahn öffnete, um seine liberalen Anhänger versöhnlicher zu stimmen, vermochte sich das hochintelligente Männer zählende Kabinett doch nur die Sympathien kleiner Kreise zu gewinnen.

Иллюстрация 13 — Фотография Саввы Груича в издании Kanitz, Felix Philipp [38, p. 250]
Figure 13 — A Photograph of Savva Gruić in the Publication Kanitz, Felix Philipp [38, p. 250]

И в завершении упомянем, что аналогичная фотография была опубликована в фундаментальном труде австрийского географа и этнографа Феликса Филиппа Каница (1829–1904) «Королевство Сербия и сербский народ с римских времен до наших дней», изданном в Лейпциге в 1914 г. В третьем томе «Государство и общество» на странице 250 представлен интересующий нас снимок, но в отличие от изначально рассматриваемого, без ретуши [38, с. 250] И на этой фотографии более детально видна та самая звезда ордена Святого Станислава с мечами.

Итак, правильная подпись к фотографии должна звучать так: Фотография посланника Королевства Сербия в Российской империи, полковника Саввы Дмитриевича Груича (1840–1913). Санкт-Петербург, Фотоателье Карла Бергамаско (1830–1896). 1886–1887 гг.

В связи с тем, что кавалер имел дипломатический ранг посланника, становится ясной ситуация с награждением орденом Святого Станислава I степени при мундире полковника. Посланник в Российской империи, как представитель постоянных дипломатических миссий за рубежом, был дипломатическим агентом 2-го ранга и состоял в 3 классе по должности. В то же время армейский полковник был равен коллежскому советнику и имел 6 класс по Табели о рангах. Но дипломатический ранг посланника был равен генерал-лейтенанту, или тайному советнику, что относило его к «генеральскому» чину. Т. е., фактически занимаемая Груичем должность делала возможным получение I степени ордена Святого Станислава.

Иностранные для кавалера, в данном случае — российские награды, способствовали атрибуции, выделяя персону на фоне других офицеров, которые таких наград иметь не могли, поскольку не занимали более высокую по отношению к званию должность. Кроме того, российским подданным не вручался Орден Святого Станислава II степени со звездой, однако, подобная практика применялась награждения для иностранцев, что и иллюстрирует рассмотренный иконографический источник.

Список литературы

Исследования

1 *Аветян Н.Ю.* Роль исторических источников для идентификации ранней фотографии // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21, № 6. С. 588–597. https://doi.org/10.25281/2072-3156-2024-21-6-588-597

2 Атрибуция портретов: зачем? Беседа с Сергеем Головиным // Журнал «Коллекция». URL: https://sammlung.ru/?p=94654 (дата обращения: 31.07.2026).

3 *Буреева Ф.М.* Двое с одного листа: атрибуция мужских гравюрных портретов первой трети XVIII века из собрания Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля // Искусство Евразии. 2024. № 4 (35). С. 66–75. https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2024.04.004

4 *Глазков В.В.* Особенности цветопередачи предметов обмундирования на фотографиях конца XIX – начала XX в. // Старый Цейхгауз. 2012. № 4 (48). С. 16–22.

5 *Головин С.Н.* Атрибуция портрета корнета кавалергардского полка из государственного исторического музея // Вестник БГИТУ: сб. ст. (г. Брянск, 20 января 2025 г.). Брянск: Изд-во Брянского гос. инженерно-технологич. ун-та, 2025. С. 179–185.

6 *Головин С.Н.* «Звезду Ивану Андреевичу!». Орден Святого Станислава II степени в 30 гг. XIX в. // Старый Цейхгауз. 2018. № 3 (79). С. 16–23.

7 *Головин С.Н.* История курортной фотографии // Журнал «Коллекция». URL: https://sammlung.ru/?p=81741 (дата обращения: 31.07.2026).

8 Груич Савва Дмитриевич // Военная энциклопедия / под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 8, полутом 2: Гренадерский бой — Двигатели судовые. С. 515.

9 *Кибовский А.В.* 500 неизвестных. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 424 с., илл.

10 *Кибовский А.В.* 800 неизвестных. М.: Фонд «Русские Витязи», 2024. 628 с., илл.

11 *Кузьмичева Л.В.* Сербский посланник при русском дворе (1886–1887 гг.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Изд-во ИСл РАН, 2004. С. 248–255.

12 *Кузьмичева Л.В.* Русский вклад в формирование сербской политической и культурной элиты во второй половине XIX – начале XX в.: ключевые фигуры // Pax Constantini: к 70-летию Константина Владимировича Никифорова / редколл.: Н.С. Гусев (отв. ред.), Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. СПб.: Алетейя, 2026. С. 219–238. (Серия "Bibliotheca Slavica")

13 *Матросов А.Е.* О портрете неизвестного офицера из собрания Государственного исторического музея // Вопросы музеологии. 2024. Т. 15, №1. С. 62–68. https://doi.org/10.21638/spbu27.2024.105

14 *Мельникова Л.В.* Рец. на: А.В. Кибовский. 800 неизвестных. М.: Фонд «Русские Витязи», 2024. 628 с // Российская история. 2025. №4. С. 217–222. https://doi.org/10.31857/S2949124X25040197

15 *Мамонов А.В.* Дело А.В. Кибовского // Российская история. 2025. №4. С. 222–225. https://doi.org/10.31857/S2949124X25040205

16 *Пащенко Д.* Придворные фотографы Российской империи // Интернет-журнал «Дилетант». URL: https://diletant.media/articles/45372413/ (дата обращения: 31.07.2026).

17 Русские портреты XVIII – начала XX века. Мат. по иконографии. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. Вып. VIII / [сост. С.А. Подстаницкий]. 272 с.: ил.

18 *Тренихин М.М.* Балканская россика. По следам ветерана русско-турецкой войны // Московское наследие. 2023. №1. С. 74–81.

19 *Тренихин М.М.* Орден Спасителя. Королевство Греция // Журнал «Коллекция». URL: https://sammlung.ru/?p=3606 (дата обращения: 31.07.2026).

20 *Тренихин М.М.* Россика в фалеристике: вопросы терминологии // Гербовый курьер. 2025. №1 (6). С. 114–119, цв. вкл. с. 77–79.

21 *Тренихин М.М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в фалеристике // Сб. тезисов Первой Междунар. молодежн. межвузовской конф.: Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. (История культуры славян в оценках молодежи) / отв. ред. и сост. И.И. Калиганов, ред. О.А. Туфанова. М.: Изд-во Гос. акад. славянской культуры, 2010. С. 62–64.

22 *Тренихин М.М.* «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью». Русско-турецкая война 1877–1878 годов в фалеристике // Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. История культуры славян в оценках молодежи / отв. ред. и сост. И.И. Калиганов. М.: ГАСК, 2011. С. 166–180.

23 *Car P., Muhić T.* Serbian and Yugoslavian Orders and Decorations: From 1859 to 1941. Wien: Verlag Militaria, 2009. 605 p.

24 Praemiando incitat Order Świętego Stanisława, 1765–1831, w 250. rocznicę powołania orderu, [katalog Wystawy], Zamek królewski w Warszawie — Muzeum, 9 maja – 16 sierpnia 2015, Zamek królewski na Wawelu — Państwowe zbiory sztuki, 15 września – 6 grudnia 2015 / redakcja naukowa katalogu: M. Zawadzki, D. Nowacki. Warszawa: Zamek Królewski w Warszawie — Museum, cop., 2015. 375 c.

Источники

25 Российская империя. Знак для окончивших курс наук в Михайловской Артиллерийской академии образца 1866 г. Лист с рисунками знаков из ПС3РИ-II, к №43.394 // Журнал «Коллекция». URL: https://sammlung.ru/wp-content/uploads/2026/08/Badge-for-Graduates-of-the-Mikhailovskaya-Artillery-Academy-Model-of-1866.jpg (дата обращения: 19.05.2026).

26 Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов: сост. по поруч. ген. адъютанта гр. И.И. Воронцова-Дашкова. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. С. 402–410.

27 Лист с рисунками знаков из ПС3РИ-II, к № 43.394 // Журнал «Коллекция». URL: https://sammlung.ru/wp-content/uploads/2026/08/Badge-for-Graduates-of-the-Mikhailovskaya-Artillery-Academy-Model-of-1866.jpg (дата обращения: 04.08.2026)

28 Орден Святого Станислава // Награды Императорской России // Награды Российской Империи — Ордена и медали России 1702–1917 гг. URL: https://catalog.sammlung.ru/wp-content/uploads/sites/2/2026/08/Signs-of-the-Order-of-St.-Stanislaus-2nd-Class.jpg (дата обращения: 19.05.2026)

29 Полное Собрание Законов Российской Империи. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: В тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Т. 6, отд. 2: 1831. От № 4780–5052. 693 с. (Серия «Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.»)

30 Полное Собрание Законов Российской Империи. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: В тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868. Т. 41, отд. 1: 1866. От № 42861–43602. 1081 с. (Серия «Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.»)

31 Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. № 8. 1879. С. 2.

32 Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. № 25. 1886. С. 1.

33 Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. № 127. 1887. С. 2.

34 Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. № 46. 1897. С. 2.

35 Русский инвалид: газета военная, политическая и литературная. № 228. 1913. С. 5.

36 Талызин Степан Александрович (1825–1878). Барканов В.В. (фотограф). Фотопортрет действительного статского советника С.А. Талызина. 1874–1876 гг. Аукционный дом «Кабинетъ». Ранее: фотография военного. Атрибуция М. Асварища и С. Попова // Русские портреты XVIII – начала XX века. Материалы по иконографии. Вып. VIII / Ком. по рус. иконографии; [сост. С.А. Подстаницкий]. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. С. 134.

37 Учреждение орденов и других знаков отличия. СПб.: В тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, [1876]. [Т. 1 Свода законов]. § 616. С. 131.

38 *Kanitz F.Ph*. Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Leipzig: Verlag von Bernhard Meyer, 1914. Dritter Band: Staat und Gesellschaft, üurchgesclien und ergänzt. Bogoljub Jovanovic, Direktor des Künlgl. Serhischen Statistischen Landesamtes a. D. 951 S.

***

© 2026. Mikhail M. Trenikhin
Moscow, Russia

"HE WAS A SINCERE FRIEND OF RUSSIA". SAVVA GRUICH WAS THE SERBIAN AMBASSADOR IN ST. PETERSBURG. PORTRAIT ATTRIBUTION

Abstract: The article examines a photograph from the last quarter of the 19th century depicting Savva Grujic (1840–1913), a Serbian military and government official who participated in the Serbian-Turkish War of 1876–1877 in the army of General Mikhail Chernyaev. Later, he distinguished himself as a prominent diplomat, serving as the Serbian Ambassador to the Russian Empire twice (1885–1887 and 1897–1899). Previously, Grujic studied at the Mikhailovskaya Artillery Academy in St. Petersburg (from 1865). Later, he held high positions as Minister of War, Minister of Foreign Affairs, and Head of the Serbian Government. The photographic portrait of Savva Grujic (originally a portrait of an unknown colonel) was identified through the study of his awards. The example of wearing the Order of St. Stanislaus, 2nd Class, with a star and swords is particularly interesting, as it is a unique occurrence in the iconography of portraits, but it has been documented through photography. The article examines the regulatory documents that govern the rules for wearing orders in different periods of the 19th century. The subject matter of this study is at the intersection of phaleristics, art history, and source studies, as well as the heritage of Slavic countries, thanks to the historical and subject-based method of attribution.

Keywords: Order of St. Stanislaus, Russian Empire, Serbia, medal, order, Statute, awards, phaleristics, attribution, portrait, old photograph

Information about the author: Mikhail M. Trenikhin — PhD in Arts, Associate Professor, Department of History, Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Zemlyanoy Val St., 73, 109004 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-6307-9065
E-mail: trenihinm@yandex.ru

Received: May 24, 2025
Approved after reviewing: November 24, 2025
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Trenikhin, M.M. "'He was a Sincere Friend of Russia'. Savva Gruich was the Serbian Ambassador in St. Petersburg. Portrait Attribution." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 302–322. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-302-322

References

1 Avetian, N.Iu. “Rol istoricheskikh istochnikov dlia identifikatsii rannei fotografii” [“The Role of Historical Sources for the Identification of Early Photography”]. *Observatoriia kultury*, vol. 21, no. 6, pp. 588–597. https://doi.org/10.25281/2072-3156-2024-21-6-588-597 (In Russ.)

2 “Atributsiia portretov: zachem? Beseda s Sergeem Golovinym” [“Attribution of Portraits: why? A Conversation with Sergei Golovin”]. *Zhurnal “Kollektsiia”* [*“Collection” Magazine*]. Available at: https://sammlung.ru/?p=94654 (Accessed 31 July 2026). (In Russ.)

3 Bureeva, F.M. “Dvoe s odnogo lista: atributsiia muzhskikh graviurnykh portretov pervoi treti XVIII veka iz sobraniia Omskogo oblastnogo muzeia izobrazitelnykh iskusstv imeni M.A. Vrubelia” [“Two from one Sheet: Attribution of Male Engraved Portraits from the First third of the 18th Century in the Collection of the M.A. Vrubel Omsk Regional Museum of Fine Arts”]. *Iskusstvo Evrazii*, no. 4 (35), 2024, pp. 66–75. https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2024.04.004 (In Russ.)

4 Glazkov, V.V. Osobennosti tsvetoperedachi predmetov obmundirovaniia na fotografiiakh kontsa XIX – nachala XX v. [“Features of Color Reproduction of Uniform Items in Photographs from the late 19th – Early 20th Century”]. *Staryi Tseikhgauz*, no. 4 (48), 2012, pp. 16–22. (In Russ.)

5 Golovin, S.N. Atributsiia portreta korneta kavalergardskogo polka iz gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia [“Attribution of the Portrait of a Cornet of the Cavalry Guard Regiment from the State Historical Museum”]. *Vestnik BGITU*: sbornik statei (g. Briansk, 20 ianvaria 2025 g.) [*Bulletin of the Bryansk State Technical University:* Collection of Papers (Bryansk, January 20, 2025)]. Briansk, Bryansk State Engineering Technological University Publ., 2025, pp. 179–185. (In Russ.)

6 Golovin, S.N. “‘Zvezdu Ivanu Andreevichu!’. Orden Sviatogo Stanislava II stepeni v 30-kh gg. XIX v.” [“‘Give the star to Ivan Andreevich!’ The Order of Saint Stanislaus, 2nd Class, in the 1830s”]. *Staryi Tseikhgauz*, no. 3 (79), 2018, pp. 16–23. (In Russ.)

7 Golovin, S.N. “Istoriia kurortnoi fotografii” [“The History of Resort Photography”]. *Zhurnal “Kollektsiia”* [*“Collection” Magazine*]. Available at: https://sammlung.ru/?p=81741 (Accessed 31 July 2026). (In Russ.)

8 “Gruich Savva Dmitrievich” [“Gruich Savva Dmitrievich”]. *Voennaia entsiklopediia* [*Military Encyclopedia*], vol. 8, issue 2: Grenaderskii boi — Dvigateli sudovye [Grenadier Battle — Marine Engines], ed. by the General Staff of Colonel V.F. Novitsky, military engineer Lieutenant Colonel A.V. von Schwartz [and others]. St. Petersburg, Tovarishchestvo I.D. Sytina Publ., 1912, p. 515. (In Russ.)

9 Kibovskii, A.V. *500 neizvestnykh* [*500 Unknowns*]. Moscow, Fond “Russkie Vitiazi” Publ., 2019. 424 p., ill. (In Russ.)

10 Kibovskii, A.V. *800 neizvestnykh* [*500 Unknowns*]. M.: Moscow, Fond “Russkie Vitiazi” Publ., 2024. 628 p., ill. (In Russ.)

11 Kuzmicheva, L.V. “Serbskii poslannik pri russkom dvore (1886–1887 gg.)” [“Serbian Envoy to the Russian Court (1886–1887)”]. *Professor Sergei Aleksandrovich Nikitin i ego istoricheskaia shkola* [*Professor Sergei Alexandrovich Nikitin and his historical school*], ex. ed. I.V. Churkina. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2004, pp. 248–255. (In Russ.)

12 Kuzmicheva, L.V. “Russkii vklad v formirovanie serbskoi politicheskoi i kulturnoi elity vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: kliuchevye figury” [“Russian

Contribution to the Formation of the Serbian Political and Cultural Elite in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Key Figures"]. *Pax Constantini: k 70-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [*Pax Constantini: on the 70th Anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov*], editors: N.S. Gusev (ex. ed.), E.S. Uzeneva, O.V. Khavanova. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2026, pp. 219–238. (Series "Bibliotheca Slavica") (In Russ.)

13 Matrosov, A.E. "O portrete neizvestnogo ofitsera iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia" ["About the Portrait of an Unknown Officer from the Collection of the State Historical Museum"]. *Voprosy muzeologii*, vol. 15, no. 1, 2024, pp. 62–68. https://doi.org/10.21638/spbu27.2024.105 (In Russ.)

14 Melnikova, L.V. "Rets. na: A.V. Kibovskii. 800 neizvestnykh. M.: Fond 'Russkie Vitiazi', 2024. 628 s." ["The `Russian Knights` Foundation"]. *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, 2025, pp. 217–222. https://doi.org/10.31857/S2949124X25040197 (In Russ.)

15 Mamonov, A.V. "Delo A.V. Kibovskogo" ["The Case of A.V. Kibovsky"]. *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, 2025, pp. 222–225. https://doi.org/10.31857/S2949124X25040205 (In Russ.)

16 Pashchenko, D. "Pridvornye fotografy Rossiiskoi imperii" ["Court Photographers of the Russian Empire"]. *Internet-zhurnal "Diletant"* [*Online magazine "Dilettante"*]. Available at: https://diletant.media/articles/45372413/ (Accessed 31 July 2026). (In Russ.)

17 *Russkie portrety XVIII – nachala XX veka. Materialy po ikonografii* [*Russian Portraits of the 18th – Early 20th Century. Materials on Iconography*], vol. VIII, [comp. S.A. Podstanitskii]. Moscow, Fond "Russkie Vitiazi" Publ., 2019. 272 p.: il. (In Russ.)

18 Trenikhin, M.M. "Balkanskaia rossika. Po sledam veterana russko-turetskoi voiny" ["Balkan Russica. Following in the Footsteps of a Veteran of the Russo-Turkish War"]. *Moskovskoe nasledie*, no. 1, 2023, pp. 74–81. (In Russ.)

19 Trenikhin, M.M. "Orden Spasitelia. Korolevstvo Gretsiia" ["The Order of the Savior. Kingdom of Greece"]. *Zhurnal "Kollektsiia"* [*"Collection" Magazine*]. Available at: https://sammlung.ru/?p=3606 (Accessed 31 July 2026). (In Russ.)

20 Trenikhin, M.M. "Rossika v faleristike: voprosy terminologii" ["Rossica in Phaleristics: Issues of Terminology"]. *Gerbovyi kurer*, no. 1 (6), 2025, pp. 114–119, col. tab pp. 77–79. (In Russ.)

21 Trenikhin, M.M. "Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. v faleristike" ["The Russo-Turkish War of 1877–1878 in Phaleristics"]. *Sbornik tezisov Pervoi Mezhdunarodnoi molodezhnoi mezhvuzovskoi konfernetsii: Rol slavianskoi molodezhi v protsesse ustoichivogo tsivilizatsionnogo razvitiia. (Istoriia kultury slavian v otsenkakh molodezhi)* [*Collection of Abstracts of the First International Youth Inter-university Conference: The role of Slavic Youth in the Process of Sustainable Civilizational Development. (The History of Slavic Culture in the Assessments of Youth)*], ex. ed. and comp. I.I. Kaliganov, ed. O.A. Tufanova. Moscow, State Academy of Slavic Culture Publ., 2010, pp. 62–64. (In Russ.)

22 Trenikhin, M.M. "'Seiavshie so slezami budut pozhinat s radostiu'. Russko-turetskaia voina 1877–1878 godov v faleristike" ["'Those who sow in Tears will Reap with Joy'. The Russo-Turkish War of 1877–1878 in Phaleristics"]. *Rol slavianskoi molodezhi v protsesse ustoichivogo tsivilizatsionnogo razvitiia. Istoriia kultury slavian v otsenkakh molodezhi* [*The Role of Slavic Youth in the Process of Sustainable Civilizational Development. The History of Slavic Culture in the Assessments of Young People*], ex.

red. and sost. I.I. Kaliganov. Moscow, State Academy of Slavic Culture Publ., 2011, pp. 166–180. (In Russ.)

23 Car, Pavel, Muhić, Tomislav. Serbian and Yugoslavian Orders and Decorations: From 1859 to 1941. Wien, Verlag Militaria, 2009. 605 p. (In Germany)

24 Zawadzki, Marcin, Nowacki, Damian, sci. editors. *Praemiando incitat Order Świętego Stanisława, 1765–1831, w 250. rocznicę powołania orderu, [katalog Wystawy], Zamek królewski w Warszawie — Muzeum, 9 maja – 16 sierpnia 2015, Zamek królewski na Wawelu — Państwowe zbiory sztuki, 15 września – 6 grudnia 2015*. Warszawa, Zamek Królewski w Warszawie — Museum, cop. Publ., 2015. 375 p. (In Polish)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-323-336
УДК 82-24 + 75.041
ББК 83.3(0)7 + 85.14
Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2026 г. В.С. Косенко
г. Москва, Россия

«ВЕРЕЩАГИНСКИЙ КОД» НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Аннотация: Взаимоотношения реальной жизни, литературных текстов (нонфикшн и фикшн), живописи и театрального искусства рассматриваются в статье на примере исторического завоевания Туркестанского края, литературной рецепции биографии художника А.В. Николаева, живописи В.В. Верещагина и спектакля Марка Вайля «Радение с гранатом» (2006). Посвященный «случаю» Николаева, выведенного в пьесе под именем Нежданова, спектакль создает историческую реальность посредством транслируемых на сцене изображений с картин Верещагина: их рецепция действующими персонажами, подражание актеров верещагинским фигурам создают на сцене экфрастические ситуации (словесное или пластическое изображение живописных сюжетов) и интрадиегетическую образность (персонажи, «сошедшие» с живописных полотен на театральную сцену). В статье показана связь пьесы «Радение с гранатом» с существующей к моменту ее создания литературой; охарактеризованы источники, которые легли в основу сюжета драматического действа; представлено описание картин Верещагина, участвующих в театрализации; сформулирован один из концептов спектакля «Радение с гранатом» — «верещагинский код», генезис которого определен как разновидность симпатической магии (по Д.Д. Фрэзеру). С опорой на работы Ю.М. Лотмана и С.Н. Зенкина описана семантика и семиотика того контекста спектакля, который связан с его «русской частью» и временным отрезком, сосредоточенным на 1916 г., — жизнью в завоеванном Ташкенте солдат и офицеров, дислоцированных в военной крепости, противопоставленной Старому городу, где проживает местное население.

Ключевые слова: Василий Верещагин, экфрасис, Марк Вайль, спектакль «Радение с гранатом», театр «Ильхом», танцоры-бачи, визуальные образы

Информация об авторе: Виктория Сергеевна Косенко — кандидат филологических наук, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Малый Кисловский пер., д. 6, 125009, г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5533-8748
E-mail: visha-k@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.05.2025
Дата одобрения рецензентами: 06.07.2026
Дата публикации: 25.09.2026

Для цитирования: *Косенко В.С.* «Верещагинский код» на театральной сцене // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 323–336.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-323-336

Театральное драматическое искусство с момента своего зарождения синкретично: помимо слова, оно включало пластику, танец, изготовленных кукол, графику (например, в позднее Средневековье в райке «крутили» лубочные картинки[1]).

Театр современности по своей природе интермедиален не меньше, чем архаический. Теоретик литературы В.Е. Хализев определяет драму «как синтез “искусства слова с искусством пантомимы”, как произведение, где образ создается не только посредством слов, но с помощью художественных средств, принадлежащих другим видам искусства» [14, с. 5].

Какую роль и в какой мере играет живопись в современном театре — ответ на этот вопрос стал целью нашей статьи. Мы выбрали для анализа спектакль 2006 г. «Радение с гранатом»[2] Марка Вайля и Дмитрия Тихомирова[3], посвященный жизни и творчеству художника А.В. Николаева (1897–1957), вошедшего в историю искусства под псевдонимом Усто Мумин. Наш выбор связан с тем, что личность и творчество этого художника переживают своеобразный Ренессанс. Проходят выставки на мировых площадках, где в ряду с другими художниками — работы А.В. Николаева: в ГМИИ им. Пушкина, Музее Востока, Музее современного искусства «Гараж», в Гронингемском музее «Гронингер» (Нидерланды) — все во втором десятилетии XXI в., в Государственном музее искусств Узбекистана (2022). В третьем десятилетии — издаются книги, посвященные А.В. Николаеву [16, 18]. Стал ли спектакль «Радение с гранатом» первопричиной вспыхнувшего интереса к А.В. Николаеву, мы не знаем, но исключать эту связь нельзя.

Задачи нашей статьи: показать связь спектакля с литературой (выявить и кратко охарактеризовать источники, ставшие основой сюжета спектакля «Радение с гранатом»); сфокусировать аналитику на картинах В.В. Верещагина, экспонирующихся в спектакле; раскрыть значение контекстуально использованного нами термина «верещагинский код» применительно к спектаклю «Радение с гранатом».

Объектом статьи стали живописные работы В.В. Верещагина из «Туркестанского цикла», предметом — их экфрасис в спектакле и интрадиегетические образы, «сошедшие» с верещагинских полотен.

Методологической основой статьи стали работы по семиотике культуры и поэтике театра Ю.М. Лотмана [10, 11], по поэтике и интрадиегетической образности — С.Н. Зенкина [6, 7], по магическим практикам подобия —Д.Д. Фрэзера [13], а также ряд статей современных исследователей по экфрасису и культуре.

«Исторической хроникой» назвал спектакль «Радение с гранатом» театральный критик К. Артуа, но хроникой специфической — «поэтической», при отсутствии

[1] Раёк — аттракцион, состоящий из демонстрации картинок и их комментирования «раёшным дедом»; картинки размещались в ящике (собственно «райке»), в нем – два отверстия с увеличительными стеклами. Раёшный дед, он же зазывала, приглашал публику на просмотр картинок, далее, уже зрителю, он их комментировал «раёшным стихом», например: «А вот город Париж, как туда приедешь, сразу угоришь…»

[2] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом» / реж. Марк Вайль, Дм. Тихомиров. Ташкент, 2006. URL: https://yandex.ru/video/preview/17541731825478852068 (дата обращения: 01.04.2025).

[3] Дмитрий Тихомиров — псевдоним драматурга Валерия Печейкина.

документальности [1, с. 194]. Такие оксюморонные характеристики спектакля продолжает другой рецензент: «трагедия реализуется через пластику, эпика пронизана лирикой, а повествовательность если не полностью, но в значительной мере переведена в изобразительность» [17]. Сценический сюжет «Радения с грантом» выстроен с опорой на живописные полотна В.В. Верещагина, А.В. Николаева (Усто Мумина), а также на память, зафиксированную в фотографиях, — «на память различной временной глубины» [10, с. 143].

Лирика и эпика, слово и пластика, картины, фотографии и интрадиегетические образы — всё вместе говорит о ярко выраженной интермедиальности спектакля «Радение с гранатом».

Концепция интермедиальности обусловлена, по словам теоретика О. Ханзен-Лёве, «общекультурным стремлением к обмену, смешению, гибридизации, свойственным любым тенденциям интертекстуальности, интердисциплинарности, интеркультуральности» [15, с. 22]. О «полиглотизме» как разновидности интермедиальности пишет Ю.М. Лотман [10].

Остановимся на работах художника Верещагина, создающих исторический контекст спектакля (в оформлении и сюжете спектакля использованы живописные полотна В.В. Верещагина, содержательно отражающие завоевание Туркестанского края Российской империей, одна из фаз которого лежит в сюжете «Радения с гранатом»).

Начало действия спектакля — 1916 г., русское военное командование в Ташкенте готовится к празднованию пятидесятилетия завоевания Туркестанского края, организует выставку, центр которой — выписанные в край из Третьяковской галереи картины Верещагина. Их описание и рецепция становятся действием одной из сцен спектакля, а сами картины — зрительными образами.

С.Н. Зенкин пишет, что Р. Барт различает в зрительном образе три смысла. Первый — «информативный уровень», когда фиксируются сведения, выраженные в декорациях, костюмах и проч., это «уровень коммуникации», или денотация. «Для понимания взаимоотношений между персонажами и их места в фабуле необходимо уметь пользоваться определенными кодами — характерологическими и нарративными» [6, с. 265–266]. Второй смысл — «символический уровень», на котором находятся коннотации. И третий смысл зрительного образа — это то, «что можно *читать*»: «…я все еще не могу оторваться от изображения, еще *читаю*…», — цитирует Р. Барта Зенкин [6, с. 266]. «Этот смысл сводится к чистой интенциональности читателя / зрителя: *мне это интересно*» [6, с. 267].

«Прочитаем» и мы полотна Верещагина, сообразуясь с контекстом спектакля «Радение с гранатом», но сначала кратко представим литературные источники самой пьесы.

Спектакль «Радение с гранатом», несмотря на то что был поставлен в XXI в., уже ушел в историю театрального искусства: убит режиссер театра «Ильхом», автор спектакля Марк Вайль, поменялись общество, степень допустимости высказываться на определенные темы. Текста в виде пьесы, по которой поставлен спектакль, в настоящий момент не существует. Обращение к театральным служащим «Ильхома» не увенчалось успехом — ответ был таков: текста нет. Однако сохранилась видеозапись спектакля, сначала растиражированная на дисках, затем в интернете. Есть компьютерная программа в нейросети, которая смогла восстановить текст спектакля. В буклете, сопровождающем «Радение с гранатом», указаны источники, ставшие базовыми для сценического

действия. Помимо упомянутых там текстов, авторами которых были современники художника А.В. Николаева — (М.М. Круковская [9], Р.В. Еремян [5]), а также очевидцы и участники колонизации Туркестанского края (В.В. Верещагин [21], Н.С. Лыкошин [24]), мы укажем еще ряд текстов, которые потенциально могли быть задействованы в сюжете спектакля.

Н.С. Лыкошин (1860–1922) уже заглавием своей книги «Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения» (1916) указал на то, что было в оптике его внимания. Будучи военным, генерал-майором, Лыкошин активно участвовал в жизни Туркестанского края (см.: [2, с. 145–147]), в частности, по внедрению тех порядков, которые исходили из русской администрации. Он автор очерка-призыва «Долой бачей[4]», один из исследователей артистического института танцоров в чайханах, «русский взгляд» на который представлен в спектакле «Радение с гранатом».

В.В. Верещагин (1842–1904) не только принимал участие в боевых действиях по завоеванию Туркестанского края, но, как и Лыкошин, «сражался» с местным бытом: столь же подробно интересовался танцорами в чайханах и оставил о них пространное описание [21]. К местным обычаям и традициям относился как варварским, считая свою миссию на Восток цивилизаторством. Интенции его очерков использованы в сюжете спектакля «Радение с гранатом».

Советские искусствоведы С.М. Круковская (1896–1984) и Р.В. Еремян (дочь художника Варшама Еремяна), близко знавшие художника А.В. Николаева и высоко оценившие его творчество, составили первые биографические тексты о нем [9, 5], довольно благостные. Ни в одном не упомянут трагический факт биографии Николаева — каток сталинских репрессий, прошедшийся по нему. Зато в них содержится ряд биографических фактов (тем и ценны тексты Круковской и Еремян), которые интерпретированы в спектакле.

Марк Вайль мог обратиться также к воспоминаниям коллег А.В. Николаева, в которых представлен бытовой, психологический, эмоциональный портрет художника: это мемуары В.И. Уфимцева [28], Г.Н. Карлова [23]. Лишь в двух текстах упомянут арест А.В. Николаева — в доперестроечном воспоминании О.М. Мануиловой [25] и постперестроечном «Воспоминании “придурка”» Н.А. Носкович [27], в котором художница упоминает сидельца по камере и «по цеху». И еще был один текст, предшествовавший выходу спектакля «Радение с гранатом» — автобиографическая повесть Энны Аленник «Напоминание» (1985) [20], в которой А.В. Николаев выведен под вымышленным именем. Эта повесть ценна тем, что в ней глазами очевидца воспроизведены некоторые реальные факты и события из жизни Николаева (см. анализ повести: [8]).

Все перечисленные публикации предшествовали созданию спектакля «Радение с гранатом» и той или иной гранью нашли отражение в нем.

В одной из первых сцен спектакля появляется полковник Бяльцев — исполняющей обязанности генерал-губернатора Туркестанского края, он озвучивает текст письма, отправленного жене в Петербург:

> Бяльцев: Здравствуй, моя прекрасная Елена! Удивительно, две недели в пути, и я на дальних окраинах нашей державы. Эх, какой все-таки размах крыльев у российского двуглавого. Кажется, вот-вот и полсвета накроет. <…> Полвека Россия в Туркестане, а по-русски край так и не заговорил.

[4] Бача́ — подросток мужского пола, артист — танцор и певец, выступающий на сцене в чайхане («мужском клубе») в дореволюционном Туркестанском крае (*бача* с таджикского — парень).

Местная общественность в сентябре собирается праздновать 50-летие нового Ташкента. Начинаем собирать выставку из новой коллекции князя Николая Константиновича[5]. Выписаны к нам в край работы из Третьяковки. Естественно, главным будет Верещагин. Хотим развесить картины прямо здесь, в крепости. И открыть свободный доступ для всех посетителей, как знак единения двух городов: старого мусульманского и нового, русскими построенного Ташкента[6].

В ходе спектакля на экране листается альбом с историческими фотографиями местных жителей — рядом стоит художник Нежданов с фото-штативом (именно его прототип — А.В. Николаев). Нежданов, художник и фотограф, служит в русской военной крепости Ташкента под начальством Бяльцева.

Бяльцев: Хорошо. <…> Вот, наконец-то сарты[7] оценили новинку и пришли в фотоателье.
Адъютант: Да, фотографии здесь становятся популярными. <…>
Бяльцев: А вы не забыли сделать фотографию трамвая, на днях пущенного в Ташкенте?
Адъютант: Никак нет.
Бяльцев: Браво, браво, русским инженерам! Браво, браво![8].

На экране — историческая фотография ташкентского трамвая, «ожившая» благодаря новым мультимедийным технологиям. Это «интрадиегетическое функционирование» фотографии, осложненное «подвижно-длительной природой»: это «не столько образ, сколько рассказ, нарратив» [7, с. 17], — пишет С.Н. Зенкин.

Рассказ о присутствии русских в Туркестане и о всех их достижениях в крае облечен в форму письма жене Бяльцева:

Бяльцев: Ах, Елена, Елена, если бы ты знала, как много делают русские инженеры, для того чтобы преодолеть архаичность этого края и пробудить сонный восторг, где пятикратная молитва в день может прервать самую важную работу. Русские молятся меньше, а делают много больше. Сартам, как мне показалось, вообще ничего не нужно, кроме их вечного покоя. Железные дороги, Елена, это самая малость из привнесенного[9].

И, наконец, мы подошли к объекту нашего исследования — картинам Верещагина:

Бяльцев: Василь Васильич Верещагин. Редкостный, редкостный мастер. Господи, сколько деталей, а! Ну, скажите мне, ну кто из здешних оставил в живописи такое величие?
Адъютант: Здешние когда-то построили это величие.
Бяльцев: Когда-то! Именно когда-то! Величие давно перекосилось и осыпалось! Сейчас ничего похожего![10].

[5] Справка: Великий князь Николай Константинович (1850–1918) — внук Николая I, сосланный в Ташкент, оставил в истории Туркестанского края созидательный след: не только собрал живописную коллекцию мирового искусства, ставшую в советское время базой для открытия в Ташкенте Музея искусств, но и выстроил сеть оросительных каналов и плотин, организовал выращивание хлопчатника в Средней Азии и заводов по его обработке, инициировал открытие драматического и кинотеатра, мощение улиц и проч. Сохранен в Ташкенте дворец Николая Константиновича, ныне — Дом приемов МИД; см.: [12].

[6] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.

[7] Сарты — вышедшее из употребления слово, которым называли оседлых городских жителей — узбеков и таджиков — новые русские власти.

[8] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.

[9] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.

[10] Там же.

На экране театральной сцены появляется первая в сюжете картина Верещагина «Медресе Шир-Дор на площади Регистан в Самарканде»[11].

Медресе Шир-Дор (в переводе с фарси «имеющее львов») построено в 1619–1636 гг. по распоряжению главы Самарканда, наместника бухарских ханов Ялангтуш Бахадура. На портале помещено парное изображение тигров с львиной гривой. С раскрытой пастью они следуют за убегающими ланями (или джейранами). Над спинами тигров — солнечные диски с человеческими лицами. «Возможно, сюжет имел отношение к празднованию Навруза — нового года по восточному календарю» [3, с. 145]. Это медресе относится к тому «величию», которое, по словам Бяльцева, «давно перекосилось и осыпалось». Однако с помощью для его восстановления новая власть не спешила.

По рассказу очевидца, сообщает М.Е. Массон, археолог и востоковед, в Самарканд на прогулку приехал А.В. Самсонов, туркестанский генерал-губернатор (1909–1914), он осматривал самаркандские достопримечательности: Гур-Эмир — усыпальницу Тимура, мечеть Биби-Ханым, мавзолей Шах-и-Зинда, медресе Улугбека и Шир-Дор — полуразрушенные здания, наклоненные минареты, которые как бы взывали о помощи. Сопровождавший группу В.Л. Вяткин (археолог и востоковед) решил использовать ситуацию, обратившись к начальству за средствами на реставрацию самаркандских памятников.

> Я думаю, Василий Лаврентьевич, что это ни к чему, — неожиданно прозвучал в ответ резкий голос генерал-губернатора. — Чем скорее разрушится все это, — указал он широким жестом на Регистан, — тем лучше для русской государственности [26, с. 20].

На экране пролистывается альбом с картинами Верещагина. Следующее полотно — «Кокандский воин!»[12], — так комментирует адъютант в спектакле (что соответствует названию в каталоге Третьяковской галереи «Кокандский солдат (сарбаз)»[13]).

> Бяльцев: О! Посмотри, а? Посмотри на его плечи, в его глаза. Ты видишь его взгляд? Готов броситься в любую секунду и перекусить глотку.
>
> Адъютант: Да, хорош.
>
> Бяльцев: Хорош? Враг! Изображен один, а за ним цена похода нашей армии. Полвека спустя всем кажется, что ни похода, ни жертв не было, что русские здесь жили всегда[14].

Это представление картины — экфрастическое: изображение описано в рецепции сценического героя Бяльцева, кокандский воин становится персонажем бяльцевского нарратива и его *энаргии*, то есть «мыслительной области, в которой совершается творчество» [4, с. 37], по словам исследователя Р. Данилевского. Изображение приобретает, вероятно, совсем другой смысл, становится интерпретацией реципиента, не обязательно совпадающей с замыслом художника, что подтверждается разными реакциями генерал-губернатора и его адъютанта.

Следующая страница сценического «альбома»:

---

[11] Государственная Третьяковская галерея; приобретена П.М. Третьяковым в 1874 г. у автора.

[12] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.

[13] 1873. Государственная Третьяковская галерея; приобретена П.М. Третьяковым в 1874 г. у автора.

[14] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.

Адъютант: День удачи!
Адъютант: День неудачи![15].

Это диптих Верещагина (парное изобразительное произведение): «После удачи» и «После неудачи»[16] — «первые живописные произведения художника, посвященные войне. Они были созданы под впечатлением от боевых действий во время обороны Самаркандской крепости» [3 с. 114].

На картине «День удачи» изображены двое — солдаты-враги, один из них, в красной рубахе, полосатых, зеленое с желтым, штанах, в белой чалме, поднял за волосы голову русского солдата, оба рассматривают ее — это «удача», за голову они получат от эмира халат и золотую монету. На картине «День неудачи» изображен тот же солдат, что держал голову, — об этом говорит не только его одеяние (та же рубаха, те же штаны и сапоги с загнутым носком, чалма), но и черты лица, только на этой картине он мертв и поза у него не победителя, а побежденного. Рядом — победитель, русский солдат, прикуривающий трубку. Это неудача — с точки зрения убитого. В названиях картин этого диптиха — явный сарказм художника, использующего субъектность врага.

Демонстрация этих картин сопровождается комментарием Бяльцева:

> Жестоко. И стоит ли лишний раз напоминать про пролившуюся кровь? Нет, той истины истории если кто не знает — что не кровь, грабеж и разрушение были целью прихода нашего сюда. Мы укрепляли окраины России, опережали англичан, подбирающихся из Афганистана к югу российских границ. Господи, мы думали о единении двух народов[17],

— как бы оправдываясь за обоюдную жестокость, говорит Бяльцев. «Единение двух народов» vs человеческие трупы с обеих стороны — ирония истории.

Новая страница из альбома Верещагина на экране:

> Бяльцев: Удивительная девочка! Как это художнику удалось уговорить ее позировать с открытым лицом?
> Адъютант: Это не девочка, Валериан Петрович, это мальчик. По-здешнему — бача, танцующая девочка, как в пекинской опере.
> Бяльцев: Чего? Это юноша?
> Адъютант: Да.
> Бяльцев: Это Верещагин?
> Адъютант: Так точно[18].

На экране — картина «Портрет бачи»[19]. Составители каталога выставки «Василий Верещагин», прошедшей в Третьяковской галерее в 2018 г., пишут в комментарии к этой работе: «Применительно к Туркестану XIX века понятие "бача" (тадж. "мальчик", "ребенок") приобрело нарицательное значение, под которым подразумевался мальчик-танцор, выступающий на мужских собраниях» [3, с. 111].

Однако такое объяснение мало что дает для понимания вскинувшегося Бяльцева, его удивления. Дело в том, что с момента завоевания Туркестанского края выступления танцоров-бачей в чайханах попали в фокус пристального внимания новых

[15] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.
[16] 1868. Государственный Русский музей.
[17] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.
[18] Там же.
[19] 1872. Государственная Третьяковская галерея; приобретена П.М. Третьяковым в 1874 г. у автора.

властей, вначале удивленных травестированной ролью юношей, наряженных «девочками» (косички, мушки, браслеты), а позже увидевших в них порок. Началась методическая борьба на исключение этого института из местной культурной жизни. Свою лепту внесли В.В. Верещагин [21], не только рисовавший бачей, но и писавший о них, Н.С. Лыкошин [24], автор очерка с недвусмысленным заглавием «Долой бачей!» (подробнее см.: [19]).

Последний кадр из «альбома» Верещагина — картина «Продажа ребенка-невольника»[20].

> Бяльцев: Я не очень понимаю, что художника заинтересовало в этом сюжете.
>
> Нежданов: Картина Василия Верещагина из жизни сартовского общества прошлого века, выполнена мастерски: свет из-за открытой двери. Большая удача художника, приобретена Третьяковым.
>
> Бяльцев: Ну, так вот, пусть господин Третьяков сам и любуется содомским пороком. А я прошу исключить картину из экспозиции.
>
> Адъютант: Господин полковник, ее отбирали специалисты.
>
> Бяльцев: Выставка организована на деньги военного ведомства. Решение остается за мной![21].

В этой сцене встречаются два мировоззрения, два взгляда на искусство: художника, в лице Нежданова, и политика Бяльцева, для которого искусство — средство влияния на умы людей.

Верещагин в этой картине шел по проторенной дороге, годами раньше была создана работа Н. Неврева «Торг. Сцена из крепостного быта. Из недавнего прошлого»[22], где представлена аналогичная верещагинской продажа девушки. Неврев, помимо портрета девушки, фокусирует внимание зрителя на деталях интерьера: книги, часы, барометр, картина из античной мифологии, портрет Мирабо, которые говорят об интересах «просвещенного» помещика.

Такими же бытовыми деталями наполнена картина Верещагина: ковер, резные двери, посуда, головные уборы, обувь, чапаны (халаты) из *адраса* с уникальными орнаментами, окрашенными способом *икат* [3, с. 179]. Создается ощущение, что все эти экзотические детали впечатлили художника гораздо больше, чем антигуманный акт продажи ребенка. Полковник Бяльцев не желает напоминать жителям Ташкента о бесчеловечном прошлом Туркестанского края.

Картины Верещагина выступают камертоном в построении тех мизансцен в спектакле «Радение с гранатом», где артисты играют солдат и офицеров русской царской армии. Как артисты стоят, как сидят, как двигаются — будто бы они сошли с полотен Верещагина. Создатели спектакля сформировали стиль мизансценирования в виде некоего верещагинского кода, или особого ви́дения художника.

У Верещагина есть еще один диптих: «Туркестанский офицер, когда поход будет» и «Туркестанский офицер, когда похода не будет»[23] (эти картины не входят в «альбом» спектакля). На обеих картинах изображен один и тот же офицер, но в разных позах

[20] 1872. Государственная Третьяковская галерея; приобретена П.М. Третьяковым в 1874 г. у автора.

[21] Радение с гранатом: Спектакль театра «Ильхом». Указ. ссылка.

[22] 1866. Государственная Третьяковская галерея; приобретена П.М. Третьяковым у С.И. Карзинкина до 1893 г.

[23] 1873. Государственная Третьяковская галерея; приобретены П.М. Третьяковым в 1874 г. у автора.

и в разном эмоционально-психологическом настроении. Он в полевой туркестанской форме: крапового цвета замшевые штаны — чембары, белый китель, круглая белая фуражка с холщовым назатыльником (эту форму прославили полотна В.В. Верещагина и Н.Н. Каразина[24]). Описана она и в литературе:

> По дорожке шагала Бог весть откуда появившаяся фигура. Грязная, когда-то белая фуражка была сдвинута на гладко остриженный затылок, китель с металлическими пуговицами обтягивал тощий, сутуловатый стан, красные кожаные шаровары спущены были поверх сапог, порыжелых от пыли и времени, они неуклюже болтались на тонких, длинных ногах и, казалось, мешали им двигаться. Под кителем вовсе не было никакого белья, по крайней мере, смуглая, морщинистая шея и почти на четверть выдающиеся из-под коротких рукавов мохнатые руки были совершенно голы [22. с. 15]

— соратником Верещагина «по цеху» и туркестанской кампании, художником и писателем Николаем Каразиным.

Первый офицер, для которого «поход будет», весь в ожидании, выглядит хозяином положения, бодро и уверенно, ноги расставлены, руки в карманах, курит.

Второй офицер весь сжат в комок: он обнимает себя сложенными руками, голова опущена, ноги вместе, вся фигура выражает удрученность, печаль — «похода не будет».

Эти две фигуры и названия картин, на которых они изображены, — иллюстрация верещагинской концепции: художник придавал большое значение позе, выступавшей композиционным приемом в картине. Считанный создателями спектакля «Радение с гранатом» верещагинский код становится главным в пластическом решении многих мизансцен и в танцевальных этюдах, в которых изображаются будни русской военной крепости. Такую ситуацию Ю.М. Лотман называет «треугольником» — между реальным поведением человека в определенной системе культуры, театром и изобразительным искусством. Внутри этого треугольника происходит «интенсивный обмен символикой и средствами выражения. Театральность проникает в быт и влияет на живопись, быт воздействует на то и другое…» [11. с. 399]. Живопись, влияя на театр, формирует систему поз и движений.

> Весьма существенно при этом, что, переходя в другую сферу, та или иная значимая структура сохраняет связь со своим естественным контекстом. Так возникают «театральность» жеста на картине и в жизни, «живописность» театра или самой жизни, «естественность» сцены и полотна [11, с. 400].

По словам С.Н. Зенкина, визуальные фигуры-знаки становятся объектом изучения семиотики культуры [7, с. 19]. Как бы сошедшие с картин Верещагина, фигуры являются интрадиегетическими образами, которых играют на сцене артисты, они уподобляются в своей игре позам и движениям верещагинских персонажей. Такие практики уподобления известны издревле. Антрополог Д.Д. Фрэзер, изучая ритуальные действия в культуре, среди прочих движения и позы, относит их к двум разновидностям симпатической магии: имитативной (гомеопатической) и контагиозной [13, с. 19–26]. Нас заинтересовала первая разновидность, в основе которой лежит магия подобия (бесконтактная), ее действие совершается по принципу «подобное производит подобное» [13, с. 24]. Алгоритм имитативной магии (на уровне метафоры — верещагинского кода) можно отметить в игре актеров спектакля «Радение с гранатом».

[24] Например, картина Н.Н. Каразина «Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 года» (1888. Государственный Русский музей).

Архаическое сознание, обращаясь к имитативной магии, рассчитывает на то, что магия обрядового микрокосма будет способствовать рождению подобного макрокосма в реальной жизни: «маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему» [13, с. 19]. В театральном спектакле имитативная магия (она же — сценическое действо) играет роль зеркала, воссоздающего реальную жизнь прошлого. По словам Ю.М. Лотмана, магическая функция «зеркала» создает «мир, похожий на отражаемый, но им не являющийся, “как бы” мир» [11, с. 388]. Такова иллюзия искусства.

«Верещагинский код», на который мы вышли в ходе исследования, соединил в единое произведение театрального искусства (спектакль «Радение с гранатом») исторические реалии (завоевание Туркестанского края в XIX в., быт и культуру края), живописные полотна Верещагина, их рецепцию действующими персонажами спектакля и судьбу художника Николаева / Нежданова, главного героя пьесы Марка Вайля и Дмитрия Тихомирова. Художественными приемами, посредством которых реализуется «верещагинский код», являются экфрастическая и интрадиегетическая образность спектакля.

Список литературы

Исследования

1 *Артуа К. (Артыков К.)* Марк Вайль. Последние театральные страницы // Дружба народов. 2019. № 8. С. 190–200.

2 *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 295 с.

3 Василий Верещагин. М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 2018. 416 с.

4 *Данилевский Р.* Г.Э. Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. ст. / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 35–43.

5 *Еремян Р.В.* Усто Мумин (А. Николаев): Альбом / авт. текста и сост. Р.В. Еремян. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1982. 136 с.

6 *Зенкин С.Н*. Семиотика зрительного образа: Ролан Барт и Юрий Лотман // *Зенкин С.Н.* Работы по поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 262–274.

7 *Зенкин С.Н*. Imago in fabula: Интрадиегетический образ в литературе и кино. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 624 с.

8 *Косенко В.С*. Образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22, № 2. С. 332–342. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342

9 *Круковская С.М*. Усто Мумин (Александр Васильевич Николаев. 1897–1957: Жизнь и творчество). Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1973. 101 с.

10 *Лотман Ю.М.* Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 142–145.

11 *Лотман Ю.М*. Театральный язык и живопись (К проблеме иконической риторики) // *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / сост.

Р.Г. Григорьева; предисл. С.М. Даниэля. СПб.: Академический проект, 2002. С. 388–400.

12 *Резван Е.А., Резван М.Е.* Русская дверь на Восток // Василий Верещагин. М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 2018. С. 200–213.

13 *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

14 *Хализев В.Е.* Драма как явление искусства. М.: Искусство, 1978. 240 с.

15 *Ханзен-Лёве О.А.* Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду / пер. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого. М.: Изд-во РГГУ, 2016. 450 с.

16 *Чухович Б.* «Любовь, дружба, вечность» Усто Мумина. Прага: Artguide s.r.o, 2023. 432 с.

17 *Шадронов С.* «Радение с гранатом» М. Вайля и Д. Тихомирова, театр «Ильхом», Ташкент, реж. Марк Вайль // Livejournal. URL: https://users.livejournal.com/-arlekin-/1392743.html (дата обращения: 01.02.2025).

18 *Шафранская Э.Ф.* Усто Мумин: превращения. М.: Изд-во Музея современного искусства «Гараж», 2023. 304 с.

19 *Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.* Бачи в русской культурной рецепции // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, №1. С. 38–49. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49

Источники

20 *Аленник Э.* Напоминание: Повести. Л.: Сов. писатель, 1985. 528 с.

21 *Верещагин В.В.* Из путешествия по Средней Азии // В.В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1883. С. 49–85.

22 *Каразин Н.Н.* На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. 629 с. (Серия «Литературные памятники»)

23 *Карлов Г.Н.* Товарищ жизнь: Воспоминания. Ташкент: Ёш гвардия, 1987. 93 с.

24 *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Пг.: Склад Т-ва В.А. Березовский, 1916. 415 с.

25 *Мануилова О.М.* Страницы воспоминаний. Фрунзе: Кыргызстан, 1980. 112 с.

26 *Массон М.Е.* Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. Ташкент: Узбекистан, 1972. 45 с.

27 *Носкович Н.А. (Лекаренко)*. Воспоминания «придурка» / публ. и вступ. ст. Н.Р. Либерман // Нева. 2001. №4. С. 165–183.

28 *Уфимцев В.И.* Говоря о себе: воспоминания. М.: Сов. художник, 1973. 172 с.

***

© 2026. Victoria S. Kosenko
Moscow, Russia

"THE VERESHCHAGIN CODE" ON THE THEATER STAGE

Abstract: The paper traces relationship between real life, literary texts (non-fiction and fiction), painting and theater art on the example of the historical conquest of the Turkestan region, literary reception of the biography of the artist A.V. Nikolaev, painting by V.V. Vereshchagin and Mark Weil's play "Ecstasy with the Pomegranate" (2006). Dedicated to the "case" of Nikolayev, who is depicted in the play under the name of Nezhdanov, the performance creates a historical reality by means of images from Vereshchagin's paintings broadcasted on stage: their reception by the acting characters of the performance and the actors' imitation of Vereshchagin's figures create ekphrastic situations and intradiegetic imagery on stage. The paper shows the connection of the play "Ecstasy with the Pomegranate" with the literature existing at the time of the play's creation; characterizes the sources that formed the basis of the plot of the dramatic action; presents a description of Vereshchagin's paintings involved in the theatricalization; formulates one of the concepts of the play "Ecstasy with the Pomegranate" — the "Vereshchagin code", the genesis of which is defined as a kind of sympathetic magic (according to D.D. Fraser). Based on the works of Y.M. Lotman and S.N. Zenkin, we describe the semantics and semiotics of the context of the play, which is connected with its "Russian part" and the time period centered on 1916 — the life in conquered Tashkent of soldiers and officers stationed in the military fortress, contrasted with the Old City, where the local population lives.

Keywords: Vasily Vereshchagin, ekphrasis, Mark Weil, the play "Ecstasy with Pomegranate", "Ilkhom" Theatre, bacha dancers, visual images

Information about the author: Victoria S. Kosenko — PhD in Philology, Assistant Professor, The Russian Institute of Theater Arts (GITIS), Malyi Kislovsky Pass., 6, 125009 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5533-8748
E-mail: visha-k@mail.ru

Received: May 12, 2025
Approved after reviewing: July 06, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Kosenko, V.S. "'The Vereshchagin Code' on the Theater Stage." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 323–336. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-323-336

References

1 Artua, K. (Artykov, K.) "Mark Vail. Poslednie teatralnye stranitsy" ["Mark Weil. Recent Theater Pages"]. *Druzhba narodov* [*Friendship of Peoples*], no. 8, 2019, pp. 190–200. (In Russ.)

2 Baskhanov, M.K. *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g.: Biobibliograficheskii slovar* [*Russian Military Orientalists before 1917: a Bio-bibliographic Dictionary*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2005. 295 p. (In Russ.)

3 *Vasilii Vereshchagin* [*Vasily Vereshchagin*]. Moscow, State Tretyakov Gallery Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)

4 Danilevskii, R. "G.E. Lessing: krakh ekfrasisa?" ["Lessing: the Collapse of Ekphrasis?"]. *"Nevyrazimo vyrazimoe": ekfrasis i problemy reprezentatsii vizualnogo v khudozhestvennom tekste:* sbornik statei [*"The Inexpressible Expressible": Ekphrasis and Problems of Representation of the Visual in Fiction:* Collection of Articles], ed. D.V. Tokarev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 35–43. (In Russ.)

5 Eremian, R.V. *Usto Mumin (A. Nikolaev):* Albom [*Usto Mumin (A. Nikolaev):* Album], text author and comp. R.V. Eremian. Tashkent, Izdatelstvo literatury i iskusstva im. Gafura Guliama Publ., 1982. 136 p. (In Russ.)

6 Zenkin, S.N. "Semiotika zritelnogo obraza: Rolan Bart i Iurii Lotman" ["Semiotics of the Visual Image: Roland Barthes and Yuri Lotman"]. Zenkin, S.N. *Raboty po poetike* [*Works on Poetics*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 262–274. (In Russ.)

7 Zenkin, S.N. *Imago in fabula: Intradiegeticheskii obraz v literature i kino* [*Imago in Fabula: An Intradiegetic Image in Literature and Cinema*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 624 p. (In Russ.)

8 Kosenko, V.S. "Obraz khudozhnika v povesti 'Napominanie' Enny Alennik" ["The Image of the Artist in the Story 'Reminder' by Enna Alennik"]. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [*Polylinguality and Transcultural Practices*], vol. 22, no. 2, 2025, pp. 332–342. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342 (In Russ.)

9 Krukovskaia, S.M. *Usto Mumin (Aleksandr Vasilevich Nikolaev. 1897–1957: Zhizn i tvorchestvo)* [*Usto Mumin (Alexander Vasilyevich Nikolaev. 1897–1957: Life and work)*]. Tashkent: Izd-vo literatury i iskusstva im. Gafura Guliama Publ., 1973. 101 p. (In Russ.)

10 Lotman, Iu.M. "Tekst i poliglotizm kultury" ["Text and Polyglot Culture"]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stati:* v 3 t. [*Selected Papers:* in 3 vols.], vol. 1: Stati po semiotike i topologii kultury [Articles on Semiotics and Topology of Culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 142–145. (In Russ.)

11 Lotman, Iu.M. "Teatralnyi iazyk i zhivopis (K probleme ikonicheskoi ritoriki)" ["Theatrical Language and Painting (On the Problem of Iconic Rhetoric)"]. Lotman, Iu.M. *Stati po semiotike kultury i iskusstva* [*Articles on the Semiotics of Culture and Art*], comp. R.G. Grigoreva; preface S.M. Danielia. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 388–400. (In Russ.)

12 Rezvan, E.A., Rezvan, M.E. "Russkaia dver na Vostok" ["Russian Door to the East"]. *Vasilii Vereshchagin* [*Vasily Vereshchagin*]. Moscow, State Tretyakov Gallery Publ., 2018, pp. 200–213. (In Russ.)

13 Frezer, D.D. *Zolotaia vetv: Issledovanie magii i religii* [*The Golden Bough: A Study of Magic and Religion*], trans. from English M.K. Ryklin. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 703 p. (In Russ.)

14 Khalizev, V.E. *Drama kak iavlenie iskusstva* [*Drama as an Artistic Phenomenon*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 240 p. (In Russ.)

15 Khanzen-Leve, O.A. *Intermedialnost v russkoi kulture: Ot simvolizma k avangardu* [*Intermediality in Russian Culture: From Symbolism to the Avant-garde*], trans. B.M. Skuratov, E.Iu. Smotritskii. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2016. 450 p. (In Russ.)

16 Chukhovich, B. *“Liubov, druzhba, vechnost” Usto Mumina* [*“Love, friendship, eternity” by Usto Mumin*]. Praga, Artguide s.r.o. Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

17 Shadronov. S. “‘Radenie s granatom’ M. Vailia i D. Tikhomirova, teatr “Ilkhom”, Tashkent, rezh. Mark Vail” [“‘Ecstasy with Pomegranate’: by M. Weil and D. Tikhomirov, “Ilkhom” Theater, Tashkent, directed by Mark Weil]. *Livejournal*. Available at: https://users.livejournal.com/-arlekin-/1392743.html (Accessed 1 February 2025). (In Russ.)

18 Shafranskaia, E.F. *Usto Mumin: prevrashcheniia* [*Usto Mumin: Transformations*]. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva Garazh Publ., 2023. 304 p. (In Russ.)

19 Shafranskaia, E.F., Garipova, G.T. “Bachi v russkoi kulturnoi retseptsii” [“Bachi in Russian Cultural Reception”]. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [*Polylinguality and Transcultural Practices*], vol. 19, no. 1, 2022, pp. 38–49. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49 (In Russ.)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-337-351
УДК 7.072.2+7.046.3
ББК 85.1
Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2026 г. О.В. Ковалева
г. Москва, Россия

© 2026 г. С.М. Арефьева
г. Москва, Россия

© 2026 г. Н.Н. Карпович
г. Москва, Россия

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ: САКРАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИМОЖСКИХ ЭМАЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В статье исследуется проявление сакрального содержания лиможской эмали, определяется взаимообусловленность иконографии, технологии и семантики в искусстве Средневековья.

Актуальность темы связана преимущественно с историко-культурным и искусствоведческим потенциалом поиска религиозного смысла в изделиях лиможской эмали. Изучение религиозного канона позволяет реконструировать не только эстетические идеалы, но и систему сакральных смыслов, способы передачи сложных богословских концепций через искусство.

Цель работы: исследование памятников лиможской расписной эмали XII–XVI веков (включая произведения из частного собрания) как часть визуально-богословской системы христианской культуры Средневековья и Возрождения. Новизна исследования проявляется через понимание сакрального содержания лиможских эмалей Средневековья, сформированного с учетом литургической функции предметов, возможностей техники выемчатой эмали и иконографических схем, которые служат целям наставления, поклонения и утверждения церковного авторитета.

Методология работы предполагает понимание исторического контекста, так как без знания традиционности и символизма средневекового периода невозможно в полной мере оценить радикализм секуляризации в эпоху Ренессанса.

Практическая значимость исследования заключается в раскрытии преемственности технологического и образно-символического опыта в эмальерном искусстве. Анализ средневекового канона позволяет эксплицировать механизмы формообразования и смыслополагания, востребованные в творчестве современных художников и дизайнеров. Выявленные технологические закономерности производства

выемчатой эмали и их связь с религиозной культурой Средневековья не только расширяют научно-теоретическую базу, но и нацеливают деятельность творческих вузов и мастерских на сохранение и переосмысление сложных ремесленных практик.

Ключевые слова: лиможская эмаль, декоративно-прикладное творчество, иконография, христианской культуры, живописная эмаль, средневековое искусство, сакральное содержание

Информация об авторах:
Ольга Владимировна Ковалева — доктор искусствоведения, профессор, директор, Институт искусств, Российский государственный университет им А.Н. Косыгина, ул. Садовническая, д. 33, стр.1, 117997 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1160-5780
E-mail: kovaleva-ov@rguk.ru
Светлана Муллануровна Арефьева — кандидат педагогических наук, доцент кафедры искусствоведения, Институт искусств, Российский государственный университет им А.Н. Косыгина, ул.Садовническая, д. 33, стр. 1, 117997 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9586-9846
E-mail: arefeva-sm@rguk.ru
Наталья Николаевна Карпович — руководитель, Объединение многодетных семей города Москвы, Садово-Триумфальная ул., д.16, стр.2, 127006 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-6135-3911
E-mail: n.karpovich@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.03.2025
Дата одобрения рецензентами: 27.04.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Ковалева О.В., Арефьева С.М., Карпович Н.Н.* Духовные основания художественной традиции: сакральное содержание лиможских эмалей Средневековья // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 337–351.
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-337-351

Введение

В современном искусствоведении прослеживается интерес к деконструкции и авторским интерпретациям, но изучаются также и системы, и правила создания произведений искусства в рамках строгих ограничений. Исследователей ремесленных практик и коллективного производства привлекает возможность ретроспективного анализа для определения преемственности в использовании определенных техник производства предметов искусства. Лиможские эмали, прославившие небольшой французский город, представляют собой уникальный феномен в истории европейской художественной культуры. Особой популярностью они пользовались в период Высокого и Позднего Средневековья (XII–XVI вв.). Изысканные образцы средневекового ремесла создавались с учетом системы визуального языка, подчиненного высшим духовным задачам. Этот язык, воплощенный в сияющих лазурью и позолотой реликвариях, распятиях и литургической утвари, передает религиозное содержание лиможской эмали.

Цель работы: изучив образцы предметов XII–XVI вв., опираясь, в том числе, и на произведения из частного собрания, расширить представление соотечественников о наследии лиможских мастеров, выявить контекстную связь с христианской культурой Средневековья и проанализировать структурные компоненты и внутреннюю логику сакральности в лиможской эмали периода ее наивысшего расцвета (XII–XVI вв.).

Актуальность работы обусловлена преобразованиями теологического и художественного языка, отражающими историю иконографии и постоянное развитие технологии ее изготовления. Многогранность темы связана с ее междисциплинарным характером и находится на пересечении истории искусства, теологии, семиотики, культурологии, декоративно-прикладного ремесла. Духовные основания художественной традиции изготовления предметов лиможской эмали скорее всего сформировались под влиянием техно-материального комплекса с иконографической программой, служившей целям наставления и духовного созерцания и социокультурным контекстом производства и потребления. Первоначально выразительная форма эмали применялась для ювелирного оформления и закреплялась на священной утвари как имитация драгоценных камней. Постепенно выемчатая эмаль стала использоваться в качестве альтернативы эмалирования по золоту. Распространение христианства привело к росту потребности в недорогой церковной утвари, что способствовало использованию новой формы художественного оформления в качестве подложки меди, имитирующей золото. Вероятно, соображения экономической выгоды привели к переходу от оттоновской перегородчатой эмали на золоте к романской выемчатой эмали на меди. В середине XII в. Лимож превратился в ведущий центр массового производства религиозной утвари с использованием различных видов выемчатой эмали и до XIV в. удерживал за собой это первенство.

Материалы и методы

Лиможская эмаль упоминается во многих общих трудах по истории искусства преимущественно в контексте развития декоративно-прикладного творчества [2],[3],[8]. Ее считают не только вершиной средневекового ремесла, но и сложным закодированным богословским и культурным текстом, позволяющим глубже понять универсальные механизмы создания религиозного искусства. Базовыми структурными элементами сакрального содержания можно считать:

Технологический фундамент: выемчатая эмаль, предполагающая использование меди как материала, по внешнему виду приближенного к наделяемому сакральной символикой золоту, лаконична, силуэты имеют четкий контур, цветовые символы семантически насыщены.

Иконографический канон: повествование и символ, учитывающий доминирование повествовательных циклов в реликвариях, алтарях, триптихах, выполнявших роль «Библии для неграмотных», а также типологию фигур, иерархию образов и статичность композиции, орнаментальную символику.

Литургическая функция как формирующее начало (реликварий, распятие, литургическая утварь).

Социально-культурный контекст (мастерские при монастырях и епископской кафедре, Лимож как духовный и ремесленный центр, функция дара и вклада).

В произведениях лиможской эмали реализуются технологические возможности создания социально-культурного контекста через иконографию. Пытаясь определить границы духовной традиции через сакральное содержание, следует признать, что они не были статичны. На это указывает эволюция от романской суровости к готической повествовательности и условной грации. Появление гризайли (монохромной эмали) в XIV в. можно считать первым шагом к технологическому усложнению. В эпоху Ренессанса процесс секуляризации искусства не уничтожил религиозную тематику, но подчинил её законам светской живописи: индивидуализации персонажей, анатомической точности и колористическим эффектам. Интерес к технике эмали фиксируется в XIX–

XXI веках, когда мастера обращаются к ней сначала в рамках историзма и ар-нуво, а затем – как к средству самовыражения в актуальном искусстве. Например, работы А. Лавлинского, В. Синельниковой, выполнивших в технике горячей полупрозрачной эмали циферблат часов для марки BrIller (Там есть «диалог с традицией в светском или концептуальном контексте». Горячая эмаль ими выполняется по гильошированной основе: Лавлинский выполняет ювелирную и основу, а Синельникова дополняет ее авторской миниатюрой и росписью.)

В памятниках лиможской эмали отчетливо прослеживается сложный диалог физической материальности и религиозной идеологии. Подобная проблематика и сегодня находится на острие искусствоведческих дискуссий, сфокусированных на синестезии технологических процессов и глубинных смыслов, где медь, эмалевая паста и пигменты рассматриваются не как утилитарные средства, а как самостоятельные носители символических значений. Наглядным подтверждением непрерывности этой традиции в отечественном пространстве служит деятельность кафедры монументально-декоративной живописи Академии имени А.Л. Штиглица. Работы студентов этого вуза регулярно презентуются на тематических выставках, демонстрирующих преемственность мастерства. Параллельно актуализация эмальерных практик идет и по линии крупных институциональных инициатив — в частности, через участие профильной гильдии под руководством Л.В. Алениной в международном проекте «Современное наследие России». В творчестве современных авторов обращение к сакральному пласту «opus lemovicense» полностью эмансипировалось от сугубо литургической функции, трансформировавшись в стратегии осознанной стилизации, прямого цитирования или сложного концептуального диалога с первоисточником в рамках светского искусства.

Подобный многоаспектный диалог с наследием опирается на внушительный массив фундаментальных исследований. В отечественной и зарубежной науке к осмыслению феномена лиможской эмали обращались такие авторы, как А. Н. Кубе [5], С. Ю. Клементьева [3], А. Ю. Волькович [1], С. В. Затюпа [2], а также зарубежные искусствоведы Henry de Morant [7], Maryvonne B.C. [9] и Keiner Michel S. [8].

Эмпирическую основу для анализа технологической и образной эволюции промысла составляют каталогизированные музейные собрания. В частности, ключевые исторические вехи и морфологические трансформации техники детально зафиксированы в фундаментальном альбоме-каталоге О. Д. Доброклонской «Лиможские расписные эмали XV и XVI вв. Собрание Государственного Эрмитажа» [11]. Ценность данного источника для настоящей работы заключается в подробной дифференциации памятников так называемой «старой школы» (реликвариев, многочастных складней, триптихов), воплощавших средневековую литургическую парадигму, и произведений «новой школы» (шкатулок, портретных плакеток), маркировавших переход к ренессансной светской эстетике. Исторические аспекты изучения эмалей представлены в альбоме Доброклонской О.Д. «Лиможские расписные эмали XV и XVI вв. Собрание Государственного Эрмитажа» [11], в котором содержатся репродукции изделий старой школы лиможских эмалей (реликварии, многочастные складни, триптихи) и новой школы (шкатулки, пластинки-портреты), дана характеристика артефактам разных периодов.

Особенности технологии создания эмалей отражены в каталоге, подготовленном Карпович Н.Н., вступительную статью к которому написала Переятенец В.И. [12]. В работе представлен подробный обзор изделий из лиможской эмали, изображение которых использовано и в данной статье.

Наиболее значимые исследования, посвященные истории лиможских эмалей, были проведены в последние десятилетия. В 2005 г. Раппе Т.В., Булкина Д.С. опубликовали наиболее полное исследование на русском языке, посвященное выставке из коллекции Эрмитажа [6]. В этом исследовании представлено не только общее описание, но и опубликован каталог живописных эмалей с детальным описанием каждого предмета. Включены ссылки на атрибуцию и другие исследования, а также приложена сводная таблица авторских клейм. Вступительная статья к изданию содержит подробное описание технологии создания произведений, даются характеристики творчеству ряда выдающихся мастеров «старой» и «новой» школы, сформулированы принципы идентификации эрмитажных экспонатов. Т.о. ведущими методами исследования стало искусствоведческое описание предметов лиможской эмали, их иконографический и семиотический анализ.

Результаты и обсуждение

Технология лиможских эмалей эволюционировала от перегородчатой к живописной. Эмаль представляет собой сплав стекла, окрашенного окисями различных металлов: олова – в белый, железа – в желтый, меди – бирюзовый, магнезии – в лиловый, золота – в красный, иридия – в стальной цвет. Изготовление происходит следующим способом: на рисунок, выполненный на металле, наносится смесь эмалевого порошка с водой, затем изделие обжигается, и эмаль, плавясь, образует красочную поверхность, соединенную с фоном. Чтобы она прочно держалась на поверхности и соответствовала задуманному рисунку, существует много различных технических приемов.

Перегородчатая эмаль располагается между тоненькими полосками-перегородками, припаянными к плоской поверхности. По тому же принципу создается и эмалирование по сканному орнаменту. В эмали по литью и выемчатой — порошок засыпается в углубления на поверхности металла. Иногда мастера используют прозрачную эмаль, которая полностью покрывает рельефную поверхность, что придает изделиям особый пластический выразительный эффект. Такую технологию называют гильошированной. Она получила особое распространение в начале XX в. [12, с. 4]. Этот же принцип заложен в использовании фона из серебряной или золотой фольги, покрытой полупрозрачными красками.

В Лиможе в течение столетий происходила постепенная смена техник. Наиболее популярными были выемчатые и перегородчатые эмали. Ими украшали реликварии, складни на религиозную тематику, иконы, которые имели массовое распространение. Их заказывали в качестве даров в храмы, для домашних алтарей. Процесс создания эмалей представлен В.И. Переятенец во вступительной статье к каталогу «Живописные эмали Лиможа XII–XX веков». Исследовательница отмечает, что в ранний период для создания классической выемчатой эмали, псевдо-выемчатой и перегородчатой на первом этапе художник обрабатывал медный лист, превращая его в тонкую пластину. Затем, в соответствии с техникой выемчатой эмали, формировал углубления при помощи резца и гравировальной иглы; глубина таких выемок составляет примерно один миллиметр. Если мастер работает в технике псевдо-выемчатой техники, то он использует две пластинки, плотно соединенных одна с другой. В верхней пластинке прорезается рисунок, а нижняя пластина служит основой. Для создания перегородчатой эмали художник прикреплял к основе ячейки, выполненные из медных полосок, и именно они формировали будущее изображение. Углубления заполняли стеклянной пудрой, полученной посредством растирания в ступке осколков цветного стекла. При этом стекло получали

из песка или кварца с добавлением щелочного флюса (растительная зола или каустическая сода), для понижения температуры плавления. В подавляющем большинстве работ мастера использовали содовое стекло, т. к. оно более прочное по сравнению с поташным стеклом (добавка калия), из которого делали витражи. После обжига, как только стекло расплавлялось, температуру постепенно понижали. Поскольку коэффициент линейного расширения меди близок к этому показателю для стекла, изделие остывало равномерно. После этого этапа мастер приступал к шлифовке и полировке поверхности; затем изделие очищали и покрывали смесью золота и ртути. Язык работ был достаточно условен и сопоставим со средневековой живописью. Мастера отдавали предпочтение ярким насыщенным краскам: синей, красной, белой с включением золота, которое наносилось на поверхность особым способом при помощи тампонов. Рассматривая подобные композиции, хорошо видно работу мастера и тот рельеф, который образуется в результате последовательного обжига многочисленных красочных слоев. Лиможские эмали являются яркой страницей в истории мирового искусства, сохраняющего черты религиозного канона [12, с. 5].

Специфика сакрального содержания нашла прямое воплощение в ранней иконографии и сюжетном фонде лиможской эмали. Подобные изделия транслировали догматическую суть христианского вероучения, трансформируя сложные богословские концепты в доступные для восприятия и визуально убедительные образы. Экспонаты собрания «старой школы» охватывают значительный период с конца XII в. по начало XVI в. Атрибуция представленных предметов из частных коллекций отражена в экспертных заключениях специалиста, аккредитованного при Международной конфедерации коллекционеров, антикваров и Арт-дилеров, выполнена экспертом по французским эмалям XII–XX вв. Н.Н. Карпович.

Литургическая значимость ларца-реликвария подчеркивается не только композиционным расположением декоративных элементов, но и выбранными религиозными образами (иллюстрация 1).

Иллюстрация 1 — Ларец — реликварий, декорированный костью и эмалевыми пластинами.
Неизвестный мастер XII в. Франция. Лимож
Дерево, слоновая кость, медные пластины, эмаль.
Частное собрание. Москва [12]
Illustration 1 — A Reliquary Casket Decorated with Bone and Enamel Plates.
Unknown Master of the 12th Century. France. Limoges
Wood, Ivory, Copper Plates, Enamel.
Private Collection. Moscow [12]

Это традиционный по форме предмет: прямоугольный параллелепипед с островерхой крышкой. В исследуемом реликварии на деревянной основе закреплены эмалевые пластинки и рельефные накладки из слоновой кости с характерной для романского периода пластикой. Детали, выполненные из кости, представляют собой орнаментальные композиции, элементы архитектуры и рельефные изображения святых, Богоматери с младенцем и Христа на троне. Резной орнамент, закрепленный в верхней части ларца, представляет собой симметричную композицию, состоящую из трех сегментов. Два боковых — это стилизованные изображения рыб, фантастических животных, похожих на изображения птиц и собак с крыльями и без. Их изображения группируются у креста в круге в окружении завитков орнамента. В центральном сегменте изображены птицы, расположенные симметрично относительно друг друга. Размещение рельефов светской тематики на религиозном предмете не является чем-то необычным, напротив, в декоре практически каждого известного романского храма можно увидеть элементы, близкие по образам подобным и связывающие романское искусство с народной фольклорной традицией. В костяном декоре реликвария присутствуют и характерные для этого стиля архитектурные элементы. Так, декоративные рельефы на крышке отделены друг от друга столбиками-балясинами прямоугольной формы, украшенными гравированной сеткой и рельефными изображениями порталов. Навершиями служат стилизованные изображения шишечек. Непосредственно на самом ларце в центральных частях фасадов изображены колонны с характерными для романского стиля капителями и награвированным простыми узорами в виде двух вариантов зигзагообразных линий и сетки.

Основную смысловую нагрузку несут рельефные изображения и металлические накладки, декорированные эмалями. Они явно имеют древнее происхождение и выполнены в уникальной технике, сочетающей рельефное изображение с эмалевыми заливками. В иконографическом плане сюжетные программы лиможских эмалей и резных костяных накладок обнаруживают глубокую внутреннюю общность. В их основе лежит репрезентация устойчивых образов, восходящих к монументальным алтарным композициям раннехристианских базилик, что подчеркивает преемственность византийской и позднеантичной традиций. Так на фасадной стороне в центральной нижней части помещено стилизованное изображение женской фигуры с книгой в руках и благословляющим жестом, фланкированное двумя рельефными костяными колоннами. В выемках ларца справа и слева дано эмалевое изображение фигур пророков в полный рост. Они выполнены в симметричных полуоборотах в виде невысоких рельефов и дополнены большими плоскостями эмали. По сути дела, мастер использовал эмаль как способ раскраски медного рельефа: лицо и руки пророков окрашивали серебряной или золотой краской, чтобы выделить кожу персонажей. Верхний регистр композиции занимает тронный образ правителя в королевской короне, чьё лицо обращено к небу в жесте молитвенного предстояния.

Верхняя часть крышки декорирована символическими изображениями евангелистов: Марка в виде крылатого льва и Луки в образе тельца с крыльями [12, с. 8]. Оба зооморфных персонажа удерживают в лапах белые свитки, манифестирующие написанные ими Евангелия. Как и расположенные в нижнем регистре фигуры пророков, данные рельефные композиции дополнены эмалированием, причем головы животных выполнены в выразительном высоком рельефе. Фон пластин решен в глубоком бирюзовом тоне, на котором контрастно выделяются сами фигуры, покрытые красной (лев Марка) и охристой (телец Луки) эмалью. Выбранная колористическая гамма строится на комплементарном созвучии: в частности, яркий красный нимб вокруг головы тельца

эффектно подчеркивает охристый тон его крыльев. Особую эстетическую целостность артефакту придает благородный оттенок обнаженного металла, который безупречно коррелирует с общей палитрой обожженных эмалей.

По аналогичному художественно-композиционному принципу решен декор оборотной стороны ларца. Нижний регистр центрирован резной костяной накладкой с изображением Богоматери на престоле в окружении фланкирующих ростовых фигур ангелов, выполненных на эмалевых пластинах. Верхний ярус (на скате крышки) занимает тронный образ Христа, фланкированный символическими репрезентациями оставшихся евангелистов – орла (Иоанна) и ангела (Матфея), что логически завершает тетраморф, начатый на лицевой панели. Данный сегмент декорации по своему семантическому наполнению может быть охарактеризован как смысловая доминанта всего памятника, которая, однако, оставалась скрытой при фронтальном осмотре закрытого реликвария. В пространстве храма его расположение обусловлено тем, что данный артефакт традиционно вовлекался в евхаристическое действо. Потому строго регламентировалась: данная – иконографически наиболее насыщенная – сторона была обращена в сторону нефа, к молящимся верующим, тогда как функциональная плоскость с замком крышки была повернута к стоящему у алтаря священнику. Таким образом, в пространственной структуре западного католического храма эта часть реликвария фактически брала на себя репрезентативную функцию, аналогичную роли монументальных алтарных преград или иконостасных циклов в восточнохристианской традиции.

Помимо фасадных частей, эмалевые пластины размещены на боковых сторонах. В верхних сегментах крышки это декоративные треугольники, в которых на красном фоне помещены три стилизованных изображения, в которых рельефные металлические детали сочетаются с плоскостями, покрытыми темно-желтой эмалью, и бирюзовым кабошоном в центре.

Нижние пластины представляют собой композиции, посвященные изображению «Христа у Генисаретского озера» и «Воскрешению Лазаря». Их стилистическое исполнение идентично пластинам на фасаде. Это рельефные изображения фигур с дополнительной заливкой эмалью. Синим цветом выполнены одежды Христа, белым — фигура Лазаря, покрытого погребальными пеленами, и все это дополнено золотисто-охристым, голубым и зеленым оттенками, использованными в изображении пейзажа.

Костяные и эмалевые рельефы выполнены в едином стиле с характерной примитивизацией образов, свойственной романскому искусству: это плоскостность (двухмерность) в изображении человеческих фигур; искажение пропорций тела, их деформация, отражающая христианское представление о теле, как «сосуде грехов», «темнице души», то есть, части материального, смертного мира, вторичного по отношению к духовной составляющей. В скульптурных элементах использован прием разномасшабности фигур, отражающий их иерархию в структуре религиозного мира. В рельефах отсутствует перспектива, которая в общем композиционном решении заменена ярусным делением. В трактовке форм самих фигур преобладает статика. Стилистические особенности скульптурных элементов позволяют датировать данный уникальный экспонат не позднее XII в.

Ларец-реликварий является экспонатом, представляющим ранний вариант использования эмали по рельефу, воспринятому лиможскими художниками у византийцев. Реликварии подобной формы довольно распространены, и они присутствуют в ряде музейных собраний, в частности в собрании Государственного Эрмитажа. Близкими по времени создания и форме к исследуемому, например, являются: «Ларец-реликварий

с изображением ангелов и святых» XIII в. (иллюстрация 2), «Ларец-реликварий с изображением Христа, ангелов и святых» (иллюстрация 3), датированный 1190–1200 гг., и «Ларец-реликварий с изображением Христа во славе, Распятия и святых», созданный между 1190 и 1210 гг. (иллюстрация 4) [11].

Если сопоставить исследуемый реликварий с экспонатами из эрмитажной коллекции, то наиболее близким по художественному решению будет «Ларец-реликварий с изображением ангелов и святых» первой половины XIII в., так как в нем рельефные изображения сочетаются с фигурами святых и живописным фоном. В эрмитажном реликварии использована выемчатая четырехцветная эмаль, из которой выполнен орнаментальный фон с геометрическими мотивами. Однотонная эмаль по рельефу является более старым вариантом, что позволило датировать исследуемое произведение не позднее XII в.

Иллюстрация 2 — «Ларец-реликварий с изображением ангелов и святых». Франция. Лимож. Первая половина XIII в. Материал: Материал: медь, дерево, эмаль. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург [11]
Illustration 2 — "Reliquary Casket with Images of Angels and Saints". France. Limoges. The First Half of the 13th Century. Material: Material: Copper, Wood, Enamel. The State Hermitage Museum, St.Petersburg [11]

Иллюстрация 3 — Ларец-реликварий с изображением Христа, ангелов и святых. Франция. Лимож. Между 1190 и 1200 гг. Материал: медь, дерево, эмаль. государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург [11]
Illustration 3 — Reliquary Casket with the Image of Christ, Angels and Saints. France. Limoges. Between 1190 and 1200. Material: Copper, Wood, Enamel. The State Hermitage Museum. St. Petersburg [11]

Иллюстрация 4 — Ларец-реликварий с изображением Христа во славе, Распятия и святых. Франция. Лимож. Между 1190 и 1210 гг. Материал: дерево, медь, эмаль. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург [11]
Illustration 4 — Reliquary Casket with the Image of Christ in Glory, Crucifixion and Saints. France. Limoges. Between 1190 and 1210. Material: Wood, Copper, Enamel. The State Hermitage Museum. St.Petersburg [11]

Более традиционный вариант выемчатой эмали представлен в Распятии (иллюстрация 5) и «ложном» складне, изображающем Богоматерь Млекопитательницу (иллюстрация 6).

Материалы, использованные для создания Распятия — металлическая пластина, закрепленная на деревянной основе, — характерны для средневековой тради-

ции создания религиозных атрибутов, используемых в литургии. Образ распятого Христа со стигматами соответствует христианскому канону. Натуралистическая точность в изображении бледности и изможденности тела свидетельствует о высоком уровне мастерства эмальера.

«Ложный» складень, изображающий Богоматерь Млекопитательницу, сочетает эмаль перегородчатую и эмаль по рельефной поверхности. В центре композиции — изображение Богоматери Млекопитательницы, распространенное в Италии, имевшей тесные связи с Византией. Вероятнее всего данный предмет создавался в расчете именно на итальянский рынок, где к тому времени проживала обширная византийская диаспора. По своему типу это византийское изображение, с композиционным построением и трактовкой фигур, характерных для периода раннего возрождения. Архитектурное оформление в виде стрельчатых арок, выполненных в технике сквозного рельефа, который традиционно служил основой для выемчатой эмали, является типично французским архитектурным элементом, как и фон с рельефными звездочками, воспроизводящий в новой крестообразной форме живописные фоны XIV–XVI вв.

Иллюстрация 5 — Распятие. Неизвестный мастер XIII в. Франция. Лимож. Материалы: медный сплав, выемчатая эмаль. Частное собрание. Москва [12]
Illustration 5 — The Crucifixion. Unknown Master of the 13th Century. France. Limoges. Materials: Copper Alloy, Notched Enamel. Private Collection. Moscow [12]

Иллюстрация 6 — Богоматерь Млекопитательница. Триптих. Франция. Лимож. Неизвестный мастер XIV в. Материалы: медная пластина, псевдо-выемчатая и перегородчатая эмаль, золото. Частное собрание, Москва [12]
Illustration 6 — The Mother of God the Mammalian. The Triptych. France. Limoges. Unknown Master of the 14th Century. Materials: Copper Plate, Pseudo-notched and Cloisonne Enamel, Gold. Private Collection, Moscow [12]

Характер эмалей, стилистически связанных с романскими реминисценциями в готическом искусстве, способ их создания, а также цветовая палитра, а также точное следование традиционным иконографическим схемам позволяют утверждать, что эти предметы соответствуют предписанному религиозному канону.

Эволюционируя, лиможское искусство все более приближалось к живописному. Эмальерная техника «клуазоне», известная как «старая школа», преобладала в течении XIV–XVI вв. Произведения в этой технике можно идентифицировать по принадлежности к той или иной мастерской благодаря доступности для исследователей многих музейных и частных коллекций. Некоторые экспонаты, находящиеся в собрании Государственного Эрмитажа, других музеев, частных коллекция имеют прямые аналогии. Так к работам мастеров, объединенных в «мастерскую Орлеанского триптиха», можно отнести триптих из частной коллекции «Благовещение» с изображениями на боковых створках пророков Давида и Исайи. Именно данный сюжет в подобной интерпретации является оригинальным, давшим название целому кругу памятников. Переятенец В.И. предполагает, что «подпись в виде монограммы IB делает его уникальным, возможно единственным, на котором имеется подпись мастера, чьи работы во всем музейном мире представлены анонимно как «мастерская Орлеанского триптиха» [12, с. 13].

Произведения лиможской эмали «Мастерской высокого чела» объединены специфическим удлиненным изображением верхней части лица вместе с четко очерченным вздернутым носиком и непропорционально маленькой нижней челюстью. К данному кругу относится триптих «Поклонение младенцу Христу со сценой Благовещения» из частой коллекции, датированный рубежом XV–XVI вв. [12, с. 14]. Полихромная техника живописной эмали, разноцветные кабошоны, монограмма в виде переплетенных букв JE подчеркивают уникальность работы, выполненной на медной пластине живописной эмалью с использованием золота. Размер эмалей: центральная 154 х 201 мм, боковая правая 60 х 201 мм, левая 65 х 201 мм. Марке де Вассело (Marquet de Vasselot J.J) причисляет к этой школе триптих из музея в Канно и пластину из бывшей коллекции Пирпонта Моргана в Нью-Йорке [10, p. 116, 119].

Особого внимания заслуживает триптих со сценой встречи Христа и Марии Магдалины и святыми Марфой и Марией на боковых створках из частной коллекции, датированный XV–XVI вв. Данная композиция представлена в трех вариантах, выполненных на медной пластине с использованием живописной эмали и золота [7, с. 99, 101]. Способы воплощения сюжета, стилистическая близость позволяет отнести все три экземпляра к работам одной мастерской, использзовавшей специфические приемы трактовки человеческих фигур. Золото присутствует при оформлении не только фона в виде стилизованных облаков, но и в одеждах, при воспроизведении которых мастер пользуется этим материалом как поверхностным завершающим рисунком, позволяющим формировать объем фигур, складки одежды, архитектурные детали. Традиционно подобные качества присущи кругу «мастера алтаря Мениль-су-Жумьеж». Выполненные в готическом стиле складни отражают те перемены в сакральном каноне, которые в дальнейшем затронули французскую культуру в XVI столетии. Так, в центре композиции – фигура Марии Магдалины, впервые встретившей Христа после воскресения в Гефсиманском саду. Она изображена коленопреклоненной в одеждах, характерных для моды Средневековья (согласно датировке – Ренессанса). Соответствует указанному времени и стилизованный пейзаж с расцветшим деревом, условно обозначенными поземом и небом, покрытым золотыми орнаментальными облачками. На боковых створках помещены фигуры Марии и Марфы, сестер Лазаря.

С конца XV в. в лиможских религиозных триптихах меняется сакральный канон и усиливается влияние итальянского Возрождения, появляются сюжеты, которые выходят за рамки традиционных композиций, используемых в процессе богослужения. Например, в триптихе, изображающем Христа перед Пилатом и донаторами на боковых

створках [12, с.104], работы неизвестного мастера начала XVI в., выполненной на медной пластине с использованием живописной эмали и золота (размер эмалей: центральная 114 х 13700 мм, боковые 43х138 мм.), проработано перспективное пространство архитектурного пейзажа, изменившиеся одежды персонажей. Силуэты и фасон одежды соответствуют моде итальянского Возрождения. Приемы «новой школы» проявляются в сюжетах, технологических и живописных новшествах работ, которые отражают глобальные перемены, происходившие в мастерских Лиможа.

По мнению Комадоровой И.В., Горячевой О.Н., изучение религиозных аспектов жизни позволяет «продумать стратегию общения, избежать конфликтов на религиозной почве» [4, с. 5]. Предпринятое изучение сакрального содержания лиможских эмалей из частного собрания соответствует запросу современного общества на определение преемственности религиозных связей на протяжении нескольких веков и с учетом территориального своеобразия.

Выводы

Ретроспективный анализ средневековых изделий из Лиможа помогает понять, почему эта техника была столь популярной и устойчивой. Главная причина кроется в сохранении религиозных традиций и в тесной связи светского и духовного начал в искусстве того времени. В основе этой художественной системы лежало триединство материала, формы и идеи. Оно возникло не из-за случайного желания мастеров, а как ответ на потребность общества в видимом, прочном и красивом воплощении веры. Постепенное развитие мастерства при изготовлении церковной утвари позволяло наглядно передавать библейские сюжеты, делая глубокие догматические смыслы доступными для каждого верующего. Именно исторический контекст позволяет в полной мере постичь специфику традиционности и символизма средневекового религиозного канона. Технологическое совершенство и глубокая символика, слитые воедино, создали уникальный художественный феномен, определивший «золотой век» лиможского искусства. Его изучение помогает выявить интегративную роль художественного творчества, функционировавшего в системе духовного обмена. В ходе проведенного исследования удалось проследить, как интерпретация божественных сюжетов на протяжении нескольких веков трансформировалась в эмалевых артефактах. Понимание этого сакрального содержания необходимо сегодня для создания качественных музейных экспозиций, каталогов и просветительских программ, способных раскрыть глубокий духовный потенциал лиможской эмали, а не только ее формальную внешнюю красоту.

Список литературы

Исследования

1 *Волькович А.Ю.* Музейная экспозиция как семиотическая система: автореф. дис. … канд. культурологии. СПб., 1999. 47 с.

2 *Затюпа С.В.* От Средневековья до барокко. История западноевропейского искусства. Живопись и декоративно-прикладное искусство. По материалам частного собрания. М.: Центр Искусств, 2021. 202 с.

3 *Клементьева С.Ю.* Лиможские эмали. Огневое искусство XX века. М.: Славия, 2003. 64с.

4 *Комадорова И.В., Горячева О.Н.* Историко-религиозные аспекты духовной жизни общества. Набережные Челны: ИНЭКА, 2012. 295с.

5 *Кубе А.Н.* Французские расписные эмали XV–XVI веков. Л.; М.: Искусство, 1937. 69 с.
6 *Panne T.B., Булкина Д.С.* Лиможские расписные эмали в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. 342 с.
7 *Henry de Morant* Histoire des arts décoratifs des origines à nos jours / Suivie de le design et les tendences actuelles par Gérald Gassiot-Talabot. Paris: Hachette, 1970. 574 p.
8 *Keiner Michel S.* The art deco enamels of the Faure workshop. Limoges 1919–1985. Limousin: Culture & Heritage Editions in Limousin, 2016. 166 p.
9 *Maryvonne B-C.* The profession of enameler in Limoges: sixteenth-seventeenth century. Limoges: Limoges Press, 2006. 161 p.
10 *Marquet de Vasselot J.J.* Les Emaux limousins de la fin du XV siècle et de la premier partie du XVI siècle. Etude sur Nardon Penicaud et ses contemporains. Paris: A. Picard, 1921. 416 p., pl. XLV.

Источники

11 *Доброклонская О.Д.* Лиможские расписные эмали XV и XVI веков. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1969. 56 с.
12 *Карпович Н.Н.* Живописные эмали Лиможа XII–XX вв. СПб.: ООО «Печатное Агентство «Феникс», 2021. 416 с.: цв. ил.

***

© 2026. Olga V. Kovaleva
Moscow, Russia

© 2026. Svetlana M. Arefieva
Moscow, Russia

© 2026. Natalya N. Karpovich
Moscow, Russia

SPIRITUAL FOUNDATIONS OF THE ARTISTIC TRADITION: SACRED CONTENT OF MEDIEVAL LIMOGES ENAMELS

Abstract: This article examines the manifestation of the sacred content of Limoges enamel and defines the interrelationship between iconography, technology, and semantics in medieval art. The topic's relevance stems primarily from the historical-cultural and art-historical potential of exploring the religious significance of Limoges enamel objects. Studying the religious canon makes it possible to reconstruct not only aesthetic ideals but also the system of sacred meanings and the methods used to convey complex theological concepts through art. The study aims to investigate examples of Limoges painted enamel from the 12th to the 16th centuries (including pieces from a private collection) as part of the visual-theological system of Christian culture during the Middle Ages and the Renaissance. The study's novelty lies in its understanding

of the sacred content of medieval Limoges enamels—content shaped by the objects' liturgical functions, the capabilities of the champlevé technique, and iconographic schemes designed to instruct, inspire worship, and affirm ecclesiastical authority. The methodology relies on an understanding of the historical context, as the radical nature of secularization during the Renaissance cannot be fully appreciated without knowledge of the traditions and symbolism of the medieval period. The practical significance of the research lies in revealing the continuity of technological and symbolic-visual practices in the art of enameling. Analyzing the medieval canon allows for the explication of mechanisms regarding form and meaning that remain relevant to the work of contemporary artists and designers. The identified technological principles of champlevé enamel production and their connection to medieval religious culture not only expand the scholarly and theoretical knowledge base but also encourage art schools and workshops to preserve and reinterpret complex craft practices.

Keywords: Limoges enamel, decorative and applied art, iconography, Christian culture, painted enamel, medieval art, sacred content

Information about the authors:

Olga V. Kovaleva – DSc in Arts, Professor, Director, Institute of Arts, A.N. Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St., 33, build. 1, 117997 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1160-5780
E-mail: kovaleva-ov@rguk.ru

Svetlana M. Arefieva – PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Art History, Institute of Arts, A.N. Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St., 33, build. 1, 117997 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9586-9846
E-mail: arefeva-sm@rguk.ru

Natalya N. Karpovich — Head of Regional Public Organization «Association of large families of the city of Moscow», Sadovo-Triumfalnaya St., 16, build. 2, 127006 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-6135-3911
E-mail: n.karpovich@mail.ru

Received: March 10, 2025
Approved after reviewing: April 27, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Kovaleva, O.V., Arefieva, S.M., Karpovich, N.N. “Spiritual Foundations of the Artistic Tradition: Sacred Content of Medieval Limoges Enamels.” *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 81, 2026, pp. 337–351. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-337-351
э

References

1 Volkovich, A.Iu. *Muzeinaia ekspozitsiia kak semioticheskaia sistema* [*Museum Exhibition as a Semiotic System: PhD Thesis,Summary*]. St. Petersburg, 1999. 47 p. (In Russ.)

2 Zatiupa, S.V. *Ot Srednevekovia do barokko. Istoriia zapadnoevropeiskogo iskusstva. Zhivopis i dekorativno-prikladnoe iskusstvo. Po materialam chastnogo sobraniia* [*From the Middle Ages to the Baroque. History of Western European Art. Painting and Decorative and Applied Arts. Based on the Materials of a Private Collection*]. Moscow, Tsentr Iskusstv Publ., 2021. 202 p. (In Russ.)

3 Klementeva, S.Iu. *Limozhskie emali. Ognevoe iskusstvo XX veka* [*Limoges Enamels. Fire art of the 20th Century*]. Moscow, Slaviia Publ., 2003. 64 p. (In Russ.)
4 Komadorova, I.V., Goriacheva, O.N. *Istoriko-religioznye aspekty dukhovnoi zhizni obshchestva* [*Historical and Religious Aspects of the Spiritual Life of Society*]. Naberezhnye Chelny, INEKA Publ., 2012. 295 p. (In Russ.)
5 Kube, A.N. *Frantsuzskie raspisnye emali XV–XVI vekov* [*French Painted Enamels of the 15th – 16th Centuries*]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1937. 69 p. (In Russ.)
6 Rappe, T.V., Bulkina, D.S. *Limozhskie raspisnye emali v sobranii Ermitazha. Katalog vystavki* [*Limoges Painted Enamels in the Hermitage Collection*]. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2005. 342 p. (In Russ.)
7 Henry de Morant. *Histoire des arts décoratifs des origines à nos jours,* Suivie de le design et les tendences actuelles par Gérald Gassiot-Talabot. Paris, Hachette Publ., 1970. 574 p. (In French)
8 Keiner, Michel S. *The art Deco Enamels of the Faure Workshop. Limoges 1919–1985*. Limousin, Culture & Heritage Editions in Limousin Publ., 2016. 166 p. (In English)
9 Maryvonne, B-C. *The Profession of Enameler in Limoges: Sixteenth-seventeenth Century.* Limoges, Limoges Press, 2006. 161 p. (In English)
10 Marquet de Vasselot, J.J. *Les Emaux limousins de la fin du XV siècle et de la premier partie du XVI siècle. Etude sur Nardon Penicaud et ses contemporains.* Paris, A. Picard Publ., 1921. 416 p., pl. XLV. (In French)

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-352-362
УДК 069.15:004.9
ББК 79.1 + 32.81
Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2026 г. А.В. Солянкин
г. Москва, Россия

ПОВЫШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОТ ПАССИВНОГО СОЗЕРЦАНИЯ К АКТИВНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация: В представленной статье рассматривается фундаментальная трансформация роли современного музея под влиянием цифровых технологий и смены поколений посетителей. Проводится анализ перехода музея от статичного «храма искусств» и репозитория артефактов к динамичному, партисипаторному пространству, основанному на диалоге и интерактивности. Центральной проблемой исследования выступает противоречие между высокой объективной ценностью художественного наследия и снижающейся способностью современного зрителя, особенно представителей поколений Y и Z, к длительной концентрации и самостоятельному декодированию сложных визуальных сообщений. В тексте обосновывается тезис о том, что интерактивные технологии являются не просто средством привлечения публики, а мощным педагогическим инструментом, переводящим зрителя из пассивной позиции созерцателя в активную роль исследователя и со-творца. Детально анализируются психологические механизмы, запускающие когнитивную активность: удивление, свобода выбора, немедленная обратная связь и геймификация. Особое внимание уделяется типологии интерактивных решений, включающей сенсорные интерфейсы, технологии дополненной и виртуальной реальности, иммерсивные среды и игровые модули. Ключевыми механизмами трансформации опыта названы цифровой сторителлинг, мультисенсорность и со-творчество. Теоретические положения подкреплены анализом практических кейсов, в частности, проекта тотальной иммерсивности в Музее Крыма и Новороссии, AR-выставки ARt-Z для поколения Z, а также образовательного проекта CREAMS, где студенты сами создают виртуальные экспозиции. В заключение формулируются практические рекомендации для кураторов, основанные на приоритете содержания над формой, и освещаются зоны риска, связанные с технологической перегрузкой и устареванием оборудования. Перспективным направлением развития видится внедрение искусственного интеллекта для персонализации зрительского опыта.

Ключевые слова: интерактивные технологии, художественная выставка, образовательный потенциал, музейная педагогика, дополненная реальность, иммерсивность, активное исследование, цифровая трансформация музеев

Информация об авторах: Алексей Викторович Солянкин — кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.
E-mail: isk -rgu@mail.ru
Дата поступления статьи: 12.03.2026
Дата одобрения рецензентами: 01.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Солянкин А.В.* Повышение образовательного потенциала художественных выставок посредством интегративных технологий: от пассивного созерцания к активному исследованию // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 352–362. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-352-362

Современный музей перестает быть исключительно репозиторием артефактов и местом тихого созерцания. Под влиянием цифровой революции и смены поколений посетителей (так называемые поколения Y и Z, выросшие в медийнонасыщенной среде) музеи вынуждены пересматривать свои образовательные и просветительские стратегии. Как справедливо отмечают исследователи, молодые люди «часто ожидают, что музейные экспозиции будут визуальными, интерактивными и доступными для распространения в социальных сетях» [9, p. 2]. Это требует эволюции музеев от «статичных центров знания к динамичным, партисипаторным пространствам» [9, p. 2].

Образовательный потенциал художественной выставки традиционно реализовывался через механизмы эстетического переживания и созерцания. Однако потенциал этот значительно шире. Ключевая проблема заключается в противоречии между объективной ценностью художественного наследия и снижением способности современного зрителя к длительной концентрации, декодированию сложных визуальных сообщений без дополнительной мотивации и контекстуализации. Интерактивные технологии в этом контексте выступают не просто как «приманка» для публики, а как инструмент, способный перевести зрителя из пассивной позиции реципиента в активную позицию исследователя и со-творца.

Теоретические основы музейной коммуникации заложены в работах Д. Камерона, М. Маклюэна. В российской науке вопросы музейной педагогики разрабатывали М.С. Каган, О.С. Сапанжа [7]. С развитием цифровых технологий появились исследования, посвященные классификации интерактивных средств (О.В. Ванеева, Ю.В. Пустовойт) [7]. Зарубежные авторы активно изучают потенциал VR/AR в контексте вовлечения аудитории и персонализации опыта [8, 8]. Вместе с тем недостаточно разработанным остается вопрос именно о *механизме трансформации* познавательной активности: как и почему цифровая интерактивность ведет от разглядывания к глубокому исследованию?

Исторически музей формировался как институт, реализующий просветительскую миссию в рамках классической парадигмы «субъект-объектных» отношений: музейный работник (куратор, экскурсовод) транслирует знание, а посетитель его пассивно воспринимает. Экспонат, помещенный в витрину или на подиум, отделен от зрителя не только физически, но и семантически. Для его «прочтения» требуется либо наличие у зрителя развитого культурного кода, либо посредничество экскурсовода или надписи.

В конце XX в. под влиянием идей «новой музеологии» (newmuseology) происходит переосмысление роли музея. Музей начинает пониматься не как храм, а как форум — пространство для диалога и коммуникации [5, p. 2]. Образовательная функция смещается от трансляции готовых знаний к созданию условий для самостоятельного открытия знания. И. Мурзина характеризует музей как «информационно-коммуникативное образовательное учреждение» [7]. В этой парадигме посетитель становится активным участником коммуникации.

О.С. Сапанжа, развивая теорию музейной коммуникации, подчеркивает, что специфика музейного общения заключается в его предметной основе — экспонате, но способы организации этого общения могут варьироваться [7]. Именно вариативность способов коммуникации и открывает поле для внедрения интерактивных технологий. Если раньше единственным каналом связи было визуальное восприятие (дополненное текстом), то сегодня возможно задействовать тактильные, аудиальные и даже кинестетические каналы.

Под образовательным потенциалом художественной выставки мы понимаем совокупность заложенных в экспозицию возможностей для приобретения посетителем новых знаний, умений, компетенций, а также для развития его эмоционального интеллекта, критического мышления и творческих способностей. Этот потенциал существует объективно, но может быть реализован в разной степени в зависимости от способов его актуализации.

Традиционно актуализация образовательного потенциала происходила через:

— Структурирование экспозиции (хронологический, монографический, тематический принципы);
— Сопроводительные тексты (этикетаж, аннотации);
— Экскурсионное обслуживание.

Однако эти методы рассчитаны на «гомогенного» посетителя и не учитывают разнообразия его когнитивных стилей, интересов и уровня подготовки. Интерактивные технологии позволяют перейти к модели «образования по запросу», где посетитель сам выбирает траекторию движения и глубину погружения в материал.

С психологической точки зрения, процесс восприятия искусства включает две основные стадии: первичное эмоциональное переживание («созерцание») и последующий рациональный анализ («исследование») или углубленное эстетическое переживание. [2] Традиционная экспозиция часто ограничивается первой стадией, предоставляя зрителю самостоятельно справляться со второй.

Интерактивные технологии, построенные на принципах обратной связи и диалога, запускают механизмы, активизирующие когнитивную деятельность:

— **Удивление и любопытство.** Нестандартный интерфейс или эффект (например, «ожившая» картина) привлекает внимание и создает когнитивный диссонанс, требующий разрешения.
— **Свобода выбора.** Возможность выбрать, на какую деталь нажать или какой маршрут проложить, активирует чувство контроля и ответственности за результат познания.
— **Немедленная обратная связь.** Система мгновенно реагирует на действие пользователя (появляется текст, видео, меняется изображение), что подкрепляет исследовательское поведение по схеме «стимул-реакция».

— **Геймификация.** Введение игровых механик (зарабатывание баллов, уровни сложности, квесты) стимулирует соревновательный интерес и желание завершить исследование [7].

Музей Крыма и Новороссии, открытый в 2024 г. в составе музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес», представляет собой уникальный пример тотальной интерактивности (иллюстрация 1). Экспозиция музея состоит из двадцати иммерсивных залов, где задействован практически весь спектр современных технологий: «панорамная LED-система кругового обзора, игровые модули, сенсорные экраны, интерактивные симуляторы, комнаты, киоски, столы» (иллюстрация 2) [7, с. 92].

Иллюстрация 1 — Одно из главных зданий музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес» [12, p. 1].
Источник: https://pravoslavie.ru/sas/image/104386/438629.p.jpg?mtime=1722004524
Figure 1 — One of the main Buildings of the New Chersonese Museum and Temple Complex [12, p. 1]

Образовательный эффект достигается не просто наличием техники, а ее сценарным использованием. Исторический нарратив разворачивается как погружение. Посетитель не читает о событиях, а становится их свидетелем. Авторы исследования подчеркивают, что такая организация пространства обеспечивает «диалогичность, мгновенную обратную связь, вовлечение посетителей через мультисенсорные каналы восприятия» [7, с. 94].

Иллюстрация 2 — Один из двадцати иммерсивных залов музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес» [10, p. 1]
Figure 2 — One of the Twenty Immersive Halls of the "New Chersonese" Museum and Temple Complex [10, p. 1]

Как показано в исследовании Музея Крыма и Новороссии, подобная организация экспозиции «сочетает визуальное восприятие, тактильное взаимодействие и аналитическую деятельность», что способствует «формированию устойчивых когнитивных связей между личным опытом посетителя и культурно-историческим знанием» [7, с. 91].

Анализ современной практики позволяет выделить несколько уровней внедрения интерактивности на художественных выставках. Опираясь на классификацию Ю.В. Пустовойт и опыт Музея Крыма и Новороссии, можно представить следующую типологию [7, с. 55–60]:

1. Интерактивные интерфейсы доступа к информации:

— Сенсорные киоски и столы: позволяют получить расширенную информацию об экспонате, рассмотреть его в деталях.

— Мультимедийные гиды (в т. ч. на базе QR-кодов, RFID, iBeacon): обеспечивают контекстную подачу материала в зависимости от местоположения посетителя. Примером могут служить приложения, использованные в проекте ARt-Z [9].

2. Технологии дополненной и виртуальной реальности (AR/VR):

— AR: наложение цифрового контента на изображение реального экспоната. Используется для «оживления» персонажей, демонстрации скрытых слоев живописи или реконструкции утраченных деталей [9].

— VR: полное погружение в смоделированную среду. Позволяет посетить виртуальные реконструкции исторических интерьеров или мастерских художника.

3. Проекционные и иммерсивные среды:

— Видеомэппинг: проецирование изображений на поверхность объекта (стены, скульптуры), создающее иллюзию движения или трансформации.

— Панорамные LED-системы кругового обзора: создают эффект полного погружения в изображаемое пространство. В Музее Крыма и Новороссии такая система используется для демонстрации исторических панорам [7, с. 92].

4. Тактильные и кинестетические интерфейсы:

— Интерактивные симуляторы (например, симулятор вождения исторического транспорта).

— 3D-печатные копии экспонатов для тактильного взаимодействия (важно для инклюзии).

5. Игровые модули:

— Квесты, викторины, интерактивные задания, интегрированные в экспозицию.

Важной тенденцией является **гибридность** — сочетание различных типов технологий в одном пространстве для создания многослойного опыта [7, с. 92].

Три ключевых механизма обеспечивают трансформацию пассивного наблюдения в активное исследование.

1. Нарратив (сторителлинг). История — древнейший способ передачи знаний. Встраивание информации об искусстве в увлекательный сюжет кардинально повышает запоминаемость. Как показано в исследовании кипрского проекта для детей, «повествование, используемое в качестве педагогической основы, эффективно структурировало последовательность действий и направляло детей к осмысленному и целенаправленному взаимодействию» с искусством [5, p. 7]. Цифровые технологии позволяют разворачивать нарратив нелинейно, давая зрителю возможность влиять на сюжет.

2. Мультисенсорность. Классический музей апеллирует преимущественно к зрению. Интерактивные технологии подключают слух (звуковые инсталляции, саунд-дизайн), тактильные ощущения (сенсорные экраны, тактильные копии) и даже проприоцепцию (движение в VR-пространстве). Задействование разных каналов восприятия создает более богатый когнитивный след и позволяет воспринимать информацию людям с разными ведущими модальностями (визуалам, аудиалам, кинестетикам).

3. Геймификация. Это не просто добавление игры, а перенос игровых элементов (цели, правила, обратная связь, соревнование) в неигровой контекст. В Музее Крыма и Новороссии, например, игровые модули позволяют посетителю «выбрать формат и темп освоения пространства самостоятельно, что созвучно стратегии самообразования и запросу на индивидуальные туры» (иллюстрация 3) [7, с. 91].

Иллюстрация 3 — Один из форматов мультисенсорности и геймификации при изучении истории [11, p. 1]

Figure 3 — One of the Formats of Multisensory Engagement and Gamification in the Study of History [11, p. 1]

Наиболее глубокий уровень интерактивности предполагает не просто потребление контента, а участие в его создании. Речь идет о феномене «со-творчества» (co-creation). Примером может служить проект CREAMS, в рамках которого студенты художественных школ создают собственные виртуальные выставки, что позволяет им не только изучать искусство, но и осваивать роль куратора [8].

Социальные сети и хэштег-активности, организованные вокруг выставки (как в проекте ARt-Z с конкурсами #ChiefExperienceOfficer), продлевают «жизнь» выставки после посещения и превращают личный опыт зрителя в часть публичного дискурса об искусстве [9, p. 4].

Проект ARt-Z, реализованный докторантом UCL ZeyuZhao, представляет собой камерное, но методически выверенное исследование использования AR для привлечения поколения Z к музейным коллекциям. В основе проекта — оцифрованные китайские экспортные акварели XVIII–XIX вв. из коллекции Музея Виктории и Альберта [9, p. 2].

Ключевые образовательные находки проекта:

— **Многослойность.** Посетители могли сканировать QR-коды и смотреть анимированные версии сцен, а также нажимать на интерактивные точки, чтобы открывать скрытые детали.

— **Самостоятельное исследование.** Выставка была спроектирована так, чтобы посетители сами открывали функционал, что стимулировало исследовательское поведение.

— **Продленное образование.** Социальные сети и хэштеги позволили посетителям делиться открытиями, вовлекая в образовательный процесс своих друзей.

Результаты впечатляют: более **96% респондентов** сообщили, что чувствуют вовлеченность в AR-контент. Многие проводили больше времени у каждого экспоната, возвращались с друзьями или исследовали несколько AR-слоев [9, p. 3].

Проект CREAMS (Scaffolding Creativity of Arts Students) ориентирован на подготовку будущих художников и педагогов. Его цель — разработать инструментарий для создания виртуальных выставок и оценить его образовательную эффективность [8].

Ключевой аспект проекта — перенос акцента с *потребления* выставки на ее *создание*. Студенты, работая над виртуальной экспозицией, вынуждены решать как технические, так и концептуальные задачи: отбор произведений, организация пространства, выбор способов взаимодействия со зрителем. Это развивает критическое мышление и проектную компетентность, превращая обучение в активное исследование музейных практик.

Обобщая рассмотренный опыт, можно выделить факторы, обеспечивающие успешность трансформации образовательного потенциала:

— **Интеграция в концепцию.** Технологии работают, только если они являются органичной частью кураторского замысла, а не внешним «шумовым» украшением.

— **Доступность интерфейса.** Системы должны быть интуитивно понятны людям разного возраста и технической подготовки. В проекте ARt-Z для помощи использовалось вводное видео [9, p. 2].

— **Поддержка социального взаимодействия.** Возможность обсудить увиденное, поделиться опытом усиливает образовательный эффект.

Зоны риска:

— **Технологическая перегрузка.** Избыток спецэффектов может отвлекать от самого искусства, превращая музей в парк аттракционов.
— **Устаревание оборудования.** Технологии быстро морально устаревают, требуя постоянных инвестиций в обновление. Как отмечается в отчете UCL, «технологии, обеспечивающие виртуальные иммерсивные среды, находятся в постоянном движении» [3, p. 3].
— **Поверхностное взаимодействие.** Риск «кликового» потребления, когда пользователь нажимает кнопки, но не углубляется в смысл.

Будущее интерактивных технологий в музеях — за персонализацией на базе искусственного интеллекта (ИИ). Исследователи из Университета Салерно описывают потенциал внедрения «NPC (неигровых персонажей) на базе ИИ и стратегий VR для персонализированного опыта посетителей» [5, p. 1]. Такие системы смогут адаптировать экскурсию под интересы, возраст и даже эмоциональное состояние конкретного зрителя.

ИИ также может выступать в роли виртуального ассистента, отвечая на вопросы посетителя и помогая ему строить собственные гипотезы об увиденном. Это выводит исследовательское поведение на новый уровень — от поиска заранее заложенной информации к диалогу с системой.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд рекомендаций для кураторов и музейных педагогов:

— **Принцип «сначала содержание, потом технология».** Технология должна выбираться под образовательную задачу, а не наоборот.
— **Обеспечение многоуровневости.** Необходимо предусмотреть разные уровни глубины взаимодействия — для «новичков» и «экспертов», для 5 минут и для часа погружения.
— **Создание «точек удивления».** Интерактивные элементы должны провоцировать вопросы, запускать исследовательское поведение.
— **Интеграция физического и цифрового.** Важно сохранять ценность подлинного экспоната как центра притяжения, а цифровой контент делать его «расширением», а не заменой.
— **Обратная связь и аналитика.** Использовать цифровые инструменты для сбора данных о поведении посетителей с целью дальнейшего улучшения экспозиции.

Проведенное исследование подтвердило, что интерактивные технологии обладают значительным потенциалом для повышения образовательной ценности художественных выставок. Они позволяют преодолеть ограничения классической модели «пассивного созерцания» и запустить механизмы активного исследования, включая нарративное погружение, мультисенсорное взаимодействие и элементы геймификации.

Анализ конкретных кейсов (Музей Крыма и Новороссии, ARt-Z, CREAMS) демонстрирует, что грамотно интегрированные технологии способствуют более глубокому пониманию искусства, персонализации образовательного опыта и формированию устойчивого интереса аудитории. Ключевым условием успеха является не наличие технологий как таковых, а их концептуальная встроенность в кураторский замысел и ориентация на диалог со зрителем.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение возможностей искусственного интеллекта для создания адаптивных образовательных

сред, а также разработка методик оценки долгосрочного влияния интерактивного опыта на формирование культурной компетенции личности.

Список литературы

Исследования

1 Виртуальный музей как инструмент музейной педагогики: возможности и перспективы использования в образовательном процессе: научное издание // Сибирский федеральный университет. URL: https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/68586857 (дата обращения: 21.02.2026).

2 *Выготский Л. С.* Психология искусства / предисл. А. Н. Леонтьева. – М. : Искусство, 1986. – 573 с.

3 *Захарова А.В.* Роль интерактивных технологий в развитии образовательного потенциала музея Крыма и Новороссии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2025. Т. 11, №2. С. 90–103.

4 *Коношонок М.Н.* Использование интерактивного пространства музеев и выставок Санкт-Петербурга в обучении РКИ // Репозиторий РГПУ им. А.И. Герцена. URL: https://rep.herzen.spb.ru/file_viewer/10581 (дата обращения: 18.02.2026).

5 *Подлесная А.С.* Интерактивные средства профессиональной педагогики как структурный компонент музейной педагогики // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение). 2024. Вып. 16. С. 23–28.

6 *Попова Л.В.* Современные образовательные технологии в музейной практике // Наука в вузовском музее: Материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Москва, 18–21 ноября 2025 г. / отв. ред. А.В. Смуров. М.: ООО «МАКС Пресс», 2025. С. 38–41.

7 Bridging Tradition and Innovation: Transformative Educational Practices in Museums with AI and VR // Computers. 2025. Vol. 14, issue 7. P. 257.

8 Evaluating Uses of XR in Fostering Art Students‘ Learning / [Z. Zhao et al.] // Multimodal Technologies and Interaction. 2025. Vol. 9, issue 4. P. 36.

9 *Zhao Z.* A Pilot Study in Creative Digital Engagement with Museum Collections // UCL Centre for Humanities Education Blog. 14 July 2025. URL: https://blogs.ucl.ac.uk/che/tag/digital-curation/ (дата обращения: 18.02.2026).

Источники

10 Один из двадцати иммерсивных залов музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес» // РИА Новости Крым. URL: https://crimea.ria.ru/20250801/muzey-khersones-tavricheskiy-otkryl-pervuyu-vystavku-v-svoem-novom-zdanii-1148423530.html?in=t (дата обращения: 12.08.2026).

11 Один из форматов мультисенсорности и геймификации при изучении истории // Православие.Ru. URL: https://pravoslavie.ru/sas/image/104416/441623.p.jpg?mtime=1725618882 (дата обращения: 12.08.2026).

12 Одно из главных зданий музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес» // Православие.Ru. URL: https://pravoslavie.ru/sas/image/104386/438629.p.jpg?mtime=1722004524 (дата обращения: 12.08.2026).

13 Virtual Exhibitions knowledge exchange project // UCL Museums & Collections. URL: https://www.ucl.ac.uk/museums-collections/ucl-art-museum/about-us/projects/virtual-exhibitions-knowledge-exchange-project (дата обращения: 20.02.2026).

2026. Alexey V. Solyankin
Moscow, Russia

ENHANCING EDUCATIONAL POTENTIAL OF ART EXHIBITIONS THROUGH INTERACTIVE TECHNOLOGIES: FROM PASSIVE CONTEMPLATION TO ACTIVE INQUIRY

Abstract: The text explores fundamental transformation of the modern museum under the influence of the digital revolution and generational shifts among visitors. The author analyzes the evolution of the museum from a static "temple of art" and a repository of artifacts into a dynamic, participatory space built on dialogue and interactivity. The central research issue is the contradiction between a high objective value of artistic heritage and a diminishing ability of contemporary audiences, particularly Generations Y and Z, to maintain prolonged concentration and independently decode complex visual messages. The text substantiates the thesis that interactive technologies serve not merely as bait to attract the public but as a powerful pedagogical tool capable of shifting the viewer from the passive position of a recipient to the active role of a researcher and co-creator. The psychological mechanisms triggering cognitive activity — such as surprise, freedom of choice, immediate feedback, and gamification — are analyzed in detail. Special attention is given to a typology of interactive solutions, including touch interfaces, augmented and virtual reality technologies, immersive environments, and game modules. Digital storytelling, multisensory engagement, and co-creation are identified as the key mechanisms for transforming the visitor experience. These theoretical propositions are supported by an analysis of practical case studies, notably the fully immersive project at the Museum of Crimea and Novorossiya, the ARt-Z augmented reality exhibition designed for Generation Z, and the CREAMS educational project, where students create their own virtual exhibitions. The text concludes by formulating practical recommendations for curators, emphasizing the priority of content over form, while also highlighting risk areas associated with technological overload and equipment obsolescence. The integration of artificial intelligence for personalization of the audience experience is identified as a promising direction for future development.

Keywords: interactive technologies, art exhibition, educational potential, museum pedagogy, augmented reality, immersiveness, active inquiry, digital transformation of museums

Information about the author: Alexey V. Solyankin — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Institute of Slavic Culture, A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Khibinsky Ave., 6, 129337 Moscow, Russia.
E-mail: isk-rgu@mail.ru

Received: March 12, 2026
Approved after reviewing: June 01, 2026
Date of publication: September 25, 2026

For citation: Solyankin, A.V. “Enhancing Educational Potential of Art Exhibitions through Interactive Technologies: From Passive Contemplation to Active Inquiry.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 352–362. (In Russ.)
https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-352-362

References

1 “Virtualnyi muzei kak instrument muzeinoi pedagogiki: vozmozhnosti i perspektivy ispolzovaniia v obrazovatelnom protsesse: nauchnoe izdanie” [“Virtual Museum as a Tool of Museum Pedagogy: Opportunities and Prospects for Use in the Educational Process: Scientific Publication”]. *Sibirskii federalnyi universitet* [*Siberian Federal University*]. Available at: https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/68586857 (Accessed 21 February 2026). (In Russ.)

2 Vygotskii L. S. Psikhologiia iskusstva / predisl. A. N. Leonteva. – M. : Iskusstvo, 1986. – 573 s.

3 Zakharova, A.V. “Rol interaktivnykh tekhnologii v razvitii obrazovatelnogo potentsiala muzeia Kryma i Novorossii” [“The Role of Interactive Technologies in the Development of Educational Potential of the Museum of Crimea and Novorossiya”]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. *Filosofiia. Politologiia. Kulturologiia*, vol. 11, no. 2, 2025, pp. 90–103. (In Russ.)

4 Konoshonok, M.N. “Ispolzovanie interaktivnogo prostranstva muzeev i vystavok Sankt-Peterburga v obuchenii RKI” [“The Use of the Interactive Space of Museums and Exhibitions in St. Petersburg in the Teaching of RCT”]. *Repozitorii RGPU im. A.I. Gertsena* [*Repository of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*]. Available at: https://rep.herzen.spb.ru/file_viewer/10581 (Accessed 18 February 2026). (In Russ.)

5 Podlesnaia, A.S. “Interaktivnye sredstva professionalnoi pedagogiki kak strukturnyi komponent muzeinoi pedagogiki” [“Interactive Tools of Professional Pedagogy as a Structural Component of Museum Pedagogy”]. *Vestnik Baranovichskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriia: Pedagogicheskie nauki. Psikhologicheskie nauki. Filologicheskie nauki (literaturovedenie), vol. 16, 2024, pp. 23–28. (In Russ.)

6 Popova, L.V. “Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii v muzeinoi praktike” [“Modern Educational Technologies in Museum Practice”]. *Nauka v vuzovskom muzee*: Materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem: Moskva, 18–21 noiabria 2025 g. [*Science in the University Museum*: Proceedings of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation: Moscow, November 18–21, 2025], ex. ed. A.V. Smurov. Moscow, OOO “MAKS Press” Publ., 2025, pp. 38–41. (In Russ.)

7 “Bridging Tradition and Innovation: Transformative Educational Practices in Museums with AI and VR.” *Computers*, vol. 14, issue 7, 2025, p. 257. (In English)

8 “Evaluating Uses of XR in Fostering Art Students‘ Learning”, [Z. Zhao et al.]. *Multimodal Technologies and Interaction*, vol. 9, issue 4, 2025, p. 36. (In English)

9 Zhao, Z. “A Pilot Study in Creative Digital Engagement with Museum Collections.” *UCL Centre for Humanities Education Blog. 14 July 2025*. Available at: https://blogs.ucl.ac.uk/che/tag/digital-curation/ (Accessed 18 February 2026). (In English)

ОТ РЕДАКЦИИ

Правила оформления статей

1 Статья, оформленная в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п. л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п. л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая таблицы и примечания. Дополнительные шрифты, если таковые использовались в статье.

2 Автор представляет рукопись по электронной почте: vsk_gask@mail.ru.

3 Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word*, формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов.

4 Первая страница должна содержать следующую информацию:

- название рубрики, кегль — 14;
- УДК (см., например, teacode.com/online/udc), кегль — 14;
- ББК (см., например, http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk. pdf), кегль — 14;
- Фамилия и инициалы автора (ов) печатаются по центру, жирным шрифтом,
- строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например:
- **© 2022 г. И.И. Иванов**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
- Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
- Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.),
- аннотация и ключевые слова на русском языке, дата отправки (поступления) статьи, выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 12.
- Далее — информация об авторе — имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
- Далее — текст статьи — выравнивание по ширине, без переносов.

5 В конце статьи приводится СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5. — 2008 в виде нумерованного списка. Ф.И. О. печатается курсивом. Фамилия и инициала авторов пишутся раздельно.

6 Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [1], [2, с. 567], [3, с. 45; 4, с. 89], [10, л. 8].

7 Ссылки на архивные материалы даются в виде постраничных автоматических сносок.

8 Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: *Times New Roman*, кегль 12.

9 После СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ на русском языке размещается информация на английском (отделяется знаком ***):

- фамилия, имя (полностью), отчество (первая буква) автора (ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: **© 2022. Ivan I. Ivanov**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.

- Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
- Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.) (*Acknowledgements*), аннотация и ключевые слова на английском языке (*Abstract, Keywords*), выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 14.
- Далее — информация об авторе (*Information about the author*) — имя, отчество (первая буква), фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
- Далее указывается дата отправки (поступления) статьи (Received: January 26, 2018)
- Затем приводится REFERENCES (см. *рекомендации по подготовке References*).

10 Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного пери- ода указываются только в цифрах: 30-е гг., а не тридцатые годы. Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в. Писать только полностью: так как, так называемые. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.

11 Кавычки — только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются кавычки в кавычках: ««раз», два, три, «четыре»».

12 Иллюстрации представляются отдельно от статьи. Подписи к рисункам и таблицам приводятся на русском и английском языках.

ARTICLE REQUIREMENTS

1 An article, executed in accordance with the Bulletin requirements. The size of the article, including the tables, footnotes, endnotes, annotations etc., must be no larger than 40 000 characters together with space characters – not more than 1 p.s. (for postgraduate students — 20 000 characters together with space characters – not more than 0,5 p.s.). Custom fonts if any have been used.

2 The manuscript should be submitted via following e-mail: vsk_gask@mail.ru.

3 Text is written in *Microsoft Word*, Page size is A4, Margins are 20mm on all sides, Default font is *Times New Roman.* Font size is – 14, Line Spacing is – 1,5, Indentation is first line — 1,25, Portrait orientation, No word breaking.

4 The first page of the article must be written as follows:

- the name of the column, font size — 14;
- UDC (see e.g., teacode.com/online/udc), font size — 14;
- BBC (see e.g., http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf), font size — 14;
- At the center: Surname, first name, and middle name of the author(s) — bold, italics, lowercase, right align. The copyright and the year is placed before the Surname, first name, and middle name of the author (e.g.: **© 2022 г. И.И. Иванов**), font size — 14. Below: the city, country, font size – 12.
- The title of the article center-aligned. Bold, italics, justified, unintended, font size – 14.
- Next goes information about the financial support of the paper (grant and other), abstract and Russian keywords, date of sending(receipt) of the article, justified, no word breaking, font size is 12.

- Then goes the information about the author — first name, middle name, surname, scientific degree, academic rank (if any) or other status or position of the author(s) (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, address of the institution with a postal code, E-mail, font size — 12.
- These are followed by the text of the article, justified, no word breaking.

1 REFERENCES are listed in the end of the article in the alphabet order in accordance with GOST 7.0.5.–2008. as a numbered list. The font used for the names of the author(s) is italic. The surname and the initials are written separately.

2 References in the text should look as follows: [1], [2, p. 567], [3, p. 45; 4, p. 89], [10, l. 8].

3 References on archive materials come in the form of automatic page footnotes.

4 Commentaries come in the form of automatic page footnotes. The number of the footnote is placed in the end of the sentence followed by full spot. The font is *Times New Roman*, the font size is 12.

5 After the LIST OF REFERENCES in Russian comes the following information in English (separated with ***):

- Surname, full first name and middle name of the author(s) are aligned on the right side, the font is italics, bold and lowercase (ex.: © **2022. Ivan I. Ivanov**), font size — 14. Further goes city or town, country, font size is 12.
- The title of the article — center align. Bold, italics, justified, unintended, the font size is 14.
- Then goes the information about financial support of the paper (grant etc.) (*Acknowledgements*), abstract and English keywords (*Abstract, Keywords*), justified, no word break, font size — 14.
- The next is the information about the author (*Information about the author*) — first name, middle name, surname, academic degree, academic rank (if any), work position (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, E-mail, font size — 12.
- Then goes the date of sending(receipt) of the article (*Received*: January 26, 2017)
- These are followed by REFERENCES (see Guidelines for preparation of References).

6 Abbreviations. At the first mention of a person the name and patronymic name should be specified with the first capital letters with full stop (e.g.: N.P.). Separate N.P. (initials) and surname with a space. The period of time comes in numbers (e.g.: 1930s, but not "the thirties"). The Russian dates should be abbreviated as follows (г. or гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.). Not "century" or "centuries" but c. and cc. correspondingly. (in Roman numerals): IX c. Abbreviations include: etc., i.e., et al.

7 Only inverted commas of this form (e.g.:« ») are required to use. If the quotation begins or ends with the quoted word, the use of both types of commas is required (e.g.: «"one", two, three, "four"»).

8 The illustrations should be submitted separately. Figures and tables captions are listed in English and Russian.

ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Научный журнал

Том 81
Сентябрь 2026

Выходит 4 раза в год

Подписано в печать 25.09.2026

Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 00,00. Тираж 500 экз. Цена: свободная
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Институт гуманитарного образования и культуры

Адрес редакции: 129337, Москва, Хибинский проезд, д. 6

Изготовлено РИО Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство): 119071, г. Москва, Малый Калужский пер., д. 2, стр. 1 Тел.: 8 (495) 811-01-01 доб. 1099